ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 1 (100)
Гуманитарные науки

2017

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
канд. физ.-мат.наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific electronic library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Ph D, Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, 2017
© Proceedings of the F. Scorina Gomel State University, 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2017, № 1 (100) •
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Бухавец П.П. *Выставачная дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні ў пачатку XX ст.* 5
Ганчар У.А. *Лячэнне людзей у знахарстве Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст.* 10
Дубровко Е.Н. *Посреднические инициативы Великобритании в ходе польско-советской войны летом 1920 г.* 16
Жылінскі П.А. *Станаўленне рынкавых інстытутаў і рэфармаванне эканомікі Беларусі ў 1991–1994 гг.* 22
Жихарев С.Б. *Проблемы железнодорожного строительства в деятельности органов земского и дворянского самоуправления Полтавской губернии (1860-е – начало 1880-х гг.)* 28
Каплиев А.А. *Предпосылки появления скорой медицинской помощи в Гомельской губернии* 35
Кошелева Н.В. *Имам Хомейни и его наследие: основные направления исследований в западной англоязычной историографии* 42
Кузьмин А.Д. *Особенности организации и функционирования административного аппарата в белорусских губерниях в 1864–1914 гг.* 48
Мурашка М.Н., Міхедзька В.А. *Этнасацыяльныя і палітычныя аспекты дзейнасці ўлад на Гомельшчыне ў 1930-я гады* 54
Паддубская А.Ф. *Рускамоўная гістарыяграфія аб Каталіцкай царкве ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962 гг.)* 59
Шиляев А.П. *Соотношение различных воинских формирований в армии ВКЛ в конце 16 – начале 17 вв.* 65
Янушевич И.И. *Способы организации антирелигиозной пропаганды партийными и государственными структурами в СССР (1917–1930-е гг.)* 71

Филология

Андриенко Т.П. *Энтропия текста как предпосылка реализации стратегии перевода* 76
Гомонова И.Г. *Вербономинанты с компонентом память в современном русском языке* 81
Кастрыца А.А., Новак В.С. *Народны каляндар Добрушчыны: зімовыя і веснавыя абрады, песні, прыкметы і павер'і* 86
Кірушкіна М.І. *Жанравая спецыфіка сучаснай беларускай жаночай паэзіі* 93

Козлова В.В. *Языковые маркёры высказываний мнения в медиатекстах на английском и белорусском языках*..... 97
Курловіч В.В. *Дэрывацыйныя асаблівасці назваў драўлянага посуду ў беларускіх гаворках*..... 104
Лебединский С.И. *Уплотнение и сепарация информационных потоков как базовая стратегия понимания устной научной речи*..... 109
Николова А.А. *Мотив «симуляции чудесного» и образы псевдоинферналов в украинской и русской комедийной драматургии к. XVIII – I п. XIX ст.*..... 114
Прахарэня М.В. *Грамадзянская супольнасць: гісторыка-тэарэтычныя асновы*..... 118
Хазанава К.Л. *Вобразны паралелізм у фальклоры Гомельшчыны*..... 123
Храбан Т.Е. *Стилистическая модель языкового конструирования гендерного смысла в интернет-коммуникации*..... 128
Цімашэнка Н.П. *Ужыванне працяжніка ў публіцыстычным тэксце*..... 134
Цыбакова С.Б. *Вобраз ведзьмака ў аповесці А. Казлова «Адкуль з'яўляюцца яны?..»*..... 139
Шабулдаева Н.И. *Названия хлеба в семейных обрядах восточных славян*..... 145
Шаўлякова-Барзенка І.Л. *Канцэптавая тапаграфія найноўшай беларускай літаратуры*..... 151

ФИЛОСОФИЯ

Калмыков В.Н. *Антропологическое измерение в философии*..... 156
Лисовский П.Н. *Императив духовного партнерства в феноменологии мудрости*..... 161
Одиноченко В.А. *Трактовка религии в контексте проблемы соотношения материальной и духовной культуры*..... 167
Цацарин В.В. *Философия истории: основные проблемы и варианты их решения*..... 173

Ministry of Education of Republic of Belarus
Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2017, № 1 (100) •
HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

P.P. Buchavets. *The exhibition activity of agricultural societies of the Vilensky province at the beginning of the XX century* 5
U.A. Ganchar. *Treatment of people in the quackery of Belarusian Polesie in the twentieth century – beginning of the XXI century* 10
E.N. Dubrovko. *The United Kingdom mediation initiatives during the Polish-Soviet War in the summer of 1920* 16
P.A. Zhilinsky. *Formation of market institutions and reforming the Belarusian economy in 1991–1994* 22
S.B. Zhikharev. *The problems of railroad building in the activity of zemstvo's and nobility's self-government institutions of Poltava Province (1860th – the beginning of 1880th)* 28
A.A. Kapliyev. *Preconditions of the occurrence of the ambulance in the Gomel district* 35
N.V. Kosheleva. *Imam Khomeini and his heritage: the main research areas in the western English-speaking historiography* 42
A.D. Kuzmin. *Features of the organization and functioning of the administrative apparatus in the Belarusian provinces in the 1864–1914* 48
M.N. Murashka, V.A. Mikhedzka. *Ethno-social and political aspects of government activities in the Gomel region in 1930* 54
A.F. Poddubskaya. *The Russian-language historiography of the Catholic Church in social and political life of Italy (1943–1962)* 59
A.P. Shilyaev. *The ratio of various military units in the GDL Army in the late 16th – early 17th centuries* 65
I.I. Yanushevich. *Ways of Organizing Anti-religious Propaganda by the Party and State Structures in the USSR (1917–1930s)* 71

PHILOLOGY

T.P. Andrienko. *Text entropy as a prerequisite for the implementation of the translation strategy* 76
I.G. Gomonova. *Verbal nominants with a memory component in Modern Russian* 81
A.A. Kastrytsa, V.S. Novak. *Folk Calendar of the Dobrush district: winter and spring rites, songs, signs, and beliefs* 86
M.I. Kirushkina. *Genre specificity of modern Belarusian women's poetry* 93
V.V. Kozlova. *Linguistic markers in statements of opinion in media texts in English and Belarusian languages* 97

V.V. Kurlovich. *Derivational features of the names of wooden utensils in the Belarusian dialects* 104
S.I. Lebedinskiy. *Sealing and separation of information flows as a basic strategy for understanding scientific oral speech* 109
A.A. Nikolova. *The motif of «simulation of miraculous» and images of pseudoinfernals in the Ukrainian and Russian comedy drama of the XVIII–XIX century* 114
M.V. Prakharenya. *Civil society: historical and theoretical foundations* 118
K.L. Khazanava. *Figurative parallelism in the folklore of the Gomel region* 123
T.E. Khraban. *Stylistic model of linguistic construction of gender point in Internet communication* 128
N.P. Timoshenko. *The usage of the dash in a publicistic text* 134
S.B. Tsybakova. *The Image of the Magician in the Story «Where do They Come from?..» by A. Kozlov* 139
N.I. Shabuldayeva. *The names of bread in the domestic ceremonies of the East Slavs* 145
I.L. Shaulyakova-Barzenka. *Conceptual topography of modern Belarusian literature* 151

PHILOSOPHY

V.N. Kalmykov. *The anthropological measurement in Philosophy* 156
P.N. Lisovski. *The imperative of spiritual partnership in the phenomenology of wisdom* 161
V.A. Odinochenko. *The treatment of religion in the context of the relations of material and spiritual culture* 167
V.V. Tsatsarin. *The philosophy of history: the main problems and ways of their solution* 173

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

ИСТОРИЯ

УДК 94(476):334.7:338.43"19"

Выставачная дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні ў пачатку XX ст.

П.П. БУХАВЕЦ

Разглядаюцца асаблівасці выставачнай дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні ў пачатку XX ст. Удакладняецца колькасць, геаграфія і фактары, якія ўплывалі на дынаміку арганізацыі выстаў. Выдзяляюцца этапы ў правядзенні выстаў сельскагаспадарчымі таварыствамі. Паказваецца роля Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі і яго структурных частак, як найбольш актыўнага грамадскага аб'яднання. Адзначаецца ўплыў выстаў як на мадэрнізацыю сельскагаспадарчай вытворчасці, так і на кансалідацыю грамадства.
Ключавыя словы: Віленская губерня, выстава, сельскагаспадарчае таварыства, сельская гаспадарка, жывёлагадоўля, мадэрнізацыя.

In the article the features of exhibition activities of agricultural societies of the Vilensky province at the beginning of the 20th century are considered. The number of exhibitions, geography and factors which influenced dynamics of the organization of exhibitions is specified. Stages in holding exhibitions by agricultural societies are allocated. The role of Vilensky society of agricultural industry and its structural parts as the most active public consolidation is shown. Influence of exhibitions both on upgrade of agricultural production and on consolidation of society is noted.
Keywords: Vilensky province, exhibition, agricultural society, agriculture, animal husbandry, modernization.

З'яўленне выстаў у Заходняй Еўропе ў другой палове XVIII ст. было як непасрэдным наступствам, так і стымулам для далейшага развіцця капіталістычных адносін. Выставы сталі не толькі дакладным індыкатарам стану эканомікі, але і ў значнай ступені інструментам уплыву на яго. Перадавыя тэндэнцыі ў розных галінах эканомікі, навукі і культуры, дзякуючы правядзенню выстаў, станавіліся здабыткам шырокай грамадскасці. У першай трэці XIX ст., разумеючы вялікае значэнне выстаў у эканамічным развіцці, урад Расійскай імперыі далучыўся да сусветнага працэсу. У 1829 г. у Санкт-Пецярбурзе была праведзена першая выстава прамысловасці, а ў 1843 г. першая сельскагаспадарчая выстава ў Адэсе. Адмена прыгоннага права паспрыяла павелічэнню колькасці сельскагаспадарчых выстаў. У той жа час назіралася тэндэнцыя пераходу ініцыятывы па іх арганізацыі ад дзяржаўных структур да грамадскіх аб'яднанняў, земстваў. Найбольшую актыўнасць ў правядзенні аграрных выстаў праяўлялі сельскагаспадарчыя таварыствы [1, с. 557–559]. Аднак па прычыне нацыянальна-канфесійных абмежаванняў сітуацыя ў літоўска-беларускіх губернях істотна адрознівалася ад агульнарасійскай. Свая спецыфіка была ў стварэнні і выставачнай дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў асобных губерняў Беларусі. Асаблівае месца займала Віленская губерня, якая знаходзілася на перакрыжаванні этнічных і канфесійных уплываў. Вільня як адміністрацыйны, эканамічны і культурны цэнтр Паўночна-Заходняга краю фактычна да пачатку XX ст. не мела ні аднаго сельскагаспадарчага таварыства.

Выставачная дзейнасць таварыстваў сельскай гаспадаркі Беларусі закраналася ў працах М.В. Вераб'я, В.Ф. Бацяева, Х.Ю. Бейлькіна, В.А. Шаршунова [2, с. 321], [3, с. 245–247], [4, с. 51–52], [5, с. 76–77]. Большую ўвагу гэтай праблеме надалі Р. Юркоўскі і А.Л. Кіштымаў. Польскі даследчык Р. Юркоўскі разгледзеў шэраг выпадкаў арганізацыі выстаў губернскімі сельскагаспадарчымі таварыствамі да 1905 г. [6, s. 218–219, 255–259, 266–267, 282–285, 296–298, 311, 358–361]. Найбольш падрабязна гэта праблема адлюстравана ў рамках дысертацыйнага даследавання А.Л. Кіштымава. Ён вылучыў этапы і тэндэнцыі ў

выставачнай справе Беларусі ў больш шырокіх храналагічных межах. Аўтар прыйшоў да высновы аб важнай ролі сельскагаспадарчых таварыстваў у выставачным працэсе 80-х гг. XIX – пачатку XX ст. [7, с. 9–10].

Разам з тым, даследчыкі абышлі ўвагай губернскую спецыфіку, разуменне якой палепшыць уяўленне аб выставачнай справе ў цэлым. Дзеянні сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні па правядзенні выстаў дагэтуль застаюцца найменш даследаванымі. Патрабуюць ўдакладнення колькасць, геаграфія і фактары, якія ўплывалі на дынаміку арганізацыі выстаў. Таму мэтай нашага даследавання з'яўляецца выяўленне асаблівасцей выставачнай дзейнасці сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні ў пачатку XX ст.

Станаўленне традыцыі арганізацыі сельскагаспадарчых выстаў у Віленскай губерні можна пачаць з 1880 г., калі Галоўнае ўпраўленне Дзяржаўнага конназаводства правяло першую вядомую выставу коней у м. Шчучын Лідскага павету [8, л. 179]. Адсутнасць амаль да пачатку XX ст. сельскагаспадарчых таварыстваў у Віленскай губерні значна абмяжоўвала магчымасці мясцовых аграрыяў па арганізацыі выстаў. Таму выхад з гэтай сітуацыі бачыўся ў актыўным выкарыстанні статутнага права Віленскага скакавога таварыства. Дзякуючы яму да пачатку XX ст. былі арганізаваны 10 сельскагаспадарчых выстаў у 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1893, 1895, 1897 і 1899 гг. [6, s. 319–321], [8, с. 60].

Пасля стварэння Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі ў 1899 г. ініцыятыва па арганізацыі сельскагаспадарчых выстаў пераходзіць да апошняга. Таварыства арганізавала сваю першую выставу ў 1902 г. Нягледзячы на пэўны арганізацыйны поспех, абласная выстава панесла за сабой значныя фінансавыя выдаткі. Грамадскае аб'яднанне было вымушана прасіць у Міністэрства земляробства і дзяржаўных маёмасцей субсідыю, каб хоць часткова пакрыць страты ад яе [6, s. 359–360], [9, с. 1], [10, с. 21–22].

Працяг выставачнай справы Віленскага сельскагаспадарчага таварыства зазнаў значныя змены. Па-першае, аб'яднанне на доўгі час адмовілася ад ідэі арганізацыі вялікіх сельскагаспадарчых выстаў, якія патрабавалі істотных фінансавых выдаткаў, і больш сканцэнтравалася на невялікіх. Па-другое, апошнія мелі спецыялізаваны, па большай частцы жывёлагадоўчы характар. Ініцыятарам гэтых змен стала група сяброў таварыства найбольш зацікаўленых у паляпшэнні жывёлагадоўлі. Гэта група фармалізавалася пад назвай Камітэт па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадарцы пры Віленскім таварыстве сельскай гаспадаркі. Дзейнасць Камітэта была накіраваная на розныя сацыяльныя слаі землеўласнікаў губерні. Відавочна, з большага для памешчыкаў у Вільні праводзіліся выставы-продажы ці выставы-кірмашы (як сталі называцца пазней). З 1903 па 1913 гг. Камітэтам па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадарцы было праведзена 9 штогадовых выстаў-кірмашоў. Толькі ў 1906 і 1907 гг. выставачная дзейнасць была перарвана пад уплывам падзей рэвалюцыі 1905–1907 гг. X выстава-кірмаш, якая была запланавана на 20–21 жніўня 1914 г., не адбылася праз пачатак Першай сусветнай вайны [11, с. 20–21], [12, с. 28], [13, с. I], [14, с. 11], [15, с. 44], [16, с. 29], [17, с. 18–19], [18, с. I, IV, VII–VIII], [19, с. VII–VIII, XIV].

Выставы-кірмашы колькасна і якасна пашырылі мясцовы рынак жывёлагадоўлі. Арганізацыя такіх выстаў не несла за сабой значных выдаткаў. Так, напрыклад, на правядзенне I выставы-продажу, якая адбылася 12 і 13 верасня 1903 г., спатрэбілася ўсяго 64 руб. 26 кап. [11, с. 20–21].

Акрамя рэгулярных выстаў-кірмашоў, Камітэт па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадарцы Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі з 1903 г. пачаў праводзіць штогадовыя так званыя выставы-прэміроўкі ў разнастайных месцах Віленскай губерні. Гэтыя выставы праводзіліся з мэтай стымулявання рацыянальнай жывёлагадоўлі ў невялікіх сельскіх гаспадарках і былі накіраваныя перш за ўсё на сялян. Для большага поспеху справы прэміроўкі былі прызначаны на час найбольш значных кірмашоў. Недахоп сродкаў у 1903 г. вымусіў арганізатараў абмежавацца толькі Ашмянскім паветам. Былі вызначаны месцы і даты правядзення першых прэміровак: м. Вішнёва – 1 чэрвеня, м. Іўе – 30 чэрвеня, м. Смаргонь – 6 жніўня, г. Ашмяны – 29 верасня і м. Валожын – 1 кастрычніка 1903 г. [10, с. 23], [11, с. 18–21], [12, с. 15]. У 1904 г. камітэт паспрабаваў пашырыць правядзенне выстаў-прэміровак на іншыя паветы губерні. Аднак адмова Дэпартамента земляробства ў датацыі на гэта не дазволіла таварыству выйсці за межы Ашмянскага павету [20, с. 11], [21, с. 42–43].

Рэвалюцыйныя падзеі 1905–1907 гг. разам з недахопам фінансавых сродкаў вымусілі таварыства прыпыніць правядзенне выстаў-прэміровак. Спробы атрымаць датацыю на гэтую справу ў 1906 г. скончыліся няўдачай [22, с. 14], [23, с. 19].

Пытанне аб аднаўленні практыкі правядзення выстаў-прэміровак паўстала ў таварыстве ў 1908 г. пасля звароту да яго Галоўнага ўпраўлення землеўпарадкавання і земляробства з просьбай паведаміць аб неабходных мерах па паляпшэнні жывёлагадоўлі ў Віленскай губерні на 1910 г. Сярод шэрагу мер, прапанаваных Віленскім таварыствам сельскай гаспадаркі, значылася выдзяленне сродкаў на правядзенне выстаў-прэміровак у пяці пунктах кожнага павету губерні [23, с. 3, 22–23]. Дзякуючы гэтаму хадайніцтву, таварыства атрымала ад Дэпартамента земляробства 200 руб. на арганізацыю выстаў-прэміровак у 5 пунктах Ашмянскага павету. Паколькі павет уваходзіў у раён дзейнасці Ашмянскага таварыства сельскай гаспадаркі, якое было адкрыта некалькімі гадамі раней, было вырашана правесці выставы агульнымі сіламі. З 5 выстаў запланаваных на восень 1910 г. адбыліся толькі 4 у мястэчках Смаргонь, Вішнёва, Гальшаны і Іўе. Выстава ў Ашмянах не адбылася праз пашырэнне яшчуру. У параўнанні з выставамі-прэміроўкамі 1903 і 1904 гг., замест грошай у якасці ўзнагарод, выдалі сельскагаспадарчыя прылады: плугі, бароны, акучнікі і інш. [17, с. 22–24].

У 1911 г. колькасць і геаграфія праведзеных выстаў засталася фактычна нязменнай. Істотнае пашырэнне выставачнай справы ў 1912 г. адбылося дзякуючы павелічэнню датацыі да 2 тыс. 400 руб. На гэтыя сродкі Камітэт па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадарцы арганізаваў 17 выстаў-прэміровак у розных паветах губерні і 1 выставу-кірмаш з прэміроўкай сялянскіх кароў у Вільні, 7 з якіх на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Правядзенню паасобных выстаў садзейнічалі мясцовыя сельскагаспадарчыя таварыствы і земляробчыя гурткі. Усяго на 18 выстаў было прыведзена 1 тыс. 438 жывёл [18, с. 30, I–XVIII].

На 1913 г. таварыства планавала арганізаваць 41 выставу-прэміроўку, аднак праз значную бюракратызацыю працэсу дазволу ўдалося арганізаваць толькі 18. З гэтай колькасці палова адбылася на тэрыторыі сённяшняй Беларусі. Найбольш паспяховымі выставы ў тых месцах, дзе мясцовае насельніцтва мела пэўны досвед удзелу ў падобных мерапрыемствах. Напрыклад, выстава ў м. Свір, якая праходзіла ўжо другі год, сабрала 190 жывёл. Сярэдняя колькасць экспанатаў вагалася ад 40 да 70. У параўнанні з папярэднім годам у арганізацыі большасці выстаў-прэміровак удзельнічалі земляробчыя гурткі і сельскагаспадарчыя таварыствы з малым раёнам дзейнасці [19, с. VI–VII, XXVI–XLVII].

Пачатак Першай сусветнай вайны па-сутнасці прыпыніў выставачную дзейнасць камітэта па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадаркі. У 1914 г. з 40 запланаваных выстаў-прэміровак адбыліся адзінкі і толькі тыя, што былі прызначаны на першую палову года [19, с. XII–XIV], [24, с. 9], [25, с. 3–5], [26, с. 26].

Рэгулярнасць у правядзенні выстаў-прэміровак была істотным фактарам у эвалюцыі жывёлагадоўчай культуры сялян. Як заўважыў сакратар Камітэта Я. К. Яленскі, да выстаў, якія былі арганізаваны ўпершыню, насельніцтва адносілася мала свядома, прыводзіла жывёлу ў малой ці наадварот вялікай колькасці, жадаючы абавязкова атрымаць узнагароду за прывод. Ужо пасля ўзнагароджання лепшай жывёлы і тлумачэнняў з боку арганізатараў, сяляне пачыналі разумець мэту выстаў. Перыядычнасць выстаў уплывала як на якасць экспанатаў, так і на ўзмацненне інтарэсу да жывёлагадоўлі. Праяўлялася гэта ў просьбах сялян да арганізатараў выстаў правесці паказальныя кармленні жывёлы, арганізаваць злучныя пункты і земляробчыя гурткі [19, с. VI–VII].

Менш актыўна, але рэгулярна, выставачнай дзейнасцю займаўся Глыбоцкі аддзел Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі, які быў адкрыты ў 1904 г. [21, с. 5]. Выдзяленне ўзнагарод, а пазней і удзел у экспертызе экспанатаў стала пасільным укладам у развіццё штогадовых выстаў коней, што ладзіліся дзяржаўнай Віленскай канюшняй у Глыбокім з 1906 па 1911 г. [14, с. 3], [15, с. 47–48], [16, с. 37–38], [17, с. 25, 29], [22, с. 3].

Пэўны досвед у выставачнай справе дазволіў Глыбоцкаму аддзелу перайсці да непасрэднай арганізацыі выстаў-прэміровак жывёлагадоўлі ў 1912–1914 гг. У той жа час аддзел працягваў удзельнічаць у мясцовых выставах коней, што арганізоўваліся Віленскай земскай канюшняй [18, с. V], [19, с. III], [25, с. 3–5].

У параўнанні з жывёлагадоўляй астатнім галінам сельскай гаспадаркі надавалася менш увагі. Так, напрыклад, Першая насенная выстава ў Вільні адбылася толькі ў лютым 1913 г. Арганізатарамі

гэтай выставы былі Віленскае і Ковенскае сельскагаспадарчыя таварыствы. Сваімі задачамі таварыствы бачылі як азнаямленне з узроўнем развіцця, так і стымуляванне насеннай вытворчасці адпаведных губерняў. У выставе прынялі удзел 53 экспаненты, якія выставілі 194 экспанаты. Мерапрыемства наведала адносна невялікая колькасць людзей – 747 чал., што можна патлумачыць даволі вузкай спецыялізацыяй, адсюль нешматлікай прафесійнай аўдыторыяй. Тым не менш заключэнне шэрагу пагадненняў аб пастаўцы насення на самой выставе дазволіла яе арганізатарам зразумець неабходнасць правядзення мерапрыемства ў 1914 г. [18, с. 15–16], [27, с. 4].

Акрамя аграрнай гаспадаркі, сельскагаспадарчыя таварыствы былі зацікаўлены ў развіцці пабочнай дзейнасці сялян – рамеснай вытворчасці. Менавіта з гэтай мэтай па ініцыятыве Камітэта па садзейнічанні развіццю саматужнай прамысловасці ў Віленскай губерні пры ВілТСГ была арганізавана I раённая выстава саматужнай прамысловасці і народнай творчасці Паўночна-Заходняга краю. Выстава, якая працавала з 1 верасня па 1 кастрычніка 1913 г., стала вялікай культурнай падзеяй Вільні. У яе арганізацыі ўдзельнічалі найбольш буйныя сельскагаспадарчыя таварыствы 6 губерняў, кожная з якіх мела свой павільён. Дэкаратыўным афармленнем выставы загадвалі вядомыя мастакі Ф. Рушчыц і А. Жмуйдзінавічус. У выставе ўдзельнічала 818 экспанентаў, якія выставілі больш за 5 тыс. экспанатаў, лепшыя з якіх былі ўзнагароджаны медалямі, пахвальнымі лістамі і сельскагаспадарчымі прыладамі. Сярод лепшых экспанентаў было выдавецкае таварыства «Наша ніва», якое атрымала адзін з трох малых залатых медалёў за калекцыю прадметаў творчасці беларускага народу. За час працы выставы яе наведалі болей 13 тыс. чал., значная частка з якіх бясплатна [19, с. III–IV], [28, с. 27].

Па ініцыятыве Агранамічнага камітэта Віленскага таварыства сельскай гаспадаркі была праведзена значная падрыхтоўчая праца па арганізацыі I Віленскай выставы культуры тарфянікаў, лугаводства і тарфяной справы. Яна была запланавана на жнівень 1914 г., аднак пачатак Першай сусветнай вайны не дазволіў спраўдзіцца планам [24, с. 2], [29, с. 10].

Такім чынам, выставачная дзейнасць сельскагаспадарчых таварыстваў Віленскай губерні ў пачатку XX ст. была дастаткова актыўнай. Можна выдзеліць некалькі этапаў: 1. – пачатак, які адзначыўся правядзеннем вялікай абласной сельскагаспадарчай выставы ў 1902 г.; 2. – пераарыентацыя на правядзенне малых выстаў, спецыялізацыя (1903–1905 гг.); 3. – прыпыненне выставачнай дзейнасці праз рэвалюцыю (1906–1907 гг.); 4. аднаўленне выставачнай дзейнасці (1908–1909 гг.); 5. – інтэнсіфікацыя выставачнага працэсу, пашырэнне спектру спецыялізаваных выстаў (1910–1913 гг.); 6. – згортванне і фактычнае прыпыненне выставачнай дзейнасці (1914 г.). На дынаміку выставачнай дзейнасці таварыстваў сельскай гаспадаркі ў той ці іншай ступені ўплывалі шэраг фактараў: фінансавыя магчымасці ініцыятараў, палітычнае, ваеннае і санітарнае становішча ў губерні, узаемаадносіны з органамі ўлады і іншымі грамадскімі аб'яднаннямі.

За перыяд з 1902 па 1914 г. сельскагаспадарчымі таварыствамі было праведзена 68 выстаў, з іх на тэрыторыі сённяшняй Беларусі – 34. Амаль усе выставы насілі сельскагаспадарчы характар. Абсалютная большасць іх была арганізавана Віленскім таварыствам сельскай гаспадаркі і яго аддзеламі. Найбольшую актыўнасць у выставачным працэсе праявіў Камітэт па жывёлагадоўлі і малочнай гаспадарцы. Дзякуючы яго дзейнасці, Ашмянскі павет стаў адным з цэнтраў выставачнай справы. На яго тэрыторыі з 1903 па 1913 г. адбылося 19 выстаў. У іншых паветах колькасць выстаў вагалася ад 4 да 8.

Сельскагаспадарчыя таварыствы Віленскай губерні праз свае сельскагаспадарчыя выставы садзейнічалі не толькі мадэрнізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці. Мэтанакіраваная дзейнасць таварыстваў па прыцягненні да ўдзелу ў выставах беларускага сялянства ў пэўнай ступені спрыяла разбурэнню саслоўных перашкод і кансалідацыі грамадства Беларусі.

Літаратура

1. Яновский, А. Выставки / А. Яновский // Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб., 1892. – Т. 7А (14). – С. 557–560.

2. Верабей, М.В. Віцебскае таварыства сельскіх гаспадароў / М.В. Верабей // ЭГБ : у 6 т. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 321.

3. Батяев, В.Ф. Развитие белорусских общественных объединений в XIX – 20-е годы XX века. Этнологическое исследование / В.Ф. Батяев ; под науч. ред. А.И. Локотко. – Минск : Право и экономика, 2007. – 381 с.

4. Бейлькин, Х. Ю. Кооперативное движение в Беларуси (эпоха капитализма) / Х. Ю. Бейлькин. – Гомель : ГКИ, 1998. – 79 с.

5. Шаршунов, В.А. Деятельность научных обществ и губернских комитетов по развитию сельского хозяйства в дореволюционной Беларуси / В.А. Шаршунов // Изв. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. агр. наук. – 2003. – № 4. – С. 72–77.

6. Jurkowski, R. Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza / R. Jurkowski. – Warszawa : Przegląd Wschodni, 2001. – 606 s.

7. Киштымов, А.Л. Беларусь на выставках XIX – начала XX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Л. Киштымов ; Ин-т ист. Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 2001. – 22 с.

8. Киштымов, А.Л. Беларусь на выставках XIX – начала XX в. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Л. Киштымов. – Минск, 2001. – 188 л.

9. Устав Виленского общества сельского хозяйства. – Вильно : тип. И. Завадского, 1899. – 21 с.

10. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 28 февраля, 1 и 2 марта 1903 г. – Вильно : тип. И. Завадского, 1903. – [2], 33, 26 с.

11. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 6 и 7 марта 1904 г. – [Вильно], [1904]. – [2], 22, 66 с.

12. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 31 мая 1904 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1904]. – 16, 28 с.

13. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 21 мая 1905 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1905]. – [2], 16, [1] с.

14. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 9 марта и 20 апреля 1908 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1908]. – [2], 19, 17, [1] с.

15. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 5 апреля 1909 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1909]. – [2], 52 с.

16. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 12 мая 1910 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1910]. – [2], 40, [2] с.

17. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 15 и 16 мая 1911 г. – Вильно : тип. Знич, [1911]. – [2], XII, 39 с.

18. Журнал обыкновенного годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 29 мая 1913 г. – Вильно : тип. Znicz, 1913. – [II], 45, V, XIV, II, V, II, X, XVIII, VI, XXII, [2] с.

19. Журнал обыкновенного годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 18 мая 1914 г. и отчёт о деятельности общества за 1913 г. – Вильно : тип. Znicz, 1914. – [2], 20, XIII, V, IV, XXVII, C, 28, VI, III, VI, IV, VI, XV, [5] с.

20. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 21 сентября 1904 г. – Вильно : тип. И. Завадского [1904]. – [2], 13, 74 с.

21. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 4 и 5 марта 1905 г. – Вильно, [1905]. – [2], 21, 56 с.

22. Журнал годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 11 марта 1907 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1907]. – [2], 16, 22 с.

23. Журнал общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 8 ноября 1909 г. – Вильно : тип. И. Завадского, [1910]. – [2], 44 с.

24. Журнал обыкновенного годичного общего собрания членов Виленского общества сельского хозяйства 14 декабря 1914 года. – Вильно, [1915]. – [2], 11 с.

25. Отчет о деятельности Глубокского отдела Вил. о-ва сел. хоз. за 1914 г. – Вильно : тип. Znicz, 1915. – 7 с.

26. Деятельность сельскохозяйств. кружков и сельскохозяйств. обществ мелкого района Виленской губернии за 1914 г / Виленское общество сельского хозяйства. – Вильно : тип. Znicz, 1915. – 54 с.

27. Отчет о Первой семенной выставке в Вильне, организованной Виленским и Ковенским с.-хозяйственными обществами 14, 15, 16, 17 и 18 февраля 1913 г. – Вильно : тип. Znicz, 1913. – 26 с.

28. Журнал Минского общества сельского хозяйства. Декабрьские собрания 1913 г. – Минск : электро-тип. Я. А. Гринблата (бывш. Дворжец), 1914. – 46, VI с.

29. Программа и правила Первой Виленской выставки культуры торфяников, луговодства и торфяного дела, устраиваемой Виленским и Ковенским обществами сельского хозяйства в гор. Вильне. – Вильно : Виленская тип., [1914]. – 16 с.

ДУА «Зябраўская сярэдняя школа» Поступила в редакцию 04.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94:133.4:614.26(476.2) “19/20”:616-08

Лячэнне людзей у знахарстве Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст.

У.А. Ганчар

Разглядаецца эвалюцыя практыкі лячэння людзей у знахарстве Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. Паказваюцца асаблівасці дадзенага кірунку знахарскай практыкі ў розных тыпаў «знаючых» на тэрыторыі рэгіёна. Аўтарам прасочваюцца змены знахарскай практыкі лячэння людзей. Робіцца вывад аб паступовым звужэнні дадзенай сферы ў разгляданы перыяд і захаваннем у знахарскай кампетэнцыі хвароб, якія, на думку часткі насельніцтва, навуковай медыцынай не лечацца.
Ключавыя словы: Беларускае Палессе, традыцыйная культура, знахарства, лячэнне.

In the article the evolution of witch-doctors' healing practice in Belarusian Polesie in the XXth – the beginning of the XXIst century is considered. The distinguishing features of witch-doctors' practice of different types of «knowing people» in the region are shown. Author tracks the changes of witch-doctors' healing practice. The conclusion is made about gradual narrowing of this sphere during the period under review and preservation of illnesses in witch-doctors' practice, which, according to opinion of the part of population, aren't treated by medicine.
Keywords: Belarusian Polesie, traditional culture, witchery, curing.

Адсутнасць задавальняючай інфраструктуры медыцынскіх устаноў у Беларускім Палессі ў канцы XIX – пачатку XX ст., з аднаго боку, пры абмежаваным доступе да здабыткаў навуковай медыцыны для асноўнай масы насельніцтва – сялянства (што было абумоўлена не толькі сацыяльна-эканамічнымі, але і культурнымі бар’ерамі) – з другога, мела вынікам высокую запатрабаванасць знахарства ў рэгіёне. Лячэнне людзей мела, сярод іншых функцый «*знаючых*», выключнае значэнне ў знахарскай практыцы. Пры гэтым за XX ст. сітуацыя ў дадзенай сферы істотна змянілася: у рэгіёне ствараецца развітая медыцынская інфраструктура, знікаюць сацыяльныя бар’еры доступу да паслуг урачоў. На першы погляд, лагічна дапусціць, што распаўсюджванне дасягненняў навуковай медыцыны, прапаганда навукова-медыцынскіх ведаў павінна прывесці да знікнення знахарства за яго непатрэбнасцю. Аднак, як паказваюць палявыя этнаграфічныя даследаванні аўтара, знахарства працягвае існаваць і карыстацца попытам сярод часткі насельніцтва. Між тым, дадзеная сітуацыя практычна не адслюстравана ў навуковай літаратуры, прычыны захавання і функцыянавання знахарства, сам характар знахарскай практыкі ў пачатку XXI ст. у параўнанні з пачаткам XX ст. даследчыкамі не разглядаліся.

Мэта дадзенага артыкула – прасачыць эвалюцыю знахарскай практыкі лячэння людзей на тэрыторыі Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст. Як ужо адзначалася вышэй, у навукой літаратуры дадзеная тэма практычна не разглядалася. У крыніцах прадстаўлена характарыстыка лячэння знахарамі людзей у перыяд да канца першай трэці XX ст. Аднак аналіз зменаў у знахарскай практыцы пасля 1930-х гг. даследчыкамі не праводзіўся. Асноўнымі крыніцамі па тэме з’яўляюцца апублікаваныя матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў канца XIX – пачатку XXI ст., а таксама палявыя этнаграфічныя матэрыялы, якія збіраліся аўтарам на тэрыторыі Беларускага Палесся ў XX – пачатку XXI ст.

«*Знаючыя*» на тэрыторыі Беларускага Палесся традыцыйна падзяляліся на дзве асноўныя групы: «*шаптуны*» і «*знахары*», якія адрозніваліся меркаванымі крыніцамі паходжання іх звышнатуральнай сілы. Так, лічылі, што «*шаптуны*» ажыццяўляюць сваю дзейнасць з дапамогай Бога, хрысціянскіх святых, а таксама іншых звышнатуральных істот і персаніфікаваных стыхій (напрыклад, зораў, вады), якія ў народным уяўленні мелі ў цэлым спрыяльнае да людзей стаўленне. «*Знахары*» ж, па агульным меркаванні, атрымоўвалі свае здольнасці ад нячыстай сілы [падрабязней аб тыпах знахароў у Беларускім Палессі глядзі: 1]. Гэтыя адрозненні ў крыніцах магічнай сілы вызначалі ў тым ліку і іх функцыі.

Так, лячэнне людзей «*шаптунамі*», па звестках крыніц, з'яўлялася іх важнейшай функцыяй. Да кампетэнцыі носьбітаў знахарскіх ведаў гэтага тыпу адносіліся тры групы хвароб. Пры гэтым трэба разумець, што ў адной назве хваробы ніжэйпрыведзенай класіфікацыі можа ўтрымлівацца некалькі захворванняў у адпаведнасці з сучаснай навукова-медыцынскай класіфікацыяй. Першая група – хваробы, якія нібыта былі вынікам ненаўмыснага чараўніцтва на чалавека («*урокі*», «*прыстрэк*», «*начніцы*», «*нуда*», «*падвей*», «*дзецкае*»). Найбольш пашыранй формай ненаўмыснага звышнатуральнага ўздзеяння сярод насельніцтва рэгіёна лічылі «*урокі*». К. Машыньскі адзначае аб сялянах в. Дарашэвічы (цяпер – Петрыкаўскі раён): «Калі маці, шкадуючы дзіця, доўга корміць яго грудзямі, або, адлучыўшы ад грудзей, зноў пачынае яго карміць імі, то такі чалавек будзе мець урачвівыя вочы, ад пагляду якіх паміраюць і людзі і свойская жывёла» [2, с. 167 (№ 304)]. Да гэтай жа групы таксама адносілася і псіхічнае ўздзеянне на чалавека, якое не з'яўлялася вынікам чараўніцтва, перш за ўсё «*ляк*». Інфармант А.К. Сержпутоўскага адзначаў: «*Ест такія бабы, каторыя добра ўмеюць качаць пярэпалах*», «А*т урокаў ці падзіву не памагаюць жодныя лекі дахтуроў, а трэба іх лячыць толькі дома рознымі прымхамі да прасіць тых баб, каторыя добрэ ўмеюць, як атхадзіць ат гэстае напасці*» [3, с. 186–187]. Другая група – хваробы чалавека («*скула*», «*рожа*», «*вогнік*», «*волас*», «*бародаўкі*», «*лішай*», «*ячмень*», «*бяльмо*», «*сухоты*», «*ліхаманка*», грыжа, зубны боль), прычыны якіх пераважна лічылі фізічнымі, хімічнымі ці біялагічнымі. Хаця ў асобных выпадках, асабліва калі хваробы гэтай групы не паддаваліся лячэнню, іх пачыналі бачыць як вынік ненаўмыснага ці нават наўмыснага чараўніцтва. Так, Е.Р. Раманаў, апісваючы захворванні ў сялян Гродзенскай губерні, адзначае: «Калі ў каго рожа, то вязуць зноў да знаючай бабы» [4, с. 75]. Трэцяя група – хваробы чалавека («*звіх*», «*удар*», крывацёк, «*залатнік*», змяіны ўкус) і жывёлы («*звіх*», «*удар*», крывацёк, змяіны ўкус), прычыны якіх мелі механічнае паходжанне і прыводзілі да пашкоджвання знешніх і ўнутраных органаў. А.Ф. Асяндоўскі паведамляе, што «*шаптуны*» «ўмеюць замаўляць любую "балячку", "кроў", начніцы, "пад", ліхаманку, рожу, невыносны боль зубоў ці адпаведным "загаворам" дапамагчы рожаніцы» [5, с. 137].

Звычайна «*шаптуны*» спецыялізаваліся на лячэнні адной ці некалькіх хвароб. Так, Я. Бараноўскі, які ў канцы 1920-х гг. даследаваў традыцыйную культуру вёскі Радзівілавічы (сучасная в. Дзяржынск Лельчыцкага раёна) апісвае мясцовых «*шаптуноў*» наступным чынам: «Затое знахары і розныя бабкі пануюць там непадзельна. Ёсьць шмат розных "спэцаў": шаптуны, намоўшчыкі, лекары раслінамі – "тэрапэўты", есьць і "хірургі" (як, напр. Максім Краўчэня, што рэжа скулы). Ёсьць нават "спэцы" і па вэнэрычных, як вышэйназваная Камарыха, што лечыць "пранцы" нейкаю настойкаю ці адварам з кары» [6, с. 63]. Іншыя «*шаптуны*» займаліся лячэннем шырокага спектру хвароб з усіх трох груп. Напрыклад, Дудко Марыя Аляксандраўна (1922 г.н., в. Полкацічы Іванаўскага раёна) так апісала «*шаптуху*», да якой раней вазіла лячыць дачку: «*То вона ўжэ ўсё знае. Вона нычого нykому нэ робыць. А вона як бае, чы дзіцям, чы шчо, то вона бае за раз і ўрокы, і свою, і ўсе, баба яе так уміла была, до бабы ўсе ходзілы, і то вона тэпэр бае. Вона дажэ скажэ вам чы зроблэно, чы шчо. Неколы я свою дочку возыла, малээ была, то возіла, тэпэр унукі до ее ўсё возімо. Ўсе туды возяць*» [7, арк. 103].

Сувязь з нячыстай сілай, на думку насельніцтва, дазваляла «*знахарам*» – другой з існаваўшых у Беларускім Палессі групы «*знаючых*» – уздзейнічаць на навакольны свет і соцыум у станоўчым і адмоўным кірунках. Аб гэтым сведчыць распрацаваная тэрміналогія, якая выражалася ў антонімах: «*зачараваць*» – «*адчараваць*», «*зрабіць*» («*прырабіць*») – «*адрабіць*». Беларусы Мазырскага павета лічылі, што «*ведзьмары, ведзьмы да чарадзейнікі робляць усялякія рэчы, гамоняць загаворы й такім чынам зачароўваюць людзей, гаўядо да ўсялякае жыўёло, расліну й нават могуць так зачараваць, што стрэлба не страляе, або жывіць, ці што-небудзь іньшае. Як хто ачаруе, та трээ шукаць мацнейшаго чараўніка, каб ён атрабіў ці вярнуў тое зачараванне на таго самого чараўніка ці ведзьмара, які тое прырабіў*» [3, с. 264]. Амянчук Аляксандра Паўлаўна (1935 г.н., в. Моладава Іванаўскага раёна) адзначае: «*Знахоры от казалы ў нас, на Бусы была такая Тэкля знахірка, от тая могла нешо зробыты і*

одробыты» [7, арк. 107]. У залежнасці ад спосабу ўздзеяння дадзеныя тэрміны маглі ўдакладняцца. Напрыклад, Касцючэнка Ніна Іванаўна (1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна) назвала наступныя спосабы ўздзеяння: «*надзеланае, наробленае, нагаворанае, пяском пасыпанае*» [7, арк. 7].

Паколькі забеспячэнне ўласнага здароўя з'яўляецца адной з прыярытэтных мэтаў у любым грамадстве, дзейнасць «*знахароў*» ў гэтым кірунку з'яўлася істотным скланікам іх практыкі. У адносінах да чалавека «*зрабіць*» азначала зачараваць яго, што мела вынікам хваробу, у тым ліку і псіхічнага характару, якая не паддавалася лячэнню ніякімі сродкамі, а таксама смерць. Так, К. Машыньскі адзначае: «Калі чалавек (найчасцей чараўнік або чараўніца) хоча гарантавана камусьці нашкодзіць, то заклінае непрыяцеля, заломваючы *завітку* ў яго жыце, каноплях ці лёне» [2, с. 144 (№ 82)]. Адзін з карэспандэнтаў Е.Р. Раманава паведамляе аб беларусах Гродзенскай губерні наступнае: «Чараўнік і варажбіт, вядзьмар і ведзьма, па разуменні сялян, могуць зрабіць людзям вялікае зло па сваім асабістым жаданні, і пры тым такое зло, якое робіцца пры дапамозе нашэптванняў ці іншых загадкавых дзеянняў» [4, с. 46]. Вынікам гэтага маглі быць самыя розныя: фізічная хвароба, псіхічны разлад ці нават смерць. Як адзначае Ч. Пяткевіч: «[…] людзі моцна вераць у тое, што чараўнік у хаўрусе з чортам, з дапамогаю розных дзеянняў, спалучаных з праклёнам і замоваю, а таксама з атрутаю, можа наслаць усялякія хваробы, і у прыватнасці танец св. Віта, падучку, ліхаманку і інш.» [8, с. 492]. З другога боку, «*адрабіць*» азначала пазбавіць чалавека ад насланых чараў. Сак Таццяна Іванаўна (1944 г.н., в. Полкацічы Іванаўскага раёна) так характарызуе «*знахара*»: «*У нас на Вілах Колітко буў знахор, но він не знахор, шо мог здзелаты, він одробляў, он быто знаў, шо зроблено, як зроблено, то вон мог одробыты*» [7, арк. 102].

У шэрагу сфер функцыі абодвух тыпаў знахароў не былі строга падзелены. У пэўных сітуацыях іх практыка перасякалася. Напрыклад, у крыніцах адзначаюцца выпадкі, калі «*шаптуны*» выконвалі такія функцыі «*знахароў*», як «*зацінанне*» ці спыненне пажару [5, с. 137], а «*знахары*» лячылі «*крыксы*» [9, с. 416]. У такіх выпадках за «*знахарамі*» часцей за ўсё былі замацаваныя больш цяжкія здарэнні, ці калі дапамога «*шаптуноў*» была безвыніковай. Ч. Пяткевіч зафіксаваў наступнае выказванне беларусаў Рэчыцкага павета аб лячэнні ад укусаў змей: «*Як серая або рудая гадзюка* (Vipera chersea) *укусіць, то й баба адшэпча, і якое-небудзь зельле паможа, а як жа, не давядзі Госпадзі, чорная, то бэз знахара ніхто і нішто не дась рады*» [8, с. 317]. Паколькі «*знахары*» лічыліся мацнейшымі за «*шаптуноў*», то маглі выконваць і іх функцыі. Аднак на практыцы да «*знахароў*» з праблемамі, якія адносіліся да функцый «*шаптуноў*», звярталіся рэдка. Гэта тлумачыцца як эканамічнымі прычынамі (дзейнасць «*знахароў*» узнагароджвалася ў большым памеры чым практыка «*шаптуноў*», якім плацілі сімвалічна), так і страхам перад магчымымі наступствамі звяртання да «*знахароў*» па дапамогу. Напрыклад, існавала павер'е, згодна з якім нячыстая сіла патрабуе ад «*знахароў*» аплату за дапамогу, якая магла выражацца ў тым ліку і ў выглядзе жыцця кожнага №-га пацыента, які ў выніку паміраў. Інфармантка з вёскі Касцюковічы Мазырскага раёна адзначае: «*Ёна* [«*знахарка*». – *У.Г.*] *чертьмі заведуе. На сотого попадешься* [г.зн. будзеш сотым па ліку], *дак ўтопішься: сотого она сдае* [нячыстым – па дамове]» [10, с. 79]. Інфармант А.К. Сержпутоўскага паведамляе, што «*знахар*» мае ўладу над тым, каго лячыў: «*Нашы жанкі часто самі ходзяць к ведзьмам ці чараўніком на параду, як каровы не даюць малака ці з імі зробіцца якое-небудзь другое ліхо. Чараўнікі тагды хаць атрабляюць, але на потым яны маюць моц над тым гаўядам*» [3, с. 85].

У першай трэці XX ст. большасць насельніцтва Беларускага Палесся, асабліва сярод сялян, пры лячэнні хвароб аддавала перавагу знахарству. Аднак на працягу 1930–1980-х гг. роля знахароў у гэтай сферы зменшылася па некалькіх прычынах. Па-першае, да 1930-х гг. на тэрыторыі Беларускага Палесся, асабліва ў сельскай мясцовасці, інфраструктура навуковай медыцыны была слаба прадстаўлена. У. Жук і П. Панкоў, характарызуючы быт сялян вёскі Дуброва (сучасны Лельчыцкі раён) у канцы 1920-х гг., адзначаюць: «Мэдычнай дапамогай насельніцтва забясьпечана слаба. Мэдыцынскі пункт знаходзіцца ў м-ку Лельчыцы. Дзейнасьці мэдыка-санітарных устаноў у сэнсе аздараўленьня вёскі амаль што ніякай не назіраецца. Пры хворасьці дзяцей перш за ўсё зварачаюцца да "баб" (шаптух), а потым, калі ўжо нічога не памагае, зварачаюцца па дапамогу ў больніцу» [11, с. 49]. Гэта

пацвярджаюць і апытаныя інфарманты. Напрыклад, Антоненка Ніна Аляксандраўна (1924 г.н., в. Каўбасы Нараўлянскага раёна. У 2012 г. пражывала ў г. Мазыр) так апісвае часы свайго дзяцінства: «*Колісь жэ помогалось, я ж тобе кажу, колісь толькі лекамі ето шапталі, больніц не было. І папа мой росказував, што больніц не было. Ў Рэчыцы больніца толькі была*» [7, арк. 127]. Па-другое, неабходна адзначыць недавер значнай колькасці насельніцтва, перш за ўсё сялянства, да навуковай медыцыны. Э. Яленьска прыводзіць наступны парадак лячэння насельніцтва ў вёсцы Камаровічы Мазырскага павета на мяжы XIX–XX стст.: «У вёсцы ёсць аплочваемы паветам фельдшар, ёсць невялікая аптэка, і нават шпіталь на некалькі ложкаў. Народ, аднак, мала карыстаецца тымі благамі. Калі хто захварэе, то спачатку доўгі час ўвогуле не звяртае на гэта ўвагі. Затым, калі хвароба мацнее, збіраюцца суседкі, раюць розныя лекі і спрабуюць іх. Калі і гэта не спрацуе, то ідуць да знахаркі. Калі ж і яе намаганні не дапамогуць, толькі тады ідуць да фельдшара, амаль заўсёды неахвотна, наракаючы на яго і на яго лекі» [12, с. 59]. Э. Яленьска тлумачыць нежаданне сялян звяртацца да афіцыйных урачоў іх кансерватыўнасцю, а таксама з тым, што фельдшару неабходна плаціць грашыма і больш, чым знахарам. Яшчэ адной прычынай было шырока распаўсюджанае сярод насельніцтва меркаванне, што толькі знахары могуць лячыць пэўныя хваробы. Так, адзін з інфармантаў М. Федароўскага адзначае: «*Ад каўтуна, ці ад урокаў, ці ад падвеяння, то жадзін дохтар не паможа, бо гэта анно знахары ведаюць як адрабіць*» [13, с. 103].

З 1930–1950-х гг. попыт на знахарскую дзейнасць у галіне лячэння зніжаецца. Гэтаму паспрыяла прапаганда медыцынскіх спосабаў лячэння хвароб, адукацыя, а таксама развіццё сеткі медыцынскіх устаноў у сельскай мясцовасці, асабліва з 1950-х гг. Гэтым тлумачыцца паступовы пераход лячэння значнай часткі хвароб, якія раней былі ў кампетэнцыі знахарства, да навуковай медыцыны. Так, яшчэ ў 1960-я гг., па звестках Л.І. Мінько, многія бацькі хворых на спазмафілію дзяцей адвозілі да знахароў [14, с. 120–121]. Сучасныя ж матэрыялы палявых даследаванняў сведчаць, што ўжо ў канцы XX – пачатку XXI ст. да «*знаючых*» з падобнымі захворваннямі не звяртаюцца, аддаючы перавагу навуковай медыцыне. Напрыклад, Касцючэнка Ніна Іванаўна (1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна) так ахарактарызавала запатрабаванасць насельніцтва ў знахарскіх паслугах па лячэнні: «*Большэ нуждалісь после вайны і ва врэмя вайны, у перыяд дзета да пяцьдзесят восьмага–пяцьдзесят дзевятага года* (1958–1959 гг. – *У.Г.*). *Патом начча будта бы заціша было. Так, людзі прыходзілі. У дзярэўні у каго-та скула, у каго-та рожа села, яны ідуць і шукаюць такіх бабак*» [7, арк. 7].

У выніку гэтых працэсаў у кампетэнцыі знахароў засталіся толькі тыя хваробы, якія, на думку часткі насельніцтва, навуковай медыцынай лячыцца не могуць, а лечацца толькі знахарамі. Гэта пацвярджаюць і матэрыялы анкетавання. Так, адзін з рэспандэнтаў (жанчына 27 гадоў, г.п. Давід-Гарадок Столінскага раёна) на пытанне: «Якія змены адбыліся са знахарствам?» адказала: «*раней знахары замянялі лекараў, а цяпер больш варажбуюць зглаз*» [15]. Яшчэ адзін рэспандэнт дапаўняе гэты адказ (г. Мазыр): «*У наш час людзі звяртаюцца за дапамогай да таблетак, а да знахараў звяртаюцца ў крайніх выпадках*» [15]. Знахарства Беларускага Палесся ў канцы XX – пачатку XXI ст. прадстаўлена «*шаптунамі*», таму ў знахарскай практыцы захаваліся пераважна тыя хваробы, якія раней уваходзілі ў сферу дзейнасці гэтага тыпу знахароў.

У выніку пазначаных вышэй працэсаў у канцы XX – пачатку XXI ст. асноўным заняткам знахароў з'яўляецца менавіта лячэнне людзей. Пераважна гэта хваробы, нібыта выкліканыя немаўмысным чараваннем ці ўздзеяннем на чалавека («*урокі*», «*зглаз*», «*ляк*», «*насланне*»), пэўныя хваробы скуры («*рожа*», «*скула*»), розныя бытавыя траўмы («*звіх*», «*удар*», «*крывацёк*»). Астаповіч Ганна Уладзіміраўна (1950 г.н., г.п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна. Нарадзілася ў в. Лохніца Лельчыцкага раёна) прывяла тыповы пералік хвароб, ад якіх лечаць сучасныя знахары: «*Нервы ў мяне ёсць малітва, я лячу, нервы лячу, іспуг лячу, зглаз лячу, дзеткам ночное, дзецкая балезнь, как цяпер называюць пілепсія, патом ішчэ ізвіх, вот колыхнулі ногу, я напраўляю, удар, еслі ударыў крэпка боль, то я эта лячу, вот такія вот*» [7, арк. 18]. У знахарстве ў канцы XX – пачатку XXI ст. існуе трывалы падзел хвароб на тыя, якія лечацца знахарамі, і тыя, з якімі неабходна звяртацца да навуковай медыцыны. Па

словах Касцючэнкі Ніны Іванаўны (1944 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1986 г. пражывала ў в. Кулажын Брагінскага раёна), «*еслі печань ілі там што-та такое сер'ёзнае, дак канешна к врачам. А еслі, дапусцім, у чалавека села чырка, ён паехаў у бальніцу, яму там разрэзалі, а яна не зажывае, то ён прыходзіць і к бабке і яна зажывае. Ілі там рожа, яно раскідуе краснае ногу, усё баліць і паедзь у бальніцу, там нічога не здзелаюць. А ў бабкі за два-тры дні ўсё праходзіць*» [7, арк. 7]. Калі «*шаптуха*» лічыць, што не можа дапамагчы хвораму ад пэўнай хваробы, то ў залежнасці ад пастаўленага ёй дыягназу накіроўвае яго да другой знахаркі ці ў бальніцу. З другога боку, інфарманты прыводзяць выпадкі, калі некаторыя ўрачы пры пэўных хваробах, напрыклад «*рожы*», самі накіроўваюць пацыентаў да знахароў. Як адзначае Сасноўская Ева Паўлаўна (1938 г.н., г.п. Лельчыцы Лельчыцкага раёна), «*рожа, от ужэ сколько прыходзілі, у больніцы отпраўляюць: "Ідзіце, шукайце бабу, хай баба гаворыць"*» [7, арк. 44].

Аб запатрабаванасці асобных знахарскіх функцый насельніцтвам сведчыць анкетаванне жыхароў горада Гомеля. Рэспандэнтам было прапанавана адказаць на пытанне аб асноўных функцыях знахароў (лячэнне людзей, лячэнне жывёлы, варажба). Варыянт адказу «лячэнне людзей» адзначылі 395 чалавек (79 %), прычым абсалютная большасць апытаных (344, або 68,8 %) ахарактарызавалі гэты занятак знахароў як часты. Абсалютная большасць рэспандэнтаў, якія карысталіся паслугамі знахароў (240 чалавек, або 98 %), звярталіся да іх, каб вылечыць пэўныя захворванні. Большасць з іх ахарактарызавала інтэнсіўнасць свайго звяртання да знахароў словам «рэдка». «Частым» сваё звяртанне да знахароў па дапамогу ў лячэнні хвароб палічылі 76 рэспандэнтаў (або 31,6 % ад тых, хто звяртаўся за дапамогай да знахароў). Часцей за ўсё насельніцтва горада Гомеля звяртаецца да знахароў для лячэння «*ляку*». «*Урокі*» і «*порчу*» назвалі 48 (20 % ад тых, хто звяртаўся да знахароў) і 53 (22,1 % ад тых, хто звяртаўся да знахароў) чалавек адпаведна. Колькасць тых, хто звяртаўся да знахароў за дапамогай у лячэнні іншых хвароб, меншая (пры «*рожы*» да знахароў звярталася 16,2 %, «*скулы*» – 4,5 %, звіх-удар – 12,9 % ад агульнай колькасці апытаных, што звярталіся да знахароў). Радзей у знахароў лячылі «*волас*», «агульнае недамаганне», «уросшы ногаць», «аціт», «язву», «рак», «нервовыя захворванні», «павышаную санлівасць», «боль у хрыбце», «кашаль» [16].

22,1 % рэспандэнтаў, якія звярталіся да знахароў, лячыліся ад «*порчы*». Слова «*порча*», запазычанае з рускай мовы, шырока распаўсюдзілася ў другой палавіне XX ст., асабліва сярод гарадскога насельніцтва і моладзі, замест традыцыйных абазначэнняў тыпу «*зроблена*». Аднак у выніку знікнення «*знахароў*», у кампетэнцыі якіх было лячэнне ад чараўніцтва, толькі асобныя носьбіты знахарскіх ведаў у канцы XX – пачатку XXI ст. бяруцца лячыць наступствы негатыўнай магіі. Пераважная большасць з апытаных «*шаптух*» не ўмеюць «*адрабляць*» і прапануюць тым, хто звярнуўся да іх па дапамогу шукаць «*знахароў*». Як лічыць Дарошчанка Лідзія Сцяпанаўна (1935 г.н., в. Зарэчча Брагінскага раёна. Нарадзілася ў в. Паляны Брагінскага раёна), «*знахары ета ведзьмакоў ўжо адлечуюць, а я ўжэ такіх сільных не адлячу. Так урокі, дак урокі*» [7, арк. 123]. Запатрабаванасць насельніцтва ў гэтым відзе дзейнасці прымушае знахароў шукаць іншыя спосабы лячэння «*порчы*». Адна з апытаных дысертантам «*шаптух*», Варабей Марына Міхайлаўна (1940 г.н., в. Баравое Лельчыцкага раёна), прасіла пры наступнай сустрэчы перапісаць ёй замову «*ад чараўнікоў*» [7, арк. 20]. Некаторыя «*шаптухі*» лечаць «*порчу*» з выкарыстаннем замоў, запазычаных з літаратуры адпаведнай тэматыкі, якая шырока даступна ў наш час.

Кола праблем, якія пэўны знахар можа дапамагчы вырашыць, у канцы XX – пачатку XXI ст. адрозніваецца. Некаторыя «*шаптухі*» замаўляюць толькі ад нейкай адной хваробы. Напрыклад, Садчанка Ганна Еўстраф'еўна (1926 г.н., в. Губічы Буда-Кашалёўскага раёна. Да 1984 г. пражывала ў г. Хойнікі Хойніцкага раёна) замаўляе толькі ад «*ляку*» [7, арк. 14]. Большасць знахароў замаўляюць ад некалькіх хвароб. Звычайна гэта «*ляк*», «*урокі*» для лячэння людзей і жывёлы, «*рожа*», «*залатнік*».

Такім чынам, знахарская практыка па лячэнні людзей ў Беларускім Палессі ў разгляданы перыяд істотна змянілася. У пачатку XX ст. паслугамі знахароў па лячэнню карысталася пераважная большасць насельніцтва. На працягу разгляданага перыяду, у

выніку развіцця медыцынскай інфраструктуры, ліквідацыі бар'ераў у доступе да яе, а таксама трансфармацыі традыцыйнай культуры большая частка захворванняў пераходзіць са знахарскай кампетэнцыі да ўрачоў. У пачатку XXI ст. кола хвароб, з якімі насельніцтва звяртаецца да знахароў, абмежавана тымі з іх, якія, згодна з распаўсюджанымі ўяўленнямі, лечацца толькі пры дапамозе знахарства.

Літаратура

1. Ганчар, У.А. Тыпы «знаючых» у Беларускім Палессі і іх змены ў XX – пачатку XXI ст. / У.А. Ганчар // Весці Палесскага дзяржаўнага універсітэта. Сер. грамад. і гуманітар. навук. – 2011. – № 1. – С. 20–26.
2. Moszyński, K. Polesie wschodnie: Materjały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu Mozyrskiego oraz z powiatu Rzeczyckiego / K. Moszyński. – Warszawa : Wyd-wo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 304 s.
3. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі ; навук. рэд. А.С. Фядосік ; прадм. У.К. Касько. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
4. Материалы по этнографии Гродненской губернии : в 2 вып. / изд. Упр. Вилен. учеб. округа ; под редакцией Е.Р. Романова. – Вильно : Рус. почин, 1911–1912. – Вып. 1. – 1911. – 239 с.
5. Ossendowski, F.A. Polesie / F.A. Ossendowski. – Poznań : Wyd-wo Polskie R.Wenger, 1935. – 202 s.
6. Бараноўскі, Я. Санітарна-бытавы стан вёскі Радзілавічы, Букчанскі сельсавет, Тураўскі раён, Мазырская акруга / Я. Бараноўскі // Наш край. – 1928. – № 8–9. – С. 47–64.
7. Архіў аддзела Народазнаўства «Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы» (філіял дзяржаўнай навуковай установы «Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»). – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 152.
8. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Часлаў Пяткевіч ; уклад., прадм. У. Васілевіча; пер. з пол. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2004. – 670 с. – (Беларускі кнігазбор: БК, Серыя 1, Мастацкая літаратура. Серыя 2, Гісторыка-літаратурныя помнікі).
9. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века : в 4 т. / сост.: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М. : Языки славянских культур, 2010. – (Studia philologica) – Т.1 : Люди со сверхъестественными свойствами / сост.: Л.Н. Виноградова, ЕЕ. Левкиевская. – 2010. – 648 с.
10. Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней: материалы полевой и архивной коллекции Л.М. Ивлевой / М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Рос. ин-т истории искусств; сост., подгот. текстов, предисл. и справ. аппарат В.Д. Кен. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. – 438 с. – (Ethnographica petropolitana; 13).
11. Жук, У. Санітарна-бытавы стан вёскі Дуброва Лельчыцкага сельсавету Мазырскае акругі / У. Жук, П. Панкоў // Наш край. – 1929. – № 2. – С. 43–49.
12. Jeleńska, E. Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim / E. Jeleńska. – Warszawa : J. Jeżyński, 1892. – 83 s.
13. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1894: w 3 t. / M. Federowski. – Kraków : Wyd-wo Komisii antropologicznej akademii umiejętności, 1897–1903. – T. 1: Wiara, wierzenia: przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima i Sokółki. – 1897. – 510 s.
14. Минько, Л.И. Пережитки лечебной магии и их вред / Л.И. Минько // Быту и культуре села – повседневное внимание : сб. выступлений на науч.-практ. конф. / под ред. А.Т. Короткевича, А.И. Залесского. – Минск: Урожай, 1969. – 128 с.
15. Архіў аддзела Народазнаўства «Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы» (філіял дзяржаўнай навуковай установы «Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»). – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 155.
16. Архіў аддзела Народазнаўства «Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы» (філіял дзяржаўнай навуковай установы «Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»). – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 154.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 14.03.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94:327.82(410):327.5(438:470+570)«1920»

Посреднические инициативы Великобритании в ходе польско-советской войны летом 1920 г.

Е.Н. Дубровко

На основе широкого круга источников проведён анализ попыток британского посредничества в польско-советской войне летом 1920 г. Сделан вывод о том, что Великобритания, рассматривая указанный конфликт как не критический, предпринимала дипломатические шаги, направленные на его свёртывание, оказывая давление на обе стороны, исходя преимущественно из собственных экономических интересов.
Ключевые слова: Великобритания, польско-советская война, «линия Керзона», Лондонская конференция.

In the article the analysis of the British attempts to mediate in the Polish-Soviet war in the summer of 1920 has been made on the basis of a wide range of sources. It is found out that the United Kingdom, considering the conflict as not critical, undertook diplomatic steps aimed at its curtailing putting pressure on both sides, economic interests being its main reason.
Keywords: the United Kingdom, Polish-Soviet war, «Curzon Line», London conference.

Обращение к историческому опыту поиска эффективных механизмов урегулирования международных вооруженных конфликтов является актуальной задачей современной исторической науки в силу по-прежнему существующей в начале 21 столетия проблемы войн. В русле указанной задачи в данной статье проводится анализ попыток британского посредничества в польско-советской войне летом 1920 г., который представляет особый интерес для белорусских историков, поскольку его последствия нашли отражение не только в появлении и закреплении в общественно-политической и научной мысли широко известного понятия «линия Керзона», но и в очертаниях современных западных границ Республики Беларусь.

В британских политических и военных кругах была замечена активизация военных действий на польско-советском фронте в конце апреля 1920 г. [1, p. 18, 37]. Британские военные во главе с У. Черчиллем пытались использовать обострение польско-советских отношений для отстаивания необходимости оказания помощи Польше. При этом они использовали, с одной стороны, германофобию британского правительства, указывая, что победы большевиков и ослабление Польши активизируют германский реваншизм. С другой стороны, учитывалось известное стремление британского премьера к налаживанию экономических связей с территорией бывшей Российской империи: отмечалось, что лишь независимая Украина, созданная Польшей в итоге войны с большевиками в качестве буфера, позволит избежать анархии на пограничных землях и включить их в нормальные экономические отношения [2, p. 1–3], [3, s. 1–6]. Однако давление военных было безрезультатно. Оно перевешивалось давлением советской стороны, которая через главу советской торговой делегации Л.Б. Красина поставила вопрос об экспорте российского сырья в Англию в зависимость от решения вопроса о мире с Польшей [4, p. 281–290].

В начале июня 1920 г. ситуация на польско-советском фронте изменилась. Советские войска перешли в успешное наступление, подтвердившее британские предположения о недолгосрочности польских успехов. В таких обстоятельствах британские военные активизировали своё давление. У. Черчилль, в частности, помимо приведённых ранее аргументов указывал, что продвижение большевиков на запад ликвидировало возможность разоружения Германии, что, в свою очередь, усиливало недовольство Франции и могло привести к коллапсу Версальской системы [5, p. 156]. В этих условиях британское правительство, не принимая решения о помощи Польше, отказалось и от давления на неё [6, s. 55].

В июле 1920 г. в условиях наступления советских войск с инициативой более тесного вовлечения Великобритании в польско-советский конфликт выступила уже польская сторо-

на. 6 июля министр иностранных дел Польши Ст. Патек встретился по этому поводу с британским премьер-министром и другими британскими политиками в бельгийском городе Спа, где проходила международная конференция. Переговоры в Спа убедили британского премьера в неизбежности поражения польских войск и возможности реализации сценария, описанного ранее У. Черчиллем [4, p. 490–491]. Это побудило Д. Ллойд Джорджа предложить мирный путь урегулирования конфликта, который позволил бы подключить Францию к переговорам с советским правительством. Британская делегация представила союзникам проект телеграммы, содержавший ряд предложений к советскому правительству. Отстаивая его на встрече с союзниками в Спа, Д. Ллойд Джордж заявлял о необходимости выставить приемлемые для Советской России условия. Помимо заключения перемирия с Польшей и П. Врангелем, предлагалось провести в Лондоне под контролем союзников конференцию между Советской Россией, Польшей, Литвой, Латвией, Финляндией и с участием представителей Восточной Галиции и П. Врангеля. В итоге, предложения Великобритании явно не удовлетворили ни Польшу в вопросе восточных границ, ни Францию, которая хотела включить в перечень предложений вопрос о признании долгов [4, pp. 490–491, 513–518, 524–530]. Соответственно, никто из союзников не подписался под отправленным документом, придавая ему паллиативный характер. Усилила такой характер и позиция британского правительства. Несмотря на то, что проект предполагал, рассмотрение британских предложений в качестве основы для возобновления торговых отношений с Россией, текст ноты от 11 июля такой формулировки не содержал. Предложения Великобритании были перечислены после указания согласия британского правительства на продолжение переговоров для заключения торгового соглашения и представлены как дополнительные [4, p. 529], [7], [8, с. 54–55]. Британская инициатива в деле решения польско-советского конфликта в начале июля 1920 г. не получила ярых лоббистов ни в среде союзников, ни в лице самого британского правительства.

В своём ответе на британскую ноту от 11 июля советское правительство отказалось от посредничества Великобритании в деле заключения мира с Польшей [8, с. 47–53]. Однако линия перемирия, предложенная в этой «ноте Керзона» и отражавшая мнение союзников, в большей мере Великобритании, о пределах советского продвижения на запад, стала важной отправной точкой при формулировании сторонами конфликта их требований. В период военных успехов советской армии, то есть вплоть до середины августа 1920 г. польское правительство, обсуждая возможные условия перемирия, принимало «линию Ллойд Джорджа» (она же «линия Керзона» – Авт.) на участке от Гродно до Бреста. На южном участке поляки не оставляли своих претензий на Восточную Галицию. Подтверждал это отказ Польши подписать 10 августа 1920 г. пограничный договор с пятью Главными союзными Державами, Чехословакией, Югославией, Румынией, так как он не включал Восточную Галицию в состав польского государства [9, s. 133]. В отличие от Польши советская сторона в июле 1920 г. рассматривала возможности отклонения от «линии Керзона» не в свою пользу, а в пользу Польши «по дипломатическим соображениям» [10, с. 140–141]. Заявление о предоставлении Польше более выгодной границы должно было вызвать симпатии к советской власти не только у польского населения, но и у части западноевропейского общества.

Отказ советского правительства от британского посредничества и продолжение наступления советских войск вызвали рост беспокойства в британском правительстве, связанный с усилившейся угрозой «европейскому миру» [11, p. 26].

Была одобрена и стала реализовываться политика более активного дипломатического вмешательства в польско-советский конфликт. В отношении советского правительства Великобритания попыталась применить угрозу прекращения торговых переговоров [8, с. 63]. Одновременно Великобритания обратилась к польскому правительству с просьбой тот же час отправить советскому правительству предложение о перемирии [12, p. 302].

Данные инициативы Великобритании оказались успешны. Последовал обмен нотами между польской и советской сторонами 22–25 июля с предложением о начале переговоров о перемирии и его принятием [8, сс. 60–61, 64]. Этот факт позволил Великобритании принять советскую делегацию для ведения дальнейших торговых переговоров [8, с. 63], [4, p. 662].

В конце июля вновь открылась возможность для проведения предложенной Великобританией конференции в Лондоне. 24 июля в Великобритании была получена нота НКИД РСФСР, в которой советское правительство выражало согласие на её созыв, намереваясь, однако, придать ей иной статус. Отмечалось, что «конференция должна состоять из представителей России и руководящих держав Антанты» [8, с. 61], [4, p. 650]. Очевидно, что такая формулировка, предполагавшая равноправие участников или, как минимум, взаимное признание, не была приемлема для Великобритании. Её не принял бы ни британский парламент, ни союзное французское правительство [7], [4, p. 513–515].

Привлекаемый перспективами Лондонской конференции, британский премьер вновь взялся за её инициирование. Заявленный советским правительством формат Д. Ллойд Джордж попытался скорректировать. В ответной ноте советскому правительству от 26 июля говорилось о «посещении этой (Лондонской – Авт.) конференции представителями ведущих держав Антанты» и предлагалось уполномочить советскую делегацию во главе с Л.Б. Каменевым на «обсуждение предварительных условий для мирной конференции» [13, p. 125–126]. В парламенте он заявил о согласии Советской России на переговоры в Лондоне «с целью установления соглашения между Россией и государствами, вовлечёнными во враждебные действия против неё, и на присутствие представителей ведущих держав Антанты» [14].

Перед Францией британский премьер также отстаивал идею Лондонской конференции, используя для этого встречу с А. Мильераном в Булони 27 июля. Её итогом стало принятие текста телеграммы советскому правительству, отправленной 29 июля от имени Великобритании. Британское правительство предложило присутствие на конференции делегатов советского правительства, правительств «окраинных государств» и союзных правительств. Главной целью конференции было заявлено восстановление мира в Европе, прежде всего между Польшей и Россией, далее – разрешение вопросов между Россией и «окраинными государствами», далее – обсуждение спорных вопросов между Россией и союзниками [8, с. 63–64]. Одновременно был принят текст телеграммы в Варшаву, в которой указывалось, что полякам следует вести лишь переговоры о перемирии, а окончательный мир будет заключён в Лондоне [4, p. 660].

Миротворческие инициативы Великобритании конца июля 1920 г объяснимы, исходя из результатов анализа международной ситуации британскими политиками как в регионе польско-советского конфликта, так и в Европе в целом. Они содержатся в отчёте члена британской миссии в Польшу М. Хэнки, представленном в начале августа 1920 г., и меморандуме о европейской ситуации, подготовленном Форин офис для Кабинета. Данные документы показывают, что британские политики исходили из представлений о:

– слабости Польши и неспособности её противостоять большевикам даже с помощью союзников (непосредственное использование британских войск исключалось);

– возможности продвижения российской границы на запад до непосредственного контакта с Германией, которое может привести к соглашению между странами по вопросу раздела польской территории (Германия получит Верхнюю Силезию, «польский коридор», Данциг и доступ к украинскому зерну) и экономическому сотрудничеству (Россия получит оборудование, необходимое для обработки её природных богатств);

– истощённости и взаимном недоверии Германии и России, которые предотвратят их дальнейшее сближение;

– неотвратимой реакции Франции на падение Польши в форме «оккупации Рура», которая может повлечь откол от Германии прирейнской области и Баварии и превратить Францию в «хозяйку континента»;

– зависимости будущего Великобритании преимущественно от «заморских связей»;

– отсутствии в текущий момент угрозы для британских доминионов и морских путей, обеспечивающих их связь с Великобританией;

– необходимости избегать в целях безопасности британских островов враждебности стран, владевших побережьем пролива Ла-Манш и портами Северного моря – Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Дании, – союза между ними или захвата этих территорий одной державой.

Данные приоритеты породили соответствующие рекомендации по вопросу внешней политики Великобритании, в том числе в деле польско-советского конфликта: избегать военных обязательств и попытаться реализовать мирный путь его разрешения, в случае неуда-

чи – подчеркивать всячески вину самой Польши; улучшить отношения с Германией и использовать её в качестве моста для восстановления отношений с Россией; улучшая отношения с Германией и Россией, предотвратить их враждебность и военный союз против Великобритании [15, pp. 3–5, 41–42], [16, s. 8–17].

В конце июля – начале августа 1920 г. Красная армия пересекла линию, указанную в декабрьской 1919 г. декларации союзников в качестве временной восточной границы Польши. Это был удар по политике британского премьера. С одной стороны, оказались под угрозой его переговоры с советской делегацией. С другой стороны, в Великобританию поступали сведения о том, что советская сторона потребовала от поляков переговоров не только о перемирии, но и о мире, что делало более сомнительным успех отстаиваемой Д. Ллойд Джорджем идеи созыва конференции в Лондоне [8, с. 86].

В условиях бурной реакции британских общественно-политических кругов обязательства по отношению к Польше, сводившиеся к защите её территории в пределах линии 8 декабря 1919 г., вынудили Великобританию более активно вмешаться в советско-польские отношения и оказать давление на советскую сторону. Советское правительство было уведомлено посредством официальной ноты, а также в ходе личной встречи премьера с советской делегацией в Лондоне о факте продвижения Красной армии в «собственно Польшу» и, соответственно, обязанности Великобритании оказать помощь Польше. Д. Ллойд Джордж угрожал поставкой оружия в Польшу, восстановлением блокады Советской России и отказом от англо-советских переговоров, если в течение четырёх дней не будет заключено перемирие. Более того, на очередной встрече 6 августа премьер-министр заявил советским делегатам о необходимости сделать условия советско-польского перемирия приемлемыми для Франции, чтобы она согласилась принять участие в Лондонской конференции. Д. Ллойд Джордж прибег, по сути, к ультимативной форме заявления и дал срок для принятия этих условий до 8 августа. Одновременно он потребовал объявления о приостановке военных действий из Москвы и Варшавы в полночь с 9 на 10 августа [8, с. 86], [4, pp. 670–680, 695–698, 725, 730].

Для отстаивания своей политической линии в польско-советском споре перед Францией Д. Ллойд Джордж использовал встречу с А. Мильераном в английском местечке Лим недалеко от Гайза (в советской историографии – недалеко от Фолкстона – Авт.) 8–9 августа. В ходе неё было получено сообщение о назначении на 11 августа советско-польской встречи в Минске [4, p. 723]. Оно позволило вновь оттянуть непосредственное вовлечение в конфликт великих держав и попытаться реализовать мирный путь его урегулирования. Именно на это были направлены усилия британского премьера в ходе всей встречи с французским коллегой. Д. Ллойд Джордж прилагал усилия для минимизации союзнических обязательств на случай «оправданного» отказа Польши от перемирия и продолжения военных действий, а также отстаивал право Великобритании на продолжение переговоров с советской делегацией [4, pp. 733–748, 754–755].

В целом можно считать, что встреча в Лиме была успешной для британского премьера в деле отстаивания его политики в вопросе польско-советских отношений.

Выступая 10 августа в палате общин, Д. Ллойд Джордж также прилагал усилия для оттягивания решительных действий, ведя речь лишь о перспективах британской политики, обсуждать которые не было смысла, пока не прошли переговоры в Минске. Он отказался комментировать напечатанные в прессе советские условия перемирия, с которыми он предварительно уже ознакомился из ноты председателя советской делегации, подчёркивая право Польши «самой решать» [17].

В семь часов вечера того же дня премьер собрал совещание членов Кабинета и поставил перед ними вопрос о передаче проекта советских требований Франции и Польше и необходимости уведомления их о британской позиции по вопросу о характере этих требований. По итогам заседания в тот же день была отправлена телеграмма в Варшаву, уведомившая польское правительство о том, что британское правительство рассматривает указанные требования как приемлемые и в случае отказа Польши их принять и срыва переговоров Великобритания не окажет полякам помощи против Красной армии [18, p. 387–388], [11, p. 120–122].

По сути, это был кульминационный момент для британской политики в вопросе разрешения советско-польского конфликта и её самый решительный шаг. Однако он оказался безуспешен.

Во-первых, 11 августа в Великобританию пришли сведения, что переговоры в Минске не начались. Советские войска продолжали движение, хотя и находились значительно западнее признанной союзниками этнографической границы Польши. Последовавший обмен нотами между Советской Россией и Великобританией по этому вопросу показал обострение англо-советских отношений [11, p. 105], [8, с. 122–123].

Во-вторых, 11 августа пришли сведения о признании правительства П.Н. Врангеля Францией, предпринятом в ответ на британскую телеграмму в Польшу от 10 августа [11, p. 102]. Более того, Франция проинформировала польское правительство, что считает советские требования неприемлемыми. Депеши из Вашингтона свидетельствовали о поддержке позиции Франции со стороны США [18, p. 389]. Эти факты подорвали престиж британского премьера и внутри страны, и на международной арене. Они показывали, что Д. Ллойд Джордж не контролировал совместные действия союзников в польско-советском конфликте.

В этих обстоятельствах Великобритания стала на путь поиска компромиссного варианта. Была предпринята попытка сохранить англо-советские отношения: в ответ на советскую ноту, содержащую запрос о решении в отношении генерала П.Н. Врангеля, 16 августа был отправлена нота с заверением, что британское правительство не намеревается признавать его или оказывать помощь, но должно будет пересмотреть позицию, если советское правительство предъявит Польше условия, нарушающие её независимость [8, с. 131–136]. В то же время 14 августа в Великобритании появилось официальное сообщение о том, что она не советовала Польше принимать условия большевиков. Британский Кабинет лишь считал, что британский народ не одобрит объявления войны для достижения лучших условий для Польши [12, p. 675]. Это была защитная реакция против оппозиционных кругов внутри и за пределами страны. В отношении французского демарша Кабинет предположил, что французы пытаются провести дипломатический маневр: заявить о признании П. Врангеля, а потом сделать вид, что пошли на уступки Великобритании в польском вопросе, и потребовать уступки в вопросе об оккупации Рура. Было решено проигнорировать действия Франции и подождать развития событий [11, p. 121–123]. Также выжидательная позиция была занята в политике в отношении Германии, связанной с итогами польско-советского конфликта: решение вопроса о пределах её разоружения ставилось в зависимость от польско-советских переговоров и их исхода [19, pp. 2, 3].

Неделя с 16 по 22 августа характеризовалась значительными переменами на польско-советском фронте. После успешного для них сражения под Варшавой поляки развивали активное наступление на восток. В то же время открылись советско-польские переговоры в Минске.

Хотя в Великобритании сохранялась уверенность в недолгосрочности польских успехов и скорой новой победе Красной армии, активное наступление польских войск и их выход за признанную союзниками польскую границу на востоке были крайне нежелательны [4, p. 759]. Эту позицию поддерживали США и Франция, которые считали исходной пограничную линию, утверждённую в июле в Спа и совпадавшую в основных чертах с линией, указанной в декларации союзников от 8 декабря 1919 г. [20]. Это давало надежду британскому правительству на сдержанность Польши, так как само оно оказывать значительного влияния на поляков уже не могло. После получения в Варшаве британской телеграммы от 10 августа отношения Польши и Великобритании резко ухудшились. Отсутствие поддержки этого демарша со стороны Франции усугубило положение. Становилось очевидным, что политическое лидерство среди союзников в вопросе польско-советского противостояния переходило к Франции, Великобритания оказывалась в политической изоляции в этом вопросе.

Таким образом, летом 1920 г. Великобритания предприняла ряд дипломатических шагов, направленных на свёртывание польско-советского конфликта, оказывая давление на обе его стороны. Эти действия Великобритании были обусловлены преимущественно её стремлением к установлению выгодных экономических отношений с Советской Россией, поскольку сам конфликт с точки зрения угрозы безопасности Великобритании рассматривался как некритический, хотя и нежелательный. Он не угрожал непосредственно безопасности Британской империи, но осложнял установление экономических отношений с РСФСР и обострял отношения с союзниками, прежде всего с Францией.

Литература

1.List of Cabinet Papers Nos. 1401–1500 [Electronic resource]. – Mode of access : http://filestore. nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-107.pdf. – Date of access : 21.09.2015.

2.The situation in Poland [21st May, 1920]. [Electronic resource]. – Mode of access : http://discovery. nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7735818?is Full Description=False#. – Date of access : 07.12.2015.

3.Naczelne dowództwo WP. Referat informacyjny z dnia 1 maja 1920, Anglia // Archiwum Act Nowych. – Zespół 322. – Sygn. 229. – S. 1–6.

4.Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / ed. by R. Butler [etc.]. – London, 1958. – Vol. 8. – 892 p.

5.List of Cabinet Papers. Papers 1501–1600. Inclusive [Electronic resource]. – Mode of access : http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-108.pdf. – Date of access : 21.09.2015.

6.Świtalski, K. Diariusz 1919–1935 / K. Świtalski. – Warszawa : Czytelnik, 1992. – 836 s.

7.Trade relations, Russia and Poland (armistice proposal) // House of commons Debates. 12 July 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/jul/12/trade-relations-russia-and-poland#S5CV0131P0_19200712_HOC_219. – Date of access : 03.03.2016.

8.Документы внешней политики СССР : сборник / Министерство иностранных дел СССР. – М., 1959. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Г.А. Белов [и др.]. – 724 с.

9.Wasilewski, L. Kwestia ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe / L. Wasilewski // Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego. – Warszawa : Drukarnia Piotr Pyz i S-ka, 1934. – T. XXVIII. – Zeszyt 1. – 146 s.

10.Записка Ю. Мархлевского о возможности передачи Польше трёх уездов Белостокского округа. Москва 14.7.1920 // Польско-советская война. (Ранее не опубликованные документы и материалы) : в 2 ч. / редкол. : И.И. Костюшко [и др.]. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 140–141.

11.Conclusions of Meetings of the Cabinet Jul. 7th – Oct. 28th 1920. Nos. 39(20)–58(20) [Electronic resource]. – Mode of access : http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-22.pdf. – Date of access : 21.09.2015.

12.Komarnicki, T. Rebirth of the Polish Republic. A study in the diplomatic history of Europe, 1914–1920 / T. Komarnicki. – Melbourne ; London ; Toronto : William Heinemann LTP, 1957. – 776 p

13.Foreign countries report № 22, 28th July 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http:// filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-154.pdf. – Date of access : 15.03.2016.

14.Parliament. House of Commons // The Times [Electronic resource]. – 1920. – 27 Jul. – Mode of access : http://archive.timesonline.co.uk/. – Date of access : 17.09.2008.

15.Personal report by Sir Maurice Hankey on his visit to Warsaw, July 1920. [Electronic resource]. – Mode of access : http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7736217?isFullDescription= False. – Date of access : 17.12.2015.

16.Memorandum przygotowane przez F.O. dla użytku gabinietu angielskiego: British policy in relation to the European situation, 1920 // Archiwum Act Nowych. – Zespół 322. – Sygn. 5073. – S. 8–17.

17.Statement by Prime minister // House of Commons Debates 10 August 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/aug/10/statement-by-prime-minister. – Date of access : 15.11.2015.

18.Cabinet Papers. Papers. Nos 1701–1800 Inclusive [Electronic resource]. – Mode of access : http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-110.pdf. – Date of access : 21.09.2015.

19.The German situation from a military aspect. Memorandum by the general staff, 16th August, 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/image/Index/D7736275? isFullDescription=False. – Date of access : 13.12.2015.

20. Poland declines to restrict war to ethnic border // The New York times [Electronic resource]. – 1920. – 3 Sept. – Mode of access : http://query.nytimes.com/. – Date of access : 15.07.2008.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.04.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94(476)

Станаўленне рынкавых інстытутаў і рэфармаванне эканомікі Беларусі ў 1991–1994 гг.

П.А. Жылінскі

На падставе шырокага кола архіўных крыніц, матэрыялаў перыядычнага друку, дадзеных афіцыйнай статыстыкі ў артыкуле разглядаюцца працэсы станаўлення рынкавых інстытутаў у Беларусі на працягу першай паловы 1990-х гг. Аўтар асвятляе працэс стварэння рынкавай інфраструктуры, якая ўключала ў сябе мерапрыемствы па фарміраванні рынку капітала, сродкаў вытворчасці, іншых важных элементаў новай эканамічнай мадэлі. У выніку даследавання ўстаноўлена, што гэтыя працэсы насілі супярэчлівы характар. З аднаго боку ствараласяя неабходная інфраструктура, удасканальвалася нарматыўна-прававая база. Разам з тым працэсы рэфармавання рухаліся павольна, пераўтварэнні нярэдка насілі палавіністы і не зусім паслядоўны характар, беларуская эканоміка па-ранейшаму захоўвала шмат рысаў, уласцівых для савецкай адміністрацыйна-каманднай сістэмы.
Ключавыя словы: рынкавая эканоміка, банкі, рынак каштоўных папер, гандаль, эканамічная трансфармацыя, Рэспубліка Беларусь, рэформы, 1990-ыя гг., навейшая гісторыя Беларусі, эканамічнае развіццё Беларусі.

The processes of market institutions development in Belarus during the first half of the 1990s are analyzed on the basis of a wide range of archival sources, periodical press materials, official statistics the article examines. The process of creating the market infrastructure which included measures for the capital market formation, the means of production, other important elements of the new economic model are considered. As a result of the study an ambivalent character of these processes was determined. On the one hand, they created the necessary infrastructure, vividly improved the existing legal framework. Alongside with this, the reform processes were implemented very slowly, they were often limited to half-way, inconsistent measures and the Belarusian economy still retained many features peculiar to the Soviet administrative-command system.
Keywords: market economy, banks, stock market, trade, economic transformation, Republic of Belarus, reforms of the 1990s, newest history of Belarus, economic development of Belarus.

Пераходная эканоміка ўяўляе сабой працэс трансфармацыі адміністрацыйна-каманднай сістэмы ў рынкавую. Падчас яе не толькі змяняецца эканамічная палітыка і метады гаспадарання, а адбываецца пераўтварэнне ўсёй сацыяльна-эканамічнай сістэмы. У выніку новымі становяцца адносіны ўласнасці, сувязі вытворчасці і спажывання, мэты і сродкі эканамічнага развіцця. Ключавую ролю ў трансфармацыйных пераўтварэннях мае працэс стварэння рынкавай інфраструктуры, якая ўяўляе сабой сукупнасць інстытутаў, якія забяспечваюць неабходныя ўмовы для функцыянавання рынкавых адносін. Рынкавая інфраструктура ўключае ў сябе рынак капітала, сродкаў вытворчасці, працы і іншыя важныя складанікі, якія дазваляюць функцыянаваць рынкавай эканоміцы. Нягледзячы на першыя спробы яшчэ ў савецкія часы «пасадзіць» рынкавыя адносіны на беларускую глебу, менавіта ў першай палове 1990-х гг. фарміруюцца асноўныя, найбольш важныя элементы новай эканамічнай мадэлі.

Адным з першых крокаў на шляху да рэфармавання эканомікі ва ўмовах незалежнасці стала палітыка па лібералізацыі цэн. Яшчэ ў канцы 1990 г. быў арганізаваны продаж асобных тавараў па камерцыйных цэнах [1, с. 53], але шырокамаштабная лібералізацыя пачалася толькі з 1 студзеня 1992 г.

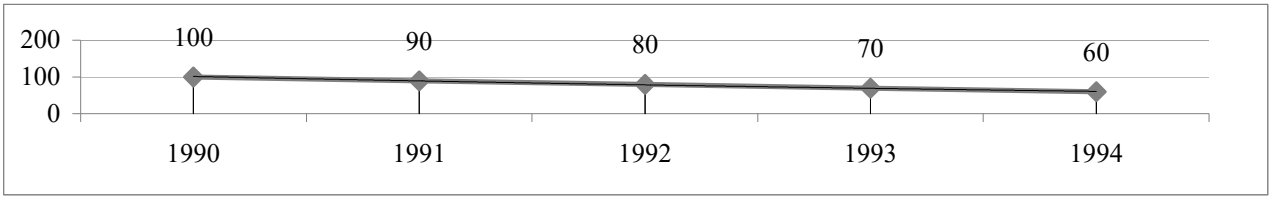
У канцы 1991 г. Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь прыняў дзве пастановы, якія тычыліся дзяржаўнай цэнавай палітыкі. Згодна з пастановай ад 28.12.1991 № 495, адпускаліся рознічныя цэны. Пры гэтым яны заставаліся фіксаванымі на хлеб і хлебабулачныя вырабы. Таксама за кошт датацый з бюджэту рэгуляваліся цэны на мясныя і малочныя прадукты, цукар, дзіцячыя тавары, медыкаменты, жыллёва-камунальныя паслугі, транспартныя перавозкі. Дзяржэканомплану рэспублікі было нададзена права пры неабходнасці ажыццяўляць рэгуляванне коштаў, уносіць змены ў пералік тавараў і паслуг па фіксаваных цэнах і тарыфах. Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь №497 ад 28.12.1991 з сакавіка 1992 г. уводзіліся свабодныя аптовыя цэны і тарыфы на прадукцыю (работы, паслугі) вытворча-тэхнічнага прызначэння.

Трэба адзначыць, што ў шэрагу з тым, што захаванне фіксаваных цэн на тавары першай неабходнасці здымала сацыяльнае напружанне, нярынкавае цэнаўтварэнне стварала праблемы, якія назіраліся ў познасавецкія часы – спекуляцыя і нямэтавае ўжыванне. Кантроль за цэнамі на хлеб прывёў да выкарыстання яго на корм скаціне і вывазу ў Прыбалтыку [2, арк. 234–235]. Падобная сітуацыя склалася з іншымі групамі тавараў, цэны на якія рэгуляваліся. У выніку павялічвалася сярэднедушавое ўжыванне прадуктаў харчавання, што вяло да росту датацый на іх вытворчасць. Дзяржава марнавала вялікія грошы на пакрыццё розніцы паміж стратамі на выраб гэтых тавараў і ўсталяваную адміністрацыйным шляхам цану. У першым квартале 1994 г. датацыі розніцы ў цэнах на харчовыя тавары склалі 420,8 млрд. рублёў, пры тым што ў бюджэце рэспублікі на год было запланавана толькі 190,3 млрд. [3, арк. 14].

Выразнай выяўлялася бесперспектыўнасць палітыкі стрымлівання цэнаў, адміністрацыйнае рэгуляванне якіх існавала і ў іншых сферах эканомікі. Паслугі жыллёва-камунальнай гаспадаркі ў 1991–1994 гг. датаваліся больш чым на 90 % [3, арк. 16]. Ільготы існавалі для арганізацый адукацыі і аховы здароўя, насельніцтва. Найбольш значныя страты бюджэт нёс ў выніку падтрымкі аграпрамысловага комплексу, дзе тарыф на электраэнергію з савецкіх часоў захоўваўся на ўзроўні 8 капеек за кілават-гадзіну [4, арк. 20–21].

Трэба адзначыць, што ўлады знаходзіліся пад моцным ціскам з боку грамадскасці, якая ва ўмовах эканамічнага крызісу выступала за дзяржаўнае рэгуляванне як гарантыю сацыяльнай абароненасці. Афіцыйная федэрацыя прафсаюзаў настойвала на захаванні кантролю за цэнамі на тавары першай неабходнасці [5, арк. 75]. Нават незалежныя прафсаюзы бачылі ў рынкавых механізмах пагрозу матэрыяльнаму становішчу працоўных [5, арк. 20–21].

У 1993 г. працягнулася далейшая лібералізацыя цэн на прадукты харчавання. Кантраляванымі цэны засталіся на абмежаванае кола харчовых тавараў, прычым яны былі істотна павышаныя. Са жніўня 1993 г. паэтапна павялічваліся тарыфы на электраэнергію. Нягледзячы на тое, што ў выніку праводзімай палітыкі доля рэгулюемых цэн у Беларусі знізілася (Малюнак 1), яна ўсе роўна заставалася вельмі істотнай, значана вышэйшай, чым у Расіі і краінах Балтыі [6, с. 44].



Крыніца: уласная распрацоўка аўтара на асноне Transition report, 1999: ten years of transition: economic transition in central and eastern Europe, the Baltic states and the CIS. – London: EBRD, 2000. – С. 196

Малюнак 1 – Змяненне на працягу 1990–1994 гг. долі рэгулюемых цэн у індэксе спажывецкіх цэнаў (у %)

Такая сітуацыя склалася таму, што, акрамя непасрэднага адміністрацыйнага кантролю, дзяржава знайшла яшчэ адзін спосаб ўплыву на цэны. Значная колькасць прадпрыемстваў былі ўключаны ў рэестр манапалістаў. Згодна з пастановамі Савета Міністраў ад 22.02.1992 № 27 і ад 19.10.1992 г. № 634, цэны на іх прадукцыю рэгуляваліся дзяржавай праз гранічныя і фіксаваныя цэны (тарыфы), лімітавыя каэфіцыенты і гранічныя ўзроўні рэнтабельнасці [7, арк. 30]. Такім чынам, нягледзячы на лібералізацыю, роля дзяржавы ў палітыцы цэнаўтварэння заставалася вырашальнай.

Пасля атрымання незалежнасці пачала фарміравацца рынкавая інфраструктура, у першую чаргу інфраструктура рынка капіталу, важнымі інстытутамі якога з'яўляліся банкі, страхавыя і аўдытарскія кампаніі, фондавая біржа і брокерскія фірмы.

Так, ў рынкавы бок працягнуў свае развіццё банкаўскі сектар Беларусі, дзе ў пачатку 1994 г. працавала 30 камерцыйных банкаўскіх устаноў. У гэтай сферы па-ранейшаму дамінавала дзяржава: асноўную частку аперацый здзяйснялі не чыста прадпрымальніцкія структуры, а паўдзяржаўныя арганізацыі. Такімі былі пяць самых буйных банкаў, якія мелі 80 % усяго ўстаўнога капіталу банкаўскага сектара, у той час, як астатнія банкаўскія ўстановы (заснаваныя пераважна на прадпрымальніцкім капітале) – толькі 20 % [8, арк. 234]. Буйныя Белаграпрамбанк і Белпрамбудбанк забяспечвалі ў 1993 г. 68 % усіх крэдытных рэсурсаў рэспублікі. У галіне валютных аперацый манапалістам заставаўся

Белзнешэканомбанк [9, арк. 17]. Але. нягледзячы на ўсе складанасці, колькасць банкаў павялічвалася, да канца 1994 г. іх налічвалася ўжо 47 [10, с. 18], а сукупны памер іх актываў у студзені 1995 г. складаў каля 1,6 млрд. долараў ЗША [11, с. 36].

Зацікаўленасць ў дзейнасці на фінансавым рынку праяўлялі і небанкаўскія прадпрымальніцкія структуры. Аднак, дзяржава абмяжоўвала іх ролю шляхам патрабавання спецыяльных дазволаў. Нават камерцыйныя банкі не маглі здзяйсняць многія звычайная на міжнародным фінансавым рынку аперацыі, бо Нацыянальны банк вельмі пераборліва падыходзіў да выдачы ліцэнзій.

Важнай падзеяй стала ўвядзенне ў студзені 1993 г. механізма міжбанкаўскіх разлікаў праз адзіны карэспандэнцкі рахунак, які фактычна стварыў безнаяўную валюту. А 4 сакавіка 1993 г. васямнаццаць беларускіх банкаў заснавалі «Міжбанкаўскую валютную біржу». Асноўнай мэтай яе стварэння з'яўлялася арганізацыя рынкавага механізму каціроўкі нацыянальнай грашовай адзінкі. Праз 20 дзён на біржы адбылася першая гандлёвая сесія, па выніках якой на рынкавай аснове быў усталяваны афіцыйны курс безнаяўнага беларускага рубля.

«Фарміраванне курса праз валютны рынак – гэта адзіны правільны шлях…. мы двойчы спрабавалі стварыць нейкае адміністрацыйнае рэгуляванне (*аўт. – курса*), нічога не атрымоўваецца», – паведамляў тагачасны віцэ-прэм'ер М. Мясніковіч. [12, арк. 98]. Трэба адзначыць, што першапачаткова ўрад займаў супрацьлеглую пазіцыю і лічыў, што хуткае ўвядзенне рынкавага курсу можа ўдарыць па дзяржаўных прадпрыемствах, якія набывалі сыравіну па дзяржаўных цэнах, а прадавалі тавары па штучна завышаных рынкавых. У сваю чаргу Нацыянальны банк звяртаў увагу на тое, што прымяненне ільготных курсаў ўяўляе сабой неэфектыўнае датаванне, толькі ў схаванай форме, і ад яго трэба адмаўляцца [13, арк. 45].

Увогуле характэрнай рысай тых часоў было існаванне мноства валютных курсаў. З сакавіка 1992 г. іх ў Беларусі існавала чатыры, у 1993 г. заставалася два, і нарэшце толькі з 1994 г. быў усталяваны адзіны рынкавы [14, с. 9]. У выніку такой курсавой палітыкі пачаўся росквіт бізнесу вулічных валютчыкаў. Але больш за ўсё праблем склалася ў знешнім гандлі. Мноства курсаў і адміністрацыйнае іх фарміраванне тармазілі айчынны экспарт. Курс беларускага рубля ўяўляўся экспарцёрам дыскрымінацыйнай мерай, якая ставіла іх ў вельмі складаныя ўмовы [15, арк. 49, 53].

Акрамя таго, свабодная канвертацыя валюты была абмежавана ўмовай абавязковай продажы часткі валютнай выручкі дзяржаве. Гэта было важнай мерай кантролю за сродкамі, якія павінны былі паступаць у краіну, і асноўнай крыніцай папаўнення валютных рэзерваў.

У першыя гады незалежнасці сваё развіццё таксама атрымаў рынак страхавых паслуг. У пачатку 1995 г. у Беларусі налічвалася каля 70 страхавых кампаній з арыенціровачным гадавым прыбыткам у памеры 6 млн. долараў ЗША. Але, як і ў банкаўскім сектары, тут таксама значную вагу мела дзяржава, бо ёй належыла прыблізна трэцяя частка ўсіх страхавых кампаній [11, с. 36].

У першай палове 1990-ых гг. фарміруецца інфраструктура фондавага рынку – яшчэ аднаго важнага элемента рынку капітала. У 1992 г. быў прыняты Закон Рэспублікі Беларусь «Аб каштоўных паперах і фондавых біржах», які прыйшоў на змену палажэнню ад 1990 г. «Аб каштоўных паперах». Закон вызначыў адзіны парадак выпуску і звароту каштоўных папер, рэгулявання дзейнасці прафесійных удзельнікаў гэтага рынку, а таксама прынцыпы арганізацыі працы фондавай біржы. Прыняты прававы акт усталёўваў патрабаванні да асоб, якія ажыццяўлялі прафесійную дзейнасць звязаную з абарачэннем каштоўных папер, стварыў ўмовы для арганізацыі ў рэспубліцы адпаведных структур.

У выніку рэалізацыі закона ў 1993 г. была створана Беларуская фондавая біржа і яе філіялы ў буйных гарадах краіны. Ужо да пачатку 1994 г. спецыялізаванай дзяржаўнай інспекцыяй была зарэгістравана эмісія каштоўных папер 352 акцыянерных таварыстваў на агульную суму 268,7 млрд. рублёў, выдадзены ліцэнзіі на права займацца прафесійнай брокерскай дзейнасцю 60 юрыдычным асобам, атэставана больш за 260 супрацоўнікаў прафесійных удзельнікаў фондавага рынку [16, арк. 38]. У 1994 г. Міністэрства фінансаў эмітавала першы выпуск дзяржаўных кароткатэрміновых аблігацый, заклаўшы аснову для станаўлення ў рэспубліцы рынку дзяржаўных каштоўных папер.

Нягледзячы на прагрэсіўныя зрухі, фондавы рынак Беларусі заставаўся неразвітым. На біржы гандлявалі толькі некалькі дзясяткаў кампаній, у асноўным банкаўскія установы. Дадзеная сітуацыя была абумоўлена высокімі тэмпамі інфляцыі, рознымі дзяржаўнымі абмежаваннямі і сур'ёзным адставаннем аб'ёмаў крэдытавання і бюджэтнага фінансавання ад росту цэнаў.

Таксама адмоўна на развіццё фондавага рынку ўплывалі адсутнасць неабходнай інфраструктуры, нізкая ліквіднасць каштоўных папер, адсутнасць на другасным рынку масавага эмітэнта – дзяржавы, якой належыла 90 % уласнасці, абмежаваная колькасць каштоўных папер, гандаль нетрадыцыйнымі для фондавых біржаў каштоўнасцямі – напрыклад, даўгавымі абавязацельствамі прадпрыемстваў Расіі [8, арк. 237–238].

У першай палове 1990-ых гг. складваецца рынак сродкаў вытворчасці, формамі арганізацыі якога з'яўляліся таварныя і сыравінныя біржы, гандлёва пасярэдніцкія арганізацыі.

Гандаль, дзе раней тавары размяркоўваліся праз дзяржаўную аптовую сетку, хутка рэарганізоўваўся на рынкавай аснове. Была абмежаваная роля дзяржавы ў асобе галіновага міністэрства. У першай палове 1992 г. гандлёвым арганізацыям было прадстаўлена права юрыдычнай асобы, надавалася свабода выбару парадку таваразабеспячэння, шляхам пашырэння непасрэдных сувязяў па пастаўках, абыходзячы аптовыя сеткі. Адбывалася дэманапалізацыя. У канцы 1993 – пачатку 1994 г. былі адмененыя ліміты на гандлёвыя надбаўкі, што дало магчымасць скараціць не толькі іх агульны аб'ём, але і колькасць пасярэднікаў пры руху тавараў ад пастаўшчыка да спажыўца [6, с. 53].

Расла колькасць таварных біржаў, яны аб'ядноўваліся ў больш буйныя (самымі значнымі былі: біржа «Белая Русь», «Мінская біржа», Беларуская біржа таваравытворцаў). Аднак большасць устаноў, якія называліся біржамі, такімі не з'яўляліся. Яны, збольшага, ўяўлялі сабой пераходны тып паміж кірмашом, буйнааптовым гандлёвым домам і ўласна біржай.

У пачатку 1992 г. быў прыняты Закон Рэспублікі Беларусь «Аб таварных біржах», які вызначаў прававыя, эканамічныя і арганізацыйныя асновы іх дзейнасці, быў скіраваны на развіццё працы па фарміраванні аптовага рынку тавараў на аснове свабоднага цэнаўтварэння і канкурэнцыі. Але функцыянаванне таварных біржаў, якія спачатку бурліва развіваліся, паступова прыходзіла да крызіснага стану.

У развіцці біржавага гандлю назіраліся пэўныя абмежаванні. Тавары, прададзеныя на біржы, не маглі вывозіцца без ліцэнзіі. Уведзеная сістэма падаткаў таксама аслабляла біржавую і брокерскую дзейнасць, якая была прыраўняная да звычайнай куплі-продажы. У 1993 г. у Беларусі дзейнічала 13 біржаў з абаротам 60,4 млрд. рублёў, але ў 1994 г. іх колькасць скарацілася да 10, а абарот паменшыўся да 34,3 млрд. рублёў. Скарацілася колькасць кантрактаў па продажы (з 6,7 да 2,7 тысяч), як і колькасць брокерскіх кантор і незалежных брокераў (з 2,6 тысяч да 1,5 тысяч) [17, с. 120].

Як адзначаў старшыня саюза прадпрымальнікаў У.Карагін, адносіны да біржавых структур «па меншай меры недальнабачныя. Яны вядуць да далейшага пагаршэння крызіснай сітуацыі ў эканоміцы» [18, с. 1]. Сярод складанасцяў, якія напаткалі біржавы гандаль, варта адзначыць такія фактары як марудныя разлікі паміж брокерскімі канторамі, адсутнасць гарантый трываласці дамоў, складанасці з экспартам тавараў. Прадпрымальнікі больш працавалі на пазабіржавым рынку. З усіх біржаў дастаткова ўстойлівае становішча мела толькі Белаграпрамбіржа, што было абумоўлена профілем яе дзейнасці (сельскагаспадарчая прадукцыя мае ўстойлівы попыт) [8, арк. 234].

У знешнім гандлі да 1994 г. працягвалася практыка заключэння міжрэспубліканскіх дагавораў на пастаўкі тавараў. Пэўны час знешнегандлёвыя аперацыі з краінамі СНД здзяйсняліся на аснове клірынгу (сістэмы безнаяўных разлікаў, заснаванай на заліку ўзаемных абавязкаў і патрабаванняў), што вылівалася ў продаж за мяжу прадукцыі па заніжаных цэнах. Галоўным бар'ерам для развіцця гандлю на рынкавых пачатках было рэгуляванне экспарту па ўласным меркаванні дзяржавы. У кастрычніку 1992 г. была ўведзена дзяржаўная манаполія знешнегандлёвай дзейнасці. Экспарцёры павінны былі прадаваць сваю прадукцыю праз адзіную дзяржаўную арганізацыю па цэнах значна ніжэйшых за сусветныя. Экспарт і імпарт тавараў патрабавалі атрымання ліцэнзій і квот. На некаторыя віды тавараў у 1992 г. (напрыклад, зерне ці скураную і шубна-футравую сыравіну) для камерцыйных структур увогуле была ўведзена забарона на вываз за межы рэспублікі.

Дзяржава прыкладала намаганні па лібералізацыі гандлю, ў першую чаргу з галоўным знешнеэканамічным партнёрам – Расіяй, на якую прыходзілася большая частка ўсяго экспарту. Беларуская эканоміка вырабляла неканкурэнтаздольныя тавары для знешніх рынкаў. У той жа час захаванне нізкіх цэн на матэрыялы і сыравіну з Расіі дазвалялі беларускім вытворцам пастаўляць туды сваю прадукцыю, якая карысталася ўстойлівым попытам. Згодна з дамовай аб стварэнні адзінай рублёвай зоны, Беларусь узяла абавязак прывесці ўсе мытныя падаткі і зборы ў адпаведнасць з расійскімі, ва ўзаемным гандлі ліквідаваць тарыфныя абмежаванні, адмяніць ўсе квоты і ліцэнзіі. 30 красавіка 1994 г. з усходняй суседкай было падпісана пагадненне аб уніфікацыі мытных пошлін і адмене розных абмежаванняў, што было важным крокам па лібералізацыі гандлёвай дзейнасці з галоўным знешнеэканамічным партнёрам [19, арк. 12].

Прэм'ер В. Кебіч разумеў, што рост цэнаў на расійскія энергарэсурсы ператворыць паспяховую рэспубліку ў банкрута. Таму ў красавіку 1992 г. у прамысловасці быў узяты курс на скарачэнне энергаёмістых вытворчасцей. Для павышэння эфектыўнасці выкарыстання нафты прадугледжвалася будаўніцтва комплексаў яе глыбокай перапрацоўкі на айчынных нафтаперапрацоўчых заводах. Таксама было прынята рашэнне напраўляць дзяржаўныя інвестыцыі ў першую чаргу ў галіны, якія даюць хуткую аддачу – сельскую гаспадарку і вытворчасць тавараў народнага спажывання. Але захады ўрада хутчэй былі накіраваны на вырашэнне бягучых гаспадарчых задач, чым на хуткую структурную перабудову эканомікі ў рынкавы бок.

Ва ўмовах крызісу дзяржава вымушана была прымаць меры па рэфармаванні падатковай сістэмы, якая першыя гады незалежнасці функцыянавала даволі дрэнна, у чым прызнаваліся самі ўлады [20, с. 2]. У 1992 г. замест падатку з абароту быў уведзены характэрны для рынкавай эканомікі падатак на дабаўлены кошт, а ў пачатку 1994 г. у межах мерапрыемстваў па выхаду з крызіснай сітуацыі былі паменшаны стаўкі большасці падатковых тарыфаў, ўведзены ільготы для малога бізнэсу, вытворцаў, што, безумоўна, было добрым сігналам для развіцця рынкавых інстытутаў [3, арк. 10–11].

Важнай падзеяй ў развіцці рынкавых адносін стала прыняцце ў 1991 г. закона «Аб эканамічнай неплацежаздольнасці і банкруцтве». Аднак, гэты закон шмат у чым насіў дэкларатыўны характар. Афіцыйнае ўкараненне паўнавартаснага інстытута банкруцтва ў Рэспубліцы Беларусь пачалося амаль на дзесяцігоддзе пазней. Паводле ацэнак Міністэрства эканомікі, у пачатку 1995 г. каля 600 прадпрыемстваў з'яўляліся неплацежаздольнымі, але да іх усё роўна не прымянялася працэдура банкруцтва [11, с. 36].

У канцы 1992 г. быў прыняты важны рынкавы закон «Аб супрацьдзеянні манапалістычнай дзейнасці і развіцці канкурэнцыі», які вызначыў асновы абмежавання, спынення і папярэджання манапалістычнай дзейнасці і быў накіраваны на стварэнне ўмоў для развіцця канкурэнцыі ў мэтах эфектыўнага функцыянавання таварных рынкаў і абароны правоў спажыўцоў. Нягледзячы на ўзяты курс на дэманапалізацыю (у 1992 г. быў нават створаны антыманапольны камітэт), улады ўсё ж не імкнуліся да хуткіх пераўтварэнняў у гэтым напрамку. Хутчэй наадварот, дзяржава фарміравала галіновыя манаполіі – канцэрны, а канкурэнцыю спрабавала замяніць інструментамі адміністрацыйнага кантролю. Даручэнні ўрада часта ўтрымлівалі меры, якія былі накіраваны на рэфармаванне эканомікі хутчэй праз ўзмацненне рэгулюючай ролі дзяржавы [13, арк. 31].

Такім чынам, у 1991–1994 гг. у рэспубліцы назіраўся працэс фарміравання асноўных элементаў рынкавай інфраструктуры, якая павінна была забяспечыць эфектыўную дзейнасць эканомікі. У гэты час адбывалася ўтварэнне інфраструктуры рынку капіталу. Працягнуў сваё развіццё банкаўскі сектар, які пашырыўся, набыў новыя рысы ва ўмовах ажыццяўлення самастойнай фінансавай палітыкі. У гэты ж перыяд нараджаецца айчынны фондавы рынак, разгарнуўся рынак сродкаў вытворчасці, ў працэсе станаўлення якога ключавую ролю адыгрывала дзейнасць таварных біржаў, развіццё гандлёвых адносін на рынкавай аснове. Цэнавая палітыка стала больш ліберальнай, урад працягнуў курс па дэманапалізацыі айчыннай эканомікі.

Аднак, у гэты ж перыяд тэмпы рэфармавання выразна замарудзіліся. У банкаўскай сферы, як і ў эканоміцы ў цэлым, па-ранейшаму значную ролю мела дзяржава, замест

пашырэння канкурэнцыі нярэдка назіралася захаванне манапалістычных тэндэнцый. Многія рынкавыя інстытуты, якія паспелі ўзнікнуць падчас рэформ, знаходзіліся ў крызісным стане. Напрыклад, тармазілася развіццё рынкавага тавараабмену, вузкія формы набыў айчынны рынак каштоўных папер. У большасці фарміраванне рынкавай інфраструктуры ішло стыхійна і не заўсёды эфектыўна. У гэты перыяд Беларусь выразна пачала адставаць па тэмпах рэфармавання айчыннай эканомікі ад шэрагу краін усходнееўрапейскага рэгіёна.

Літаратура

1. В период перестройки: смутные времена торговли. Вспоминает Владимир Демьянович – министр торговли Республики Беларусь в 1990–1991 годы // Гермес: журнал министерства торговли Республики Беларусь. – 2011. – № 7. – С. 52–57.
2. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 615.
3. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 1047.
4. НАРБ. – Ф. 968. – Воп. 12. – Спр. 128.
5. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 1159.
6. Мясникович, М.В. Становление рыночной экономики в Республике Беларусь / М.В. Мясникович. – Мн. : БГЭУ «Мисанта», 1995. – 112 с.
7. НАРБ. – Ф. 968. – Воп. 12. – Спр. 121.
8. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 1162.
9. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 639.
10. Финансы Республики Беларусь в 1991–1994 гг.: статистический сборник. – Минск : Минстат РБ, 1996 – 74 с.
11. Transition report, 1995: investment and enterprise development: economic transition in Eastern Europe and the former Soviet Union. – London : EBRD, 1995 – 223 с.
12. НАРБ. – Ф. 968. – Воп. 1. – Спр. 4135.
13. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 603.
14. Курсы Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Российской Федерации, 1990–1997 гг. : Ежегод. справ. альм. / Гл. ред. В.М. Гревцов. – Минск : ООО «Агентство Владимира Гревцова», 1998. – Вып. 1. – 277 с.
15. НАРБ. – Ф. 968. – Воп. 1. – Спр. 3048.
16. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 12. – Спр. 1157.
17. Народное хозяйство Республики Беларусь, 1994 год: статистический ежегодник // Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 1995 – 543 с.
18. Предприниматели возмущены парламентом и братаются с правительством // Белорусский рынок. – 1992. – № 6. – С. 1.
19. НАРБ. – Ф. 968. – Воп. 1. – Спр. 4141.
20. Бизнес и правительство: разговор напрямую // Деловой вестник. – 1992. – № 2. – С. 2.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 05.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 947.0”186”:625.1

Проблемы железнодорожного строительства в деятельности органов земского и дворянского самоуправления Полтавской губернии (1860-е – начало 1880-х гг.)

С.Б. Жихарев

Рассматривается деятельность органов земского и дворянского самоуправления Полтавской губернии в решении вопросов железнодорожного строительства. Анализируются основные этапы борьбы полтавского земского и дворянского губернского собраний за сооружение Ромны-Кременчугской железной дороги. Участие органов местного самоуправления в строительстве новых железных дорог на территории не только своей губернии, но и за ее границами поднимало земские учреждения над рутинностью и ограниченностью местных хозяйственных проблем, свидетельствуя о наличии у них потенциала для самостоятельного решения сложных экономических задач.
Ключевые слова: земство, правительство, железная дорога, экономика, проект, строительство, торговля.

In the article the activity of zemstvo's and nobilities’ self-government institutions of Poltava province in the solution of railroad building issues is considered. The main stages of Poltava province zemstvo's chamber struggle for Romny and Krementchug railway construction are analyzed. Participation of local self-government institutions in the construction of new railroads not only on the territory of the province, but also behind its borders lifted territorial organizations over conventionalism and limitation of local economic problems, demonstrating presence of potential for the independent solution of complex economic challenges.
Keywords: zemstvo, government, railroad, economy, project, construction, trade.

В исследованиях, посвященных истории земских учреждений в России, экономические функции последних ограничиваются статистикой, продовольствием, промыслами, страхованием имущества, строительством шоссейных дорог, заботой о развитии местной промышленности. Из поля зрения специалистов по истории органов местного самоуправления выпало содержание той работы, которую проводили губернские и уездные земские собрания и управы (ГЗС, ГЗУ) в периоды активного железнодорожного строительства в России. Обошли своим вниманием роль земских учреждений в железнодорожном строительстве и исследователи, занимающиеся проблемами истории железнодорожного транспорта. Интерес представляет также исследование деятельности органов дворянского сословного самоуправления в ходе решения вопросов железнодорожного строительства. Земства и дворянские собрания зачастую действовали солидарно, объединяя свои усилия, если этого требовали общие интересы. Данное исследование предпринято на материалах Полтавской губернии, принадлежащей к числу репрезентативных районов Черноземья с выраженной аграрной доминантой в экономике, что накладывало свой отпечаток на характер железнодорожного строительства в крае (интересы экспортной торговли хлебом через морские порты Балтийского и Черного морей). Более того, через Полтавскую губернию должна была пролечь Ромны-Кременчугская железная дорога как центральное звено Черноморско-Балтийского железнодорожного транзита.

В 1880 г. потенциал Полтавской губернии составлял 44 тыс. верст[2] черноземных земель и 2 млн. 150 тыс. человек населения. Вместе с тем, высокая плотность населения при его относительном материальном благополучии и малых ценах на хлеб имела негативную оборотную сторону для экономических интересов местных землевладельцев, став одной из причин низкой поземельной ренты в крае. Полтавская губерния с ее безлесным ландшафтом испытывала постоянный дефицит в строительных материалах и топливе. Недостаток привозного топлива заставлял местных жителей обогревать свои жилища соломой и навозным брикетом. Цена дров в центральных относительно благополучных в плане лесных угодий уездах губернии не опускалась ниже отметки в 20 рублей за саж[3].

Установлению прочных торговых связей уездных городов Полтавской губернии с остальными районами Российской империи мешала отдаленность этих местных хозяйственных центров от станций ближайших железных дорог. Например, расстояние гужевой доставки грузов из Прилук до погрузочной станции железной дороги составляло по кратчайшему пути 70 верст, из Пирятина соответственно 100 верст, Переяславля – 70, Золотоноши – 40, Гадяча – 50, Зенькова – 75, Константинограда – 60, Хорола – 88, Лубны 90, Лохвицы – 45, а Миргорода – 90 верст. Такое расстояние имело сдерживающие последствия для хозяйственного положения Полтавской губернии и формирования местного хлебного рынка. По заключению полтавского сельскохозяйственного общества удаленность местных торговых центров от железных дорог являлась главной причиной колебаний хлебных цен, амплитуда которых достигала в разных местах губернии до 40 копеек за пуд [1, л. 22 об.].

Полтавскую губернию пересекало несколько железных дорог, но их влияние на экономику края было невысоким. Строились они не для реализации хозяйственных интересов местного населения, а исходя из государственных задач, главной из которых было обеспечение экспортных перевозок в Балтийские и Черноморские порты. Так, Харьковско-Николаевская железная дорога проходила лишь по 3 уездам Полтавщины. Либаво-Роменская магистраль врезалась на 30 верст в северные уезды Полтавской губернии и имела здесь лишь 2 грузоприемные станции. Курско-Киевская железная дорога проходила на минимальном расстоянии (20 верст) от ее северной границы. Сумская линия пересекала Харьковскую губернию на расстоянии 30–70 верст от границы Полтавской губернии и имела лишь косвенное отношение к обеспечению ее грузоперевозок. По расчетам местного ГЗС для того, чтобы выровнять показатели Полтавской губернии по протяженности железнодорожных путей сообщения с остальными 10 центрально черноземными губерниями нужно провести в пределах Полтавской губернии еще 350 верст новых железных дорог [1, л. 20 об.].

Река Днепр не могла компенсировать недостаток удобных путей сообщений в Полтавской губернии, так как ее судоходность ограничивалась весенним временем. Выгода для населения безлесной Полтавской губернии заключалась главным образом в лесосплаве из верховий Днепра. В летний период даже легкие пассажирские пароходы из-за отмелей подвергались опасностям. Ниже г. Екатеринослава баржи с зерном были вынуждены преодолевать печально известные днепровские пороги. Поэтому транспортировка хлеба из Полтавщины в Черноморские порты носила незначительный характер, в связи, с чем цена пуда ржи в Лубенском уезде в 1864 г. не превышала 10 копеек [1, л. 22 об.].

Отмена крепостного права способствовала введению в 1864 г. в России земства как института всесословного самоуправления. В нем были представлены различные сословия, однако компетенция органов всесословного самоуправления ограничивалась хозяйственно-культурной сферой. Земству предоставлялось право ходатайствовать «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд губернии или уезда» [2, с. 252]. Полтавское губернское земство с момента своего возникновения активно включилось в процесс строительства железных дорог в пределах вверенных ему в хозяйственное управление уездов. Разработанный в то время официальный проект общегосударственной сети железных дорог в России не соответствовал интересам Полтавской губернии. Поэтому местные земские деятели направили в правительственные структуры представление о наиболее выгодном направлении железных дорог.

В 1866 г. полтавское ГЗС сформировало специальный железнодорожный комитет, главной обязанностью которого являлось выяснение потребностей губернии в железнодорожном сообщении. Комитет начал свою деятельность с анализа поступивших в ГЗС от землевладельцев Полтавского, Константиноградского и Золотоношского уездов проектов, «мнений» и письменных заявлений по данному вопросу. В результате было подготовлено заключение. Документ содержал перспективный план приоритетных железных дорог. Основным аргументом при обосновании выбора направления железнодорожных линий в Полтавской губернии являлась организация максимально эффективного сбыта сельскохозяйственной продукции и сырья, транспортировка которых в условиях слабого развития промышленности и малочисленности городского населения осуществлялась в порты Балтийского и Черного морей, а также в белорусские губернии [1, л. 12 об.]. Комитет настаивал на постройке в интересах Полтавщины такой железной дороги, которая, пройдя через максимально возможное

количество центров местной торговли, соединила бы их с западными губерниями, Москвой и морскими портами при помощи уже спроектированных правительством магистральных железных дорог. Решить все эти проблемы, по мнению членов полтавского комитета, могла железная дорога, соединяющая город Кременчуг через Ромны с Курско-Киевской железной дорогой. Железнодорожный комитет также считал полезным продлить Ромны-Кременчугскую железную дорогу на север для кратчайшего соединения малороссийских губерний с белорусскими и портами Балтийского моря [1, л. 13].

На начальном этапе интересы правительства и полтавских земцев совпадали. Еще в 1870 г. Комитет министров определил «высочайше утвержденную» сеть важнейших железных дорог. В общий перечень была включена линия от Конотопа до Ландварово (через Гомель, Бобруйск, Минск). Автор проекта министр путей сообщения В.А. Бобринский считал, «что такая линия откроет прямой путь хлебным грузам из наиболее плодородных частей Малороссии к Либавскому порту» [3, с. 46]. Позже возникло предложение продлить Ландварово-Конотопскую железную дорогу до Ромен. В Комитете министров не возражали против корректировки направления магистрали. Вскоре стало очевидно, что правительство не намерено соединять Ландварово-Роменскую (с 1877 г. Либаво-Роменская) магистраль при помощи Роменско-Кременчугской линии с Харьковско-Николаевской железной дорогой. Подобное решение лишало Полтавскую губернию возможностей удобного вывоза своей продукции в порты Балтийского (г. Либава) и Черного (г. Николаев) морей.

С этого момента начинается напряженная борьба полтавского земства за реализацию проекта постройки Ромны-Кременчугской железной дороги. Важнейшая информация по данной проблеме представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Этапы деятельности полтавского земства по реализации проектов постройки Ромны-Кременчугской железной дороги (ж.д.) [1, лл. 12 об.–15 об.].

Содержание проведенного мероприятия	Дата
1. В ГЗС и местный железнодорожный комитет поступили записки от землевладельцев М.А. Белухо-Кохановского из Хорольского уезда, князя Цертелева и помещика Ильяшенко-Кириловича из Лубенского уезда, а также от предпринимателя Лейбина из Золотоношского уезда. Авторы записок доказывали, что включенная в правительственный проект Харьковско-Кременчугская линия могла иметь экономическое значение только для 4 уездов Полтавской губернии. Население остальных уездов должно в таком случае доставлять свои грузы на большие расстояния гужевым транспортом до Кременчуга или на станции Курско-Киевской ж.д.	1866 год
2. В Главном комитете железных дорог состоялось утверждение сети важнейших ж.д. России. Для привлечения массовых грузов из украинских губерний в экспортный Либавский порт запланирована постройка ж.д. из Ландварово через Минск, Бобруйск и Гомель до Ромен. Новая магистраль являлась продолжением находившейся в эксплуатации Либавской ж.д. Министру путей сообщения поручалось определить конечный пункт примыкания Ландварово-Роменской ж.д. к Харьковско-Николаевской.	01.03.1870 и 25.03.1870
3. Подавляющее большинство УЗС Полтавской губернии (11 из 15) выступили за строительство железной дороги из г. Ромны до Кременчуга. Полтавское ГЗС, рассмотрев доклады своего железнодорожного комитета, а также основываясь на вышеуказанных постановлениях УЗС, приняло решение избрать уполномоченных лиц и направить их в Петербург. Цель поездки представителей земства в столицу заключалась в ходатайстве перед правительственными структурами о неотложном строительстве Ромны-Кременчугской ж. д. как крайне необходимой для развития экономики Полтавщины.	1870 год
4. Ходатайство уполномоченных полтавского земства отклонено. Главный комитет железных дорог внес в проект новой сети ж.д. России линию от г. Ромны не на Кременчуг, а на Полтаву.	18.03.1873
5. МВД предоставило земствам Полтавской губернии возможность выбора из трех официальных проектов постройки ж.д. Ромны-Полтава вариант с наиболее оптимальным для себя направлением. ГЗС, признавая пользу названной ж.д. линии для отдельных уездов Полтавской губернии, тем не менее, скептически оценивало экономическое значение Ромны-Полтавской ж.д. для всей губернии и постановило: «ходатайствовать перед правительством о дополнительном устройстве ветви от наиболее западного пункта, предположенной к устройству Роменско-Полтавской ж.д. к городам Черкассам или Кременчугу». Об отсутствии единства в правительственных верхах свидетельствует тот факт, что Комитет министров высказался против продолжения Ландварово-Роменской ж.д. на юг. Звучали опасения, что Ромны-Полтавская ж.д. станет конкурентом параллельно проходящей Сумской ж.д.	1875 декабрь 1875

Окончание таблицы 1

6. Председатель полтавской ГЗУ Л. Томар направил докладные записки четырем министрам. В них он изложил мнение ГЗС 1875 г. (см. выше).	23.01. 24.01.1876
7. Министр путей сообщения поставил в известность полтавское ГЗС, что продолжением Ландварово-Роменской ж.д. может быть только линия в направлении Полтавы. Причиной неблагоприятного для земских деятелей ответа стал категорический отказ правления акционерного общества Ландварово-Роменской ж.д. продлить свою магистраль до г. Каменки.	1876
8. Министр путей сообщений К.Н. Посьет признавал, что «продолжение Либаво-Роменской ж.д. на юг представляется полезным, давая грузам Харьковско-Николаевской ж.д. прямой путь к Балтийскому морю, но осуществлению его сейчас препятствует остановка в разрешении постройки новых ж.д.». Ген.-лейт. Посьет предложил обсудить вопрос в контексте задачи сооружения новых ж.д. для реализации потребностей военного и товарного движения в России.	1878 г.
9. Земство получило официальное уведомление Комитета министров, в котором говорилось об отказе правительства строить ж.д. от Ромен в направлении на Полтаву. Однако время было упущено, и ГЗС не могло рассчитывать на удовлетворение своего ходатайства о постройке Ромны-Кременчугской ж.д. Главной причиной стали финансовые трудности правительства, последовавшие после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	1878 г.
10. Очередное ходатайство губернского земства о продолжении Либаво-Роменской ж.д. было представлено на рассмотрение министров внутренних дел и путей сообщения. В соответствии с отзывом главы путейского ведомства обсуждение данного вопроса запланировано в контексте более глобального для России вопроса: проблемные стороны в обеспечении бесперебойного военного и грузового железнодорожного движения в стране и поиск способов их решения.	23.11.1879

С 1880 г. в деятельности, направленной на постройку Ромны-Кременчугской железной дороги, стало участвовать дворянство Полтавской губернии. Несмотря на появление в России в результате земской реформы органов местного всесословного самоуправления, дворянство сохранило собственную систему корпоративного самоуправления. Функционирование дворянского самоуправления регулировалось второй главой 9 тома Свода законов Российской империи. Данная глава имела непосредственное отношение к регламентации деятельности органов дворянского самоуправления, включала в себя 187 статей, и называлась «О правах и преимуществах дворянского состояния в составе дворянских обществ» [4, с. 25–45]. Так, ст. 88 гласила, что «дворяне каждой губернии составляют отдельное дворянское общество», а в соответствии со статьями 90 и 91 этим обществам для обсуждения дел разрешалось формировать губернские и уездные собрания [4, с. 25]. Права дворянских собраний закреплялись статьей 112. Последняя давала дворянам санкцию обсуждать в собраниях <…> «свои нужды и пользы, представлять об оных чрез Губернского Предводителя, Начальнику Губернии и МВД; а в случаях важных приносить и всеподданнейшие прошения Императорскому Величеству» [4, с. 28].

Дворянские собрания, используя поддержку со стороны местной исполнительной власти в лице уездных исправников и губернаторов, стремились добиться продолжения Либаво-Роменской железной дороги вглубь Полтавской губернии. По прогнозам местных экспертов территория, на которую была способна распространить свое экономическое влияние Ромны-Кременчугская железная дорога, составляла не менее 1/3 уездов Полтавской губернии. Таким образом, эта небольшая по протяженности железнодорожная линия сконцентрировала бы до 8 млн. пудов местных грузов в год, основу которых составлял хлеб. Отправка крупных партий хлебных грузов кратчайшим путем по железной дороге в Балтийские порты окупала издержки его вывоза по сравнению с сухопутной торговлей для помещичьих хозяйств – главных производителей товарной продукции. Заниматься решением данного вопроса губернское дворянское собрание поручило помещикам Полтавской губернии графу К.Н. Ламздорф-Галагану и Г.П. Галагану. Последнего избрали уполномоченным от полтавского губернского дворянского и земского собраний по железнодорожному делу в Санкт-Петербурге.

В декабре 1880 г. из губернской типографии Полтавы вышла в свет брошюра, автором которой был дворянин Лубенского уезда Д.Г. Квитка. По сути, это был переработанный текст доклада, с которым Квитка выступил на очередном губернском дворянском собрании, состоявшемся 27 сентября 1879 г. В ходе голосования мнение дворянского собрания тогда разделилось. Большинство дворян (146 человек) поддержало предложение Д.Г. Квитки о соединении Ромен и Кременчуга железной дорогой. Существовал также и довольно популярный альтернативный вариант железной дороги Ромны-Поставы, за который проголосовало

114 человек. Представив развернутую систему доказательств о необходимости соединения городов Ромен и Кременчуга железной дорогой, он просил пойти навстречу ожиданиям местного населения, «пребывающего в бедственном экономическом положении и, начав строительство ранней весной 1881 г., довести Либаво-Роменскую железную дорогу до конца, по направлению от Ромен до Кременчуга, на длину 193 версты» [1, л. 41]. Далее Квитка предлагал полтавскому дворянскому и губернскому земскому собраниям следующую программу действий, направленных на достижение цели. Последующие шаги, предпринимаемые земскими и дворянскими органами самоуправления Полтавской губернии, свидетельствуют о том, что они руководствовались в дальнейшем именно этими рекомендациями. Главная задача виделась, во-первых, в подготовке земским губернским и дворянским собраниями ходатайства с подробным изложением мотивов о необходимости постройки железной дороги от городов Ромны до Кременчуга. Губернский предводитель дворянства со своей стороны должен представить всеподданнейший адрес с просьбой о проведении Ромны-Кременчугской железной дороги. Для представления данного ходатайства и адреса в правительственные структуры (МВД, Министерство финансов, МПС, Военное министерство и Комитет министров) Квитка предлагал избрать от дворянства и земства особую делегацию. Во-вторых, предлагалось провести предварительные изыскания железной дороги под руководством официально назначенных инженеров. В-третьих, добиваться права участия ГЗС в обсуждении вопросов железнодорожного строительства в стране вместе с представителями профильных министерств. В-четвертых, избрать особого уполномоченного от губернского дворянского собрания и ГЗУ в Министерстве путей сообщения для контроля над решением вопросов, касающихся железнодорожного строительства в Полтавской губернии. В-пятых, сформировать из дворянских депутатов и земств действующий на постоянной основе железнодорожный комитет, полномочия которого истекут с момента разрешения правительством постройки Ромны-Кременчугской железной дороги. В-шестых, разрешить ГЗУ созывать экстренное ГЗС в случаях, когда речь будет идти о постройке Ромны-Кременчугской железной дороги [1, л. 41 об.].

В начале 1880 г. начали приниматься меры, направленные на реализацию идеи постройки железной дороги. Так, 12 января Д.К. Квитка отправил письмо графу К.Н. Ламздорф-Галагану [5]. В нем он в частности сообщал, что экземпляры брошюры с обоснованием необходимости постройки Ромны-Кременчугской железной дороги отправлены самому графу, Г.П. Галагану как уполномоченному от дворянства и земства по железнодорожному делу, а также разосланы главам ведущих министерств и ведомств в Санкт-Петербург [5, лл. 1–2].

Большие надежды губернское дворянское собрание возлагало на поддержку со стороны Александра II. В столицу для вручения императору всеподданнейшего прошения были отправлены депутаты от дворянского и земского самоуправления Г.П. Галаган, А.И. Заборошский, П.А. Устимович, Д.К. Квитка, Г.Н. Навроцкий и А.В. Зеленский. Представители полтавского губернского дворянского собрания и земской управы рассчитывали, что личное покровительство главы государства значительно ускорит строительные работы на Ромны-Кременчугской железной дороге, первый этап которых начнется ранней весной 1881 г. В прошении особо подчеркивалось бедственное материальное положение и тяжелое морально-психологическое состояние крестьянского населения Полтавской губернии, пострадавшего от неурожая хлебных культур, эпидемии дифтерита и чумы крупного рогатого скота. Постройка железной дороги обеспечит население этих уездов заработком и компенсирует понесенный ущерб [1, л. 2 об.].

Ответ Александра II был оформлен как дипломатичный отказ. В целом император согласился с мнением дворянства Полтавской губернии о целесообразности соединения Ландварово-Роменской железной дороги от г. Ромны через Кременчуг с сетью южных железных дорог России. Вместе с тем он подчеркнул, что «многие жители империи далеко более Полтавской губернии нуждаются в проведении железнодорожных путей, а потому линии Ромны-Кременчуг едва ли может быть дано предпочтение перед многими другими» [1, л. 3]. При этом добавив, что «население Полтавской губернии не находиться в таком затруднительном положении, которое вызывало бы необходимость правительственного пособия в какой-либо форме» [1, л. 4 об.].

Несмотря на отсутствие поддержки в «верхах» полтавское губернское земство и дворянское собрание действовали по плану, намеченному Д.Г. Квиткой. По инициативе органов самоуправления был сформирован новый строительный комитет. На его заседаниях обсуждалась возможность постройки Ромны-Кременчугской железной дороги силами самого земства с правительственной гарантией строительного капитала. По мнению гласных полтавского ГЗС, выплачивая налоги в общегосударственный бюджет, Полтавская губерния уже принимает участие в правительственной гарантии строительного капитала 19 тыс. верст частных железных дорог Российской империи. Это указывает на обязанность правительства гарантировать строительный капитал Ромны-Кременчугской железной дороги.

К мысли о возможности существования земских железных дорог в России впервые пришли тверские земцы, обосновывавшие право земств сооружать и эксплуатировать железнодорожные пути сообщения. Они расширили сферу компетенции земских учреждений, прибегнув к вольной интерпретации второго пункта второй статьи земского положения 1864 г., где органам самоуправления предписывался контроль над местными путями сообщения. Расширительная трактовка закона давала возможность земским деятелям добиваться от правительства разрешения на учреждение железнодорожных акционерных компаний. Однако правительство не пошло на встречу пожеланиям земств, так и не сняв в законе препятствие в виде запрета органам местного самоуправления устанавливать собственную гарантию на строительный капитал железных дорог. На тот момент подобное решение могло быть оправдано тем, что выпуск и размещение облигаций и акций на фондовых рынках от имени земств и под их гарантию привело бы к снижению доходности правительственных ценных бумаг.

В распоряжении полтавского строительного комитета имелись результаты изысканий, проект и смета железной дороги Ромны-Кременчуг, выполненных по просьбе земства инженером Ададуровым. Эти работы проводились до появления Ландварово-Роменской и Харьковско-Николаевской железных дорог. В то время, справедливо полагая, что Ромны-Кременчугская железная дорога будет самостоятельной линией, Ададуров заложил в проект большое количество подвижного состава и, как выяснилось впоследствии, чрезмерные расходы в смету по ее сооружению. После строительства вышеназванных железных дорог стало очевидно, что Ромны-Кременчугская железная дорога будет лишь питательной веткой и транзитной дорогой для прилежащих главных магистралей. Открылась возможность существенно снизить затраты на ее строительство и последующую эксплуатацию. Для определения стоимости линии между Ромнами и Кременчугом за основу взяли расчеты Сумской железной дороги.

Начиная с 1883 г., правительство приступило к проработке вопросов, связанных с постройкой Ромны-Кременчугской железной дороги. 5 июля 1883 г. Комитет министров поручил министру путей сообщений командировать инженеров для проведения проверочных изысканий от Ромен в направлении Миргорода и до города Кременчуга [6, л. 5]. В Полтавскую губернию была направлена правительственная комиссия по проведению необходимых работ во главе с инженером Риппасом. В комиссию вошли представители министерства путей сообщений, финансов, военного и государственного контролера, привлечены заинтересованные лица от полтавского губернского земства и уполномоченные от акционерного общества Либаво-Роменской железной дороги. Руководство изысканиями осуществлялось из г. Кременчуга. Комиссии поручалось определить наиболее рациональное направление линии между конечными пунктами [6, л. 5 об.].

Комиссии предстояло также выяснить финансовые условия, на основании которых правление частной Либаво-Роменской железной дороги планировало строить и эксплуатировать Ромны-Миргородский участок Кременчугской дороги. В обязанности правительственной комиссии входила также разработка и подготовка заключений о финансовой эффективности различных способов постройки Ромны-Кременчугской линии. В качестве отправного варианта рассматривалась постройка Ромны-Кременчугской железной дороги казной с последующим присоединением этой железной дороги к Харьковско-Николаевской магистрали [6, л. 6]. Идею строительства железной дороги от Кременчуга до города Ромен государством поддержало полтавское земство. 24 октября 1883 г. 19-е ГЗС поручило ГЗУ и уполномоченным от земства во главе с Г.П. Галаганом ходатайствовать перед правительством о строительстве Ромны-Кременчугской железной дороги [6, л. 7].

В соответствии с положением Комитета министров от 18 мая 1885 г. Временному управлению казенных железных дорог поручалось начать постройку Ромны-Кременчугской железной дороги, примыкающей к Либаво-Роменской железной дороге на станции Ромны и к Харьковско-Николаевской на станции Кременчуг [7, с. 1]. Таким образом, был завершен кратчайший Черноморско-Балтийский железнодорожный транзит, способный реализовать как интересы экспортной торговли государства, так и местные хозяйственные нужды населения. Ромны-Кременчугская железная дорога ликвидировала обособленность Полтавской губернии, стимулировав процессы экономической модернизации в регионе.

Железные дороги сыграли ключевую роль в процессах экономической модернизации России, выступая стимулирующим фактором развития всех отраслей народного хозяйства. В условиях России с ее огромными расстояниями только железные дороги могли ускорить и удешевить перевозки, интенсифицировать торговлю, способствуя завершению формирования единого национального рынка с унифицированной системой цен и обменных механизмов. Заметный вклад в эту глобальную задачу вносило полтавское земство. Способствуя строительству новых железных дорог, оно создавало благоприятные условия для хлебной торговли не только в своем крае, но принимало участие в формировании общероссийского хлебного рынка. Выход местных органов самоуправления за узкие пределы прописанных законом обязанностей в сферу проектирования и сооружения железных дорог, их непосредственное участие в железнодорожном строительстве на территории не только своей губернии, но и за ее границами, является свидетельством о наличии у земских учреждений серьезного потенциала для самостоятельного решения сложных экономических задач.

Литература

1. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). – Ф. 1191 (Канцелярия временного Харьковского генерал-губернатора). – Оп. 5. – Д. 82. По докладу дворянина Лубенского уезда Д.Г. Квитки, сделанному полтавскому губернскому дворянскому собранию и губернскому земскому собранию о необходимости построить железную дорогу между городами Ромны и Кременчугом. – 53 лл.

2. Петров, Ф.Л. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 г. / Ф.Л. Петров // Великие реформы в России. 1856–1874. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

3. Кислинский, Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: в 4-х т. / Н.А. Кислинский. – СПб.: Тип. ком-та министров, 1902. – Т. 2.

4. Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург : Тип. второго отделения С.Е.И.В.К., 1857. – Т. 9: Законы о состояниях. – 1857. – 477 с.

5. ЦГИА Украины. – Ф. 1475 (Галаганы – помещики Полтавской губернии). – Оп. 1. – Д. 851. Письмо графа К.Н. Ламздорф-Галаган от Д.К. Квитки, с просьбой оказать содействие в постройке Роменско-Кременчугской железной дороги. – 19 лл.

6. ЦГИА Украины. – Ф. 1475. – Оп. 1. – Д. 323. Письма Г.П. Галаган от губернских и уездных земских управ и ходатайство перед правительством о строительстве железной дороги Ромны-Кременчуг и другие вопросы. – 33 лл.

7. Ромны-Кременчугская железная дорога. Описание постройки (1885–1888).

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 06.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 61(091):614.88(476.2)

Предпосылки появления скорой медицинской помощи в Гомельской губернии

А.А. Каплиев

Развитие советского здравоохранения Гомельской губернии в первые послереволюционные годы началось значительно позднее, чем в других областях Советского государства из-за постоянных военных действий, контрреволюционных мятежей и др. Военное лихолетье привело к антисанитарии и появлению эпидемий. В этих условиях создавались новые принципы санитарного просвещения и новые органы здравоохранения. Среди них ключевую роль выполняла служба скорой медицинской помощи, созданная с целью локализации больных и своевременной их доставки в карантин.
Ключевые слова: скорая медицинская помощь, ночные дежурства врачей, бесплатная медицинская помощь на дому, антисанитария, эпидемия, тиф, санитарное бюро, угорздрав, губздрав.

Transformations of health protection system in the first post-revolutionary years in Gomel district began considerably later, than in other areas of the Soviet state, because of war, counterrevolutionary rebellions, etc. However the most critical surcubstance was that from the beginning of formation of district health department, the brutal pandemic of infection diseases began. In these conditions the state started a program of sanitary education of the population, and created new medical services. The ambulance was created in February, 1919 as a part of sanitary bureau for the purpose of localization of patients and getting them into quarantine.
Keywords: ambulance, physician`s night duties, free medical assistance at home, unsanitary conditions, epidemic, typhus, sanitary bureau, city health department, district health department.

Введение. Многие явления социальной жизни стали нам настолько привычны, что мы уже даже мало задумываемся и порой забываем о том как, когда и почему они появились. Кареты службы скорой медицинской помощи уже давно стали привычной частью городского пейзажа, однако истории их появления в белорусских городах посвящено мало, по сравнению с их значением для жизни и здоровья населения, публикаций и статей [1], [2], [3]. Между тем, вопрос формирования и развития службы скорой медицинской помощи (СМП) в Беларуси в общем и на Гомельщине – в частности, довольно обширен и не лишен научной и общественной значимости.

Целью *данной статьи является характеристика предпосылок, причин и условий появления службы СМП в Гомельской губернии.* Материалами исследования послужили документы по истории здравоохранения из фондов Государственного архива Гомельской области, Государственного архива общественных объединений Гомельской области, а также материалы из периодических изданий исследуемого периода.

К началу XX столетия Гомель был одним из наиболее развитых в отношении здравоохранения уездных городов Беларуси. Больничная сеть города включала земскую, городскую, железнодорожную, хирургическую и еврейскую больницы, сельский приемный покой, глазную лечебницу доктора Брука и лечебницу Шеболдаева. Лечебной практикой в городе занимались 25 врачей (не считая зубных врачей и дантистов) [4, с. 141]. Медицинское обслуживание территории уезда было разделено между 4 сельско-врачебными участками (Уваровичи, Светиловичи, Нососвичи, Гомель), состоявшими из сельского врача, нескольких фельдшеров и повивальной бабки [5, с. 133–134]. При этом отмечалось недостаточное количество медучреждений уезда, в связи с чем велось постоянное расширение и увеличение их количества: к 1913 г. организовано 5 больниц (Гомельская, Уваровическая, Тереховская, Ветковская и Светиловическая) и 3 амбулатории (Носовичская, Чеботовичская, Дятловическая и Покотская) [6, с. 38]. Всего на территории, соответствующей современной Гомельской области, на 1913 г. находилось 13 сельских больниц на 179 коек и 108 врачей [7, с. 3–5].

Отличительной чертой развития медицины северо-западных областей и всей Российской империи в целом являлось большое влияние меценатов и добровольных обществ. В Го-

меле попечительскую помощь делу здравоохранения оказывала княгиня И.И. Паскевич, на средства которой была построена глазная лечебница, а в 1912 г. началось возведение гинекологической клиники [8, с. 490]. Из благотворительных организаций отдельно стоит отметить Гомельское еврейское общество пособия бедным, открытое в 1897 г. [9, с. 58]. Его деятельность включала содержание дешёвой столовой, призрение сирот, стариков и старух, оказание помощи беспроцентными ссудами, хлебом и одеждой, бесплатную выдачу лекарств. В 1911 г. при обществе была введена помощь при родах [4, с. 97]. Особо отметим введение ночного дежурства для помощи больным, которое являлось прототипом СМП в современном понимании этого термина. Благотворительная деятельность общества предназначалась прежде всего еврейскому населению, однако помощь также оказывалась горожанам разных вероисповедований [9, с. 58].

Медицина Гомеля развивалась не только в количественном, но и организационном отношении, о чем свидетельствует факт образования в городе врачебного общества – на тот момент единственного медицинского общества в уездных центрах северо-западного края. 27 июля 1897 г. губернатор представил Министерству Внутренних дел ходатайство об открытии Общества гомельских врачей, но состав общества вызвал сомнения, так как Медицинский департамент 31 июля 1897 г. потребовал список лиц, изъявивших желание учредить таковое общество. Основателем общества был Д. Кострицкий, а из 21 члена-учредителя 1 был католиком, 8 – православными и 12 – евреями иудейского вероисповедания [10, с. 67]. Таким образом, количественное преобладание в обществе получали евреи, что вызвало беспокойство властей: добровольные общества создавались с целью укрепления «русского элемента» на западных окраинах Российской империи. В случае Гомельского врачебного общества, где большая часть членов являлась евреями, у властей имелись серьезные основания в отказе его учреждения. Однако, несмотря на сомнения властей, 8 марта 1898 г. устав гомельского врачебного общества был утвержден. Но всего через два года (13 марта 1900 г.) общество было распущено министром внутренних дел формально по причине нарушения устава, а фактически из-за неподходящего для властей национального состава организации. Следующая попытка образования территориального союза медработников в Гомеле была осуществлена лишь по прошествии 10 лет, когда в 1912 г. было образовано Медицинское общество под председательством А.Я. Брука [6, с. 48].

Начало Первой мировой войны прервало интенсивное развитие здравоохранения Гомельщины. Из-за роста количества беженцев из оккупированных и прифронтовых зон, население уезда постоянно увеличивалось, что в совокупности с военными действиями и разрухой негативно влияло на медицинское обеспечение. В 1915 г. в Гомельском уезде на одного врача приходилось 30 тысяч человек населения. В Жлобине не было не только врача, но и фельдшера, ближайшая больница, доступная населению города, находилась в Рогачёве [7, с. 3–5]. Несмотря на негативные последствия, несомненно, что военное время дало импульс развитию экстренной и неотложной помощи потерпевшим от боевых действий. В самом начале войны при глазной лечебнице был развёрнут лазарет для раненых, началось возведение 8-ми временных госпиталей в Новобелице [11]. На средства княгини И.И. Паскевич на базе гинекологической клиники был образован военный госпиталь.

После пяти лет войны, революций и оккупации наиболее серьёзные изменения в медицине Беларуси произошли в 1919 г., когда во время становления советской власти реформа здравоохранения (установление принципа общедоступности и бесплатности) была одной из наиболее привлекательных для населения социальных программ большевиков.

Отправной точкой появления советской медицины Гомельщины считается весна 1919 г. – к этому времени Гомель встретил войска Красной Армии и пережил события Стрекопытовского мятежа. После окончательного установления советской власти здравоохранением Гомельщины ведал уездно-городской отдел здравоохранения (угорздрав). Угорздрав состоял из 5 подотделов, осуществлявших управление сетью лечебных учреждений, принимал первоочередные меры по борьбе с эпидемиями. В руководстве медициной основополагающим признавался принцип партийности и революционности – врачи, которые занимались охраной народного здравия должны были быть убежденными борцами за дело коммунизма.

Вскоре Гомель стал центром губернии и вошел в состав РСФСР, а вслед за столицей губернии 27 апреля 1919 г. в Гомель переехал и губернский отдел здравоохранения (губздрав), главой которого был избран Л.А. Сенкевич, бывший член Могилевского губздрава [12, с. 14–15], [13, л. 49]. Главными целями советского здравоохранения были ликвидация частной медицины, общедоступность и преобразование отсталой земской системы, которая руководила медициной края с 1903 г. [1, с. 13]. В рамках политики военного коммунизма для врачей и фельдшеров была распространена трудовая повинность – оказывать всю необходимую медицинскую помощь населению [14]. Условия труда при этом часто были нечеловеческими: врачей заставляли работать по 16–18 часов в день. Компенсировать подобные переработки пытались льготами в бытовых условиях: квартиры медработников предполагалось не подвергать уплотнению, мебель не должна была реквизироваться, необходимые продукты отпускались вне очереди [15, л. 94]. При этом уже в первые годы советской власти стало заметно очевидное выпадение врачебного «сословия» из общей стратификации населения на «пролетарский» и «буржуазный» классы: в предписаниях угорздрава ревкомам дополнительно пояснялось: «Смотреть на служебный медперсонал не как на общественных паразитов, а как на людей, исполняющих обязанности, возложенные на них советской властью» [16, л. 1].

Следует отметить, что, создавая новые органы управления, советские власти часто игнорировали вопросы организации здравоохранения. Например, протокол заседания Могилевского губкома партии большевиков от 17 февраля 1919 г. гласил: «О 3-х годичных курсах для сестер милосердия – «снять вопрос и поручить президиуму запросить от коллегии Красного креста материал о курсах к следующему заседанию» (в следующем заседании комитета партии вопрос так и не поднимался) [13, л. 7]. В протоколе № 15 заседания губернского комитета партии большевиков от 28 февраля 1919 г. значилось: «По 4-му вопросу о губернском комитете народного здравоохранения поручить ЧК проверить заявление». Подобное игнорирование важнейших вопросов здравоохранения можно было бы объяснить неотложными вопросами (борьба с контрреволюцией и т. д.), однако большую часть заседания губкома партии большевиков 28 февраля 1919 г. составляли прения и обсуждения о командировках руководства губкома на различные региональные партконференции и съезды, а также пространные отчёты уже вернувшихся с подобных мероприятий товарищей [13, л. 9].

В начале 1919 г. в Гомеле и округе стало резко увеличиваться количество населения: город, ставший губернским центром, должен был вместить весь чиновничий аппарат и органы управления. В то же время, близость линии фронта приводила к скоплению множества беженцев, военнопленных и красноармейцев, а весной, после разлива реки и затопления части районов, – ещё и переселенцев из затопленных домов [15, л. 93]. К лету 1919 г. рассчитанный на 65 000 человек город вмещал вдвое больше жителей [17, с. 3]. Гомель, не имевший в то время даже элементарной канализационной системы, не был готов обеспечить надлежащие условия такому количеству людей [15, л. 93]. Сопровождавшие огромную людскую массу голод, антисанитария, а также естественная среда болотистой местности Полесья создавали идеальные условия для распространения опасных инфекционных болезней – тифа, малярии, дизентерии, холеры. Самым распространённым заболеванием являлся сыпной тиф. Болезнь свирепствовала в местах общего проживания людей, таких как казармы красноармейцев и приюты для беженцев (таблица 1).

Таблица 1 – Статистика заболеваний сыпным тифом по г. Гомелю (октябрь 1918 – февраль 1919) [15, л. 84]

Месяц	Количество инфицированных
Октябрь 1918 г.	14
Ноябрь 1918 г.	124
Декабрь 1918 г.	316
Январь 1919 г.	413
Февраль 1919 г.	1147

Особенно тяжелой была ситуация в еврейских синагогах: в 21 синагоге размещалось около 1200 беженцев. Их положение красноречиво описывала газета «Полесье»: «Синагоги

представляют собой форменные очаги заразы, т. к. вывозить беженцев за неимением мест в больницах нет возможности, а находятся они там в ужаснейших условиях» [18, с. 4]. К весне 1919 г. медработники констатировали начало массовой эпидемии сыпного тифа и других инфекционных заболеваний. Эпидемия губила не только беженцев и военнослужащих, но и самих медработников: 10 января 1919 г. скончался от сыпного тифа старший врач Гомельской городской больницы И.М. Цеханович [19, с. 4].

Схожая ситуация сложилась в Могилёве, также входившим в состав Гомельской губернии. Город ещё в начале 1919 г. был объявлен «неблагополучным по эпидемии» [15, л. 94]. Нахождение войск Красной армии только ухудшало эпидемическое положение, нивелируя все усилия органов здравоохранения: «красноармейские воинские части занимают самые лучшие помещения города, не считаясь с выработанным планом жилищного отдела иной раз без всякой пользы, загрязняя их и превращая их в очаги заразы, поражающие одинаково как гражданское население так и военное» [15, л. 94 об.].

Для эффективного противодействия эпидемии был необходим механизм оперативной транспортировки и изоляции больных. О необходимости создания СМП в Могилёве ещё в 1909 г. заявлял видный организатор санитарного дела в Беларуси К.Ю. Кононович [20, с. 30]. В 1912 г. городское управления Могилёва приобрело карету СМП [21, с. 141]. В 1919 г. эта карета находилась в непригодном для службы состоянии на территории пожарного хоздвора, поэтому 27 апреля 1919 г. Могилевская ЧК по борьбе с эпидемиями просила горсовет «карету скорой помощи привести в состояние соответствующее её назначению», что фактически является отправной точкой послереволюционной истории СМП Могилёвщины [22, л. 41].

Эпидемия сыпного тифа распространялась и в сельской местности – больше всего в Носовической, Красно-Будской и Тереховской волостях [15, л. 93]. В связи с эпидемиями с крестьян начали взимать новые налоги – ветеринарный и эпидемический, таким образом, количество различных видов податей достигло 22-х, что только повышало социальное напряжение [18, с. 4]. Для нормализации эпидемической ситуации формировались специальные санитарно-эпидемические отряды, в которые входили врач, студент-медик, несколько фельдшеров и дезинфекторы. В Оршанском уезде подобные функции выполнял т. н. «летучий отряд» [22, л. 59]. Такие отряды на практике выполняли функции СМП на селе.

Несмотря на предпринятые меры, развитие эпидемии продолжалось. Всего по губернии за период с лета 1919 г. по лето 1920 г. было зафиксировано 104878 случаев сыпного тифа [23, лл. 17, 36]. Однако даже в такой опасной эпидемиологической обстановке партийное руководство, в условиях дестабилизации обстановки на фронте, в своих постановлениях отдавало предпочтение отнюдь не вопросам губернского здравоохранения. О второразрядности губернской медицины говорят решения, принятые на 70-м объединенном заседании РКП (б) от 21 августа 1919 г., проходившим под слоганом «Всё на оборону». Заседание приняло постановление воплощать 3 направления деятельности: оборона, эвакуация, политика. При этом остальные направления деятельности полностью игнорировались: губздрав постанавливалось «свернуть до минимума», при этом губсобез и горхоз сокращениям не подвергались и «сохранялись в прежнем виде» [13, л. 168]. Не приходилось ждать помощи и от Наркомздрава РСФСР: нарком Н. Семашко заявил, что Гомельская губерния не может рассчитывать на отпуск необходимых средств из центра [24, л. 3].

Таким образом, в критической ситуации медслужба Гомельщины, практически оставленная без поддержки, должна была решить задачу по локализации и устранению очагов опасных инфекционных заболеваний. Руководство противоэпидемическими мероприятиями осуществлял санитарно-эпидемиологический подотдел губздрава, который возглавлял К.Ю. Кононович. Одним из важнейших аспектов деятельности этого органа было предупреждение болезней и санитарное просвещение населения. Однако решающую роль в борьбе с эпидемиями сыграло санитарное бюро, которое возглавил врач Г.Л. Сарцевич [2, с. 7]. Санитарное бюро занималось локализацией и изоляцией заражённых пациентов от здоровых людей, что было необходимым условием остановки эпидемии. Новые вызовы, брошенные здравоохранению беспрецедентной вспышкой заболеваемости, требовали качественно нового

подхода к организации медицинской помощи населению. Особенно важным было своевременное и оперативное оказание квалифицированной медпомощи, поэтому уже к февралю 1919 г. встречаются первые упоминания о СМП при Санитарном бюро [2, с. 8].

Ранее функции СМП уже выполняла «Служба ночных дежурств врачей», работавшая ежедневно с 9 часов вечера до 8 часов утра сначала в городском приёмном покое на углу улиц Замковой и Генеральской, а с конца октября 1919 г. – на базе квартиры зубного врача Фридмана, по Румянцевской улице в доме Цирлина [18, с. 4]. Продолжал свою работу и отдел «Ночное дежурство» Еврейского общества пособия бедным [25, с. 4]. Однако для быстрой изоляции источника заболевания нужны были оперативные действия, сопряжённые с непосредственными выездами к пациентам. Поэтому, при санитарном бюро впервые была введена практика выезда карет на дом к больному с последующей его доставкой в карантин.

Особенно тяжелой была эпидемическая ситуация в прифронтовой полосе. Нахождение на территории губернии действующей армии усиливало и без того жёсткий прессинг на губздрав. На территории свободных от польских войск северных уездов губернии – Могилёвского, Рогачёвского, Быховского дислоцировались части 16-й армии, в Гомельском и Речицком уездах – подразделения 12-й армии Юго-Западного фронта. Многие врачи на месте мобилизовались, а фактически – угонялись в революционные части. В районах, прилегающих к местам дислокации войск, сложилась неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, а желание армейского командования решить проблему своими силами только усложняло ситуацию в губернии. В конце 1919 г. командование 12-й армии фронта приняло решение взять урегулирование кризиса под свой контроль. 24 ноября 1919 г. была создана Чрезвычайная комиссия (ЧК) по борьбе с эпидемиями, утверждённая реввоенсоветом 12-й армии [24, л. 7]. В состав комиссии входили врачи Абрамовский и Сенкевич, возглавлял её врач М. Серафимов [24, л. 1]. Полномочия ЧК по борьбе с эпидемиями были настолько широкими, что фактически подчинили себе здравоохранение Гомеля и уезда, что вызвало конфликт между главой угорздрава Н. Гайдаром и главой губздрава Л. Сенкевичем, который по факту был ещё и руководителем ЧК по борьбе с эпидемией. Конфликт был настолько серьёзным, что окончился арестом Н. Гайдара и вмешательством советского руководства города, признавшего арест неправомерным [24, л. 22].

Новая структура получила значительное финансирование (10 млн рублей), с помощью которого развернула активную деятельность [24, л. 37]. Мероприятия чрезвычайной комиссии включали в себя реквизицию 7-го заразного госпиталя из ведения угорздрава и его расширение до 600 коек, а также преобразование 1-ой Советской больницы в заразную больницу для сыпновозвратных больных с увеличением количества коек с 50 до 300. Санитарному бюро было отпущены средства на приобретение транспорта (10 лошадей) для перевозки больных [24, л. 12]. Следует выделить также организацию круглосуточного дежурства врачей для оказания СМП, для чего Горсанбюро были даны 6 врачей. Также комиссией был введен институт бесплатной медицинской помощи на дому, для чего был привлечён по трудовой повинности весь без исключения медперсонал города [24, л. 8]. Таким образом, именно ЧК по борьбе с эпидемиями сыграла ключевую роль в организации СМП в Гомеле.

Вместе с тем решительные и порой поспешные действия комиссии нарушили сложившуюся структуру здравоохранения Гомельщины. Наряду с изложенными выше позитивными преобразованиями, свидетели деятельности комиссии отмечали пьянство её руководителей, а действия самой комиссии оценивалась как «преступно-дезорганизаторские» и «приведшие к плачевному результату народное здравие» [24, л. 27]. На заседании уездно-городского исполкома 3.01.1920 г. тов. Якубов описал следующие результаты деятельности комиссии: «…головокружительные ужасы печальной эпохи деятельности ЧК по борьбе с эпидемиями… в лазаретах лежали по 2 человека на койке, четыре дня 60 тифозных трупов находились с ранеными красноармейцами, по стенам палат от сырости текла вода. В общем в лечебных заведениях витал призрак смерти при полнейшем отсутствии забот о несчастных, попавших туда» [24, л. 30 об.].

Несмотря на противоречивые итоги деятельности комиссии, выработанные ею чрезвычайные меры дали мощный импульс развитию экстренной помощи населению в условиях разыгравшейся эпидемии. С приближением фронта и авиабомбардировками Гомеля в мае 1920 г., роль

СМП как первичного звена медицинского обслуживания населения сильно возросла [26, л. 31]. СМП развивалась также и в методическом аспекте: во время разработки программы 6-месячных курсов патронажных сестер при охрматмладе в 1920 г. был введен курс скорой помощи, вести который должна была заведующая СМП М. Брандина [27, лл. 9, 18]. В целом, к 1920 г. служба СМП в составе ночных дежурств врачей и выездных отрядов при Санитарном бюро окончательно сформировалась и заняла важное место в системе здравоохранения губернии.

Заключение. Объективными предпосылками создания службы СМП на территории Гомельской губернии являлись интенсификация развития медицины в предвоенный период и существование врачебных и благотворительных обществ в Гомеле и Могилёве, где идеи создания службы высказывались ещё в конце 1900-ых гг. Существовавшее в Гомеле ночное дежурство при Еврейском обществе пособия бедным фактически являлось одной из первых форм СМП на территории Гомельщины.

В годы Первой мировой войны близкое расположение края к линии фронта обусловило перестройку медицины на военные нужды, что дало импульс развитию экстренных видов помощи больным и раненым. После завершения активного периода боевых действий с Центральным блоком и окончательного установления советской власти в начале 1919 г. Гомель превратился в губернский центр, что привлекло в город большой поток населения. Критически возросшая плотность населения города в совокупности с антисанитарией и голодом создала условия для начала эпидемии сыпного тифа и других инфекционных болезней. Небывалый размах эпидемии делал неэффективными традиционные методы борьбы с ней, в связи с чем молодое советское здравоохранение вынуждено было эмпирически вырабатывать инновационные ходы для спасения населения губернии. Важной частью мер по борьбе с эпидемией стало обеспечение своевременной, быстрой и адресной медицинской помощи населению, а также оперативная транспортировка заражённых в изоляторы. Для этого создавались летучие, дезинфекционные и санитарно-эпидемиологические отряды, а также СМП при Санитарном бюро г. Гомеля. Также продолжала действовать служба ночных дежурств врачей, частично исполнявшая функции скорой и неотложной медицинской помощи. Совокупная деятельность этих организаций сформировала изначальный облик службы СМП в период зарождения советской системы здравоохранения Гомельской губернии.

Таким образом, служба СМП Гомельской губернии формировалась в условиях перманентных административных и политических изменений жизни края, гражданской войны и крупнейшего в истории общественно-политического кризиса. Причины создания такой структуры заключались в отчаянном положении здравоохранения Гомельщины, требовавшей оперативного реагирования на новые вспышки инфекции в условиях эпидемии и фактического отсутствия стратифицированной больничной сети. В результате своей деятельности служба СМП доказала свою эффективность и необходимость здравоохранению края, что обусловило её сохранение и дальнейшее развитие в 1920-ых гг.

Литература

1. Абраменко, М.Е. Становление и развитие системы охраны здоровья в Беларуси (1917–1941) / М.Е. Абраменко. – Гомель : Респ. Унит. Предприятие «Центр научно-технической и деловой информации», 2001. – 143 с.

2. Дзержицкий, В.Е. Здравоохранение Гомельской области за годы Советской власти / В.Е. Дзержицкий // Научно-практическая конференция, посвященная 60-летию создания Гомельской санитарно-эпидемиологической станции: тезисы докладов, октябрь 1982 г. – Гомель, 1982. – С. 7–9.

3. Тищенко, Е.М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е.М. Тищенко. – Гродно, 2003. – 220 с.

4. Весь Гомель: адресная и справочная книга на 1913 год. – Гомель, 1912. – 186 с.

5. Адрес-календарь и памятная книжка Могилевской губернии на 1907 год. – Могилев, Типография губернского правления, 1907. – 167 с.

6. Гомель и его уезд: справочный сборник на 1915 год. – Гомель : Тип. Л.Д. Захарина и И.Я. Марголина, 1915. – 92 с.

7. Романовский, А.А. Развитие здравоохранения Гомельской области за годы советской власти / А.А. Романовский, В.В. Юхнель // Здравоохранение Белоруссии. – 1987. – № 6. – С. 3–5.

8. Памяць: Гомель. Гісторыка-дакументальная хроніка: ў 2 кн. – Мн. : БЕЛТА, 1999. – Кн. 2-я. – 558 с.

9. Жудро, Ф.А. Город Гомель (Могилевской губернии) с 68 автотипиями / Ф.А. Жудро, Н.А. Сербов, Д.Н. Догялло. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина, 1911. – 61 с.

10. Малчанаў, А. Гомельскае таварыства ўрачоу / А. Малчанаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : ў 6 т. – Мн. : Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1996. – Т. 3. – С. 67.

11. Гомельская областная организация Белорусского Общества Красного Креста [Электронный ресурс] : История Красного Креста Гомельской области. – Режим доступа : http://redcross-gomel.by/about/52-history. – Дата доступа : 14.01.2016.

12. Гомельская губерния. 1919–1926: документы и материалы. – Мн. : НАРБ, 2009. – 270 с.

13. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 12.

14. Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс] : Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР «О трудовой повинности медицинского персонала» от 20 декабря 1918 г. – Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_423.htm. – Дата доступа : 14.01.2016.

15. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 757.

16. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 1.

17. «Путь советов». – 1919. – № 144.

18. «Полесье». – 1919. – № 131.

19. «Полесье». – 1919. – № 148.

20. Кугель, К. Очерк истории могилевского научного общества врачей / К. Кугель // Материалы XI республиканской научной конференции по истории медицины и фармации / Отв. ред. Э.А. Вальчук, Е.М. Тищенко. – Минск : ГУ РНМБ, 2009. – С. 29–30.

21. Крючок, Г.Р. Очерки истории медицины Белоруссии / Г.Р. Крючок. – Минск, 1976. – 176 с.

22. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 734.

23. ГАГО. – Ф. 11. – Оп. 1. – Д. 785.

24. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 31.

25. «Полесье». – 1919. – № 135.

26. ГАГО. – Ф. 306. – Оп. 2. – Д. 84.

27. ГАООГО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 434.

Национальная академия наук Беларуси

Поступила в редакцию 06.01.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

*930(4+7)=111:94(55)"1979-1989":929*Хомейни*

Имам Хомейни и его наследие: основные направления исследований в западной англоязычной историографии

Н.В. Кошелева

Рассматриваются основные тенденции изучения деятельности имама Хомейни как центральной фигуры Исламской революции 1978–1979 гг. в Иране и оценки его наследия в западной, преимущественно американской, историографии. При этом особый акцент делается на публикации 1980-х гг., которые заложили основу концептуальных подходов к рассматриваемой проблеме.
Ключевые слова: Иран, Исламская революция, Хомейни, ислам, шиитские традиции, англоязычная историография, историографические дискуссии.

The basic tendencies of the study the activities of Imam Khomeini as the central figure of the Islamic Revolution of 1978–1979 in Iran and the assessment of his heritage in the Western, mainly American, historiography. The particular emphasis is made on the studies of the 1980th, which laid the foundation for the conceptual approaches to the research problem.
Keywords: Iran, Islamic Revolution, Khomeini, Shiite traditions, English-language historiography, historiographical debates.

Произошедшая в 1978–1979 гг. Исламская революция в Иране кардинально изменила политическое пространство Ближнего Востока, произвела эффект разорвавшейся бомбы в международном сообществе. Немалый резонанс она вызвала в академических кругах, став одной из ведущих тем исследований в англоязычной иранистике, в первую очередь в США, Израиле и Великобритании. Уже с начала 1980-х гг. появляются полноценные публикации, посвященные данной теме. Примечательно, что для американских ученых события Исламской революции были особенно неожиданными и удивительными, поскольку в один момент в целом дружественная страна превратилась в злейшего врага США. Необходимо было дать научно обоснованный ответ на вопрос: как такое могло произойти и почему?

Замечательным примером одной из первых попыток дать ответ на поставленный вопрос является работа американского востоковеда, почетного профессора университета Вирджинии Рухоллы Рамазани «Соединенные Штаты и Иран: модели влияния» (1982) [1]. В своем исследовании Рамазани подробно проанализировал отношения между США и Ираном. При этом особое внимание уделил вовлечению США в иранскую внутреннюю и внешнюю политику в период шахского режима с 1941 по 1979 гг., охарактеризовав природу влияния США в Иране в контексте исторического развития. Рамазани пришел к выводу, что иранская внутренняя политика была напрямую связана с внешнеполитическим курсом Ирана в отношении США, что и сыграло определяющую роль в успехе Иранской революции.

В целом же с самого начала среди исследований, посвященных данной теме, выделилось несколько основных направлений: отношения Ирана со странами Запада, особенно с Соединенными Штатами, проблемы внутренней политики Ирана, религиозный аспект произошедшей в Иране революции. Особое направление составил обширный корпус аналитических материалов, посвященных лидеру Исламской революции – имаму Хомейни, сыгравшему ключевую роль в становлении новой иранской государственности.

Многие авторы, изданных на Западе в 1980-х гг. публикаций, делали акцент на международной политике в зоне Персидского залива и на внешней политике Ирана, пытаясь выявить причины и предпосылки Исламской революции. К примеру, в книге израильского ученого американского происхождения, специалиста по Ближнему Востоку, сохранившего тесные научные контакты со своей родиной, Бэрри Рубина «Вымощенный божественными намерениями: американский опыт и Иран» (1980) проводится анализ взаимоотношений США со странами Персидского залива с начала XX в. [2]. Автор стремится выяснить, как США «трансформировались в глазах иранцев – от статуса национальных спасителей до пожираю-

щего мир сатану в эпоху Хомейни» [2, p. 9]. При этом Рубин критикует американскую внешнюю политику в данном регионе за ее «нерациональность», ненавязчиво подводя читателя к мысли о причастности США к Исламской революции. Такой же подход характерен и для исследования Микаэля Ледина и Уильямса Льюиса, изданного под говорящим названием «Разгром: американский проигрыш в Иране» (1981). В их работе, сочетающей журналистские и научные методы, анализируется период правления династии Пехлеви, а также связи США и Ирана, начиная с 1940-х гг. и заканчивая Исламской революцией [3].

Одновременно, начиная с 1980-х гг., появляется ряд исследований, которые акцентируют внимание на шиитской традиции в контексте Исламской революции. Наиболее авторитетными следует назвать работы американского ираниста Никки Р. Кэдди, в которых подробно освещается религиозная специфика Ирана [4]–[6]. В книге «Корни революции: объяснение истории современного Ирана» (1981) Н. Кэдди, в частности, проанализировала влияние шиизма на движения социального протеста в Иране на всем протяжении его шиитской истории. При этом автор несколько идеализирует роль религиозного фактора: «Развитие шиизма в Иране повлияло на формирование в нем отдельной локальной идентичности. До двадцатого века шиитская компонента этой идентичности была важнее иранской, хотя зачастую не было необходимости их различать. С 1501 г. вплоть до этого века (XX в. – прим. автора) иранизм и шиизм являлись для многих людей частями одного и того же целого» [4, p. 23]. Именно Исламская революция, подчеркивает Н. Кедди, стала тем инструментом, который должен был восстановить целостность этой идентичности. По ее мнению, даже если бы не было кровавого инцидента в Куме в январе 1978 г. (выступления религиозных студентов этого священного города шиитов в ответ на опубликованную властями статью, в которой Хомейни представал как приспешник британского колониализма) «религиозное движение все равно стало бы ведущей оппозиционной силой» [4, p. 243].

Приблизительно в таком же ключе интерпретируется роль шиизма и в исследовании профессора антропологии Массачусетского технологического института Майкла Фишера «Иран: от религиозного диспута к революции» (1980) [7]. В отличие от большинства работ, которые появились непосредственно после революции, книга М. Фишера основана на обширных полевых работах, проведенных в Куме, где автор общался с муллами и их учениками с целью воссоздания полноценной картины иранского общества, а также выявления отношения к религии каждого социального класса.

В это же время, следует подчеркнуть, публикуются первые исследования, в которых особый акцент делается на политической фигуре и личности самого имама Хомейни.

Одной из самых влиятельных (по мнению, газеты «Нью-Йорк Таймс» от 10 декабря 1989 г.) англоязычных работ по Исламской революции в 1980-е гг. стала книга Саида Амира Арджоманда «Тюрбан для Короны: Исламская революция в Иране» (1988) [8]. С.А. Арджоманд является заслуженным профессором социологии в Университете штата Нью-Йорк в Стони Брук (Лонг-Айленд), директором Института глобальных исследований Стони Брук, а также основателем и нынешним президентом Ассоциации по изучению персоязычных обществ. В книге Арджоманда подробно рассматриваются появление на политической сцене Хомейни и его дальнейшая деятельность, структуры власти в шиизме и влияние современного государства на иранское общество. Именно последние два фактора, по мнению автора, и есть основные, с помощью которых можно понять смысл и содержание Исламской революции.

В 1980-е гг. появляется ряд исследований, в которых Исламская революция и деятельность Хомейни рассматриваются под вывеской воинствующего ислама. В этом отношении весьма показательна книга американского аналитика по международным делам, журналистки Робин Райт «Священная ярость: гнев воинствующего ислама» (1985), в которой она пытается осмыслить произошедшие в Иране перемены [9]. Этому же автору принадлежат и другие книги, посвященные Хомейни и Исламской революции, изданные в 1990–2000-х гг. В частности, в книге «Во имя Бога: десятилетие Хомейни» (2010) Райт дает свою оценку Исламской революции. Она пишет, что «Исламская революция в истории Ближнего Востока по своему значению сопоставима лишь с такими событиями, как создание государства Израиль и падение Османской империи» [9, p. XVII]. Такое большое значение Исламской революции

автор увязывает с тем, что Иран оказывает большое влияние на ценообразование в нефтяной сфере, на терроризм, а также с тем, что Иран широко использует религию в политических целях [9, p. XVIII].

При оценке деятельности Хомейни и его политических взглядов большинство западных ученых называли и называют его фундаменталистом [10]. Например, в работе британского журналиста Кона Кухлина «Призрак Хомейни: Иранская революция и подъем воинствующего ислама» (2014) говорится о «фундаменталистской интерпретации ислама», которую предложил имам Хомейни [11, p. 223]. Тем не менее, еще в 1990-е гг. появилась идея рассматривать Хомейни не как фундаменталиста, а как сугубо популистскую фигуру. Такого мнения придерживается ученый-иранист Эрванд Абрахамян, иранский армянин, выросший в Англии и получивший ученую степень в Колумбийском университете. В настоящее время он преподает в США в университете Нью-Йорка. С начала 1980-х гг. Э. Абрахамян опубликовал ряд крупных работ, посвященных истории Ирана и, в частности, Иранской революции. В контексте данной статьи наибольшего внимания заслуживает его работа «Хомейнизм: очерки Исламской Республики» (1993) [12].

В данной работе Абрахамян предлагает рассматривать Хомейни и инициированное им исламское движение не через призму фанатизма, радикализма и фундаментализма, как принято считать на Западе, а как форму третьемирового политического популизма – радикального, но прагматичного движения среднего класса, которое скорее стремится войти в современный мир, а не отвергнуть его. Автор критикует использование термина «фундаментализм» в отношении Хомейни и Исламской революции на том основании, что разные политические силы понимают этот термин по-своему. Так, для консерваторов он означает «ксенофобию» и «радикализм»; для либералов – «экстремизм, фанатизм и традиционализм»; для радикалов – «политический атавизм и отрицание науки, современности, истории, Просвещения и индустриальной революции» [12, p. 2–3]. Абрахамян указывает на то, что более правильным было бы употреблять по отношению к Хомейни термин «популизм», поскольку он ассоциируется с «идеологической адаптивностью и интеллектуальной подвижностью, с политическими протестами против установленного порядка и с социально-экономическими проблемами, которые принудили оппозиционные массы нарушить статус-кво» [12, p. 2–3]. Другими словами, по мнению автора, если фундаментализм ассоциируется с «невозможностью приспособиться к современности», то популизм как раз допускает такую возможность [12, p. 2].

В целом, давая критическую оценку имаму Хомейни, Э. Абрахамян ставит задачу определить, чем являются работы Хомейни для его последователей. Он начинает свой анализ с политических и теологических трактатов Хомейни (с 1943 г.), его выступлений, интервью и фетв. В результате этого анализа Абрахамян приходит к выводу, что хомейнизм предстает как воинствующая, порой противоречивая, политическая идеология и движение, нацеленные не на реализацию сугубо религиозных принципов, а на удовлетворение политических, социальных и экономических требований рабочих и среднего класса. При этом отличительной особенностью этого политического движения является его гибкость [12, p. 3].

Абрахамян обращает внимание читателя на то, что шиитское духовенство, в отличие от суннитов, не смогло в средние века разработать последовательную теорию государства. Говоря о формировании суннитской версии государственной модели, Абрахамян отмечает, что «суннитское духовенство связало политическое повиновение с религиозным долгом, а гражданское неповиновение с религиозной ересью» [12, p. 17–19]. Шиитская же модель государственности, известная как «велаят-е факих», в среде шиитских богословов Средневековья и Нового времени означала «не больше, чем правовая опека высшего духовенства над теми, кто не в состоянии заботиться о себе – над несовершеннолетними, вдовами и умственно недееспособными… Концепция “велаят-е факих” также означала, что высшее духовенство имеет право вступать в политическую борьбу, правда, только временную и только тогда, когда монарх своими действиями ставит под угрозу все сообщество» [12, p. 19].

По мнению Э. Абрахамяна, именно Хомейни в 1965–1970 гг. развил новую теорию государства в шиизме. Правда, автор затрудняется назвать источники этого нового видения государства, но предполагает, что одним из них могли быть шиитские богословы Наджафа (в то

время Хомейни находился в изгнании в этом духовном центре шиизма), занимавшиеся разработкой новых концепций в период борьбы с коммунистами, которых было немало среди иракских шиитов. На Хомейни, вероятно, оказывали влияние оппозиционно настроенные иранские студенты и, несомненно, знаменитый писатель Джалал Але-Ахмад – автор антизападного памфлета «Гхарбзадеги» («Чума с Запада»). Абрахамян отмечает, что Джалал Але-Ахмад был единственным писателем, который удостоился от Хомейни положительных отзывов [12, p. 22].

Практически все исследователи отмечают огромное влияние, которое наследие Хомейни оказало и продолжает оказывать не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Ирана. Ирано-американский ученый Рей Такейх (в прошлом чиновник государственного департамента США, в настоящее время – старший научный сотрудник Совета по международным отношениям), выразил это весьма красноречиво в следующих словах: «Как правило, незападные революционные режимы отказывались от жесткой идеологической внешней политики и принимали основополагающую легитимность международной системы. Однако иранские лидеры до сих пор разделяют мировоззрение Хомейни. Гибкость иранской исламистской идеологии во внешней политике поразительна. Современная внешняя политика Китая не строится на взглядах Мао, как и Хо Ши Мин не является путеводным светом Вьетнама интегрироваться в азиатское сообщество. А вот руководство Ирана придерживается политики, имеющей корни преимущественно в идеологическом видении Хомейни, даже в том случае, когда такая политика ущербна для национальных интересов страны и даже тогда, когда заметная часть правящей элиты отвергает ее» [13, p. 51].

Рей Такейх обращает внимание еще на одну важную деталь: «Многие западные обозреватели Ирана не понимают, что иранская внешняя политика выкроена преимущественно таким образом, чтобы поддерживать идеологическую идентичность. Поэтому мы не можем понять внешнюю политику Ирана и ее очевидную враждебность, привычно оценивая его международное окружение или те или иные изменения в ближневосточном балансе сил» [13, p. 51]. Такейх задается вопросом, «почему иранское руководство продолжает поддерживать этот идеологический шаблон столько времени после революции». И отвечает на это следующим образом: «Исламская Республика отличается от своих революционных двойников тем, что ее государственная идеология является и ее же религией. Это политизированная и радикализированная версия шиитского ислама, которая является официальной догмой… Революционные режимы обычно меняются, когда их ревностные приверженцы разочаровываются и отходят от веры. В конце концов, гораздо легче быть экс-марксистом, чем экс-шиитом. В одном случае отказ от веры (убеждений) является политическим дезертирством, в другом случае – изменой» [13, p. 51].

Оценивая влияние Хомейни на внешнюю и международную политику, Такейх делает очень важный вывод: «Хомейни предложил уникальный вызов концепции национального государства и доминирующим нормам международной системы. Сущность его послания заключалась в том, что жизнеспособность его исламистских идей внутри страны зависит от их непрестанного распространения за пределы страны. Более того, поскольку Божественное видение не ограничивалось одним народом, иранская внешняя политика должна стать расширением его внутренней революционной нестабильности… Международные отношения Ирана характеризуются революционными импульсами, которые находятся в состоянии постоянной борьбы с прагматизмом… Интернационализм Хомейни должен иметь антагониста, контраст, основываясь на которых можно идентифицировать себя. Карикатурная концепция Запада стала центральным столпом его исламистской фантазии» [13, p. 51–52]. Небезынтересна характеристика этим автором отношения представителей молодого поколения из политического истеблишмента Ирана к внешней политике своего государства: «Парадоксально, но сегодня мы видим молодое поколение иранских лидеров, которые отвергают более прагматичный, нереволюционный подход старших – Расфанджани и Хатами – в пользу наследия Хомейни в международных делах. Это наследие, уходящее корнями в аскетические исламистские взгляды, призвано опрокинуть региональный порядок и бросить вызов существующей международной системе» [13, p. 61].

Рассматривая проблему государственной идентичности современного Ирана, Рей Такейх выделяет три основных фактора формирования данной идентичности: сила влияния самой Исламской революции, сформированный в иранском обществе образ Хомейни и внеш-

няя политика Ирана. В этой связи исследователь подчеркивает: «Примечательно то, что Исламская республика стремится поддерживать свою революционную идентичность перед лицом существенного давления, дезертирства элиты и массового недовольства по всей стране. Институциональная сокрушительная сила революции способствовала этому успеху, так же как и формирование элитой аскетического образа Хомейни. Но и внешняя политика Ирана также сыграла ключевую роль в поддержании внутригосударственной идеологической идентичности. Узкий сегмент консервативной клерикальной элиты, контролирующей ключевые институты государства, формирует внешнюю политику с целью поддержания идеологического характера режима. И это остается ключевым ингредиентом в определении того, как Исламская Республика думает о себе и о своей роли на Ближнем Востоке» [13, p. 61].

В последнее время все большее внимание западной историографии привлекает к себе тема связи Хомейни с исламским мистицизмом. Примечательно, что данная тема получила более широкое освещение не в американских, а в европейских англоязычных исследованиях.

В качестве примера возьмем одну из самых известных на Западе книг, посвященных жизни и деятельности имама Хомейни, «Хомейни: жизнь айатоллы» (1999) [14]. Ее автор – Бакир Моин, глава персидского отдела BBC. Выходец из иранской религиозной семьи и обучавшийся в престижных религиозных учебных заведениях, он изнутри хорошо знаком с той религиозной средой, в которой жил Хомейни. В целом в исследовании Б. Моина показан процесс того, как мусульманский теолог сверг шаха Ирана и стал лидером Исламской Республики. Рассматриваются ранние годы жизни Хомейни, те идеи и убеждения, которые повлияли на его мировидение и представление о том, какова должна быть система управления государства.

Особый интерес представляет глава «В поисках идеала: бегство в мистицизм», связанная со временем, проведенном Хомейни в Куме. Примечательно, что более ранние работы, посвященные деятельности имама Хомейни, не заостряли такого пристального внимания на его опыте изучения исламского мистицизма, хотя и не обходили стороной его период жизни в этом религиозном центре. По приезде в Кум Хомейни «начал искать учителей, с которыми он мог бы изучать две исламские великие мистические и философские традиции – ирфан и хикмат» [14, p. 39]. Для целостного понимания того, чем именно интересовался имам Хомейни, Б. Моин дает характеристику обоим направлениям. Ирфан (гнозис) рассматривается как мистическая традиция, схожая с суфизмом, а хикмат (мудрость) – как философская традиция, связанная с логическим и схоластическим познанием «внутренней реальности». Зародившись в XI в. (Ибн Сина), хикмат получила развитие в трудах шиитского ученого Насир ад-Дина Туси (XIII в.). Другое направление в рамках хикмат, более мистическое и гностическое, представлено такими известными учеными-мистиками, как Ибн Араби (1165–1240, его концепция вахдад аль-вуджуд, единство всего сущего, вошла в традицию хикмат) и Сухраварди (1154–1191, бектат аль-ишрак, философия озарения). Эти два учения хикмат (Ибн Араби и Сухраварди) были объединены в традиции хикмат Кутб ад-Дином Ширази (ум. 1311) и Сейидом Хейдаром Амоли (ум. после 1354). Но самым важным периодом в развитии традиции хикмат явился период Сефевидов и деятельность Садра ад-Дина Ширази, более известного как Мола Садр (ум. 1641, самая известная его работа «Четыре путешествия»).

Традиция ирфан, которая, как подчеркивает Б. Моин, «также является важной в связи с Хомейни», восходит к мистической персидской поэзии. При этом автор отмечает, что речь идет не только о шиитских поэтах. В первую очередь он указывает на важность для Хомейни таких двух знаменитых суннитских поэтов-мистиков, как Джалал ад-Дин Руми (1273) и Хафиз Ширази (ум. 1389 или 1390). Последний проложил мостик между хикмат и ирфан, соединив рациональные вопросы своего времени, поднятые такими философами, как Омар Хаям, с мистицизмом суфийских поэтов, таких как Руми. Б. Моин считает, что интерес Хомейни к поэзии должен был помочь ему продвинуться в сторону ирфана, то есть к постижению мистической сути всего происходящего.

В работе описаны встречи Хомейни с исламскими богословами, которые помогали ему изучать ирфан и хикмат, а также трактат Молы Садра «Четыре путешествия» и [14, p. 42]. Однако самое большое влияние не только на религиозные, но и на политические взгляды Хомейни оказал один из лучших знатоков ирфана Мирза Мухаммад Али Шахабади (ум.

1950), принадлежавший к той небольшой группе богословов, которая выступала против шахского режима. Ссылаясь на одного из учеников Хомейни, Сейида Ахмада Фехри, Б. Моин проводит мысль о том, что Хомейни в результате сумел совместить строгость шариата с логикой мистицизма [14, p. 44]. Моин полагает, что «развитая личность Хомейни соответствовала исламской традиции… Для умного, интровертного, разочарованного молодого человека, озлобленного упадком клерикального истеблишмента, открытие внутреннего света мистицизма стало поворотной точкой» [14, p. 45]. На основе воспоминаний людей, знавших Хомейни, Моин доказывает, что Хомейни претендовал, в духе Халладжа (ум. 922) и других исламских мистиков, на то, что у него существуют особые отношения с Богом.

Подобные зарисовки формируют у читателей романтический образ Хомейни с налетом тайны и мистики. В ранних работах, в которых представлена биография Хомейни, этого практически не встречается.

Таким образом, независимо от того, каких взглядов придерживаются западные исследователи в отношении имама Хомейни, все они признают его огромный вклад в Исламскую революцию, его определяющее влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику современного Ирана. Все еще ведутся дискуссии в отношении того, считать ли Хомейни исламистом, фундаменталистом или популистской фигурой; в отношении предложенной им модели государственного устройства «велайат-е факих», альтернативной западной демократии; в отношении правильности определенного им внешнеполитического курса Исламской республики. Тем не менее, ни у кого из исследователей не вызывает сомнения тот факт, что так называемый «хомейнизм» предложил Ирану новую идентичность в современных условиях глобального мира.

Литература

1. Ramazani, Ruhollah K. The United States and Iran: The patterns of Influence / Ruhollah K. Ramazani . – New York : Praeger, 1982. – 179 p.

2. Rubin, B. Paved with God Intentions: the American Experience and Iran / B. Rubin. – New York : Oxford UP, 1980. – 426 p.

3. Ledeen, M., Lewis, W. Debacle: the American failure in Iran / M. Ledeen, W. Lewis. – Ney York : Knopf, 1981. – 256 p.

4. Keddie, N.R. Roots of revolution: an interpretive history of modern Iran / N.R. Keddie ; with a section by Yann Richard. – New Haven : Yale University Press, 1981. – XII. – 321 p.

5. Keddie, N.R. Religion and politics in Iran: Shi‘ism from quietism to revolution / N.R. Keddie. – New Haven : Yale University Press, 1983. – X. – 258 p.

6. Keddie, N.R. Iran and the Muslim world: resistance and revolution / N.R. Keddie. – New York, N.Y. : New York University Press, 1995. – X. – 303 p.

7. Fisher, M.M.J. Iran: From religious Dispute to Revolution / M.M.J. Fisher. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1980. – XIV. – 314 p.

8. Arjomand, Said Amir. The Turban for the Crown: The Islamic Revolution in Iran (Studies in Middle Eastern History) / Said Amir Arjomand. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 283 p.

9. Wright, Robin B. Sacred Rage: The Crusade of Modern Islam / Robin B. Wright. – New York : Linden/Simon & Schuster, 1985. – 315 p.

10. Wise, K. Islamic Revolution of 1979: The Downfall of American-Iranian Relations / K. Wise // Legacy. – Vol. 11: Iss. 1. – Article 2. [Electronic resource]. – Mode of access : http://opensiuc.lib.siu.edu/legacy/vol11/iss1/2. – Date of access : 10.06.2016.

11. Coughlin, C. Khomeini's Ghost: The Iranian Revolution and the Rise of Militant Islam / C. Coughlin. – Harper Collins, 2014. – 416 p.

12. Abrahamian, E. Khomeinism: essays on the Islamic Republic / E. Abrahamian. – Berkeley : University of California Press, 1993. – XI. – 188 p.

13. Takeyh, R. All the Ayatollah's Men / R. Takeyh // National Interest. – 2012. – Issue 121. – P. 51–61.

14. Moin, B. Khomeini: Life of the Ayatollah / B. Moin. – London; New York : I.B. Tauris : Distributed in the United States by Palgrave Macmillan, 2009. – XIV. – 352 p.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 18.06.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94 (476) «18/19»

Особенности организации и функционирования административного аппарата в белорусских губерниях в 1864–1914 гг.

А.Д. Кузьмин

Изучена организационная структура губернских и уездных органов власти, проанализированы изменения в административном устройстве Северо-Западного края. Особенностью белорусских губерний было то, что здесь до 1912 г. существовала особая административно-территориальная единица в виде Виленского генерал-губернаторства. Отмечена тенденция усиления власти губернаторов и губернских правлений в пореформенный период. Установлено, что большинство губернаторов были выходцами из великорусских и прибалтийских губерний.
Ключевые слова: белорусские губернии, губернатор, вице-губернатор, губернские и уездные органы власти.

The organizational structure of the provincial and district authorities is considered, the changes in the administrative structure of the Northwest Territory are analyzed. The peculiarity of the Belarusian provinces was that until 1912 there existed a special administrative and territorial unit in the form of the Vilna governor-generalship. The tendency of strengthening the power of governors and provincial boards in the period under review is shown. It was found that the majority of the governors came from the Russian and the Baltic provinces.
Keywords: Belarusian province, governor, vice-governor, provincial and district authorities.

Введение. Предметом исследования в данной статье является система государственных учреждений и чиновничество белорусских губерний в политике царского правительства в 1864–1914 гг. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в отечественной и зарубежной историографии. На сегодняшний день отсутствует детальное рассмотрение политики самодержавия в области организации местных органов государственной власти, не проведён всесторонний анализ законодательства, регламентировавшего структуру и состав государственных учреждений, отсутствует комплексная характеристика чиновничества белорусских губерний в рассматриваемый период. Цель данного исследования – раскрыть структурную организацию и механизм функционирования административного аппарата на территории Беларуси в 1864–1914 гг.

Основная часть. Во второй половине XIX в. в состав Северо-Западного края Российской империи входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская и Могилёвская. Главное управление Северо-Западным краем было сосредоточено в городе Вильно, центре Виленской губернии, где находился также и генерал-губернатор. Что касается Могилёвской и Витебской губерний, то до 1869 г. они тоже были в ведении Виленского генерал-губернатора, но именными указами императора от 27 июня и 2 ноября 1869 г. Могилёвская, а затем и Витебская губернии были изъяты из ведения Главного Управления Северо-Западным краем и переведены в непосредственное подчинение МВД. Позднее, в соответствии с указом Сената от 29 декабря 1870 г. за № 55244, из ведения Виленского генерал-губернатора была изъята Минская губерния. Непосредственное руководство губерниями и исполнение особых указов, принятых в ходе восстания 1863–1864 гг., перешли к губернаторам [1, с. 16–18].

В начале XX в. положение в западных губерниях изменилось: были проведены буржуазные реформы, ограничено католическое и усилено православное землевладение, на административных должностях русские чиновники заменили местных католиков, был введён русский язык в делопроизводство и в преподавание, построены православные храмы и народные училища, создана сеть железных дорог, что экономически соединило западные и внутренние губернии империи. Таким образом, необходимость в существовании особой административно-территориальной единицы в виде Виленского генерал-губернаторства отпала. Официально оно было ликвидировано 1 января 1912 г. [2, с. 39–40].

Главой местной администрации являлся губернатор, официально признаваемый законами «хозяином губернии». Справочные издания конца XIX в. так определяли эту должность: «Губернатор – по действующему русскому праву непосредственный начальник вверенной губернии (или области), первый в ней блюститель неприкосновенности верховной власти, государства и повсеместного точного исполнения законов, уставов, Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената и предписаний начальства» [3, с. 839].

В пореформенный период власть губернаторов была значительно усилена. Губернаторам предоставлялось право общего надзора за деятельностью всех учреждений губернии и должностных лиц, проведения внезапных ревизий казённых сумм. Губернатор следил за благонадёжностью служащих в губернии лиц, ему предоставлялись к просмотру все распоряжения и постановления губернских учреждений об определении, найме и перемещении подчинённых им чиновников с документами о личности. Он же ходатайствовал о награждении чиновников всех ведомств в соответствующих министерствах и главных управлениях. Губернаторам разрешалось закрывать своей властью собрания разных частных обществ, клубов и артелей в случае обнаружения в них чего-либо противоречащего государственному порядку, общественной безопасности и нравственности [4, с. 140].

Власть местных губернаторов была значительно усилена в судебной сфере. На основании судебных уставов 20 ноября 1864 г. в империи было усовершенствовано судоустройство и судопроизводство, произошло отделение суда от административных органов и законодательной власти, введена независимость судей, состязательность и гласность судебного процесса. В белорусских губерниях с целью не допустить в судебные органы местное католическое дворянство судебные уставы распространялись с опозданием и ограничениями. На основании указа от 20 апреля 1872 г. здесь вводился институт мировых судей [5]. Реформа подчинила новые судебные учреждения местной власти, что отличало их от судебных учреждений внутренних губерний империи. Под предлогом отсутствия в крае земства правительство отменило здесь выборность мировых судей. На эти должности министр юстиции назначал служащих по рекомендации местной администрации. Таким образом, в белорусских губерниях судебная система осталась под контролем административной власти.

Положением Комитета министров от 13 июля 1876 г. «О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные положения» на губернаторов возлагались полномочия по пресечению антиправительственных выступлений, нарушений государственного порядка и общественного спокойствия. Им предоставлялось право издавать обязательные положения об обеспечении порядка и безопасности, которые могли быть дополнены, изменены и отменены только министром внутренних дел.

Губернатор считался председателем следующих местных учреждений: губернского правления, губернского статистического комитета, губернского по крестьянским делам присутствия, губернских присутствий по земским и городским делам, по фабричным делам и по воинской повинности. Он председательствовал также в губернских распорядительном и лесоохранительном комитетах, в приказах общественного призрения и комиссиях народного продовольствия. Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в., последовавшие за отменой крепостного права, которые самодержавие в западных губерниях проводило непоследовательно и с большой осторожностью, ставили эти учреждения под усиленный контроль губернатора как высшего представителя императорской власти на местах. Иерархически и субординационно губерния и её губернатор в наибольшей степени зависели от Министерства внутренних дел и возглавлявшего его министра и были поставлены под верховный надзор Правительствующего Сената как высшего административно-управленческого учреждения империи [6, с. 29–30].

В начале XX в. рост либерального и революционного движений, усложнение социально-экономических процессов, увеличение роли западных губерний во внешней политике государства поставили вопрос о расширении полномочий администрации в крае. Многочисленные циркуляры Министерства внутренних дел призывали начальников губерний бороться с рабочим движением. Ряд законов усилил политические и полицейские функции местных губернаторов. Так, в 1904 г. губернаторы возглавили губернские Особые совещания по расследованию государственных преступлений в составе начальника губернского жандармского

управления и прокурора окружного суда. Это совещание руководило производством дознаний, оно могло прекратить дело или дать ему ход [7, с. 5]. На основании закона от 29 ноября 1905 г. губернаторы могли объявлять подведомственные им территории на положении усиленной охраны в случаях даже заминки в работе дорожной или почтовой служб [8].

Во время восстания 1863–1864 гг. на должности гражданских губернаторов нередко назначались военные. И хотя зачастую они не имели административного опыта, однако пользовались большим доверием главного начальника края М.Н. Муравьёва. К числу таких выдвиженцев военного времени можно отнести генерала П.Н. Шелгунова, который на протяжении 1864–1868 гг. являлся минским губернатором [9, с. 211]. Следует отметить, что ни один из минских губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. не был местным уроженцем. Преимущественно выходцами из великорусских и прибалтийских губерний были и другие начальники белорусских губерний. В частности, витебские губернаторы до момента назначения на должность проходили службу в других регионах Российской империи и не знали специфику работы в Витебской губернии [10, с. 202].

Проведённое исследование показало, что за 1864–1914 гг. на должности губернатора в Минской губернии сменилось 10 чел. [9, с. 208–312], в Могилёвской – 11 [4, с. 769–783], в Витебской – 10 [11], а в Гродненской – 17 [7, с. 78–139]. Большинство губернаторов (64,6 %) находились на своих постах не более 5 лет, из них почти половина (48,4 %) – менее 2-х лет. В Гродненской губернии за 1900–1914 гг. сменилось 10 губернаторов, в то время как в остальных не более 5. Такая значительная ротация кадров свидетельствует о недостатке стабильности в государственном аппарате власти. Интересен тот факт, что после освобождения от должности большинство губернаторов переводили на аналогичные посты в другие губернии Российской империи либо в учреждения центральной администрации. Исключения составляли П.Н. Шелгунов и В.В. фон Валь. П.Н. Шелгунов после службы в Минской губернии на протяжении 2-х лет (1868–1870 гг.) занимал пост Могилёвского губернатора [4, с. 770]. Полковник фон Валь в 1878–1879 гг. исполнял обязанности гродненского губернатора, а затем на протяжении 1880–1884 гг. являлся витебским губернатором [11].

Заместитель губернатора назывался вице-губернатором, в отсутствие губернатора он получал все его полномочия. Должность вице-губернатора относилась к V классу (статский советник). Назначался вице-губернатор непосредственно министром внутренних дел. На этой должности чиновники менялись довольно часто, поскольку она являлась переходной к назначению губернатором. Например, перед отправлением на эту должность в Курск после окончания военно-юридической академии и 13-летней службы в системе прокурорского надзора П.Г. Курлов получил от министра внутренних дел В.К. Плеве наставление о том, что «нельзя быть хорошим губернатором, не пройдя должности вице-губернатора; нельзя авторитетно отдавать приказания, не зная, как они на практике технически выполняются подчинёнными» [12, с. 4]. Действительно, всего несколько месяцев П.Г. Курлов пробыл курским вице-губернатором, после чего был назначен минским губернатором.

Губернатор управлял губернией с помощью своей канцелярии, т. к. она являлась связующим звеном с подведомственными учреждениями и с высшими органами власти империи. Канцелярия принимала всю документацию, которая приходила на имя губернатора, и отправляла исходящие документы. Поэтому основной её функцией было документационное обеспечение деятельности губернатора, исполнение секретарских обязанностей. В состав канцелярии минского губернатора в 1864 г. вместе с её правителем входили четыре штатных чиновника по особым поручениям, два старших и три младших помощника правителя канцелярии [13, с. 20–21]. Служащие канцелярии находились в ведении губернатора и подчинялись непосредственно ему. Назначение и увольнение этих чиновников зависело от губернатора. Только чиновники для особых поручений назначались и увольнялись по утверждению министра внутренних дел. Закон обязывал правителя канцелярии выполнять «главный и постоянный над всем надзор» [14, с. 165]. Обычно на эту должность губернаторы подбирали наиболее доверенных и близких лиц. Смена губернатора очень часто приводила к смене и правителя канцелярии. Так, например, начиная с 1850 и по 1871 гг. каждый новый виленский гражданский губернатор назначал и нового правителя своей канцелярии. Они, как правило, участвовали в разработке всех наиболее важных губернаторских решений и таким образом

оказывали большое влияние на ход административного делопроизводства. До 1860-х гг. канцелярия состояла из 6 столов и секретной части. В ходе буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. канцелярии освободились от ряда административно-хозяйственных вопросов по управлению крестьянами, комплектованию и расквартированию войск, финансового контроля и ревизии, а также других дел, перешедших в ведение по крестьянским и воинской повинности присутствиям, контрольной палате, акцизным управлениям [4, с. 146].

Органом, непосредственно содействующим губернатору в осуществлении его функций, являлось губернское правление. Губернское правление управляло делами общего благоустройства, охраняло права личности и собственности, общую безопасность, тишину и спокойствие, управляло делами здравоохранения, продовольствия, хозяйства и промышленности, содействовало всем другим управлениям в исполнении законов и «понуждало подчинённые ему места и лица к исполнению их обязанностей» [14, с. 166].

8 июня 1865 г. были утверждены «Временные правила о преобразовании губернских учреждений ведомства МВД», которые видоизменили компетенции и организационную структуру губернских правлений [15]. Указом от 27 февраля 1867 г. эти правила были распространены на Северо-Западные губернии. [16]. Новая структура губернского правления включала в себя: общее присутствие, канцелярию, состоящую из 1-го и 2-го распорядительных отделений, строительное отделение (под началом губернского инженера) и врачебное отделение (под началом губернского врачебного инспектора). К последнему примыкали губернские старший и младший ветеринарные врачи и сельский ветеринарный врач. При губернском правлении находилась также губернская чертёжная, возглавляемая губернским землемером и подчинёнными ему двумя помощниками и делопроизводителем. Все они контролировали деятельность уездных землемеров, которые занимались земельным размежеванием непосредственно на местах.

Наиболее важные дела решало общее присутствие губернского правления – коллегия, состоявшая из губернатора, вице-губернатора, 2 советников правления, губернского врачебного инспектора, губернского инженера, губернского архитектора (с правом совещательного голоса) и асессора [15].

С целью сохранения своего влияния на сферу управления местами заключения МВД инициировало принятие 21 марта 1890 г. закона о включении в состав губернского правления тюремного отделения [17]. Эта мера позволила губернатору контролировать деятельность тюремного инспектора, несмотря на то, что в 1895 г. Главное тюремное управление и губернские попечительские комитеты о тюрьмах были переданы из МВД в Минюст [18]. Аналогичным эффектом сопровождалось и создание в структуре губернского правления межевого отделения во главе с губернским землемером, который подчинялся Главному управлению землеустройства и земледелия [19, с. 66–67]. В 1903 г. в составе губернского правления появилось ветеринарное отделение, существовавшее в 1867–1902 гг. как ветеринарная часть врачебного отделения. Отделение занималось ветеринарно-санитарными вопросами в губернии, а также контролировало кадровый состав уездных ветеринаров.

Все эти изменения отразились на количественных характеристиках местного административного аппарата. Если на 1876 г. в Могилёвской губернии числилось служащих основных административных учреждений 143 человек [20], то в 1909 г. их количество выросло до 205 человек (то есть на 30 %) [21]. Непосредственное управление губернией возлагалось на 10 чиновников канцелярии губернатора и около 50 чиновников губернского правления (без вакансий). Таким образом, вместе с вакантными местами Могилёвской губернией управляло немногим более 60 человек [21, с. 1–283].

В рассматриваемый период низшей административной, судебной и финансовой единицей империи выступал уезд и этот статус был закреплён за ним законодательно в общеимперском Своде законов. Главными должностными лицами в уезде выступали уездный исправник и уездный предводитель дворянства, а соответствующими административно властными структурами – уездное полицейское управление и канцелярия предводителя дворянства. В западных губерниях императорским указом от 28 ноября 1861 г. дворянские выборы были запрещены: уездные предводители дворянства и дворянские депутаты здесь назначались правительством при участии и по представлению губернатора. Уездный предводитель дворянства не состоял в подчинении у губернского и по делам своего уезда действовал самостоятельно. Должность уездного предводителя дворянства имела двоякое значение: он призывался к заве-

дованию внутренними проблемами дворянства, но в то же время являлся важным звеном общей администрации, выступая председателем ряда уездных присутствий и комитетов, которые часто играли роль исполнительных инстанций для соответствующих губернских учреждений. В своём подчинении предводитель имел канцелярского письмоводителя, ведающего служебной перепиской, что и составляло весь штат канцелярии [22, с. 127–128].

Исправник как должностное лицо назначался и увольнялся губернатором. Важнейшей вехой в формировании института уездных исправников стала полицейская реформа 25 декабря 1862 г., известная как «Временные правила об устройстве полиции». В соответствии с ней в каждом уездном городе полицейские органы (городничий и его канцелярия) объединялись с уездными в возглавляемое исправником уездное полицейское управление [23]. Исправник был обязан наблюдать за соблюдением общественной безопасности, точным исполнением населением уезда верноподданнического долга. Два раза в год исправник должен был совершать полный объезд вверенного ему уезда, чтобы лично убедиться в исправности путей сообщения, соблюдении правил строительства и вообще контролировать все сферы, порученные надзору и наблюдению уездной полиции. В обязанности исправника также входило: приведение к повиновению правонарушителей, расследование случаев воровства, грабежа, разбоя, убийств и телесных повреждений, военного дезертирства и бродяжничества, взыскание налогов и податей, прекращение инфекционных заболеваний и прочее. После образования в 1874 г. уездных по крестьянским делам присутствий исправник и непременный член присутствия являлись единственными членами этих учреждений, облечёнными самостоятельной властью. В ведение исправника также входил контроль за действиями становых приставов, а по Указу от 9 июня 1878 г. и ближайших помощников – полицейских урядников. В 1903 г. при становых приставах и полицейских урядниках учреждалась уездная полицейская стража, подчинявшаяся исправнику. Уезды белорусских губерний делились в полицейском отношении на станы и на единицы крестьянского местного самоуправления – волости [24, с. 62–63].

В начале XX в. среднестатистический штат уездного полицейского управления в белорусских губерниях состоял из исправника, его помощника, секретаря, двух столоначальников и регистратора (всего 6 человек) [22, с. 129].

С началом Первой мировой войны система местного государственного управления претерпела значительные изменения. Указом Николая II от 20 июля 1914 г. вся местная гражданская администрация в белорусских губерниях в связи с введением военного положения была подчинена начальникам военных округов. Фактически гражданская администрация во главе с губернаторами перешла в подчинение военной власти и играла вспомогательную роль [25, с. 434].

Заключение. Таким образом, под влиянием особых национально-религиозных и политических условий на территории Беларуси был сохранён институт генерал-губернаторства, сложилась жёсткая система управления, которая характеризовалась значительным усилением власти администрации по сравнению с внутренними губерниями империи. Местные губернаторы получили контроль над всеми государственными учреждениями, органами общественного самоуправления. Губернская администрация сконцентрировала в своих руках охрану общественного порядка, образование, здравоохранение, административно-хозяйственные вопросы. Губернаторы и возглавляемые ими губернские правления сохранили в своих руках право назначать чиновников в местные органы управления.

Литература

1. Свиб, А.Ф. Государственно-правовой статус Белоруссии в составе России в пореформенный период (1861–1900) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Ф. Свиб. – Минск, 1995. – 110 л.

2. Подорожняя, Е.А. Ликвидация института Виленского генерал-губернаторства : законодательные инициативы и практическая реализация / Е.А. Подорожняя // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2013. – № 2. – С. 36–40.

3. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. / издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – Т. IX а (18). – 974 с.

4. Могилёвская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е.К. Анищенко [и др.]; сост. Ю.Н. Снапковский, Д.Л. Яцкевич ; редкол. : Д.В. Яцевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь, 2014. – 814, [12] с.

5. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 47. – Отд. 1. – № 50675. Сенатский указ о сроке введения мировых судебных установлений в губерниях Минской, Волынской и Гродненской от 31 марта 1872 г. – СПб., 1875. – С. 363.

6. Сидоренко, Б.И. Могилёвский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилёв : АмелияПринт, 2012. – 252 с.

7. Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.) : документально-биографические очерки / Т.Ю. Афанасьева, Р.Ф. Горячева, В.В. Швед. – Гродно : Гродн. тип., 2007. – 168 с.

8. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 25. – Отд. 1. – № 26984. Именной высочайший указ о предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий в случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном от 29 нояб. 1905 г. – СПб., 1908. – С. 848–849.

9. Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.

10. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) : дыс. … д-ра гіст. навук : 07.00.02 / А.Г. Каханоўскі. – Мінск, 2014. – 340 л.

11. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения, 1802–1917 : справочник / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. арх. Беларуси ; сост.: Т.Е. Леонтьева, Д.Л. Яцкевич ; редкол. : А.К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелНИИДАД, 2009. – 524, [22] с.

12. Курлов, П.Г. Гибель императорской России / П.Г. Курлов. – М. : Захаров, 2002. – 301 с.

13. Памятная книжка Минской губернии на 1864 год. – Минск : Губ. тип., 1864. – 201 с.

14. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, изд. 1857 г. : в 15 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – Т. 2, ч. 1 : Общее губернское учреждение. – 1474 с.

15. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 40. – Отд. 1. – № 42180. Высочайше утверждённые временные правила о преобразовании губернских учреждений ведомства Министерства внутренних дел в тридцати семи губерниях и Бессарабской области от 8 июня 1865 г. – СПб., 1867. – С. 633–638.

16. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 42. – Отд. 1. – № 44237. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета, распубликованное 27 февр., об усилении штатов губернских правлений и губернаторских канцелярий в Северо-Западном крае от 11 февр. 1867 г. – СПб., 1871. – С. 129.

17. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 10. – Отд. 1. – № 6653. Высочайше утверждённое мнение Государственного совета об учреждении губернской тюремной инспекции от 21 марта 1890 г. – СПб., 1893. – С. 243–245.

18. ПСЗРИ. – 3-е собр. – Т. 15. – № 12272. Именной высочайший указ, данный Сенату, о присоединении к составу Министерства юстиции Главного Тюремного Управления, 13 дек. 1895 г. – СПб., 1899. – С. 719–720.

19. Минская губерния : государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т.Е. Леонтьева. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392, [22] с.

20. Адрес-календарь Могилёвской губернии на 1876 год. – Могилёв-на-Днепре : Тип. губ. правления, 1876. – 164 с.

21. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1909 год. – Могилёв губ. : Губ. тип., 1909. – 375, XXXIV, 88, 92 с.

22. Сидоренко, Б.И. Уезд как административная единица Могилёвской губернии на рубеже XIX–XX вв. / Б.И. Сидоренко // История, философия, политика, право : сб. науч. тр. преподавателей гуманитар. дисциплин / МГУП ; БИП–Ин-т правоведения ; под общ. ред. В.Д. Выборного, А.А. Скикевича, В.В. Юдина. – Могилёв, 2012. – Вып. 2. – С. 127–130.

23. ПСЗРИ. – 2-е собр. – Т. 37. – Отд. 2. – № 39087. Высочайше утверждённые Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 г. – СПб., 1865. – С. 588–593.

24. Кузьмин, А.Д. Административно-территориальное деление северо-западного края Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. / А.Д. Кузьмин // Проблема бедности и богатства в контексте концепции державности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / М-во обр. и науки РФ, ФГБУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Обществ. палата Тамб. обл. ; гл. ред. В.М. Юрьев, науч. ред. И.В. Налетова. – Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. – С. 61–64.

25. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 518 с.

Могилевский государственный
университет продовольствия

Поступила в редакцию 15.12.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94:32.019.5(476.2) “193”

Этнасацыяльныя і палітычныя аспекты дзейнасці ўлад на Гомельшчыне ў 1930-я гады

М.Н. Мурашка, В.А. Міхедзька

Разгледжаны асноўныя аспекты палітычных мерапрыемстваў савецкай улады на тэрыторыі Гомельшчыны на працягу 1930-х гадоў. Адлюстраваны рэпрэсіўны характар дзеянняў улады ў часы правядзення калектывізацыі і ліквідацыі хутароў. Асаблівая ўвага надаецца мерапрыемствам улады па перасяленні шэрагу груп мясцовага насельніцтва, якія ажыццяўляліся па ідэалагічных, нацыянальных і ваенна-палітычных меркаваннях. Паказаны прыклады рэакцыі розных груп насельніцтва Гомельшчыны на палітыку ўлады.
Ключавыя словы: Савецкая ўлада, Гомельшчына, калектывізацыя, хутар, рэпрэсіі, перасяленні, нацыянальнасць, рэлігія.

The main aspects of the political events of the Soviet power in the territory of the Gomel region during the 1930s are shown. The repressive nature of the government's actions during the collectivization and liquidation of farms is reflected. Particular attention is paid to the activities of the authorities to resettle a number of community groups, which were carried out for ideological, national and military-political reasons. The examples of the reaction of different groups of the Gomel region government policy are given.
Keywords: Soviet regime, Gomel region, collectivization, farms, repressions, migration, ethnicity, religion.

Унутраная палітыка савецкіх улад, якая праводзілася ў 1930-х гадах, мела цяжкія сацыяльныя, эканамічныя, дэмаграфічныя і палітычныя наступствы. Грамадска-палітычнае жыццё і этнасацыяльныя працэсы праходзілі ва ўмовах фарміравання савецкай таталітарнай сістэмы і правядзення рэпрэсіўнай палітыкі. Выкарыстанне жорсткага адміністравання і правядзенне палітыкі «дыктатуры партыі» з’яўляліся неабходным элементам сталінскай сістэмы кіравання пры ажыццяўленні сацыялістычных пераўтварэнняў. Дэнацыяналізаваная частка партыйна-савецкага кіраўніцтва арыентавалася на дзяржаўную форму сацыялізму і камандна-адміністрацыйныя метады ўздзеяння на грамадства, рабіла стаўку на яго люмпенізаваныя слаі, якія ўцягваліся ў пошук «ворагаў народу» і «шпіёнаў».

У сувязі з прызнаннем БССР зонай суцэльнай калектывізацыі мясцовым кіраўнікам дазвалялася прымаць усе неабходныя меры па барацьбе з кулацтвам. Жорсткія рэпрэсіўныя меры прыводзілі да абвастрэння палітычнай сітуацыі на вёсцы. Апраўдваючыся перад сялянствам за дапушчаныя памылкі і «перагібы» пры правядзенні калектывізацыі, вышэйшыя партыйныя органы абвінавачвалі ў гэтым мясцовае кіраўніцтва [1, с. 243–247]. Арганізацыя калгасаў на Гомельшчыне напачатку адбывалася на базе камун і сельскагаспадарчых таварыстваў, а затым з ліку сялян-аднаасобнікаў, пераважна з беднякоў і парабкаў. Такія калгасы былі невялікія і ў эканамічным плане слабыя, што адмоўна адбівалася на іх гаспадарчай дзейнасці. Яны не з’яўляліся прыкладам «сапраўднага сацыялістычнага» гаспадарання.

Партыйна-савецкія структуры з 1931 г. узмацнілі ідэалагічны і эканамічны ціск на сялянства, працягвалі нарошчваць тэмпы калектывізацыі і наступлення на заможных сялян. Аднак нягледзячы на ўказанні «зверху», фарсіравання ў калгасным будаўніцтве на Гомельшчыне ў пачатку 1930-х ггадоў не атрымалася. Так, у Рэчыцкім раёне па стану на 1 студзеня 1933 г. было калектывізавана ўсяго 27 % гаспадарак [2, с. 139]. Амаль столькі ж сялянскіх гаспадарак было калектывізавана і ў Жлобінскім раёне. У інструкцыях, дасланых з кіруючых структур, указвалася на неабходнасць правесці работу па «ачыстцы» калгасаў ад кулацкіх і антысавецкіх элементаў [3, с. 462]. Так, у Веткаўскім раёне за 1931–1933 гг. было «раскулачана» 300 гаспадарак [4, с. 145]. Нярэдка адабраная ў сялян зямля пуставала, не засявалася. Такое становішча адзначалася ў Гомельскім раёне неаднойчы. У вёсцы Прыбыткі адмовіліся ад прапаноў апрацоўваць такія землі 137 сялянскіх гаспадарак, у Старых Цярэшкавічах – 50, у Пясочнай Будзе – 20 гаспадарак [5, с. 158].

«Ачыстка» тэрыторыі БССР як пагранічнай прадугледжвала высылку кулакоў і іншы «антысавецкі элемент» за яе межы. У палітыцы савецкай улады ў БССР значную ролю адыгрываў польскі фактар, які накладваў пэўны адбітак як на грамадска-палітычныя, так і сацыяльныя працэсы. Яшчэ 5 сакавіка 1930 г. Палітбюро ЦК УКП(б) прыняло пастанову «Аб польскіх сёлах у пагранічных абласцях», у якой давалася ўказанне выселіць з пагранічных акруг сем'і асуджаных за бандытызм, кантррэвалюцыйную дзейнасць і шпіянаж. У першую чаргу трэба было выслаць кулацкія гаспадаркі асоб польскай нацыянальнасці. Такая задача стаяла перад кіраўніцтвам тых мясцовых органаў, якія знаходзіліся ў прыгранічнай паласе Мазырскай пагранакругі. 11 сакавіка 1930 г. Палітбюро ў сакрэтнай пастанове «Аб Украіне і Беларусі» вызначыла меры па ўзмацненні кантролю ў прыгранічных акругах [6, с. 257].

18 мая 1931 г. ЦК КП(б)Б за подпісамі сакратара ЦК В. Шаранговіча і старшыні СНК М. Галадзеда разаслаў сакратарам райкамаў і старшыням райваканкамаў дырэктыву з грыфам «Совершенно секретно» і «Весьма срочно». У ёй указвалася: «Директивными органами принято решение об очищении территории БССР, как пограничной, от остатков кулачества… Вся работа по выселению кулацких семей возложена на органы ГПУ, которая на местах должна быть непосредственно увязана с секретарем райкома КП(б)Б и председателем РИКа… В течение 19–22 мая с. г. в целях предупреждения бегства кулацких семей, и особенно, работоспособной части их, будет произведено изъятие глав и трудоспособных мужчин всех подлежащих выселению семей» [3, с. 462].

У 1931 г. з Гомельшчыны планавалася выслаць на Ўрал 875 сем'яў агульнай колькасцю 3 608 чалавек. Найбольшую колькасць аддзелы ДПУ павінны былі адправіць з чыгуначных станцый у Гомелі (926 чал.), у Рэчыцы (1 013 чал.), Калінкавічах (794 чал.) [7, с. 79].

У пачатку 1933 г. ЦК КП(б)Б і СНК БССР прынялі пастанову «О выселении кулачества в 1933 году», у якой было вызначана заданне аб высяленні 500 сем'яў. Такое заданне было сфармулявана і ў інструкцыі ЦК УКП(б) і СНК СССР [3, с. 465].

Спецорганы адзначалі факты адкрытага незадавальнення гвалтоўнай калектывізацыяй і падатковым абкладаннем з боку аднаасобнікаў і калгаснікаў, асабліва ў нацыянальных гаспадарках і сёлах. Найбольш гэта праяўлялася сярод нямецкага насельніцтва, якое не жадала ўспрымаць тыя формы калектыўнага гаспадарання, якія ім навязвала ўлада. У выніку мела месца стыхійнае перасяленне нязгодных з калектывізацыяй сялян у Сібір. У паведамленні супрацоўнікаў Ельскага раённага аддзела ДПУ ў райкам КП(б)Б у пачатку 1933 г. указвалася, што за дзесяць дзён кастрычніка з Роза-Люксембургскага сельсавета добраахвотна выехала ў Сібір 5 нямецкіх сем'яў і рыхтаваліся да пераезду яшчэ 11 сем'яў. Выязджалі раптоўна, ўначы, пакінуўшы сваю нерухомую маёмасць. Акрамя нямецкага насельніцтва, мелі намер выехаць у Сібір і калгаснікі калгаса «Рэвалюцыя». Супрацоўнікі ДПУ прапанавалі райкаму прыслаць у Роза-Люксембургскі сельсавет «бригаду для усиления среди немецкого населения и колхозников интернационального колхоза политико-воспитательной и культурно-массовой работы, дабы приостановить массовый выезд населения» [8, с. 278]. Улады не абмяжоўваліся ўгаворамі. У 1933–1934 гг. у нямецкім калгасе «Інтэрнацыянал» былі «выкрыты» 10 германскіх шпіёнаў, а ў польскім калгасе імя Ландберга Рэчыцкага раёна – 30 польскіх шпіёнаў [2, с. 145].

Органы пільна сачылі не толькі за вясковым насельніцтвам, але і за інтэлігенцыяй, якую абвінавачвалі ў шпіянажы на карысць Польшчы. Так была сфабрыкавана справа «Беларускага нацыянальнага цэнтра», па якой праходзілі былыя ўдзельнікі нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. Хваля выкрывання ворагаў савецкай улады працягвала пашырацца. Структурамі АДПУ была ліквідавана Польская вайсковая арганізацыя (ПАВ), створаная, як адзначалася ў дакументах спецорганаў, 2-м аддзелам Польскага генеральнага штаба. Галоўнай мэтай ПАВ, як сцвярджалася ў дакументах, было аднаўленне Польшчы ў межах 1772 г. і далучэнне БССР да Польшчы. Для гэтага быццам праводзілася работа па дэзарганізацыі калгасаў і нацыянальных польскіх сельсаветаў, па стварэнні ячэек ПАВ на буйных прамысловых прадпрыемствах і чыгуначных вузлах.

Органамі АДПУ былі «выяўлены» ячэйкі гэтай арганізацыі на Гомельскім і Жлобінскім чыгунасных вузлах, у зоне ўмацаванай паласы Мазырскага пагранічнага раёна, на заводах Гомсельмаш і імя Ланцуцкага. Сярод арыштаваных за «ўдзел» у ПАВ, як сведчыць абвінаваўчае заключэнне, былі кантррэвалюцыйныя часткі польскай інтэлігенцыі, каталіцкія святары і касцёльны актыў, «кулацка-шляхецкія элементы» [9, с. 354–355]. Па рашэнні «тройкі» АДПУ БССР найбольш актыўныя, па меркаванні следчых, ўдзельнікі ПАВ былі прыгавораны да розных тэрмінаў зняволення. Як «кіраўнік» Гомельскага філіяла ПАВ ксёндз К.А. Андрэкус у лютым 1934 г. атрымаў 10 гадоў лагераў [9, с. 361]. У кастрычніку 1937 г. 17 чалавек з гэтага «філіяла» былі расстраляны [10, с. 377].

Па рашэнні Бюро ЦК КП(б)Б і ЦВК БССР была абмежавана дзейнасць каталіцкіх касцёлаў, частка з іх была зачынена і перададзена пад зернясховішчы і клубы. Прэзідыум ЦВК БССР прыняў рашэнне аб закрыцці ў 1937 г. касцёлаў у Гомелі, Рагачове і ў вёсцы Шацілкі Парыцкага раёна. Каб зменшыць напружанасць сярод насельніцтва ў сувязі з гэтымі дзеяннямі ўлад, было прапанавана паказаць грамадству, што гэта было зроблена па хадайніцтву саміх вернікаў, дзеля чаго быў арганізаваны збор подпісаў сярод палякаў і беларусаў-католікаў у падтрымку закрыцця касцёлаў [9, с. 382].

У ліпені 1938 г. на аператыўнай нарадзе ў Рэчыцы начальнік Гомельскага абласнога аддзела УДБ НКУС БССР паставіў перад супрацоўнікамі органаў дзяржбяспекі задачу па пошуку грамадзян, якія з’яўляліся шпіёнамі капіталістычных дзяржаў (палякаў, латышоў, немцаў і інш.). Рэчыцкаму раёну было ўстаноўлена канкрэтнае заданне выявіць і арыштаваць 300 чалавек гэтых нацыянальнасцей [11, с. 75]. У тым жа годзе «за прыналежнасць да польскіх разведорганаў» былі расстраляны 6 жыхароў в. Балашаўка Рэчыцкага раёна, таксама была ліквідавана «шпіёнска-паўстанцкая арганізацыя» ў Хойніцкім раёне [9, с. 394–395]. Калегія Вярхоўнага суда СССР вынесла «расстрэльны» прысуд супрацоўніку Гомельскага гарадскога аддзела НКУС Э.А. Мілеру за ўдзел у «латышскай шпіёнска-тэрарыстычнай арганізацыі» [10, с. 375]. Беспадстаўнасць такіх рашэнняў часам прызнавалі і самі кіраўнікі. У дакладзе П. Панамарэнку ў студзені 1939 г. Пракурор БССР С.Я. Новік адзначыў, што «арестовывались не по конкретным фактам совершенных ими преступлений, а в зависимости от их национальности» [11, с. 75].

У сувязі з правядзеннем у студзені 1937 г. Усесаюзнага перапісу насельніцтва ў многіх населенных пунктах Гомельшчыны былі зафіксаваны факты адмовы жыхароў даваць асабістыя звесткі і асабліва аб веравызнанні. Спецорганы кваліфікавалі гэта як кантррэвалюцыйную дзейнасць. Яны адсочвалі негатыўныя выказванні людзей і бралі іх «на катроль». Так, у даведцы Мазырскага акруговага аддзела ДПУ адзначалася, што жыхар Роза-Люксембургскага сельсавета Ельскага раёна нямецкай нацыянальнасці гаварыў: «Савецкая ўлада праводзіць перапіс насельніцтва выключна для таго, каб высветліць колькасць немцаў, палякаў і чэхаў, а потым іх будуць высяляць з пагранічных раёнаў» [8, с. 96]. Уладамі былі зафіксаваны і адмоўныя стаўленні людзей у сувязі з абмеркаваннем праекта новай Канстытуцыі СССР. Напрыклад, равін М. Мядзвецкі з Турава гаварыў: «Хаця і абвешчаны ўсеагульныя, роўныя выбары пры тайным галасаванні, але партыя зможа правесці выбары так, што ўсякім косвенным шляхам усё ж будуць абраны ў саветы толькі камуністы і тыя асобы, якіх выставіць партыя» [8, с. 192]. Сустракаліся і даволі рэзкія выказванні ў адносінах да ўлад. Аб гэтым сведчаць звесткі, сабраныя супрацоўнікамі оранаў дзяржбяспекі. Так, калгаснік з вёскі Ляскавічы Петрыкаўскага раёна гаварыў: «Довольно они нам дурили голову, никакая конституция нам хорошего ничего не даст, скорее бы была война, мы разогнали бы эту банду» [8, с. 193]. У палітыцы ўлад адбыўся перагляд адносін да этнакультурнага і сацыяльнага развіцця. Этнічныя супольнасці, дзейнасць якіх, на думку партыйных кіраўнікоў, не адпавядала «лініі партыі» на пабудову сацыялізму, абвяшчаліся «нацыяналістычнымі» і варожымі. Калі ў пачатку 1930-х гадоў партыйныя і савецкія органы яшчэ неяк прытрымліваліся тых прынцыпаў і напрамкаў у нацыянальна-культурнай справе, якія ў асноўным адпавядалі інтарэсам пэўных этнічных груп насельніцтва, то паступова нацыянальная палітыка ва ўмовах ўмацавання таталітарызму ўжо стала праводзіцца ў

рэчышчы так званай інтэрнацыяналізацыі. Пры гэтым абмяжоўвалася выкарыстанне нацыянальных моў – як беларускай, так і моў іншых нацыянальнасцей – у сферы адукацыі і культуры. Так, аргбюро ЦК УКП(б) сваім рашэннем ад 28 студзеня 1938 г. прапанавала ўвядзенне ў школах выкладання толькі на рускай мове або мове адпаведнай рэспублікі. У гэтай сувязі ЦК КП(б)Б у ліпені 1938 г. прыняў пастанову аб рэарганізацыі ўсіх нацыянальных школ на тэрыторыі БССР у беларускія і рускія [11, с. 81]. Рэалізацыя гэтых указанняў суправаджалася прыпыненнем дзейнасці нацыянальных камісій пры выканкамах і нацыянальных сельскіх саветах, якія павінны былі забяспечваць гаспадарчае і культурнае развіццё адпаведнага этнасу на тэрыторыі рэгіёна. Ліквідаваліся польскія, нямецкія, украінскія і іншыя нацыянальныя школы, адбываўся працэс іх інтэрнацыяналізацыі.

Знаходжанне Беларусі на мяжы СССР і Захаду адбівалася не толькі на палітычнай сітуацыі, але і на ўсіх баках жыцця насельніцтва рэспублікі. Адной з галоўных задач, якія былі пастаўлены савецкім кіраўніцтвам, было забеспячэнне надзейнай аховы заходніх межаў. Яшчэ ў верасні 1935 г. выйшла пастанова СНК БССР і ЦК КП(б)Б «Аб вярбоўцы 2 000 калгаснікаў у пагранраёны» з ліку камуністаў, камсамольцаў і калгасных актывістаў. З Гомельшчыны ў 8 памежных раёнаў павінны былі накіраваць 820 калгаснікаў. Па стане на 23 сакавіка 1936 г. мясцовыя органы здолелі накіраваць 732 калгаснікаў і іх сем'і. Абяцанні, якія даваліся пры вярбоўцы перасяленцаў, не выконваліся. Некаторыя з іх вымушаны былі самавольна пакінуць новыя месцы жыхарства [7, с. 119–121].

У апошнія перадваенныя гады аргнабор не прыпыняўся. Пры СНК БССР і аблвыканкамах у 1939 г. былі створаны перасяленчыя аддзелы, на якія ўскладваліся абавязкі па кантролі за перасяленнем і яго фінансаваннем. Ва ўсходнія раёны СССР – Навасібірскую, Омскую, Чалябінскую, Сахалінскую і Яўрэйскую аўтаномную вобласці па стане на 1 кастрычніка 1940 г. было накіравана з Гомельскай і Палескай абласцей 3 219 гаспадарак. У Карэла-Фінскую ССР з гэтых жа абласцей было адпраўлена 2 162 сям'і калгаснікаў. Перасяленне ў «шматзямельныя» раёны СССР працягвалася і ў 1941 г. Па дадзеных на 28 мая 1941 г. з Гомельшчыны было пераселена 643 гаспадаркі [7, сс. 49, 50]. Аднак абяцанні вярбоўшчыкаў і мары часткі перасяленцаў аб лепшым жыцці на новым месцы не спраўдзіліся. Не хапала жылля, матэрыяльнае становішча іх пагоршылася, суровы клімат Сібіры не ўсе маглі вытрымаць. Ужо на пачатку снежня 1940 г. з усходніх рэгіёнаў СССР вярнуліся 369 сем'яў з Гомельскай вобласці і 359 з Палескай. У Журавіцкі раён вярнулася 61 сям'я, у Церахоўскі – 64, у Рэчыцкі – 99 [7, с. 47–48].

Адной з складаных сацыяльных праблем, якая закранула аднаасобныя гаспадаркі, было перасяленне хутароў у калгасы. Па меркаванні савецкіх кіраўнікоў хутары былі перашкодай для развіцця калгаснага будаўніцтва. Хутары і невялікія пасёлкі складалі ва ўсходніх абласцях БССР амаль пятую частку ад агульнай колькасці сялянскіх гаспадарак. Пасля выступлення на XVII з'ездзе КП(б)Б у чэрвені 1938 г. члена Палітбюро ЦК УКП(б) А. Андрэева работа па ліквідацыі хутароў у Беларусі набыла значныя маштабы [12, с. 469]. Усе вобласці БССР актывізавалі работу па «сцягванні» хутароў, перавыканалі планавыя заданні, якія ім даводзілі «зверху». Па стане на 1 ліпеня 1939 г. у Гомельскай вобласці пры плане 7 000 з хутароў былі пераселены 7 790 двароў (113 %). Прымусовае высяленне часам выклікала супраціўленне хутаран. У дакладной запісцы, пададзенай на імя І. Сталіна і В. Молатава ў ліпені 1939 г., быў адзначаны выпадак збройнага супраціўлення калгасным актывістам, што ажыццяўлялі высяленне хутаран у Рагачоўскім раёне Гомельскай вобласці [13, с. 448]. Нярэдка хутаран вымушалі да перасялення ў калгасы шляхам поўнага разбурэння жылля і гаспадарчых пабудоў. Адначасова, перасяленцы з хутароў частакроць не атрымоўвалі належнага жылля і зямельнага ўладкавання для вядзення гаспадаркі ў складзе калгасаў [13, с. 468–469]. Масавае перасяленне хутароў працягвалася і ў 1940 г., план якога таксама быў перавыкананы [7, сс. 67, 68]. У выніку вялікая колькасць хутарскога насельніцтва была пераселена ўладамі ў вёскі і ўключана ў працэс «сацыялістычнай перабудовы» сельскай гаспадаркі.

Такім чынам, сацыяльна-палітычныя працэсы на Гомельшчыне ў 1930-я гг. адлюстроўвалі жорсткі рэпрэсіўны курс савецкіх уладаў, накіраваны на вынішчэнне самастойнага заможнага сялянства як сацыяльнай з'явы і замену яго цалкам падкантрольным

уладзе калгасным сялянствам. Правядзенне маштабных акцый супраць прадстаўнікоў розных нацыянальных меншасцяў з'яўлялася часткай палітыкі партыйна-савецкіх органаў і сведчыла аб сур'ёзных парушэннях імі канстытуцыйных правоў грамадзян.

Літаратура

1. О коллективизации: Постановление ЦК КП(б)Б, 17 апреля 1930 г. // Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 2 : 1928–1932. – Минск : Беларусь, 1984. – 511 с.

2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Рэчыцкага раёна: у 2 кн. – Мінск : Беларусь, 1998. – Кн. 1. – 504 с.

3. История Беларуси в документах и материалах / ред. : И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Минск : Амалфея, 2000. – 672 с.

4. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага раёна: у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 376 с.

5. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомельскага раёна: у 2 кн. – Мінск: БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 378 с.

6. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 615 с.

7. Процька, Т. Вынішчэнне сялянства: вёска Усходняй Беларусі пад цяжарам бальшавіцкіх рэпрэсіяў 30-х гадоў / Т. Процька. – Мінск : БГАКЦ, 1998. – 136 с.

8. Конфессии на Гомельщине в 1920–1930-е годы. Документы и материалы / под ред. В.П. Пичукова. – Минск : НАРБ, 2013. – 386 с.

9. Лебедев, А.Д. Костел и власть на Гомельщине: (20–30-е годы XX в.) / А.Д. Лебедев, В.П. Пичуков, кс. С. Лясковски. – Варшава – Люблин – Гомель : Ин-т Центрально-Восточной Европы, 2009. – 470 с.

10. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля: у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.

11. Малые диаспоры Гомельщины в 20–30-е годы XX века : аналитические материалы и документы // Гос. Архив Гомел.обл. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2003. – 250 с.

12. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.

13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова. – М. : «Российская политическая энциклопедия». РОССПЭН, 2006. – Т. 5. 1937–1939, кн. 2. 1938. – 704 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 272 (450)-9

Рускамоўная гістарыяграфія аб Каталіцкай царкве ў грамадска-палітычным жыцці Італіі (1943–1962 гг.)

А.Ф. Паддубская

Разглядаецца рускамоўная гістарыяграфія, прысвечаная пытанням ролі і месца Каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі перыяду з моманту падзення рэжыму Мусаліні да пачатку II Ватыканскага сабору. Аналізуюцца асаблівасці савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі па вызначанай тэме. Зроблены вывад аб актуальнасці далейшага вывучэння пытанняў, звязаных з дзейнасцю Каталіцкай царквы ў сучаным свеце.
Ключавыя словы: гістарыяграфія, каталіцызм, Ватыкан, Італія, пантыфікат.

The article deals with the Russian-language historiography on the issues of the role and place of the Catholic Church in the political life of Italy for the period since the fall of Mussolini's regime prior to Vatican II. The features of the Soviet and post-Soviet historiography regarding this topic are analyzed. The conclusion about the relevance of further study of issues related to the activities of the Catholic Church in the world is made.
Keywords: historiography, Catholicism, Vatican, Italy, pontificate.

Вось ужо дзве тысячы гадоў хрысціянства з'яўляецца адным з найважнейшых кампанентаў сусветнай гісторыі, які часта ўплывае на палітычнае, ідэалагічнае, а часам і эканамічнае развіццё чалавецтва.

Каталіцызм прэтэндуе на месца не толькі рэлігійна-духоўнага, але і маральнага, сацыяльнага, палітычнага аўтарытэту. Адыгрываючы вялікую ролю ў міжнароднай палітыцы, каталіцкая царква яшчэ ў большай ступені аказвае ўплыў на падзеі грамадска-палітычнага жыцця Італіі. У італьянскай дзяржаве традыцыйныя каталіцкія каштоўнасці шмат у чым вызначаюць гістарычныя тэндэнцыі. Само светаўспрыняцце італьянцаў складвалася ў вялікай ступені пад уплывам каталіцызму. Адбываецца і зваротнае ўздзеянне. Святому пасаду заўсёды прыходзілася ўлічваць складаныя працэсы, якія характарызавалі італьянскае грамадства.

Найбольшы інтарэс для аналізу ролі і месца каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі прадстаўляюць першыя пасляваенныя гады да пачатку 1960-х гг., што сталі ў гісторыі каталіцызму паваротам да эпохі рэформ, звязаных з II Ватыканскім саборам. А менавіта з 1943 да 1962 гг., г. зн. з моманту падзення рэжыму Мусаліні да пачатку II Ватыканскага сабору. У дадзены перыяд перад царквой былі пастаўлены важныя пытанні: па-першае, неабходнасць прыстасавання да патрабаванняў новага пасляфашысцкага часу, па-другое, неабходнасць ўнутранай раўнавагі самой царквы і, па-трэцяе, умацаванне свайго ўплыву на грамадска-палітычнае жыццё краін як Еўропы, так і ўсяго свету (у тым ліку і Італіі).

Вось чаму, калі перад даследчыкам, што займаецца вывучэннем ролі і месца Каталіцкай царквы ў грамадстка-палітычным жыцці Італіі, паўстае першасная задача разгледзіць гістарыяграфію, якая дазволіць асэнсаваць акрэсленую тэму, то ў разлік патрэбна будзе ўзяць дастаткова разнастайныя па сваім паходжанні матэрыялы, створаныя гісторыкамі розных краін.

Праблема ролі і месца каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі 1943–1962 гг. знайшла сваё адлюстраванне ў працах рускамоўных даследчыкаў. Гісторыя Італіі пасля падзення рэжыму Мусаліні, рух Супраціўлення аналізуецца ў працах Н.П. Камолавай, Ю.П. Лісоўскага, А.Г. Несцерава, А. Смірновай, Я. Токаравай, М.В. Устралава, Р.С. Філатава, М.М. Шэймана [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14].Працэсу станаўлення партыйнай сістэмы ў пасляваеннай Італіі, з'яўленню Хрысціянска-дэмакратычнай партыі, узаемадачыненняў палітычных сіл у вызначаны перыяд прысвечана дастаткова вялікая колькасць даследаванняў С.І. Васільцова, Л. Іаўчука, Ю.П. Лісоўскага, Л.М. Мітрохіна, К. Халадкоўскага, Я. Токаравай, Р.С. Філатава, М.С. Шаронава [15], [16], [17], [4], [6], [18], [19], [13], [20], [21].

Сярод літаратуры, якая раскрывае дзейнасць свецкіх каталіцкіх арганізацый, сацыяльную дактрыну каталіцызму, што хутка змяналася пад уплывам новых працэсаў у сацыяльна-эканамічным жыцці італьянскага грамадства, каталіцкія прафсаюзы, асаблівай увагі заслугоўваюць працы К. Канеўскага, Т.Б. Коваль, М.А. Кавалеўскага, Д.Г. Ларыёнава, Н.Н. Паташынскай, Я. Токаравай, К. Халадкоўскага [22], [23], [24], [25], [26], [9], [27], [28].

Працы савецкіх гісторыкаў збольшага былі прысвечаны агульнай праблематыцы гісторыі каталіцкай царквы і яе ролі ў развіцці краін Заходняй Еўропы і свету. Палітыка Ватыкана ў гады Другой сусветнай вайны і ў пасляваенныя дзесяцігоддзі жорстка крытыкавалася, а дзейнасць каталіцкай царквы пераважна асвятлялася ў плане адносін Святога пасаду да атэістычнага матэрыялізму і левых партый і рухаў. У якасці прыкладу можна прывесці працы ленінградскага гісторыка У.І. Рутенбурга 1950–1960-х гг., даследванні М.М. Шэйнмана. У кнізе «Ватыкан – цэнтр рэакцыі і цемрашальства», апублікаванай пад імем У.І. Волгіна, ён пісаў: «Карлікавая дзяржава папы рымскага не заслужвала б увагі, калі б яе дзейнасць абмяжоўвалася сценамі ватыканскай крэпасці. Аднак Ватыкан – гэта як бы галава атрутнага каталіцкага спрута, які спрабуе працягнуць свае шчупальцы ва ўсе куткі зямнога шара» [29, с. 136]. А ў артыкуле «Клерыкальная гістарыяграфія – зброя імперыялізму» працягваў: «Царква, як верны памочнік капіталізму, шукае спосабы затармазіць развіццё свядомасці працоўных, перапыніць шлях... народаў да сацыялізму» [30, с. 103]. Падобным па тэматыцы і па змесце з'яўляецца даследаванне М.М. Шэйнмана «Ватыкан у гады Другой сусветнай вайны», дзе казалася: «Страх перад рэвалюцыйным рухам у краінах Еўропы, нянавісць да ідэй камунізму і да Савецкай Расіі – усё гэта пасля Першай сусветнай вайны зрабіла Ватыкан і вярхушку каталіцкай царкоўнай арганізацыі саюзнікамі фашызму ў Італіі і Германіі...» [31, с. 2]. Знешнепалітычныя дзейнасць Ватыкана тлумачылася часта ў кантэксце «імперыялістычнай палітыкі». Ілюстрацыяй гэтага можа стаць яшчэ адно даследаванне М.М. Шэйнмана «Хрысціянскі сацыялізм» і кніга І.Р. Грыгулевіча «Папства. Стагоддзе XX» [32, с. 18].

Беларуская гістарыяграфія была прадстаўлена шэрагам прац, якія разглядалі агульныя пытанні гісторыі Ватыкана ці праблематыку каталіцкай царквы ў Беларусі [23], [33], [34].

Ускосным чынам тэма ролі каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі разглядалася ў шэрагу артыкулаў і манаграфій па гісторыі Хрысціянска-дэмакратычнай партыі і рабочага руху ў Італіі ў перыяд пасля фашысцкага дваццацігоддзя. Да такіх прац адносяцца даследаванні А. Красікава [35], М.В. Андрэева [36], [37] і інш. Гэтыя работы адрозніваюцца класавым падыходам да гісторыі царквы і рэлігіі, характэрным для савецкай навуковай літаратуры тых часоў.

Непасрэдна закранаюць дадзены перыяд працы Н.Н. Паташынскай [38], [26], М.А. Кавальскага [39], [24], [40], [41], Ю.П. Лісоўскага [4]. Але з-за вызначанага тэматычнага кірунку (аўтараў цікавіць у першую чаргу рабочы і камуністычны рух Італіі) значныя пласты дзейнасці італьянскіх каталікоў выпалі з поля зроку гэтых даследчыкаў. Такі ж недахоп мае і даследаванне К.Г. Халадкоўскага «Працоўны рух у Італіі (1959–1963)» [27], якое аналізуе жыццё прафсаюзаў краіны напярэдадні рашэнняў II Ватыканскага сабора. Аўтар прысвячае апісанню каталіцкага кірунку ў італьянскім працоўным руху зусім мала ўвагі, аргументуючы гэта тым, што «няправільна перабольшваць ўплыў каталіцкай ідэалогіі на працоўны клас», бо «уплыў рэлігіі, царквы ў сучаснай Італіі нашмат слабейшыя, чым некалькі дзесяцігоддзяў назад» [27, с. 37].

Ускосна закранаецца тэма месца каталіцкай царквы ў палітычным жыцці Італіі ў працах гісторыка Р. Філатава, які прысвяціў свае даследаванні пытанням італьянскага фашызму і неафашызму [42], [43], [11], [12], [13]. У сваёй кнізе «Крах італьянскага фашызму» [12] аўтар разглядае прычыны таго, чаму фашызм у Італіі упаў задоўга да заканчэння Другой сусветнай вайны. Вялікая ўвага нададзена ўзброенаму Супраціўленню і кіраўнікам антыфашысцкай барацьбы. Праблема неафашызму ў пасляваеннай Італіі аналізуецца ў працах «Фашызм, неафашызм і антыфашысцкая барацьба ў Італіі» [13] і «Дэмакратычныя сілы Італіі супраць фашызму» [42]. У гэтых даследаваннях вучоны разглядае тыя фактары, якія дазволілі фашысцкаму руху часткова аднавіцца пасля заканчэння Другой сусветнай вайны і ператварыцца ў пастаянны фактар палітычнай

нестабільнасці ў краіне. Адначасова ў кнігах паказаны механізмы барацьбы супраць неафашысцкай небяспекі, арганізацыі антыфашысцкіх сіл для абароны пазіцый, заваяваных яшчэ ў ходзе Супраціўлення.

Праблемы каталіцкай царквы і каталіцкага руху ў гады Супраціўлення разглядаюцца ў даследаваннях Н.П. Камолавай [1], [2], [44], [45], [3] і Б.Г. Лапухова [5].

У канцы 1980-х–1990-х гг. з'явіліся працы, прысвечаныя аналізу ролі і месца каталіцкай царквы ў палітычным і грамадскім жыцці розных краін Еўропы і свету. Прыкладам такіх дасладванняў можна назваць работы С.Б. Філатава «Каталіцкая царква ў грамадска-палітычным жыцці ЗША (70–80-ыя гады)» [14], З. Тышкевіча «Каталіцкая царква ў Польшчы 80 – пач.90-х гг. (сацыяльна-палітычны аспект)» [46] і інш.

У 1989 г. выйшла праца С.М. Пшызавай «Каталіцкая царква і працоўны рух у Італіі ў 80-я гг.» [47]. Як вынікае з назвы, даследчыцу цікавіла ў першаю чаргу праблема ўзаемаадносін каталіцкай царквы і працоўнага руху, высвятленне перадпасылак і ўмоў сумеснай барацьбы вернікаў і нявернікаў, каталіцкіх і прафсаюзных арганізацый у 1980-ыя гг.

Сучасная расійская гістарыяграфія прадстаўлена працамі Т. Зонавай [48], Я. Токаравай [19], [49], [9], В.Я. Язьковай [32] і інш. З'яўленню даследаванняў, прысвечаных гісторыі каталіцкай царквы ў XX ст., спрыялі перш за ўсё палітычныя і ідэалагічныя змены ў краіне, якія далі ў пачатку 1990-х гг. новыя магчымасці для расійскіх даследчыкаў. Для навуковай працы сталі даступны матэрыялы расійскіх архіваў, а таксама не толькі апублікаваныя заходнееўрапейскімі даследчыкамі дакументы і даследаванні, але і еўрапейскія нацыянальныя архівы.

У кнізе Я. Токаравай «Фашызм, царква і каталіцкі рух у Італіі (1922–1943 гг.)» даецца комплексная карціна становішча царквы і свецкіх каталіцкіх арганізацый у Італіі ва ўмовах фашысцкай дыктатуры. Падрабязна разглядаецца так званае «рымскае пытанне», нявырашанасць якога штурхнула царкву на падпісанне Латэранскіх пагадненняў у 1929 г. Аналізуючы адносіны рэжыму Мусаліні і Ватыкана, даследчыца акцэнтуе ўвагу на тым, што ў канчатковым выпадку фашызму «не ўдалося падначаліць царкву і ўключыць яе ў сваю палітычную сістэму» [9, с. 8], а роля і ўплыў каталіцкага руху ў Італіі прадстаўлялі сабой адзін з тых даволі значных фактараў, якія не толькі вялі да аслаблення фашысцкага рэжыму, але і прадвызначылі пасля Другой сусветнай вайны поспех Хрысціянска-дэмакратычнай партыі» [9, с. 9].

Канцэпцыя кнігі істотна адрозніваецца ад ранейшага асвятлення гісторыі Ватыкана часоў пантыфікату Пія XII. Праца заснаваная на вялікім дакументальным матэрыяле, узятым, што асабліва важна, з італьянскіх архіваў. Вывучэнне гэтых матэрыялаў дазволіла Я. Токаравай даць станоўчую характарыстыку дзейнасці Пія XII і паказаць яго бліскучым дыпламатам і багасловам, які зрабіў вялікі ўнёсак у сацыяльнае вучэнне каталіцкай царквы.

У кнізе Я. Токаравай разглядаюцца і дыскусіі вакол пазіцыі Пія XII ў адносінах да Халакосту. Аўтар не пагаджаецца з распаўсюджаным абвінавачваннем пантыфіка ў сімпатыях да нацыстаў. Даследчыца сцвярджае, што Папе прыходзілася ў першую чаргу асцерагацца больш жорсткіх пераследаў мірнага насельніцтва, якія магла выклікаць адкрытая крытыка фашысцкага рэжыму. У той жа самы час Ватыкан, які валодаў вялікімі сродкамі і сусветнымі сувязямі, аказваў усялякую дапамогу ахвярам нацызму. Пазіцыя Святога пасаду, якая часта называецца «публічным маўчаннем», была, як лічыць аўтар, выклікана выключна тагачаснымі акалічнасцямі.

Сферай навуковых інтарэсаў яшчэ аднаго сучаснага расійскага аўтара Т. Зонавай з'яўляецца галіна сусветнай палітыкі. Яе ўвагу прыцягваюць праблемы царкоўнай дыпламатыі, а таксама дыпламатыі Італіі. У сваёй кнізе «Дыпламатыя Ватыкана ў кантэксце еўрапейскай палітычнай сістэмы» [48] Т. Зонава аналізуе гісторыю барацьбы Святога пасаду за ўплыў на каталікоў усяго свету. Аўтар прасочвае галоўныя этапы гэтай барацьбы на працягу стагоддзяў, падкрэсліваючы, што папская дзяржава была актыўнай палітычнай сілай у Заходняй Еўропе і аказвала ўплыў як на ўсю сістэму еўрапейскіх міжнародных адносін, так і на ўнутраную палітыку асобных краін кантыненту.

У 2009 г. з'явілася даследаванне В.Я. Язьковай «Царква і дзяржава ў Італіі ў палітычнай канцэпцыі К.Б. Кавура», дзе аўтарам аналізуецца фарміраванне канцэпцыі царквы і дзяржавы ў творах выдатнага палітычнага дзеяча XIX ст. К.Б. Кавура, які быў

старшынёй Савета міністраў Сардынскага, а пазней і Італьянскага каралеўства [50]. Аўтар падкрэслівае важнасць для Італіі пытання па размежаванні кампетэнцый царквы і дзяржавы на розных этапах існавання гэтай краіны. Таму сваю працу В.Я. Язькова прысвячае вывучэнню тэарэтычных і практычных асноў розных мадэлей узаемаадносін царквы і дзяржавы (акцэнтуючы ўвагу на ліберальнай мадэлі).

Яшчэ адзін сучасны расійскі гісторык С.У. Конараў цікавіўся пытаннямі ўзаемаадносін каталіцкай царквы і дзяржавы на прыкладзе Бразіліі. У яго дысертацыйным даследаванні было адлюстравана змяненне сацыяльнай ролі каталіцкай царквы і яе ўплыву на грамадска-палітычныя праблемы Бразіліі ў перыяд ад пачатку вайсковага перавароту 31.03.1964 г. да пераходу да грамадзянскага кіравання ў студзені 1985 г. [51].

З пачаткам 1990-х гг. наступае новы этап і ў беларускай гістарыяграфіі, звязаны з вывучэннем каталіцкай царквы. З'яўляюцца даследаванні, якія спрабуюць па-новаму разгледзець шырокае кола праблем гісторыі каталіцызму. Аднак па-ранейшаму цікаўнаць беларускіх даследчыкаў накіравана ў першую чаргу на вывучэнне беларускай праблематыкі. Роля «каталіцкага» фактару ў гісторыі Беларусі на розных этапах развіцця адлюстравана ў працах А.І. Ганчара, Э.С. Ярмусіка, Т.Б. Коваля і інш. [52], [53], [54].

Сярод прац сучасных беларускіх навукоўцаў, прысвечанных дзейнасці каталіцкай царквы па-за межамі Беларусі, можна прывесці даследаванне Д.Г. Ларыёнава «Сучасная сацыяльная дактрына Каталіцкай царквы і яе адаптацыя ва умовах Лацінскай Амерыкі» [25].

Падводзячы вынікі, можна сказаць, што ў рускамоўнай навуковай літаратуры ў той ці іншай ступені разглядаюцца асобныя пытанні, звязаныя з месцам і роляй каталіцкай царквы ў грамадска-палітычным жыцці Італіі 1943–1962 гг. Пры гэтым, савецкая гістарычная літаратура ўдзяляла мала ўвагі разгляду пазіцыі вышэйшага каталіцкага духавенства падчас Другой сусветнай вайны, дзейнасці царквы ў пасляваенныя гады, станаўлення, ролі і месца ў палітычнай сістэме краіны Хрысціянска-дэмакратычнай партыі; не ацэньвала ў поўнай ступені значнасць хрысціянскага Супраціўлення; перабольшвала, нягледзячы на канфармізм Ватыкана з фашысцкім рэжымам, прафашысцкую пазіцыю асобных колаў духавенства. З 1990-х гг. пачаўся новы этап вывучэння гісторыі і палітыкі каталіцкай царквы на заключным этапе Другой сусветнай вайны і ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі: сучасная беларуская і расійская гістарыяграфія ўзбагацілася даследаваннямі, якія па-новаму трактуюць дзейнасць Ватыкана ў пасляваенным свеце.

Літаратура

1. Комолова, Н.П. Борьба течений в историографии итальянского движения Сопротивления / Н.П. Комолова // Новая и новейшая история. – 1965. – № 1. – С. 155–156.

2. Комолова, Н.П. Движение Сопротивления в Западной Европе / Н.П. Комолова. – М. : Наука, 1999. – С. 221.

3. Комолова, Н.П. Новейшая история Италии / Н.П. Комолова. – М. : Просвещение, 1970. – 319 с.

4. Лисовский, Ю.П. Италия от фашизма к демократии: Трудные пути послевоенной перетройки / Ю.П. Лисовский. – М. : Наука, 1990. – 385 с.

5. Лопухов, Б.Р. История фашистского режима в Италии / Б.Р. Лопухов. – М. : Наука, 1977. – 296 с.

6. Любин, В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и её наследницы (1892–2006) : авторе. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / В.П. Люблин. – М. : ИВИ РАН, 2007. – 34 с.

7. Нестеров, А.Г. Итальянская Социальная Республика и Ватикан: республиканский фашизм и католическая церковь / А.Г. Нестеров // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 104–109.

8. Смирнова, А. Папа Пий XII и фашизм / А. Смирнова // Arx. – 2003. – № 1. – С. 83–85.

9. Токарева, Е. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии (1922–1943 гг.) / Е. Токарева. – М. : ИВИ РАН, 1999. – 366 с.

10. Устрялов, Н.В. Итальянский фашизм / Н.В. Устрялов – М. : Вузовская книга, 1999. – 192 с.

11. Филатов, Г.С. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления / Г.С. Филатов. – М. : Мысль, 1964. – 224 с.

12. Филатов, Г.С. Крах итальянского фашизма / Г.С. Филатов. – М. : Наука, 1972. – 492 с.

13. Филатов, Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии / Г.С. Филатов. – М. : Наука, 1984. – 382 с.

14. Филатов, С.Б. Католическая церковь в общественно-политической жизни США (70–80-ые годы) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.Б. Филатов. – М. : АН СССР. – 21 с.

15. Васильцов, С.И. Рабочие партии и выборы в Италии (1953–1976 гг.) / С.И. Васильцов. – М. : Наука, 1978. – 262 с.

16. Васильцов, С.И. Структура избирательного корпуса рабочей партии Италии (1953–1972 гг.) / С.И. Васильцов. – М. : Наука, 1972. – 29 с.

17. Иовчук, Л. Социальные основы эволюции ИСП / Л. Иовчук // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. – М. : Наука, 1971. – С. 301–330.

18. Митрохин, Л.Н. Диалог марксистов с христианами / Л.Н. Митрохин. – М. : Знание, 1974. – 63 с.

19. Токарева, Е.С. Идейные и политические истоки Христианско-демократической партии Италии (1934–1943) / Е.С. Токарева // Религия и церковь в западном обществе XX в. – М. : Рос. АН, 1992. – С. 41–80.

20. Холодковский, К. Основные линии развития партийно-политической структуры Италии / К. Холодковский // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. – М. : Наука, 1971. – С. 253–300.

21. Шаронов, М.С. Коммунисты и католики в Италии. Из истории диалога (1921–1956) / М.С. Шаронов. – М. : Наука, 1973. – 359 с.

22. Каневский, К. Социальная доктрина Католической церкви / К. Каневский // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 66–71.

23. Кирюшин, П.М. Ватикан на службе реакции / П.М. Кирюшин. – Мн. : Изд–во Акад. наук БССР, 1950. – 165 с.

24. Ковальский, Н.А. Католики и мировое социальное развитие / Н.А. Ковальский. – М. : Наука. 1974. – 183 с.

25. Ларионов, Д.Г. Современная социальная доктрина католической церкви и ее адаптация в условиях Латинской Америки : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Д.Г. Ларионов. – Мн. : БГУ, 2003. – 22 с.

26. Поташинская, Н.Н. Католическая церковь и рабочее движение в Италии / Н.Н. Поташинская. – М. : Наука, 1979. – 255 с.

27. Холодковский, К.Г. Рабочее движение в Италии (1959–1963) / К.Г. Холодковский. – М. : Наука, 1969. – 399 с.

28. Холодковский, К.Г. Эволюция массового социально-политического сознания трудящихся Италии (1945–1985 гг.) : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / К.Г. Холодковский. – М., 1988. – 33 с.

29. Рутенбург, В.И. Ватикан в прошлом и настоящим / В.И. Рутенбург. – Ленинград : Лениздат, 1955. – 167 с.

30. Рутенбург, В.И. Клерикальная историография – орудие империализма / В.И. Рутенбург // Вопросы истории. – 1962. – № 3. – С. 103–113.

31. Шейнман, М.М. Ватикан во Второй мировой войне / М.М. Шейнман. – М. : АН СССР, 1951. – 352 с.

32. Шейнман, М.М. Христианский социализм / М.М. Шейнман. – М. : Наука, 1969. – 315 с.

33. Курносов, А.П. Католическая церковь – идеологический защитник господства помещиков и буржуазии в Западной Белоруссии (1919–1939) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.П. Курносов. – Мн. : АН БССР, 1969. – 27 с.

34. Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я.Н. Мараш. – Мн. : Вышэйшая школа, 1971. – 272 с.

35. Красиков, А.А. Ватикан: история и современность / А.А. Красиков. – М. : Советская Россия, 1991. – 62 с.

36. Андреев, М.В. Католицизм и основные проблемы современности / М.В. Андреев. – М. : Знание, 1973. – 64 с.

37. Андреев, М.В. Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения / М.В. Андреев. – М. : Мысль, 1968. – 343 с.

38. Поташинская, Н.Н. Католический клерикализм и народные массы / Н.И. Поташинская. – М. : Наука, 1971. – 290 с.

39. Ковальский, Н.А. Ватикан и мировая политика / Н.А. Ковальский. – М. : Международные отношения, 1964. – 268 с.

40. Ковальский, Н.А. Справился ли католицизм с вызовами XX в.? / Н.А. Ковальский // Новая и новейшая история. – 1999. – № 6. – С. 27–38.

41. Ковальский, Н.А. Католицизм и международные отношения / Н.А. Ковальский, И.М. Иванова. – М. : Международные отношения, 1989. – 268 с.

42. Филатов, Г.С. Демократические силы против неофашизма / Г.С. Филатов. – М. : Мысль, 1977. – 174 с.

43. Филатов, Г.С. Журнал по истории итальянского движения Сопротивления / Г.С. Филатов // Новая и новейшая история. – 1962. – № 4. – С. 133–145.

44. Комолова, Н.П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии / Н.П. Комолова. – М. : Наука, 1972. – 444 с.

45. Комолова, Н. Классовые бои в итальянской деревне / Н. Комолова. – М. : Изд. АН ССР, 1963. – 343 с.

46. Тышкевич, З. Католическая церковь в Польше 80 – нач. 90-х гг. (социально-политический аспект) : автореф. дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.06; 09.00.11 / З. Тышкевич. – М. : Российская академия управления, 1992. – 18 с.

47. Пшизова, С.Н. Католическая церковь и рабочее движение в Италии в 80-е гг : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 09.00.02 / С.Н. Пшизова. – М. : МГУ. – 25 с.

48. Зонова, Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы / Т.В. Зонова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 200 с.

49. Токарева, Е. Латеранские соглашения 1929 г. в итальянской историографии и публицистике / Е. Токарева // История и историки. – М., 1987. – С. 157–175.

50. Языкова, В.Я. Церковь и государство в Италии в политической концепции К.Б. Кавура : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В.Я. Языкова. – М. : РАН, 2003. – 24 с.

51. Конорев, С.В. Бразильская католическая церковь в период правления военного режима (1964–1985) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / С.В. Конорев. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. – 26 с.

52. Ганчар, А.И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) / А.И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2010. – 510 с.

53. Ярмусик, Э.С. Римско-католическая церковь в Беларуси (1939–1991) : автореф. дисс. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Э.С. Ярмусик. – Мн. : БГУ, 2009. – 45 с.

54. Коваль, Т.Б. Социальное учение католицизма о собственности и богатстве / Т.Б. Коваль // Новая и новейшая история. – 2009. – № 5. – С. 83–94.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 17.11.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 94:355(476+474.5) «15/16»

Соотношение различных воинских формирований в армии ВКЛ в конце 16 – начале 17 вв.

А.П. Шиляев

Исследуются основные изменения, которые происходили в численном соотношении различных воинских формирований в армии ВКЛ конца 16 – начала 17 в. Показаны основные факторы, которые влияли на изменение численности войск, а также особенности этих процессов по сравнению с армиями стран Западной Европы. Изменения в соотношении различных воинских формирований представлены как по родам войск, так и по способу их комплектования.
Ключевые слова: пехота, кавалерия, армия ВКЛ, гусары, казаки, пикинеры, мушкетеры.

The major changes that occurred in the numerical ratio of the various military units in the GDL's army in the late 16th – early 17th century are examined. The main factors that influenced the change in the number of troops, and especially these processes as compared with the armies of Western Europe are shown. Changes in the ratio of the various military formations are presented in various types of arms, and in the way of their employment.
Keywords: infantry, cavalry, GDL army, hussars, cossacks, pikemen, musketeers.

В течение всего 16 в. в Европе происходили значительные изменения, которые затронули все сферы жизни человека. Среди прочего серьезные преобразования произошли и в военном деле, как в способах ведения боевых действий, так и в вопросах структуры, организации и численности армий. В Западной Европе вместе с ростом общей численности армий, росла численность и значимость пехотных подразделений, а рыцарская конница постепенно вытеснялась тяжелой кавалерией. Пехота начинает превосходить кавалерию не только численно, но и тактически, именно сражение пехотинцев теперь решало исход боя, а численность кавалерии составляла менее трети от общей численности войск [1, с. 51].

В основу новых армий был положен наемный, а не феодальный принцип комплектования. Хотя это еще и не были постоянные армии, т. к. их содержание было связано с огромными затратами. В этот период создаются постоянные наемные отряды, которые периодически сменяли своих хозяев, иногда продавая себя поочередно обеим враждующим сторонам. Такие порядки, естественно, не могли не сказаться на дисциплине этих формирований. Этот фактор ускорил создание постоянных армий, впервые появившихся в ходе Нидерландских войн (1567–1609 гг.)

Наблюдая низкую эффективность наемных формирований, голландские принцы Вильгельм и Мориц Оранские приступили к созданию постоянной армии, основанную на своевременной выплате жалования солдатам и сокращении их количества в подразделениях. При этом количество командных должностей не изменялось, таким образом, возросла удельная численность офицерского состава [2, с. 710].

Благодаря постоянному жалованию и большему количеству офицеров, солдат можно было намного больше обучить и натренировать, чем это было ранее. Подобное обучение было необходимо в связи с изменившимися условиями ведения боя. Значительное усовершенствование огнестрельного оружия и рост общего числа стрелков, заставляло уменьшить глубину построения пикинеров, благодаря этому большее количество пик могло принять участие в ударе и было создано больше интервалов, в которых размещались мушкетеры [3, с. 112].

Дальнейшие изменения в организации западноевропейских армий происходят в ходе Тридцатилетней войны (1618 – 1648). В этот период произошел значительный прогресс в технике ведения боя. Мушкет окончательно победил пику. Вес мушкетов значительно уменьшился, это привело к ускорению темпа стрельбы. Если в начале Тридцатилетней войны мушкетеры без пикинеров не могли противостоять конной атаке, то уже к 1630 г. существовали полки, состоящие из одних мушкетеров [2, с. 713].

Процессы, которые происходили в вооруженных силах ВКЛ и Речи Посполитой были частично схожими с западноевропейскими, однако имелись и существенные отличия. Основной особенностью армии Речи Посполитой было сохранение превосходства кавалерии над пехотой, причем как численного, так и тактического. Соотношение численности пехоты и кавалерии не было постоянным, в зависимости от конкретных обстоятельств оно могла изменяться в ту или иную сторону, однако, можно отметить, что в конце 16 – начале 17 вв., кавалерия практически всегда численно превосходила пехоту. В собранном в 1567 г. посполитом рушенье кавалерии насчитывалось более 27,5 тысяч, а пехоты немногим более 6 тысяч, таким образом, пешие подразделения составляли менее четверти войска [4]. Для сравнения на заключительных этапах Итальянских войн (1494–1559) в армиях воюющих сторон кавалерийские подразделения едва составляли треть войска, а зачастую намного меньше [1, с. 51].

После прихода к власти С. Батория (1576–1586) и проведения им военных преобразований, значение посполитого рушения падает, а основой армии ВКЛ становятся наемные отряды. Однако это не повлияло на соотношение кавалерийских и пехотных частей.

Во время кампании 1579 г. в войско ВКЛ было привлечено более 3 тысяч кавалеристов и примерно 6 тысяч пехотинцев. Может показаться, что произошло кардинальное изменение в соотношении этих воинских формирований, однако стоит отметить, что все упомянутые пехотинцы составляли гарнизоны замков и прочих укреплений в ВКЛ, почти 4 тысячи, и Ливонии, около 2,5 тысяч, а в активных боевых действиях были задействованы только кавалеристы [5, s. 214–217].

Даже среди гарнизонов встречаются конные подразделения. Так, например, после взятия Полоцка в 1579 г., гарнизон его состоял из 746 человек, 400 из которых были кавалеристами [5, s. 215].

Во время осады Пскова в 1581 г. общая численность войска Речи Посполитой составляла около 21 тысячи человек, при этом соотношение пехотных и кавалерийских частей было в нем практически равным [5, s. 292–294].

Это объясняется тем, что при проведении осады крупных городов и хорошо укрепленных пунктов без пехоты обойтись было невозможно, поэтому ее численность возрастает. В полевых же сражениях пехота в армии ВКЛ не имела серьезного значения и использовалась в качестве вспомогательных подразделений.

Наиболее показательно демонстрируют эту тенденцию боевые действия в Инфлянтах и против Московского государства в начале 17 в. В 1605 г., гетман Ходкевич одержал одну из самых блестящих своих побед над шведским войском в битве при Кирхгольме. При этом пешие подразделения составляли менее трети его войск и практически не повлияли на ход сражения [1, с. 170].

В 1610 г. в битве под Клушино коронный гетман Жолклевкий нанес поражение московскому войску имея в своем распоряжении практически одну кавалерию [1, с. 170].

Прибывший к Москве гетман литовский Ходкевич действовал в основном при помощи конных формирований. В 1613 г. у он получает разрешение на вербовку 3 тысяч солдат, из которых только тысяча являлась пехотинцами [6, s. 132].

В то же время в армии Франции в 1610 году кавалерия составляла лишь немногим более десятой части от всех формирований [1, с. 117].

В 20–30-х гг. 17 в. постепенно значимость пехотных подразделений возрастает, они уже могут встречаться не только при осаде замков, также постепенно возрастает и их количество. После возобновления боевых действий в инфлянтах шведам противостояло войско под командованием гетмана польного литовского К. Радзивила. В 1621–1622 гг. под его началом находилось почти 10 тысяч человек, не считая выбранецкой пехоты, которая была размещена в качестве гарнизонов замков. Из этих 10 тысяч немногим более 3 были пехотные формирования, т. е. пехота без учета гарнизонов составляла уже около трети всего войска [7, s. 220–225].

Ко времени Смоленской войны 1632–1634 гг. значение и численность пехотных подразделений еще более возрастает. Армия Речи Посполитой, с которой Владислав IV отправился на помощь осажденному Смоленску, составляла около 24 тысяч человек. При этом пешие подразделения насчитывали около 15 тысяч человек, составляя почти две трети всех формирований [1, с. 178–179].

Состав кавалерии Речи Посполитой не был однородным, и здесь также происходили изменения в соотношении численности различных подразделений.

К началу 17 в. основными кавалерийскими подразделениями в армии ВКЛ являлись гусары и казаки. После проведения реформы С. Батория и упорядочения службы в кавалерии, гусары численно превосходили казачьи формирования. В 1579 г. в войске ВКЛ на 2460 гусар, приходилось 570 казаков, при этом все казачьи отряды являлись гарнизонами замков, следовательно, в боях были задействованы только гусарские хоругви [5, s. 214–217].

Постепенно это соотношение изменялось в пользу казаков. Так в 1612 г., под Москвой, гетман Ходкевич имел в своем распоряжении 662 гусара и 450 казаков. В следующем году он получает предписание к набору еще двух тысяч кавалеристов уже с равным соотношением, на тысячу гусар – тысячу казаков [6, s. 132].

Примерно равная численность гусарских и казачьих подразделений наблюдается и позже. В ходе противостояния со шведами в Инфлянтах в 1621–1622 гг. в войске ВКЛ начитывалось более 2,5 тысяч гусар и практически столько же казаков [7, s. 220–225].

В Смоленскую войну 1632–1634 гг., в войске Речи Посполитой количество казаков было уже немногим больше чем количество гусар, примерно 3600 казаков и около 3200 гусар [1, с. 178–179].

Постепенно казаки превращаются в основной вид конных подразделений армии ВКЛ. Причинами этого явления послужила дороговизна и узкая специализация гусарских формирований. Внушительная амуниция гусар и разнообразный арсенал наступательного вооружения обходился недешево. Лошади гусар также были очень дорогими. Самые дешевые лошади, приобретаемые гусарами в 17 в., стоили по 150–200 злотых, а самые дорогие – по 1000–1500 (жалованье, которое ежеквартально получал гусар, в 1609 г. составляло 41 злотый). Именно эти прекрасные кони в значительной степени определяли высокие боевые качества гусарии, славившейся быстротой своих атак [8].

Однако в ходе боевых действий гусары использовались в основном для таранных атак на поле боя. Следовательно, при ведении затяжной войны или осады городов противника эффективность гусарских формирований снижалась, при сохранении значительной стоимости их содержания.

Казачьи хоругви наоборот могли использоваться в самых разнообразных условиях. В бою казаки могли поддерживать гусар при нанесении основного удара, охранять фланги и тыл основного войска, преследовать отступающего противника. Кроме этого их можно было использовать для несения караульной службы, охраны обозов и войска на марше, а также для разведки и совершения опустошительных рейдов в глубь территории противника. Стоимость содержания казачьих подразделений при этом была меньшей по сравнению с гусарами [5, s. 292].

Поэтому, несмотря на все преимущества и значительное превосходство в прямом бою, гусары постепенно численно уступают казакам. При этом они оставались важной частью армии Речи Посполитой, основным ее ударным ядром.

Кроме гусар и казаков в кавалерии ВКЛ в начале 17 в. появляется еще одно значимое подразделение, связанное с непосредственным влиянием военного дела Западной Европы – рейтары. В 16 в. в Западной Европе произошел закат эпохи рыцарства, что было связано со значительными изменениями в воинской профессии, являвшейся основной для этого сословия. Увеличение количества пеших воинов вызвало уменьшение значения тяжелой кавалерии, что в свою очередь вызвало уменьшение значения рыцаря на поле боя. Рыцарскую конницу заменили полки кирасиров и рейтаров. Эти подразделения продолжали использовать тяжелые доспехи, однако серьезно изменилось их наступательное вооружение и соответственно способ ведения боя. Постепенно копье было заменено на легкую пику, а к началу 17 в., рейтары отказались и от нее. Основным их оружием становятся пистолеты для проведения «караколе» и шпага для ведения ближнего боя.

В армии ВКЛ рейтары применялись в связке с гусарами и казаками, при этом их количество было довольно значительным. В 1605 г., в битве при Кирхгольме в составе войска ВКЛ гетмана Ходкевича было уже 450 рейтаров [1, с. 174].

В войске гетмана К. Радзивилла в 1621–1622 гг., насчитывалось уже около 1600 рейтаров, что составляло примерно четверть от общей численности кавалерии. Количество рейтаров вместе с отрядами казаков превышало 4000 человек, около 2/3 всей конницы [7, s. 220–225].

В армии Речи Посполитой во время Смоленской войны (1632–1634) количество рейтаров было примерно таким же – около 1700 всадников, при этом количество всех «негусарских» формирований составляло также 2/3 общей численности кавалерии [1, с. 174].

Кроме того, в войске ВКЛ встречались формирования национальных меньшинств, проживавших на территории государства. Наиболее значимыми такими подразделениями в кавалерии были татарские хоругви. Встречаются татары как составе посполитого рушения, в 1567 г. их насчитывалось 495 [4]; так и в наемных отрядах, в ходе Смоленской войны в войско Речи Посполитой было привлечено около 780 татар [1, с. 174].

Пехотные подразделения в армии ВКЛ также не были однородными, постепенно происходили изменения соотношении численности и этих отрядов. До преобразований С. Батория пехотинцы в войске ВКЛ обычно именовались драбами. Служба в пеших подразделениях считалась непрестижной, сами драбы обычно были нешляхетского происхождения, чаще всего они использовались в качестве гарнизонных солдат. Само слово драб имело негативный оттенок и могло использоваться в качестве оскорбительного.

После реформ С. Батория пешие подразделения в основном стали наемными. К началу 17 в. сложилось несколько видов наемной пехоты. Обычно встречается деление на польскую пехоту, гайдуков и пехоту чужеземную.

Гайдуки, изначально венгерские наемные формирования, к началу 17 в. составляли основу пеших подразделений армии ВКЛ. Формировались эти отряды за счет наемников преимущественно из Венгрии и Короны. Заметной особенностью гайдуков, было значительное преобладание стрелкового оружия над древковым.

Чужеземная пехота была организована по западноевропейской традиции. Обычно это были немецкие пехотные отряды, которые нанимались целиком, на определенное время. Стоит отметить, что в это время в Западной Европе существовало значительное количество подобных подразделений фактически профессиональных солдат, которые продавали себя на определенный срок. Удобны такие подразделения были тем, что за короткое время, при наличии определенной суммы можно было получить достаточное количество обученных воинов. Недостатком же было то, что определенная сумма обычно отсутствовала, что вело к мятежам, а иногда и к переходу на сторону противника целых подразделений.

Обычно такие отряды наемной пехоты происходили из одного географического региона. Чаще всего это были выходцы из немецких земель, однако, кроме них, встречались испанцы, англичане, шотландцы, ирландцы и прочие. К примеру, в войске К. Радзивилла в Инфлянтах в 1621–1622 г. в составе чужеземной пехоты можно было встретить отряд из 300 ирландцев и две английские роты, общей численностью 420 человек [7, s. 220–225].

Соотношение между гайдуками и чужеземной пехотой постепенно изменялось. В упомянутом уже войске гетмана К. Радзивилла гайдуков было около 2000, а чужеземной пехоты примерно 1100 человек [7, s. 220–225]. Однако уже через 10 лет, во время Смоленской войны это соотношение резко изменилось. В составе войска Речи Посполитой на тот момент насчитывалось 1750 гайдуков и около 13 000 чужеземной пехоты [1, с. 174].

Стоит выделить среди отрядов чужеземной пехоты подразделения драгун. Появившиеся в середине 16 в. в Западной Европе, драгуны фактически представляли собой пехоту, посаженную на лошадей. Организованные таким образом подразделения были значительно более мобильными. В начале 17 в. отряды драгун появляются и в армии ВКЛ.

В Инфлянтах в войске под командованием гетмана К. Радзивилла присутствовал отряд из 300 драгун, а в Смоленской кампании 1632–1634 гг. их насчитывалось уже 2250 [1, с. 174].

При этом необходимо отметить, что формировались пешие отряды преимущественно из иноземцев. Выходцев из ВКЛ можно было встретить в основном только среди рекрутской или выбранецкой пехоты, которая формировалась из крестьян королевских имений. В начале

17 в. значение этих подразделений уменьшается, в 1621 г. в Инфлянтах выбранцы использовались только для гарнизонной службы [7, s. 220–225].

В начале 17 в. способ комплектования армии ВКЛ также не был единообразным. До реформ С. Батория основой войска было посполитое рушение. С. Баторий начинает в основном использовать наемные подразделения, а значение и численность посполитого рушения уменьшается. Однако комплектование войск по подобной схеме продолжало существовать.

Само шляхетское ополчение могло созываться не со всех земель ВКЛ (что было и ранее), а с территории определенных воеводств. Кроме посполитого рушения в армию ВКЛ принимались и добровольцы, желавшие заработать или прославиться во время войны. В войске ВКЛ в Инфлянтах в 1622 г. численность шляхетского ополчения составила почти полторы тысячи человек, добровольцев было чуть больше 400, при общей численности почти в 10 000 человек [7, s. 220–225].

Таким образом, в начале 17 века армия ВКЛ комплектовалась тремя разными способами. Основой войска были наемные отряды, но при этом продолжало существовать посполитое рушение и добровольные подразделения.

В целом можно отметить несколько основных тенденций в количественном соотношении различных подразделений в армии ВКЛ в начале 17 в.

Общая численность войск Речи Посполитой в этот период сильно не изменилась. Максимальное количество солдат обычно находится в промежутке между 20 и 30 тысячами. При этом существенно изменился способ комплектования – шляхетское ополчение уступило место наемникам.

В кавалерии в этот период наблюдается изменение соотношения между гусарами и казаками. Гусары, оставаясь наиболее мощным ударным подразделением, численно уступили казакам, более дешевым и универсальным всадникам. Влияние Западной Европы прослеживается в привлечении в армию ВКЛ рейтаров, которые составляли значительную часть от общего количества кавалерии.

Количество пехоты в войсках ВКЛ постепенно возрастает, несмотря на всевозможные факторы, которые отрицательно сказывались на этом процессе. В самих пеших формированиях заметно увеличение количества иноземцев и в целом ориентация на западноевропейские традиции.

Интересной особенностью армии ВКЛ этого периода, было преобладание среди пехоты солдат вооруженных огнестрельным оружием. В начале 17 в. в Западной Европе также увеличивается количество мушкетеров по сравнению и пикинерами. Однако это происходило не везде, а пика продолжала оставаться настоящей «королевой боя». Превосходство мушкетеров над пикинерами стало проявляться только в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648). Различие в вооружении пехоты ВКЛ и Западной Европы объясняется способом применения ее в бою.

В Западной Европе пешие отряды участвовали непосредственно в полевых сражениях, в качестве основной силы, поэтому для противостояния кавалерии им и необходимо было использовать пики. Постепенно с улучшением огнестрельного оружия и появлением багинетов, мушкетеры смогли самостоятельно сдерживать кавалерию противника и количество пикинеров уменьшилось.

В ВКЛ пехота изначально использовалась как вспомогательный род войск и участия в полевых сражениях практически не принимала. В основном пешие подразделения были задействованы в гарнизонной службе, в осаде крепостей и охране обозов, при этом использовать длинные пики было не так эффективно. В сражениях же пехота ВКЛ обычно оказывала огневую поддержку кавалерии.

Применение в пехоте ВКЛ западноевропейских традиций и массовое привлечение чужеземной пехоты приходится уже на то время, когда огнестрельное оружие становится основным. Таким образом, к 30-м гг. 17 в. эта тенденция в развитии пехоты ВКЛ совпала с западноевропейской, хотя и была вызвана иными причинами.

Литература

1. Пенской, В.В. Великая огнестрельная революция / В.В. Пенской. – Яуза. : Эксмо, 2010. – 448 с.
2. Дельбрюк, Г. Всеобщая история военного искусства / Г. Дельбрюк. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
3. Меринг, Ф. История войн и военного искусства / Ф. Меринг. – СПб. : Полигон, 2000. – 528 с.
4. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów (AR.) – Dział VII. – Sygnatura (Sygn.) 83. – Popis wojska Wielkogo Ksiestwa Litewskiego, 1567.
5. Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego 1576–1586. – Warszawa, 1881. – 314 s.
6. Wojna o Smoleńsk: 1613–1615. – Lwow, 1932. – 176 s.
7. Ksiecia, K. Radziwilla hetmana polnego WKL. Sprawy wojenne i polityczne 1621–1632. – Paris : Druk. L. Martinet, 1859.
8. Васильев, А. Польско-литовская гусария XVII века / А. Васильев // Цейхгауз. – 1998. – №7. – С. 2

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 03.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 341.251.1.-232.37

Способы организации антирелигиозной пропаганды партийными и государственными структурами в СССР (1917–1930-е гг.)

И.И. Янушевич

Проводится анализ содержания информационно-пропагандистской работы партийных и государственных структур в деле распространения атеизма. Установлено, что реализовываемая в стране Советов антирелигиозная политика включала в себя и задачи по формированию отрицательного имиджа священнослужителей, религиозных организаций и верующего человека. Религия и церковь большевистскими агитаторами представлялась как явление совершенно ненужное. В противовес различными способами усиленно популяризировалось материалистическое мировоззрение.
Ключевые слова: антирелигиозная работа, Православная церковь, материалистическое мировоззрение.

The content of the advocacy work of the party and state in the spread of atheism is analyzed. It's stated that country's anti-religious policy implemented by the Soviet Union also included the task of forming negative image of the clergy, religious organizations and a believer. Religion and the Church were presented by Bolshevik agitators as completely unnecessary phenomenon. In contrast, the materialistic worldview was intensively popularized in various ways.
Keywords: anti-religious work, Orthodox Church, materialistic outlook.

На пути к завоеванию власти большевики прошли серьезнейшую подготовку по организации информационных войн. Практическая подготовка в условиях оппозиционной деятельности в полной мере пригодилась им и после получения власти в 1917 г. Делегировав себе право безапелляционно говорить именем революции от имени народа, новое политическое руководство предприняло целый комплекс мер по сохранению режима диктатуры пролетариата. В сложных условиях гражданской войны и интервенции большевики предприняли ряд мер по уменьшению численности оппонентов, что в свою очередь привело к росту социальной напряженности. Угроза потери власти в случае дальнейшей эскалации ситуации вынудила предпринять меры к приостановке жесткой репрессивной политики и усилению информационно-разъяснительной работы с населением. Одним из направлений ее должна была стать антирелигиозная работа. Необходимо было убедить общество в контрпродуктивности наличия религии и церкви в современном обществе. Информационные вирусы являлись эффективным, испробованным способом большевистской пропаганды. Предстояло применить их и в борьбе с религиозностью населения.

Исключительно важной задачей ответственных антирелигиозников было создание видимости массовости безбожия в стране, да и в мире в целом. Реализуемая на государственном уровне антирелигиозная политика требовала и демонстрации результатов своего труда. Это должно было побудить верующего человека идти в ногу «с передовой частью» советского общества в рядах которой только и можно было жить и существовать. Людей невоцерковленных, несмотря на религиозный подъем к началу 1920-х гг. и рост религиозных общин к 1929 г., становилось все больше. Административные меры давали свои плоды, но вот настоящих безбожников, активных популяризаторов атеистического мировоззрения было крайне недостаточно. Это шло в разрез с политикой партии в данном направлении, но в реальности подтверждалось тем, что даже коммунисты и комсомольцы не являлись в этом примером не только в 1920-е гг., но и в начале 1940-х гг. Единственное в своем роде аналитическое совещание антирелигиозников СССР в 1926 г., не выработав каких то конкретных рекомендаций по организации работы, признало наиболее удачной формой демонстрации численного потенциала безбожия создание на всесоюзном уровне организационных структур объединяющих людей с атеистическим мировоззрением [1]. Общество друзей газеты «Безбожник», Союз безбожников (СБ), а с 1929 г. Союз воинствующих безбожников (СВБ) должны были стать ориентиром, деятельность и численность которого склоняла бы граждан

к демонстрации своего материалистического взгляда на мир. Простая оценка динамики численности СВ-СВБ во всесоюзном масштабе наводит на мысль о явной фальсификации цифр. Если в 1928 г. численность составляла не более 130 тыс. членов, то в марте 1929 г. уже 500 тыс., а в июне миллион [2, с. 36]. Удвоение за четыре месяца было также нереалистично, как и два миллиона в 1930 г. и пять миллионов в 1931 г. [3, л. 12]. Кстати, в документах ЦС СВБ имеется нигде не озвученная цифра восемь миллионов [3, л. 12]. В БССР ситуация с демонстрацией численности воинствующих безбожников складывалась по схожей схеме. 01.01.1931 г. – 217 тыс., 01.01.1932 г. – 300 тыс. [4, л. 13], хотя через 2 года взносы уплатили только 129 тыс. членов организации [5, л. 21]. Подобная игра цифр при демонстрации достижений советского государства была характерна для всей системы. Однако, если стахановское движение вдохновляло на ратный труд и при всех своих изъянах, невыполненная первая пятилетка внушала все же оптимизм в строителей социализма, то безбожные успехи, не провозглашенные вождем как значимая цель, фактически оказались нужны только предводителям Центрального совета СВБ для оправдания своего существования. Нагнетаемые в 1929–1932 гг. агитационно-пропагандистскими силами достижения фактически мгновенно сошли на нет в 1934 г. Реально показать было нечего. Даже машинно-транспортные станции как самый знаковый и выигрышный для создания очага безбожия участок, например в БССР, создать не удалось [6, л. 37]. Иллюзорность массовости безбожного движения к середине 1930-х гг. становилась очевидной [7, л. 45], что не могло не оттолкнуть людей и не навредить борьбе с религиозностью населения. Наличие подобного массового перспективного движения как СВБ (не в нашем колхозе, районе, а где-то там – И. Янушевич) не могло не стимулировать желание присоединиться к данной группе советских граждан даже при отсутствии атеистических убеждений, однако потраченные силы, средства и краткосрочность результата не стоили подобного незначительного пропагандистского эффекта.

В отличие от СВБ, где все таки, необходимо было продемонстрировать определенную деятельность, пусть и формальное, но наличие организационной структуры, количество верующих граждан было цифрой менее поддающейся реальному подсчету. Низкая активность по вступлению в СВБ, результаты социологических исследований, оперативные сводки ОГПУ-НКВД [8, л. 2], [9, л. 40] вынуждали руководство партии идти на явные фальсификации. Очевидный дисбаланс в определении количества порвавших с религией, многократное увеличение рядов безбожников должно было внести оптимизм в их реальных членов и задуматься над перспективами своей дальнейшей жизни сомневающихся [10, л. 65]. Приуменьшение цифр на 20–30 % демонстрировало как успех антирелигиозной работы, так и правильность выбора миллионов граждан [8, л. 4], [11, л. 20]. Методики проведения подобных подсчетов не выдерживают никакой критики. Даже самая объективная картина, представленная в переписи населения 1937 г., имела такой громадный недостаток, как разглашение конфиденциальности, при этом более 57 % записались верующими [12, с. 98–103]. Абсурдность результатов социологических исследований была очевидна и советским исследователям. Например, в Москве 90 % рабочих крупных промышленных предприятий провозгласили неверующими на основании того, что из трех тысяч обработанных анкет в 88 % было указано отрицательное отношение к религии. То, что было роздано 11 000 анкет и 8000 не возвращено исследователи во внимание не приняли [13, с. 81]. В Гомеле среди студентов опрос был проведен таким образом, что только 3 % назвались верующими, а в Гомельском еврейском техникуме не нашлось из 95 учащихся ни одного верующего [14, лл. 27, 32, 38]. В районах сплошной коллективизации все крестьяне считались местными властями неверующими [10, л. 65], что, безусловно, и близко не соответствовало действительности. Голословно увеличивая численность безбожников, ставя планы по росту безбожных бригад, цехов, заводов [4, л. 14], ответственные антирелигиозники не только не усиливали данного направления работы, но и вредили тому же колхозному движению. Естественно на местах и руководство, и простые граждане знали ситуации с «порвавшими с религией». И если численность, проценты большевикам как то удавалось накручивать для публичной демонстрации, то качественный состав растущего числа безбожников был под большим вопросом. «Добровольность», «искренность» публичного отказа от веры в условиях существующего политического режи-

ма абсолютно не обозначала отказа от Бога. Это в свою очередь вынуждало руководство на местах определять религиозность населения по наличию богослужебных помещений и количеству совершаемых обрядов [15, л. 349].

Важное место в борьбе с церковными организациями должна была сыграть демонстрация экономической составляющей их функционирования. И, на самом деле, имевшийся исторический материал рисовал достаточно неприглядную для восприятия картину хозяйственной деятельности конфессий. Являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли и административно-распорядительные функции, а средства к существованию кроме сборов, пожертвований за выполнение религиозных действий получали путем эксплуатации населения и в виде государственных дотаций. Религиозные организации как хозяйствующие субъекты не могли применять некие иные формы организации труда и отношение к собственности, кроме характерных для конкретного времени и региона. Финансовое состояние во многом определяло возможности выполнения своих непосредственных функций. Основные конфессии прошли разные этапы своего экономического благосостояния, однако антирелигиозникам важно было продемонстрировать роль религии, церкви и священнослужителей не только как эксплуатирующих население институтов, но и как освящающих, оправдывающих всякую эксплуатацию бедных богатыми. Имевшие место до революции 1917 г. излишества потеряли свою актуальность после декретов советской власти «О земле» и «Об отделении церкви от государства». Религиозные организации, их руководители из эксплуататоров превратились в обыкновенных гонимых большевиками граждан. Здесь же стоит отметить, что на те же обвинения в получении «несметных богатств» религиозными структурами и отдельными представителями конфессий прихожане, адепты и антирелигиозники смотрели под разным углом зрения. Жертвователь был благодарен возможности материального приношения и рассматривал это как естественное положение дел. И регламентированные взносы, и добровольные сверхнормативные как бы выступали гарантами нормального существования и религиозной структуры, и человека внесшего пожертвование. Большевики по незнанию или же преднамеренно не брали в расчет большую социальную деятельность религиозных организаций. Советской власти пришлось в дальнейшем взвалить на себя бремя по социальной защите населения, а до революции это была прерогатива церкви. Тот же Иоанн Кронштадтский для большевиков был «черносотенцем» с многомиллионным состоянием, а для православных последней надеждой, святым, родным батюшкой, аккумулирующим средства на благотворительность. Антирелигиозниками активно высмеивалась жадность, сребролюбие низшего духовенства. Персональное отношение к материальным ценностям конкретного священнослужителя транспонировалось на всех пастырей. Между тем и до революции очень многие православные священнослужители были значительно ограничены в своих материальных возможностях. Государство не могло обеспечить их содержание на достаточном уровне. Семьи были большие, земельные наделы незначительные, приходы бедные. Имелись в составе того же православного клира лица, не в полной мере соответствующие своему статусу из-за сребролюбия и чревоугодия. Синодально-консисторская система вынуждала многих становиться попами по семейно-бытовым причинам, а не по морально-нравственному расположению.

Советская власть поставила клириков в экономическом плане в катастрофическое положение [16, л. 210], а антирелигиозники должны были изощриться и доказать, что получение доходов, безусловно, наряду с контрреволюционной деятельностью, является главной задачей «религиозников всех мастей» [17, л. 5–8]. Служитель культа любого ранга практически полностью зависел от приношений прихожан, и это ставилось ему в вину как нетрудовому элементу, «представителю вольных профессий», да и просто дармоеду. Это с точки зрения антирелигиозной пропаганды. С точки зрения того, на кого она была направлена, приношения являлись спасительной жертвой, имевшей важное для него значение. И из-за ослабления религиозных чувств, и из-за сложного материального положения прихожане иногда вынуждены были отказываться от содержания пастыря и храма [18, л. 8], но в большинстве своем старались сохранить важную для себя составляющую жизнедеятельности [19, л. 146–148]. Но все

же, если священнослужитель не выдерживал экономического давления, прихожане утрачивали возможность материального участия в жизни прихода, и он ликвидировался, то фактически для общественности это была демонстрация не «алчности попа» и невостребованности религиозной деятельности, а результат агрессивной фискальной политики. Антирелигиозной пропагандой «вскрывались» все каналы получения средств к существованию священнослужителями и религиозными организациями. Верующим внушалось, что религиозные праздники, требы, десятины придумывались для регулярного выкачивания пожертвований. Мощи, чудотворные иконы, крестные ходы, миквы, всякого рода освящения приравнивались к шарлатанским, контрреволюционным акциям. Изготовление и продажа свечей, просфор, мацы, забой на кошер и иные неотъемлемые атрибуты культа трактовались как заработка денег на фетишах.

Между тем проходивший процесс отъема у религиозных организаций собственности и средств к существованию и его информационное сопровождение не могли получать ожидаемого пропагандистского эффекта. Тот, кто был согласен с подобной политикой, был или иноверцем, или безбожником. Получившие в собственность церковные земли и имущество крестьяне никак не могли одобрить мер по полному отодвиганию религиозных организаций на задворки общественно-политической жизни. Ограничение, а в дальнейшем и полная ликвидация возможности исполнения тех же религиозных обрядов в силу экономического и административного давления власти, называвшей себя народной, объяснить заботой о народе было бесперспективно. Это обстоятельство на практике не учитывалось. Еще существенней било по подобной пропагандистской хитрости то обстоятельство, что отнимаемые помещения, украшения, богослужебные предметы являлись зачастую даром жертвователей, в том числе коллективных, а зачастую и еще живых [20, л. 1–2]. Да. по советским законам все церковное имущество объявлялось народным достоянием, но человеком оно отдавалось в храм для конкретной цели и в понимании верующего не являлось результатом эксплуатации «темноты и нищеты масс». Получалось, что над жертвой исполнительная власть надругалась, а агитаторы и пропагандисты высмеяли их сакральные чувства как отсталость и бескультурье.

Отдельно необходимо рассмотреть компанию по изъятию церковных ценностей в 1922 г., якобы в связи с голодом в Поволжье, где голодная смерть грозила 5 млн. человек. По своей гнусности она могла соперничать с компанией по вскрытию мощей, а по кровавому следу значительно опередила ее. Главной задачей операции максимально полное ограбление храмов и уничтожение как можно большего количества духовенства, хоть каким-то образом проявившего несогласие с подобным актом святотатства и вандализма [21, с. 37]. С лета 1921 г. в стране начинается тотальное пропагандистское наступление с душераздирающими мольбами о помощи голодающим, что сплотило население для выполнения гуманной задачи. Граждане искренне поверили в необходимость привлечения ценностей, хранящихся в богослужебных помещениях для помощи голодающим, о необходимости организации помощи говорила и РПЦ. Церковь активно организовывала мероприятия по сбору средств. Успехи религиозных организаций, в том числе и при помощи единоверцев из-за рубежа, вызывали негодование во властных структурах. Было принято решение о силовом захвате церковных ценностей. Властями издается специальный декрет об изъятии церковных ценностей [22, л. 88]. Параллельно священнослужители и активные прихожане обвиняются в алчности, в нежелании оказать помощь гибнущим людям, что еще раз доказывало точку зрения большевиков на религиозные организации как на структуры с исключительно меркантильными интересами. Однако не подкрепленный конкретными действиями «акт милосердия» властей после многократного обнаружения использования церковных ценностей не по назначению, в том числе членами комиссии по изъятию [23, л. 15], уничтожение сакральных культовых предметов, фактическому прекращению помощи из-за рубежа из-за махинаций советского правительства, уже в 1922 г. стал очевидным фарсом. Неспособность организовать действенную помощи голодающим, массовое глумление над святынями, пасторами и прихожанами дали обратный эффект. Хотя в дальнейшем весь период своего существования советской власти обвинение религиозных организаций в алчности и безнравственности станет любимым примером для доказательства вредности наличия подобных структур в советском обществе.

Таким образом, проведенное исследование показало, осуществляемая в советском государстве политика уничтожения религии и церкви, борьба с религиозностью населения не могли быть осуществлены без агрессивного информационно-пропагандистского сопровождения. Демонстрация успехов и разоблачение врага являлись неотъемлемой частью антирелигиозной работы. Сымитированные темпы роста безбожия соотносились с общепринятой оценкой ситуации с формированием советского общества и задачами по построению светлого будущего. Успехи в народнохозяйственной сфере, в науке, образовании, культуре заставляли антирелигиозников показывать подобную динамику и в деле распространения атеизма, поэтому без грубых подтасовок фактов обойтись было невозможно. Нацеливала же на активную борьбу с религией и церковью их «враждебная деятельность», одной из форм которой якобы являлась «экономическая эксплуатация» «темноты и некультурности» масс. Государством под благовидными предлогами шло выколачивание средств у всех слоев населения, особенно у «бывших», но в отношении религиозных организаций решался и вопрос ограничения их возможностей по духовному служению народу или с точки зрения властей – одурманиванию населения. И «каноны», и «догматы», и фактически «боги» могли существовать только новые, а значит и кормить «дармоедов» было нерационально. Тратить средства на ненужный проект население, по мнению антирелигиозников, не имело права, хотя у верующих людей точка зрения была иная.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 791.
2. Антирелигиозник. – 1929. – № 6.
3. РГСПИ. – Ф. 89. – Оп.4. – Д. 26.
4. РГСПИ. – Ф. 89. – Оп.4. – Д. 140.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 104.
6. ГА РФ. – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 102.
7. ГА РФ. – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
8. РГАСПИ. – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 125.
9. ГА РФ. – Ф. А353. – Оп. 8. – Д. 8.
10. ГА РФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 32.
11. РГАСПИ. – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 39.
12. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
13. Атеизм в СССР: становление и развитие / А.Ф. Окулов (ответ. ред.) [и др.]. – Москва : Мысль, 1986. – 238 с.
14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 677.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11852.
16. ГАРФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 63.
17. Лукачевский, А. Безбожники стройте колхозы / А. Лукачевский. – М. : Акционерное издательское общество «Безбожник», 1930. – 13 с.
18. Государственный архив Минской области (ГА МО). – Ф. 4758п. – Оп. 1. – Д. 31.
19. ГА МО. – Ф. 12п. – Оп. 1. – Д. 266.
20. Зональный архив Полоцка. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 232.
21. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : Док. и фотоматериалы / Ин-т Рос. истории РАН. – М. : Библ.-богослов. Ин-т св. Апостола Андрея, 1996. – 328 с.
22. НА РБ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 450.
23. ГА МО. – Ф. 1401. – Оп. 1. – Д. 8.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 20.05.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

Филология

УДК 81'255.4:821.111 (73)

Энтропия текста как предпосылка реализации стратегии перевода

Т.П. Андриенко

Влияние информационных характеристик исходного текста на реализацию глобальной стратегии перевода через локальные анализируется с применением понятия энтропии текста. Рассматриваются характеристики художественного текста, обусловливающие возможность переводческого выбора, а также примеры выбора стратегий, которые приводят к искажению характеристик оригинала.
Ключевые слова: стратегия перевода, глобальная стратегия, локальная стратегия, энтропия текста, перевод художественного текста

The influence of informational characteristics of the source text on the implementation of the global translation strategy through local strategies is analyzed with application of the concept of the text entropy. The characteristics of a literary text that open the possibility of translation choice, as well as examples of the selection of strategies that resulted in distortion of the characteristics of the original are discussed.
Keywords: translation strategy, global strategy, local strategy, text entropy, literary artistic translation.

Энтропия как мера неопределенности информации является важной информационной характеристикой текста. Деятельность переводчика, с одной стороны, объективно детерминирована, обусловлена характеристиками текста оригинала, возможностями языка перевода и известными закономерностями и принципами перевода, а с другой стороны – это творческая деятельность, обусловленная субъективными качествами и позицией переводчика, и различные переводчики в конкретных условиях общения могут решить одну и ту же проблему по-разному.

Наличие энтропии исходного текста и переводящего языка создает возможности различной трактовки и разного воспроизведения текста в переводе, т. е. открывают возможность активного участия переводчика в создании коммуникативно-актуального смысла целевого текста. Именно поэтому энтропию считаем одним из важных объективных факторов, влияющих на выбор стратегии перевода. Целью данной работы является определение влияния энтропии исходного текста и языка перевода на выбор переводческой стратегии.

Энтропию исходного текста понимаем как меру его информационной неопределенности (емкости), состоящей из количества информации на единицу сообщения и количества возможных вариантов выражения/интерпретации его смысла.

Одно из первых специализированных исследований, посвященных практическому определению энтропии конкретного художественного произведения – исследование индийского филолога Нарашимха Рамайя «Лингвистическая энтропия «Отелло» В. Шекспира» [1] является попыткой привнесения понятий, моделей и методов познания физико-математических наук, классической и восточной философии в лингвистический и литературоведческий анализа текста. Рассматривая энтропию как меру неупорядоченности системы [1, с. 10], автор утверждает, что речевая энтропия порождается «первичным диалектом», региональным диалектом, разговорной речью, и, в последнюю очередь, литературным языком, причем языковые структуры представлены на уровне фонологии, грамматики и синтаксиса [1, с. 3]). К языковым явлениям, связанным с существованием энтропии, автор относит сленг (разговорные выражения), идиомы, необычные фразы, предложения с прерывистой структурой и даже отсутствие предложений. Значительное внимание уделяется фонетическим средствам, таким как аллитерация, ассонанс, рифма, ономатопея; исследователь отмечает, что «в поэтическом произведении фонология становится фразеологией» [1, с. 23]. Автор также вводит понятие психологической и социолингвистической энтропии, которые затрудняют декодирование пьесы читателями [1, с. 27–60].

Основной ценностью указанной работы для лингвистических и переводоведческих исследований является, по нашему мнению, определение языковых средств, которые характеризуются высоким потенциалом создания энтропии текста: к таким в основном относятся стилистические средства разных уровней, обладающие многозначностью и непредсказуемостью.

Другие исследования систем художественного творчества доказывают разный уровень энтропии и информации в классическом художественном произведении и произведениях авангардизма, изначально ориентированных на непредсказуемость сочетания элементов: тексты произведений авангардизма характеризуются высоким уровнем энтропии, поскольку иногда даже сочетания фонем в них не регулируется никакими законами языка, на высших же уровнях наблюдается нарушение лексической или грамматической сочетаемости [2]. Однако им в то же время присуща и высокая предсказуемость, поскольку каждый следующий элемент является предсказуемо асемантичным, алогичным также, как и предыдущий, что становится признаком избыточности сообщения [2].

Существующие исследования доказывают, что уровень энтропии зависит от типа текста: как тексты с низким уровнем энтропии (высокопредсказуемые) характеризуются газетные статьи [3, с. 180], [4, с. 149], а высоким уровнем энтропии обладают тексты поэтов-авангардистов [2]. Количественные (математические) исследования языковой энтропии основываются в основном на количестве символов (букв в алфавите соответствующего языка) и вероятности их появления в тексте [4], [5], [6], хотя в корпусных исследованиях единицей учета иногда выступает «словоупотребление» [7].

По нашему мнению, подход, основанный на количестве символов, полностью исключает аспект содержания сообщения и приводит к анализу количественных показателей в отрыве от качественных. Полагаем, что речевую энтропию следует определять через количество реализованных информативных выборов, и предлагаем количественную меру энтропии определять как потенциал реализации информации через 1) количество языковых единиц, употребление которых не является предсказуемым, учитывая тип и структуру текста, предыдущий контекст, стилистические нормы и т. д. (как указывает А.С. Монин, слово, которое можно угадать по предыдущему контексту, не прибавляет никакой информации [3, с. 180]), и 2) количество языковых единиц, которые предполагают другие варианты выражения того же смысла.

Согласно гипотезе исследования, после интерпретации исходного текста и формирования его идеального образа переводчик, соотнося этот концептуальный образ с картиной мира целевого языкового коллектива, создает его «проекцию», некий обобщенный образ будущего перевода. Ориентируясь на этот идеальный образ, руководствуясь релевантными принципами перевода и с учетом экстралингвистических факторов, переводчик выбирает стратегию перевода всего текста – глобальную стратегию.

Приступая же к исполнению перевода, переводчик сталкивается с языковой/речевой реальностью текста, которая развертывается как дискретный континуум. Эта текстовая реальность представлена двумя видами речевых фрагментов: предсказуемыми, предполагающими однозначное прочтение (по меньшей мере, в данном контексте и ситуации) и стандартный способ перевода и непредсказуемыми, т. е. обладающими высоким уровнем энтропии. Такие фрагменты допускают неоднозначность трактовки, множественность прочтений, различное воплощение в переводе. Именно наличие фрагментов, предполагающих множественность выбора, открывает переводчику возможность реализации глобальной стратегии через локальные.

Например, в следующем фрагменте лишь одно слово допускает возможность стратегического выбора переводчика. Многочисленные беспереводные заимствования отражают специфику идеостиля Э. Хемингуэя, «перенося» читателя в атмосферу другой страны. Глобальная стратегия отстранения (форенизации) представляется вполне адекватной замыслу автора и концептуальному смыслу оригинала. Однако при синтагматическом развертывании перевода возможность трансформации глобальной стратегии в локальную возможна лишь при передаче заимствований из испанского языка (в нижеследующем примере – слово *desencajonada*). Это слово, не будучи интернационализмом, для англоязычного читателя является непредсказуемым сочетанием графических символов, значение которого остается не-

известным, т. е. данное слово обладает высоким уровнем энтропии, в то время как остальные языковые единицы данного фрагмента достаточно предсказуемо сочетаются в тексте и не допускают возможности существенно различных интерпретаций или передачи в переводе:

They've never seen a desencajonada. (Hemingway. The Sun Also Rises, p. 149).

Даже одно слово открывает перспективу трансформации глобальной стратегии перевода в различные локальные стратегии. В переводе на украинский язык иноязычный элемент воспроизведен буквально, что позволяет сохранить связь с иноязычной средой, как это было задумано автором. Однако стратегия форенизации в данном случае «компенсируется» введением подстрочной сноски с комментарием-переводом с испанского (прием беспереводного заимствования с комментарием):

Вони ніколи не бачили desencajonada[1].

*[1]Вивантаження биків (*ісп.*) (Хемінгуей. Фієста (І сонце сходить). Перекл. М. Пінчевський, с. 79).*

Такую локальную стратегию можно охарактеризовать как умеренное отстранение (форенизацию); благодаря ее реализации текст перевода сохраняет эффект пребывания в чужой стране, но при этом его восприятие облегчается комментарием. За счет расширения объема текста, несущего тот же смысл, снижается его информационная энтропия, а также требуется меньше когнитивных усилий читателя для восприятия текста.

В переводе на русский язык иноязычное заимствование полностью заменено смысловым переводом в основном тексте:

Они никогда не видели выгрузки быков (Хемингуэй. Фиеста (И восходит солнце). Перев. В. Литвинов).

В данном случае локальная стратегия противонаправлена глобальной – ее можно охарактеризовать как стратегию одомашнивания, благодаря которой восприятие читателя автоматизируется (не требуются дополнительные когнитивные усилия для декодирования данного фрагмента текста), а задуманный автором художественный эффект нейтрализуется. Целевой текст в итоге характеризуется значительно более низким уровнем информационной энтропии, чем авторский, интерпретационный потенциал сужается. В отсутствие компенсирующих стратегий и приемов такой перевод может значительно исказить идеостиль оригинала, лишить произведение Хемингуэя характерной для него смысловой емкости, обращенности к читателю как соучастнику событий, «кинематографического эффекта» [8, с. 10].

С подобным обеднением стиля автора сталкиваемся также в переводах произведений О. Генри, например, в случае, когда переводчики заменяют воссозданный при помощи графонов иноязычный акцент соответствующей по смыслу литературной речью:

Old Behrman, with his red eyes, plainly streaming, shouted his contempt and derision for such idiotic imaginings.

Vass! – he cried. – Is dere people in de world mit der foolishness to die because leafs dey drop off from a confounded vine? I haf not heard of such a thing. (O. Henry. The Last Leaf).

В переводе на украинский язык отсутствие художественного эффекта звукописи компенсировано лишь частично введением описательного комментария; в переводе на русский язык характеристика речи полностью утрачена:

Старий Берман з червоними очима, які помітно сльозилися, галасливо виявив свою зневагу, знущаючись із таких ідіотських вигадок.

– Що, – кричав він з жахливим німецьким акцентом, – хіба ще є такі дурні, щоб умирати через листя, яке осипається з клятого плюща? Вперше чую (О. Генрі. Останній листок. Переклад М. Дмитренка).

– Что! – кричал он. – Возможна ли такая гупость – умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща!... (О. Генри. Последний лист. Перевод Н. Дарузес).

Переводчики и на украинский, и на русский языки в данном случае предпочли стратегию смысла стратегии формы, хотя для художественного перевода стратегия воссоздания формы имеет едва ли не первостепенное значение, т. к. «установка на выбор формы» позволяет достичь «поэтической» эквивалентности [9, с. 150]. Использованные автором графоны

(отступления от орфографической нормы для передачи на письме особенностей произношения) повышают энтропию исходного текста, т. к. являются непредсказуемыми и деавтоматизируют прочтение оригинала, требуя от читателя дополнительных когнитивных усилий для понимания, апеллируя к его слуховому восприятию, вовлекают его в процесс сотворчества при создании смысла. Значительное снижение информационной энтропии вследствие утраты художественного приема заметно обедняет текст перевода.

К сожалению, в исследуемых переводах новелл О. Генри подобные локальные стратегии «смыслового» перевода превалируют. Если применить методику определения глобальной стратегии через количественное соотношение локальных (см.: [10]), следует признать, что изначально неправильно избрана глобальная стратегия смысла. Вследствие этого в переводе воссоздавались преимущественно сюжетно-композиционные характеристики произведений, основной (часто – денотативный) смысл речи, а особенности художественной формы, в том числе, игра слов, аллюзии, речевые характеристики персонажей, нередко утрачивались. В цитируемом ниже примере авторская аллюзия и каламбур (*Hetty Green*) и оксюморон (*higher and lower*) исчезают вследствие «смыслового» перевода.

– Eight dollars? said Miss Leeson. Dear me! I'm not Hetty if I do look Green. I'm just a poor little working girl. Show me something higher and lower. (O. Henry. The Skylight Room).

– Вісім доларів? – спитала міс Лісон. – Ні, нізащо! Я не можу собі цього дозволити. Я тільки бідна дівчина, яка сама собі заробляє на хліб. Покажіть мені що-небудь вище, але щоб ціна була нижча. (О. Генрі. Кімната на горищі. Переклад Ю. Іванов).

– Восемь долларов? – переспросила мисс Лисон. – Что вы! Я не миллионерша. Я всего-навсего машинистка в конторе. Покажите мне что-нибудь этажом повыше, а ценою пониже (О. Генри «Комната на чердаке». Перевод В. Маянц).

Показательно, что чешский лингвист, литературовед и теоретик перевода Иржи Леви, анализируя «посредственные и плохие переводы», одной из причин обеднения авторского стиля в переводе считает то, что переводчик выбирает наиболее частотный, наиболее вероятный вариант перевода, который обычно является самым предсказуемым и имеет широкое значение, вследствие чего меньше передает специфику авторской характеризации, сенсорики и т. д.; второй причиной автор называет стремление переводчика передать логические связи, разъяснить мысли автора, даже если такой ясности нет в самом оригинале [11, с. 64–66]. Оба указанные действия, как очевидно, приводят к снижению энтропии, уменьшают интерпретационный потенциал текста и вовлеченность читателя в «сотворчество».

Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что информационная энтропия текста оригинала открывает перспективу выбора переводчиком локальной стратегии перевода, а энтропия языка перевода открывает возможности выбора средств реализации этой стратегии. При этом успешность переводческого решения в идеале определяется выбором стратегии, позволяющей воссоздать многообразие читательских прочтений, заложенное в авторском тексте, т. е. сохранить идентичный уровень энтропии в переводе. Однако примеры практических переводов свидетельствуют зачастую о снижении энтропии исходного текста за счет подмены множества интерпретаций единственной переводческой интерпретацией текста, а, следовательно, и меньшим вовлечением читателя в процесс сотворчества и общим обеднением содержания текста.

Литература

1. Narashimha, R.N. Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare / R.N. Narashimha. – New Delhi : M D Publications Ltd, 1994. – 101 p.

2.Цвигун, Т.В. О преодолении энтропии в поэтическом тексте (К семиотической структуре текста в русском авангарде 10–30-х гг.) / Т.В. Цвигун // Общие вопросы авангардоведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/c_entropiya.htm. – Дата доступа : 22.03.2016.

3. Монин, А.С. Дороги в Комаровку / А.С. Монин // Колмогоров в воспоминаниях учеников / Редактор-составитель А.Н. Ширяев. – М. : МЦНМО, 2006. – С. 174–185.

4.Успенский, В. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова / В. Успенский // «НЛО». – 1997. – № 24. – С. 123–215.

5. Ревзин, И.И. Совещание в г. Горьком, посвящённое применению математических методов к изучению языка художественной литературы / И.И. Ревзин // Структурно-типологические исследования: сб. статей / Академия наук СССР: Институт славяноведения ; Отв. ред. Т.Н. Молошная. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 285–293.

6. Михайлов, М.Н. Чем длиннее, тем лучше? Как сравнить длины исходного текста и перевода? / М.Н. Михайлов // Математическая морфология. – 2003. – Том 5, вып. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.smolensk.ru/user/sgma/ MMORPH/N-9-html/mihailov/mihailov.htm. – Дата доступа : 22.03.2016.

7. Кутузов, А.Б. Частотные характеристики лексики как инвариант перевода (на материале перевода романа К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей») / А.Б. Кутузов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – №1. – С. 175–183.

8. Довганчина, Р.Г. Відтворення ідіостилю Ернеста Гемінґвея в українських та російських перекладах : автореф. дис. … канд. філол наук : 10.02.16 / Р.Г. Довганчина. – К., 2011. – 23 с.

9. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

10. Zare-Behtash E. A Diachronic Study of Domestication and Foreignization Strategies of Culture-Specific Items: in English-Persian Translations of Six of Hemingway's Works / E. Zare-Behtash, S. Firoozkoohi // World Applied Sciences Journal. – 2009. – № 7 (12): 1576–1582. – P. 1576–1582.

11. Levý, J. Will translation theory be of use to translators? / J. Levý // First printed in: Rolf Italiaander (ed.) Übersetzen: Vorträge und Beiträge vom Internationalen Kongress literarischer Übersetzer in Hamburg 1965, Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 77–82. – Reprinted in: Scientia Traductionis. – 2012. – № 11. – P. 60–71.

Институт международных отношений
Киевского национального университета
им. Т. Шевченко

Поступила в редакцию 10.05.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 181.161.1

Вербономинанты с компонентом память в современном русском языке

И.Г. Гомонова

Анализируются аналитические конструкции глагольно-именного типа, служащие в современном русском языке средством вербализации процессов памяти. На материале данных Национального корпуса русского языка подтверждается продуктивность моделей, по которым образуются вербономинанты с компонентом память.
Ключевые слова: вербономинант, описательный глагольно-именной оборот, память.

The analytical constructions of the verbal-nominal type which are used as a means of verbalizing memory processes in Modern Russian are analyzed. According to the Russian National Corpus the productivity of the models, on which verbal nominants with the memory component are formed, is confirmed.
Keywords: verbal nominants, descriptive verbal-nominal phrase, memory.

Значение психических процессов в жизнедеятельности общества трудно переоценить, поскольку психика обеспечивает функционирование человека как существа особого порядка, наделенного специфическими свойствами высшей нервной деятельности. Психические процессы «обеспечивают адекватную работу сознания, отражают окружающий мир, преломляют его и хранят в опосредованном виде в ментальных структурах различных уровней» [1, с. 42].

Вследствие значимости высших психических функций (мышления, речи, памяти и восприятия) они выступают в качестве объекта исследования разных научных дисциплин: психологии, логики, физиологии, философии и др. Современная лингвистическая наука активно обращается к изучению средств вербализации психических процессов, к исследованию семантики и структуры соответствующих лексем. Лингвисты стремятся осмыслить когнитивно-психологические свойства знаков, выражающих психические процессы, привести эти знаки в систему, раскрыть их функции.

Предмет данной статьи составляют средства вербализации процессов памяти в современном русском языке, а именно вербономинанты (описательные глагольно-именные обороты – ОГИО) с компонентом память. Актуальность такого исследования объясняется необходимостью выявления, классификации и изучения всего комплекса средств выражения психических процессов в русском языке.

Основными средствами обозначения памяти в русском языке являются процессуальные слова – глаголы. Кроме того, с этой целью широко используются аналитические единицы глагольно-именного типа. Как пишет В.Н. Телия, «…глагол (если он к тому же имеется) не справляется морфологически с естественными потребностями обозначить весь существенный для человека его внутренний мир – мир психики, интеллектуальной деятельности, мир этических и моральных категорий – все то, что принадлежит мыслящему и переживающему мир субъекту, а также то, что образует круг его социальных прав и обязанностей» [2, с. 283]. Структурная и семантическая усложненность вербономинантов позволяет успешно выполнить данную задачу и объясняет повышенный интерес лингвистов к таким оборотам. В исследованиях, проведенных на материале русского и других языков, анализируются парадигматические и синтагматические свойства вербономинантов, структурно-семантические особенности их компонентов, экспрессивные возможности и т. д.

Активность использования вербономинантов для обозначения процессов памяти (материал для данного исследования включает в себя более 500 оборотов, которые анализируются в контекстах (источник – Национальный корпус русского языка [3]); в свою очередь количество вхождений некоторых оборотов в тексты НКРЯ доходит до 200) подтверждает характерную для русского языка тенденцию к аналитизму при вербализации сложных процессов.

Для обозначения процессов памяти аналитическим способом используются вербономинанты предикативного *(память вернулась, память выдала, память заработала, память сообщила, память ухватилась, память выталкивает, память знает, память приводит, память дотронется, память отсеет)* и непредикативного *(войти в память, вспыхнуть в памяти, вымывать из памяти, загромождать память, запасть в память, засесть в памяти, истребить из памяти, копить в памяти, напрягать память)* типа. В оборотах первого типа семантическая нечленимость сопровождается формальной синтаксической членимостью (именной компонент занимает позицию грамматического подлежащего, глагольный компонент – позицию грамматического сказуемого). Обороты второго типа характеризуются семантической и синтаксической нечленимостью. Сравн.: *Эту картину* <u>*память принесла*</u> *мне из сравнительно недавнего прошлого, а ещё раньше, в то время, когда улица называлась Мясницкой, мне суждено было судьбой жить в её районе…* (В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)); *Потом начнут проступать и лица.* <u>*Память*</u> *твоя* <u>*отберет*</u> *по-хозяйски пять-шесть, не пытайся понять этот выбор* (Л. Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008) – *То* <u>*приходила на память*</u> *обида, что одиннадцать месяцев ему всё откладывают и откладывают свидание с женой – и уж теперь дадут ли до отъезда?* (А. Солженицын. В круге первом, т. 1 (1968) // «Новый Мир», 1990); *Невозможно всего рассказать, что случилось со мной в лесу лет за пятнадцать этой охоты, – один случай* <u>*вызывает в памяти*</u> *тысячу других и тонет в них безвозвратно* (М.М. Пришвин. Зайцы-профессора (1921–1925)).

Исследователи говорят о существовании около ста моделей, по которым создаются ОГИО [4, с. 179]. Среди оборотов непредикативного типа с компонентом память наиболее активно представлены конструкции, построенные по следующим моделям: 1) V + в + П. п. *(брезжить в памяти, бродить в памяти, ворошить в памяти, всплывать в памяти, вспыхивать в памяти, выискивать в памяти, забрезжить в памяти, зазвучать в памяти, замаячить в памяти, запирать в памяти, застрять в памяти, зачеркнуть в памяти, копить в памяти, откопать в памяти, отпечататься в памяти, скользить в памяти, таять в памяти, угаснуть в памяти* и др.*);* 2) V + из + Р. п. *(выбивать из памяти, выбросить из памяти, вывалиться из памяти, выветриться из памяти, выдернуть из памяти, вымести из памяти, вынырнуть из памяти, выпасть из памяти, вытеснить из памяти, выудить из памяти, вышвырнуть из памяти, достать из памяти, извлекать из памяти, исключить из памяти, испариться из памяти, улетучиться из памяти* и др.*);* 3) V + в + В. п. *(вгравироваться в память, вдавить в память, влезть в память, вонзиться в память, впечататься в память, врезаться в память, въестся в память, закладывать в память, залететь в память, заносить в память, запихивать в память, перекочевать в память* и др.*);* 4) V + В. п. *(взбалтывать память, ворошить память, встревожить память, грызть память, надрывать память, напрягать память, притупить память, пробудить память, терять память, утопить память* и др.*).*

Отличительной особенностью большинства вербономинантов является то, что они выступают в качестве образного средства выражения процессов, связанных с памятью. Образность создается прежде всего за счет метафоризации глагольного компонента вербономинанта, а также во многих случаях поддерживается атрибутивными распространителями именного компонента. Сам именной компонент чаще нейтрален, но может представлять собой метафорическое сочетание типа *кладовые памяти, закоулки памяти, хаос памяти, волна памяти* и др.

Так, образный характер ОГИО предикативного типа создается за счет того, что в данных оборотах память олицетворяется, т. е. ей приписываются свойства живого существа. В анализируемых вербономинантах представлено олицетворение двух основных типов: 1) антропоморфное, когда процессу памяти придаются какие-либо человеческие свойства, качества: *Я хочу воскресить её поцелуи.* <u>*Память лжёт*</u>*: нет радости, нет восторга* (Б.В. Савинков (В. Ропшин). Конь бледный (1909)); *К этой поре* <u>*успокоилась*</u> *и моя* <u>*память*</u> (В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); 2) зооморфное, когда процессу памяти придаются свойства, качества животного: *В представлении современной науки* <u>*память гнездится*</u> *как бы в ячейках, создаваемых сложнейшими переплетами отростков нервным клеток мозга в течение индивидуальной жизни, жизни одного человека* (И.А. Ефремов. Эллинский секрет (1942−1943)); *А* <u>*память*</u> *безмолвно и быстро* <u>*ткет*</u> *свою* <u>*паутину*</u> (А.Н. Вербицкая. Ключи

счастья (1909)). В частности, антропоморфный характер имеют переосмысленные глаголы а) физического и психического воздействия: *Будто играл ее оркестр, но казалось, что он не такой, как обыкновенный, большой, но неизмеримо большего масштаба, и* <u>*память мучает*</u> *меня до сих пор в состоянии композиции, все больше из первой и второй части (*А.И. Цветаева. Сказ о звонаре Московском (1976)); б) говорения / звучания: *Я испытывал беспокойство, и* <u>*память*</u> *моя* <u>*нашептала*</u> *мне подходящее для покаяния место (*В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); в) движения: *И вот,* <u>*память*</u> *моя* <u>*летит*</u> *к тем бумагам, которые были у меня отобраны* (С.М. Волконский. О декабристах (1921)) и др.

В составе отдельных ОГИО предикативного типа именной компонент представлен метафорическим сочетанием с субстантивом память в роли зависимого слова: *О чем бы я ни вспоминал,* <u>*нити памяти приводят*</u> *меня к войне…* (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны // «Знамя», 2005); *И вдруг* <u>*волна памяти оттянула*</u> *ее в военное детство: лето, они гостят у бабушки, нобелевский поселок на берегу Каспия, коттеджи-«резерумы», стоящие на сваях у самого моря…* (А. Иличевский. Перс (2009)).

Именной компонент ОГИО непредикативного типа также может быть представлен метафорическим сочетанием слов. Такая метафора, как правило, основана на локативной характеристике памяти как вместилища, места для хранения: *«Бездеятельное отчаянье – забвение и нарушение долга», – вдруг* <u>*вынырнула из кладовых памяти*</u> *кем-то и когда-то выношенная мысль* (Е. Маркова. Каприз фаворита (1990–2000)); *Важные сведения нельзя* <u>*выпускать из хранилища памяти*</u> *без особой нужды* (В. Дудинцев. Белые одежды / Вторая часть (1987)).

Анализируемые вербономинанты служат для выражения следующих разновидностей процесса памяти:

– ‘помнить’*:* <u>*Память удерживала*</u> *только прическу аля Надежда Константиновна, с пучком на затылке* (О. Некрасова. Платит последний (2000)); *Тот разговор с хирургом, зашивавшим ему раны на руке, крепко* <u>*сидел в памяти*</u>*, и что же, выходит, закон, о котором говорил врач, принят?* (А. Курчаткин. Счастье Вениамина Л. // «Знамя», 2000);

– ‘вспомнить / вспоминать’: <u>*Память*</u> *услужливо* <u>*подбросила*</u> *мне старые приятные воспоминания* (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003); <u>*Освежив в памяти*</u> *продуманную схему и порядок постановки вопросов, следователь как бы ожил, стал бодрее* (В. Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987));

– ‘запоминать’: *Это единственное чудо, которое* <u>*память сберегла*</u> (Б.Л. Пастернак. Охранная грамота (1930)); *Аля* <u>*запихивала*</u> *все эти лица* <u>*в*</u> *свою* <u>*память*</u> *с таким усилием, что ей казалось, будто мозги у нее скрипят* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003−2005));

– ‘забывать’: *Будто и ничего не было. Все постыдное* <u>*память*</u> *услужливо* <u>*стирает*</u>*!* (М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005); *Всё постороннее, всё прошлое* <u>*исчезло из памяти*</u>*, а если и появлялось в ней временами, то в виде бесформенных обрывков* (Э.Г. Казакевич. Звезда (1946)).

Кроме того, обороты предикативного типа включают в себя единицы, в значении которых актуализируется характеристика результата процессов, связанных с памятью: *Меня* <u>*рассмешила память*</u> *о солнечных днях моей земной жизни* (Н. Садур. Занебесный мальчик (1992)); *Этого ему вспоминать не хотелось, но* <u>*память*</u> *снова и снова с неодолимым упорством* <u>*терзала*</u> *его* <u>*сознание*</u>*…* (М. Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)). Главная цель использования таких оборотов − отразить состояние субъекта, вызванное процессами памяти.

Обороты непредикативного типа, кроме вышеназванных, включают в себя единицы, при использовании которых память характеризуется как объект внешнего воздействия и выражаются значения ‘вернуть память (заставить вспомнить)’ и ‘лишить памяти (заставить забыть)’: *Некоторое время и прохлада утреннего воздуха* <u>*возвратили*</u> *ему полную* <u>*память*</u>*, и печальная истина явилась перед ним во всем своем ужасе* (П.И. Шаликов. Темная роща, или памятник нежности (1819)); *Были, правда, некоторые подробности, которые я с трудом* <u>*выдавил из*</u> *Ваниной* <u>*памяти*</u> (А.И. Куприн. Листригоны (1911)).

В целом вербономинанты, обозначающие процессы памяти, в отличие от синонимичных им глаголов, выражая данное значение, как правило, сочетают его с определенной индивидуально-авторской оценкой.

Своеобразие вербономинантов как особых единиц номинации проявляется в их сочетаемости. Единицы, с помощью которых вербономинанты реализуют свою валентность, позволяют обозначить память как сложный процесс, который характеризуется субъектно-объектными отношениями, а также дополнительными атрибутивными и обстоятельственными признаками.

Разнообразием способов выражения характеризуется, например, субъект процессов памяти, обозначенных вербономинантами. В случае с ОГИО предикативного типа он выражается косвенным способом и может относиться как к именному, так и к глагольному компоненту оборота: *Пусть будет хоть эта тетрадка, и, когда* <u>*память моя*</u> *вовсе* <u>*сносится*</u>*, я смогу заглянуть в неё, вспомнить* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000); *И* <u>*память ворвалась в него*</u>*, обернувшись живой тоской по дому* (Л.А. Кассиль. Все вернется (1942)).

При ОГИО непредикативного типа носитель процессов памяти может быть выражен прямым и косвенным способом, в последнем случае он формально относится к глаголу, по сути распространяя весь оборот: *Пытаясь выяснить, где он видел такие же фигуры,* <u>*Соловьев перебирал в памяти*</u> *все станции и полустанки, через которые ему случилось проезжать, но ничего подобного не вспомнилось* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов (2009)); *Очень эта история* <u>*вколотилась в мою память*</u> (Ф. Светов. Мое открытие музея // «Знамя», 2001); *Какие-то газетные статьи* <u>*мелькали у меня в памяти*</u>*, которые я читала и даже правила, поскольку и у нас в газете что-то было, но я не вникала: не моя тема!* (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)).

В некоторых контекстах субъектное значение выражено двумя единицами (при именном и при глагольном компонентах вербономинанта), что порождает избыточность: *Я испытывал беспокойство, и* <u>*память моя нашептала мне*</u> *подходящее для покаяния место (*В. Астафьев. Обертон (1995–1996)); <u>*Я покопался в своей памяти*</u>*, но она мне ничего не подсказала* (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003).

Несомненную специфику вербономинантов с компонентом память составляет активная сочетаемость имени в их составе с разнообразными по значению атрибутивными распространителями, выражающими:

– виды памяти по преобладающему в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения материала анализатору: *Рука на что-то наткнулась, и* <u>*тактильная память сообщила*</u>*: конверт* (Е. Прошкин. Механика вечности (2001)); *Я развязно стал рассказывать, и рассказывал долго, и* <u>*в зрительной памяти проплывала*</u> *страница толстейшего учебника* (М.А. Булгаков. Пропавший глаз (1926));

– виды памяти по времени сохранения материала: – *Ничего!* <u>*Генетическая память подскажет*</u>*, – скромно ответил он. Тут успевай только ее включать!* (В. Попов. Свободное плавание // «Звезда», 2003); *Пашка выпустил материнскую руку с наступлением отрочества, перестав верить в чудищ и обретя безмятежный сон, но в подсознании сохранилась память о спасающем присутствии матери, и эта* <u>*архаичная память выталкивала*</u> *из Пашки испуганный всхлип* (Ю. Нагибин. Другая жизнь (1990–1995));

– возрастную характеристику субъекта памяти*:* <u>*Старческая память*</u> *с изумительною отчетливостью* <u>*хранила*</u> *эти воспоминания* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880)); *Звездные годы ее взрослости и ответственности пришлись на блокаду и эвакуацию, на тяжелое детство; и как сама блокада* <u>*ушла во мглу детской памяти*</u>*, которую подсознание не собиралось рассеивать…* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009));

– гендерную характеристику субъекта памяти: <u>*Женская память охватывает*</u> *тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания* (А. Коробова. Женское лицо войны // «Родина», 2010);

– профессиональную принадлежность субъекта памяти: *Только* <u>*журналистская память способна выхватывать*</u> *из прошлого конкретные детали (*Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты (Телерепортаж Джона Бари, спецкора) (1978–1979)).

Вследствие того что большинство анализируемых вербономинантов имеет метафорический характер и употребляется в художественных текстах, для компонента память в их составе наиболее типичны атрибутивные распространители, выражающие эмоциональную оценку обозначаемого процесса: *Его* <u>*острая память сохранила*</u> *встречи, беседы, картины*

северной природы, случаи торжества и поражений человека в борьбе за жизнь (Б.Н. Полевой. Несколько слов о Джеке Лондоне (1970–1981)); *Теперь, через четверть века, о героической борьбе демонстрантов помнят только те их близкие, которые еще живы, и, я подозреваю, даже эта хрупкая память исчезнет вместе с ними* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)).

Во многих случаях атрибутивные распространители компонента память представляют собой эпитеты-олицетворения: *Мы и сами не очень-то догадывались, что произошло между двумя поэтами, но потом услужливая память подбросила один эпизод* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)); *Бессознательное, холодное равнодушие моей матери точно отразило в себе чью-то последнюю неподвижность, и жадная память сестёр вбирала в себя всё так быстро потому, что где-то в отдалённом их предчувствии смерть уже существовала* (Г.А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930)).

Таким образом, продуктивность моделей, по которым образуются вербономинанты с компонентом память в современном русском языке, и активная реализация вербономинантами своих валентностных способностей подтверждают их статус как особых средств номинации. Широкое использование такого рода сочетаний в текстах разных авторов, стилей, жанров, времени создания и т. д., основанием для которого является возможность выразить с их помощью разнообразные оттенки значения и эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого, ярко иллюстрирует характерную для русского языка тенденцию к аналитизму при вербализации сложных психических процессов, к которым относится человеческая память.

Литература

1. Куприева, И.А. Механизмы вербализации ментальных структур лексемами со значением «психические процессы» в англоязычном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И.А. Куприева. – Белгород, 2014. – 42 с.

2. Телия, В.Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В.Н. Телия // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. − С. 250–319.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 17.09.2016.

4. Лагузова, Е.Н. О термине *описательный глагольно-именной оборот* / Е.Н. Лагузова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 6. – С. 178–181.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.05.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 398.332.4:398.332.1:398.82(476.2-37Добруш)

Народны каляндар Добрушчыны: зімовыя і веснавыя абрады, песні, прыкметы і павер'і

А.А. Кастрыца, В.С. Новак

На багатым аўтэнтычным матэрыяле, запісаным у палявых экспедыцыях на тэрыторыі Добрушскага раёна Гомельскай вобласці, разглядаюцца каляндарныя абрады і звычаі і звязаныя з імі прыкметы і павер'і, выяўляецца іх мясцовая спецыфіка.
Ключавыя словы: каляндарная абраднасць, прыкметы і павер'і, рытуал, песня-ілюстрацыя, магія, народныя вераванні.

The calendar customs and ceremonies and the associated signs and beliefs are considered on the rich authentic material recorded in field expeditions in the territory of the Dobrush district, Gomel region. The local specificity calendar rites is revealed.
Keywords: calendar rites and poetry, omens and superstitions, rituals, song, illustration, magic, folk beliefs.

Мэтай артыкула з'яўляецца выяўленне мясцовай спецыфікі зімовай і веснавой каляндарнай абраднасці Добрушчыны. Звернемся да характарыстыкі зімовай каляндарнай абраднасці і паэзіі, шырока прадстаўленай у розных вёсках вышэйназванага раёна. Так, у в. Агародня-Кузьмініцкая абрад калядавання (шчадравання) адбываўся пад Новы год. Адметнымі ў гэтай мясцовасці былі дзеянні, звязаныя з разбіваннем гарбуза: «Калі шчадроўшчыкі пачыналі пець, гаспадар біў аб пол гарбуз. Калі яму ўдасца яго разбіць ад аднаго ўдару, ды так, каб з яго семкі пасыпаліся ў розныя бакі, – гэта добра: год будзе багатым. Семкі гэтыя чарадзейныя, як і хлеб, што даюць шчадроўшчыкам. Яго даюць людзям, жывёле ад злога вока і ад хвароб» (запісана ў в. Агародня-Кузьмініцкая ад В.І. Перапанавай, 1933 г.н.).

Паводле сведчанняў інфармантаў, устойлівасцю бытавання на Добрушчыне вылучаўся абрад *ваджэння казы,* што суправаджаўся песнямі-ілюстрацыямі, дзе гучалі матывы ўшанавання казы, з якой, паводле народных веравання́ў, звязаны апатрапеічная і прадуцыравальная магія.

Во-во-во каза,
Во ўжо серая,
Адкуль ты прышла?
І няхай ваўкі,
І няхай ваўкі.
Усе людзі стральцы
Стрэльнулі казе
У левае вуха.
З правага вуха
Пацякла ўха,
Каза ўпала,
Быццам прапала (запісана ў г. Добруш ад Кавалёвай Наталлі, 1930 г.н.);

і:

Го-го-го, каза серая,
Ці даўно, каза,
З Масквы прыйшла,
З крутымі рогамі,
З даўгімі касамі?
Рагамі скалю,
Касамі звяжу.
Не хадзі, каза,
Ва тое сяло,

Ва Міхайлаўку.
Ва Міхайлаўцы
Усе людзі- стральцы,
Стрэлілі казе ў левае вуха,
З вуха пацякла юха,
Козачка ўпала,
Быццам і прапала,
А ты, Міханош,
Дуй казе пад хвост,
Жылачка надзьмецца –
Козачка праснецца.
Дзе каза ходзя –
Там жыта родзя,
Дзе каза нагой –
Там жыта капой,
Дзе каза хвастом –
Там жыта кустом,
Дзе каза рогам –
Там жыта стогам (запісана в. Баршчоўка Добрушскага р-на ад Любові Іванаўны Рыжковай, 1941 г.н., перасяленкі з в. Дзям'янкі Добрушскага р-на).

Як адзначылі жыхары в. Баршчоўка, у іх мясцовасці былі вядомы абрады *ваджэння казы, кабылы,* а таксама ў калядным гурце былі *цыганы*: «Сёмага студзеня (на Ражаство) збіраліся хлопцы, дзеўкі і хадзілі па хатах, калядавалі. Яны пераапраналіся ў казу, цыганоў, кабылу» (запісана ў в. Баршчоўка ад Цупікавай Ганны Палікарпаўны, 1943 г.н.).

У в. Карма са святкаваннем другой куцці быў звязаны не толькі абрад ваджэння казы, але і абрад *ваджэння мядзведзя*: «Выварочвалі кажух, адзявалі на якога-небудзь мужыка, давалі яму палку. Разам з мядзведзем хадзілі шчадраваць, на вуліцы ён пужаў людзей» (запісана ад Шуставай Марыі Трафімаўны, 1927 г.н.).

У калядна-навагодняй абраднасці Добрушчыны адлюстраваліся як язычніцкія ўяўленні, так і хрысціянскія, якія знайшлі паэтычнае ўвасабленне ў звычаі «*насіць калядную зорку*»: «На Каляды ад хаты да хаты насілі зорку, на якой была разрысавана рознымі казачнымі фігуркамі. Калі адну квяцістую частку зоркі круцілі, то гэтыя фігуркі як бегалі. Гэтая зорка была як бы сонцам, якое абвяшчала ўсім людзям прыйсці і быць цёплым. Але заўсёды помнілі пра Бога і яму песні пелі:

Неба і зямля, неба і зямля радасна спяваюць,
Анёлы людзям, анёлы людзям радасць абвяшчаюць.
Хрыстос нарадзіўся, Бог абвясціўся,
Анёлы спяваюць, пастухі іграюць.
У Віфлееме, у Віфлееме вясёла навіна,
Чыстая дзева, чыстая дзева нарадзіла сына,
І мы дзіцятку, і мы дзіцятку Богу паклон дайма,
Слава ўсявышню, слава ўсявышню яму заспявайма» (запісана ў в. Залессе ад Праскоўі Васільеўны Каржовай, 1929 г.н.).

Як правіла, мясцовыя жыхары заўсёды з нецярплівасцю чакалі калядоўшчыкаў, бо іх прыход, верылі, паспрыяе сямейнаму дабрабыту, плёну ў гаспадарцы і на ніве. Калі ж гаспадары не адчынялі дзверы шчадроўшчыкам, то першых чакалі розныя непрыемнасці: «Калі не выходзілі і нічога не давалі, то ім знімалі вароты, адносілі іх далёка ад хаты, закрывалі комін сцяклом, затыкалі сенам, ламалі забор, падпіралі дзверы і спявалі такую песню:

Шчодзер, бодзер,
Бацька-злодзей
Украў ражок з табакай,
Матка бягіць з лапатай» (запісана ў в. Перарост ад Дзікай Аляксандры Пятроўны, 1925 г.н.).

Вялікае значэнне надавалі жыхары Добрушчыны падрыхтоўцы абрадавай стравы, якую называлі куццёй: «Яе гатуюць зраніцы, як толькі сонца зайдзе, усе адзяваліся па-святочнаму, стол засцілаюць абрусам белым і потым ставіцца на сена на покуце куцця, якая застаецца там да вячэры» (запісана ў в. Баршчоўка ад Караценка Марыі Макееўны, 1912 г.н.). Звычайна гаршчок з куццё ставілі на покуці, дзе таксама, як і пад абрусам на стале, ляжала сена, у магічныя ўласцівасці якога верылі, таму невыпадкова «сена, якое было пад абрусам і на покуці пад куццёй, раніцай аддаюць свойскай жывёле» (запісана ў в. Баршчоўка ад Караценка Марыі Макееўны, 1912 г.н.).

Паводле звестак, запісаных у в. Васільеўка, калі ставілі гаршчок з куццёй на «кут», то «гавораць «кох-кох-кох», а дзеці пад сталом крычаць «кудах-дах-дах». Гэта рабілі для таго, каб куры добра нясліся» (запісана ад Філімонавай Ніны Панцялееўны, 1957 г.н.). У гэтай жа вёсцы бытаваў наступны адметны звычай: перад тым, як святкаваць другую куццю, трэба было ўсім членам сям'і прыбраць у хаце і памыцца: «Грэлі ваду ў печы, вылівалі ў дзежку і мыліся па чарзе. Спачатку бацькі, потым дзеці. Прыбіралі ў хаце» (запісана ад Філімонавай Ніны Панцялееўны, 1957 г.н.).

Што датычыць абрадавай стравы куцці, то варта заўважыць, што, як засведчылі інфарматары, рыхтавалі першую куццю на Ражаство, другую – на Новы год, трэцюю – на Крашчэнне: «Першая куцця была на Ражаство. Вараць кашу, ставяць яе ў сена. Ета пустая куцця, бедная, на вадзе да на алейцу. Другая куцця – на Новы год. Пярловая была, жырная. Каляды ж былі ўжэ. Усе елі скаромнае. А трэцяя куцця – у канцы Каляд. Тожа была жырная» (запісана ў в. Баршчоўка ад Смаляковай Ніны Яўгенаўны, 1930 г.н., перасяленкі з в. Дзям'янкі).

Рытуальны дыялог *заклікання Марозу*, паводле сведчанняў жыхароў в. Залессе, быў звязаны з першай куццёй: «Гаспадар адкрываў акно і зваў: «Мароз, мароз, хадзі куццё есці! Ідзі, калі завем, а калі завем – не хадзі. бо кале будзем араць – будзем цябе на пашы драць!». Ставім лыжку куцці на талерку і адкрываем акно. Гаспадыня прыгаворвала: «Мароз, мароз, хадзі куццю есці! І іржа, і бель, хадзі цяпер! А ўлетку не бывайце, хлеба нашага не ўбівайце!» (запісана ад Каржовай Праскоўі Васільеўны, 1929 г.н.). Цікава адзначыць, што пацвяржэннем сувязі вышэйназванага рытуальнага дыялогу *заклікання Марозу* (увасаблення духаў памерлых) з міфалагічнымі ўяўленнямі, з'яўляюцца сведчанні Праскоўі Васільеўны Каржовай: «Поснай куццёй мы памінаем нашых родзічаў памёрлых і гэтым мы іх запрашаем на вячэру. Яны сваё дзела знаюць: з Марозам навораць і той да нас не пойдзе вясной». Заслугоўваюць увагі і яе тлумачэнні адносна семантыкі зерня, якое выкарыстоўвалі для падрыхтоўкі куцці: «Зерні куцці мелі сваю сілу: ад іх можна збавіцца хвароб».

Трэцюю куццю, якая была звязана з Крашчэннем, у в. Баршчоўка называлі «піскухай». У гэты ж дзень мясцовыя жыхары, выходзячы да рэчкі, варажылі пра сваё будучае жыццё: «На Крашчэнне выходзілі к рэчцы і долю гукалі: «Доля, доля, абзавіся, сколько мне жыці?» Калі што пачуеш, скора памрэш, калі ўсё маўчыць – шчэ жыць будзеш» (запісана ад Цупікавай Ганны Палікарпаўны, 1943 г.н.).

Распаўсюджаным на Добрушчыне быў абрад «засявання»: «На другі дзень (14 января) хадзілі засяваць. Бралі зярно ў карман, ішлі ў кожны двор. Увайдуць ў хату, сыплюць зярно і кажуць: «Сею, сею, пасяваю, з Новым годам паздраўляю!» (запісана ў в. Васільеўка ад Філімонавай Ніны Панцялееўны, 1957 г.н.). Не менш цікавы прыклад зафіксаваны і ў в. Залессе: «14 студзеня – Шчодрык-Васілле. Шчадрэц, Шчодра, Гагатуха, Конікі – розныя назвы былі: хто як называў, але ўсе панімалі. Раніцай у гэты дзень хадзілі па дамам і сеялі-пасявалі, ураджаю добрага жадалі. Калі ў гаспадароў у доме хлопец быў, яго хвалілі за вочы карыя, за бровы чорныя, за працу, за ўсё, абы пахваліць:

Ой, там пад шчадром Васілька з канём.
На кані сядзіць, дудачку дзяржыць,
У дудачку грае, слічна спявае.
Прыйшла да Васіля матанька яго:
Ой, сынку, сынку, хто цябе вучыў?
Хто цябе вучыў у дудачку іграці?
У дудачку іграці, слічна спяваці?

Была ў караля адна дачка,
Яна навучыла ў дудачку іграці.
У дудачку іграці, слічна спяваці» (запісана ад Каржовай Праскоўі Васільеўны, 1929 г.н.).

Адным са структурных кампанентаў калядна-навагодняга комплексу з'яўляюцца варожбы, якія мелі гаспадарчы (былі прымеркаваны да першай і трэцяй куцці («З-пад абруса потым выцягвалі і па іх длінnаце глядзелі, які ўраджай будзе на лён і збожжа» (запісана ў в. Залессе ад Каржовай Праскоўі Васільеўны, 1929 г.н) і шлюбны характар (адбываліся перад «старым новым годам» і былі звязаны з другой куццёй). Адзначым спецыфіку мясцовай класіфікацыі варожбаў, якія, паводле выкарыстання прадметнай атрыбутыкі і функцыянальна-семантычнай скіраванасці, дзеляцца на некалькі груп. Адзначым, што варажылі з выкарыстаннем як адзінкавых прадметных атрыбутаў, так і іх сукупнасці. Калі засяродзіць увагу на апошнім, то выклікае цікавасць тэкст варажбы, запісаны ад Чэпікавай Веры Кірылаўны, 1930 г.н., у г. Добруш: «Гадалі перад Храшчэннем: солі ў узялочак у трапачку звяжаш, грэчкі крупак узялочак, лялечку маленькую, чарку і пад міску ўсё пакладзеш, а тады хапаеш, вочы заплюскваеш, адкрываеш міску, што ты хваціш чарку, значаць, замуж пойдзеш, ляльку – таксама, а еслі што-та соль, ну, плахое, соль ілі грэчка». Як сведчыць прыведзены прыклад, у дадзеным тэксце выкарыстоўваліся і соль, і грэчка, і лялька, і чарка, якія, можна меркаваць, набылі ў кантэксце мясцовай варажбы адметную станоўчую (лялька, чарка) і адмоўную семантыку (соль, грэчка).

У працэсе варажбы звярталіся да абутку («Выходзілі на двор і кідалі бот праз вароты. У які бок гэты бот падаў наском, у той бок і замуж пойдзе тая дзеўка, чый быў бот» (запісана ў в. Церахоўка ад Старацітаравай Ніны Яўсееўны, 1940 г.н.) і адзення («Хадзілі мачыць фартухі ў ваду ля калодца і беглі туды, адкуль вышлі. Чый фартух быстрэй замерзне, тая першая замуж выйдзе» (запісана ў в. Баршчоўка ад Цупікавай Ганны Палікарпаўны, 1943 г.н.), розных бытавых прадметаў («ночваў» і «грабянца», люстэрка, замка і інш.) («Вот вазьміце насячыце дрэвак і палажыце пад падушку, і замок палажыце, сужэны і прыйдзе ў сне» (запісана ў в. Баршчоўка ад Рыжковай Любові Іванаўны, 1941 г.н.); «Бралі ночвы, кідалі ў іх грабянцы, затым усе разам трэслі гэтыя ночвы: чый грабянец выпадзе першы, тая першая і замуж пойдзе» (запісана ў в. Церахоўка ад Старацітаравай Ніны Яўсееўны, 1940 г.н.), абрадавай стравы (куцці, бліноў) («Куццю варылі, ставілі яе на кут на сена, а ўвечары, як садзіліся есці, бралі першую лыжку куцці, але яе не елі, а хавалі ў бумажцы пад падушку і казалі: «З кім век векаваць, прыйдзі маю куццю даядаць». У сне чакалі ўбачыць свайго суджанага», «Пяклі блінцы ўвечары. Маці пякла першы блін, дзяўчына клала гэты блін на галаву і бегла на вуліцу, дзе пытала імя ў першага стрэчнага чалавека. Калі яна сустракала мужчыну і пытала ў яго імя, гэта азначала, што такое імя будзе мець яе суджаны. Але калі яна сустракала жанчыну, гэта азначала, што дзяўчына ў гэтым годзе замуж не пойдзе» (запісана ў в. Церахоўка ад Старацітаравай Ніны Яўсееўны, 1940 г.н.).

Калядныя святы суправаджаліся вялікай колькасцю прыкмет і павер'яў, забарон і парад, якіх прытрымліваліся абавязкова, каб не толькі не нашкодзіць гаспадарцы і здароўю сваякоў, але і забяспечыць сямейны лад і гаспадарчы плён. Так, жыхарка в. Залессе Каржова Праскоўя Васільеўна, 1929 г.н., сцвярджае, што на Каляды трэба з асобай пашанай адносіцца да зерня, з якога варылася куцця, таму што яно магло паўплываць на здароўе: «Ячная каша варылася ў адным і тым жа гаршку, яе нельга каштаваць да вечары. Зерні куцці мелі сваю сілу. Ад іх можна збавіцца хвароб». Адзначым, што прыкметы, павер'і, магічныя дзеянні, якія былі звязаны з куццёй як сімвалам дабрабыту і ўраджаю, даволі распаўсюджаны на тэрыторыі Добрушчыны: «Перад паяўленнем першай зоркі бралі сена, лажылі ў кут, ставілі туды куццю, каб куры нясліся, карова малако давала, каб было благасастаянне ў хазяйстве» (запісана ў в. Кругавец ад Красноўскай Наталлі Васільеўны, 1925 г.н.); «Лічылася, якая куцця, такі будзе ўраджай, які дзень, такі будзе год» (запісана ў в. Стараселле ад ад Зароўнай Марыі Мацвееўны, 1925 г.н.).

У святочныя вечары забараняліся «жаночыя» гаспадарчыя работы і віды дзейнасці, звязаныя з выкарыстаннем вострых прадметаў, не дазваляліся сваркі: «У этот день нельзя сварыцца, не пралі, хавалі кудзелі, грабяні, верацёны» (запісана ў г. Добруш ад Краўчанка

Еўдакіі Ананьеўны, 1930 г.н.); «На куццю нельга было рэзаці, сціраці, секці. Прыбіраўшы хату, хавалі верацёны, таму што таксама лічылася вялікім грахом прасці» (запісана ў в Карма ад Шуставай Марыі Трафімаўны, 1927 г.н.); «На працягу ўсіх Каляд нічога нельга было не шыць, не віць, не плясці, не рабіць крывога, не сячы сякераю, бо, казалі, што дзеці і жывёла, якія павінны з'явіцца на свет, абавязкова народзяцца пакалечанымі» (запісана ў в. Перарост ад Дзікай Аляксандры Пятроўны, 1925 г.н.). Відавочна, першыя вечары новага каляндарнага года, звязаныя з ідэяй пачатку і закладвання асноў, надзяляліся магічнай уласцівасцю – уплываць на ход падзей на працягу ўсяго года, менавіта таму і прытрымліваліся мясцовыя жыхары ўсіх парад, каб не пашкодзіць сабе.

Да абрадаў пераходнага перыяду адносіцца Масленіца, святкаванне якой на Добрушчыне вылучаецца адметнымі асаблівасцямі. Прыгадаем асноўныя структурныя кампаненты масленічнага абрадавага комплексу:

1) падрыхтоўка абрадавай стравы: «Самай глаўнай ядой былі блінцы. Яны абязацельна даўжны былі быць» (запісана ў г.п. Церахоўка ад Цяньковай Таццяны Сідараўны, 1924 г.н.); «Блінкі пяклі» (запісана ў в. Івакі ад Машуковай Ганны Мікалаеўны, 1939 г.н.);

2) катанне моладзі на конях: «Хлопцы запрагалі коней і каталісь. Яны бралі з сабой дзяўчат. Каталіся па сялу. Калі хлопцы каталіся з канца сяла ў другі канец, то пелі такія песні. Хлопцы так красівенна ўкрашалі коней, што заглядзецца можна было, і цвятамі, і веткамі» (запісана ў в. Баршчоўка ад Машуковай Пелагеі Лукінічны, 1921 г.н.);

3) цяганне калодкі або ступы: «Існаваў яшчэ адзін звычай: у панядзелак на Масленічным тыдні збіраліся бабы з усёй вёскі, бралі папругу або пояс і прывязвалі да аднаго канца абрубак дрэва. Лавілі хлопца (не жанатага) і прывязвалі да яго нагі папругу, як бы ў пакаранне за тое, што ён не жаніўся. Калі хлопец не жадаў насіць гэта ўвесь дзень, ён павінен быў адкупіцца і даць бабам грошай або гарэлкі» (запісана ў в. Івакі, в. Дзям'янкі, в. Антонаўка); «Быў абычай «ступу цягаць». Бліжэй к вечару на вуліцы збіралася моладзь, яна пела песні, гуляла, яны і «ступу цягалі». Ступу цягалі незамужнія дзяўчаты або хлопцы, якія яшчэ не ажаніліся. Шукалі аборку, ступу, усё гэта звязвалі і запрагалі ў ступу, нехта адзін запрагаўся ў ступу і цягнуў. Тут пелі:

Масленіца-шчасленіца,
Белы сыр,
Хто не жаніўся,
Той сукін сын» (запісана ў в. Карма ад Шуставай Марыі Трафімаўны, 1927 г.н.);

4) ушанаванне жанчыны-маладзіцы: «На Масленіцу хадзілі да маладых, што тока пажаніліся. Аддадзім падругу, а потым ідзем і гукаем яе ў госці, штоб жа мы яе ўгасцілі. Куплялі віно, варылі халоднае, бралі гурочкі, капустачку і няслі з сабой і пелі:

Маладая маладуха
Распусціла свая валаса,
А сарочачку згубіла –
Ты не знойдзеш нікагда.

А яна не сядзіць, да плача тады так, што замуж пайшла. Мы тады яе ўцяшаем» (запісана ў в. Агародня ад Хадзьковай Вольгі Васільеўны, 1938 г.н.);

5) распальванне вогнішча: «Моладзь вадзіла карагоды, палілі кастры і скакалі цераз іх. Прыбіраліся ў розныя касцюмы (цыган, нявест)» (запісана ў в. в. Івакі ад Е.М. Жандаровай, 1933 г.н.).

Гукалі вясну на тэрыторыі Добрушчыны на Аўдакею (1 сакавіка), на Саракі (22 сакавіка), на Благавешчанне (7 красавіка): «І вясну гукалі, выходзілі на гару:

Вясна-вясна, вясняначка,
Дочка твая красняначка.

Вадзілі дзеўкі карагоды, і хлопцы, і дзеўкі – усе. У нас жа тожа куды дзеўкі ідуць, туды ж і хлопцы гуляць. Дрэва ўпрыгожвалі» (запісана ў в. Баршчоўка ад Цікаевай Пелагеі Ігнатаўны, 1923 г.н.); «Хазяйкі пяклі жаўранкаў, а дзеці малыя іх украшалі ўжэ. Яны ўкрашалі іх лентачкамі і выносілі на вуліцу. Нада штоб было сорак жаўранкаў. Калі дзеці выносілі жаўранкаў на вуліцу, то выбіралі самая высокая месца (ці забор, ці крышу) і садзілі іх туды. Затым яны браліся за рукі і пелі зазыўную песню, вясну заклікалі:

Вясна-красна!
На чым прыйшла?
На дубчыку, на хамуціку,
На сахе, на баране,
На сядой барадзе.

Усе разам станавіліся і крычалі: «Вясна, вясна! Прыходзь быстрэй!» (запісана ў г.п. Церахоўка ад Сердзюковай Евы Піліпаўны, 1930 г.н.).

Як сведчаць фактычныя матэрыялы, велікодны тыдзень пачынаўся з Вербнай нядзелі, працягваўся шануемымымі ў народзе Чыстай серадой і Чыстым чацвяргом («У хатах убіралі. Бялілі хаты. Лаўкі мылі, палы шкрэблі. Гэта ўсё ўбіралі ў Чысты чацверг. А перад гэтым была Чыстая серада. Для гэтых ухватаў, качарожнікаў, што возле печы. Іх мылі, шкрэблі і ставілі ў вугал. А шчэ ў Чысты чацверг у бане мыліся» (запісана ў в. Баршчоўка ад Рыжковай Любові Іванаўны, 1941 г.н.) «Хату к Пасцы ўбіралі за нядзелю ўперад. К Чыстаму чацвяргу ў хаце даўжно быць усё чыста» (запісана ў в. Баршчоўка ад Грудавенка Валянціны Гаўрылаўны, 1930 г.н.) і заканчваўся непасрэдна Вялікднём, які, па ўспамінах мясцовых жыхароў, быў больш значным нават за Ражаство («Пасха – самы бальшы празнік. Ражджаство не такое» (запісана ў г. Добруш ад Кавалёвай Наталлі, 1930 г.н.).

З велікодным святам на Добрушчыне звязана шмат прыкмет і павер'яў. Так, напрыклад, мясцовыя жыхары надавалі надзвычайныя ўласцівасці асвечанай у царкве галінцы вярбы: яны верылі, што з яе дапамогай можна забяспечыць здароўе чалавека і жывёлы на ўвесь год, гаспадарчы дабрабыт, а таксама засцерагчыся ад негатыўнага ўплыву ўвогуле і «дурнога вока» ў прыватнасці: «Ламалі ў Вербнае васкрэсенне галінкі вярбы. Гэтыя галінкі бацюшка ў цэрквы асвяшчае. Калі ішлі дамоў, хто ўстрачаўся, таго білі галінкаю і прыгаварвалі:

– Б'ю не я, б'е вярба,
Хіра ў лес – валоў пасці,
Здароўя, шчасця,
Здароўя, шчасця.

А потым, калі трэба было выганяць скаціну, білі яе гэтымі галінкамі, а потым імі ж сустракалі жывёлу. Рабілі гэта для таго, каб карова малако давала, не блудзіла, не хадзіла па чужых дварах, была здарова, ад урокаў» (запісана ў в. Кругавец ад Красноўскай Наталлі Васільеўны, 1925 г.н.).

Мыццё ў лазні ў Чысты чацвер, паводле ўяўленняў мясцовых жыхароў, прагназавала здароўе: «Чацвер перад Пасхай называўся «чыстым». Трэба было ўсім вымыцца. Казалі, што калі вымыешся ў «чысты» чацвер да ўсхода сонца, то вымыеш усе хваробы і будзеш чыстым» (запісана ў в. Жгунь ад Сакалоўскай Алены Маркаўны, 1929 г.н.).

Па тым факце, ці ўдаліся «паскі», прадказвалі, якім будзе жыццё на працягу года («Калі паскі красівыя, падняліся, не лопнулі, то ў сям'е ўсё будзе добра, усе будуць здаровыя, будзе весела» (запісана ў в. Агародня ад Хадзьковай Вольгі Васільеўны, 1938 г.н.), гэтым жа рытуальным печывам перахрэшчвалі з мэтай забяспечыць здароўе («Жанчыны перахрышчваюць, прыйшоўшы з царквы, лоб кожнага чалавека са сваёй сям'і свяцонай пасхай для таго, каб ён быў здаровы і ўдачлівы ўвесь год» (запісана ў г. Добруш ад Каралько Евы Іванаўны, 1921 г.н.), яго з'ядалі і бралі з сабой у дарогу з жаданнем засцерагчыся ад непрыемнасцей («Перад снеданнем абавязкова ядуць свяцоную пасху і свяцонае яйка, пасыпанае свяцонай соллю, славячы Хрыста і Маці Боскую, каб няшчасці і нястачы абышлі сям'ю бокам. Некалькі кавалачкаў свяцонай пасхі высушваюць і потым бяруць з сабой у дарогу або ў поле, каб Гасподзь Бог ва ўсім спрыяў і злога духа адагнаў» (запісана ў г. Добруш ад Каралько Евы Іванаўны, 1921 г.н.), а таксама велікоднае печыва выкарыстоўвалі і падчас пахавальнай цырымоніі для адпушчэння грахоў памерламу («Калі ў сям'і хто-небудзь памёр, то ў пакоі з труной перад абразамі кладуць кавалачкі свяцонай паскі і ставяць свяцоную на Вялікдзень ваду для таго, каб Хрыстос узяў да сябе душу памёршага і адпусціў ёй усе грахі» (запісана ў г. Добруш ад Каралько Евы Іванаўны, 1921 г.н.).

Магічнымі ўласцівасцямі, зыходзячы з народных вераванняў мясцовых жыхароў, валодалі таксама велікодныя свечкі, з дапамогай якіх пазбаўляліся ад хваробы («Велікодныя свечкі абавязкова запальваюць яшчэ і тады, калі ў сям'і хто-небудзь хварэе, бо лічаць, што сіла духа Хрыстова дапаможа збавіцца ад хваробы» (запісана ў г. Добруш ад Каралько Евы Іванаўны, 1921 г.н.), а таксама «шалупайкі ад велікодных яек», якія надзяляліся прадуцыравальнай і апатрапеічнай функцыямі («Шалупайкі ад велікодных яек раскідваюць па горадзе, каб Гасподзь ураджай даў і злога духа адагнаў» (запісана ў г. Добруш ад Каралько Евы Іванаўны, 1921 г.н.).

Паводле звестак, запісаных ў в. Жгунь ад Гуцавай Марыі Клімаўны, 1918 г.н., «калісь у Вялікі дзень дзелалі козлы: жэрдкі вялікія станавілі (ну, і хлопцы ўжо цэлы пост гатуюць гэтыя козлы), і тады ўсе – дзеўкі і хлопцы – калышуцца. Даска такая вялікая і вяроўкі. І ён як шугне тую дзеўку пад небу пад тую».

Наведванне царквы, фарбаванне і асвячэнне яек («Яйкі фарбавалі ў рудзенькі цвет лукавымі шалупайкамі. Гэта так Гасподзь красіў» (запісана ў в. Жгунь ад Чэкан Надзеі Сцяпанаўны, 1929 г.н.), гульня «ў біткі» («Інцірэсна каталі яйцы. Збіраліся дзеці і дарослыя, лажылі кусок шыфера адным бокам на камень, другім на зямлю, штоб была горачка. Па етаму шыферу скатывалі яйцы. Калі яйцо таго, хто пусціў, стукнулася аб чыёсць яйцо на зямлі, то яго забіраў той, хто катаў пасленні» (запісана ў в. Агародня ад Хадзьковай Вольгі Васільеўны, 1938 г.н.), наведванне хроснымі бацькамі «крэснікаў» («У госці хадзілі ўжэ на другі дзень Пасхі. У госці абавязкова даўжны прыходзіць хросныя бацькі да сваіх крэснікаў, бо не прыйсці да сваіх крэснікаў лічылася вельмі дрэнна. Хросныя прыносілі цукеркі, крашаныя яйкі і што-небудзь з адзення» (запісана ў в. Жгунь ад Сакалоўскай Алены Маркаўны, 1929 г.н.) – асноўныя абрадавыя моманты святкавання Вялікдня на Добрушчыне, якія знаходзяцца ў межах бытавання агульнабеларускай традыцыі і пацвярджаюць арганічную спалучанасць у народнай культуры хрысціянскіх і язычніцкіх элементаў, факт жывучасці духоўнай спадчыны беларусаў.

Даволі распаўсюджаным на Добрушчыне было і святкаванне Юр'я, падчас якога, як сцвярджаюць мясцовыя жыхары, хадзілі ў поле – жыта свяціць («А на Юр'я жыта хадзілі свяцілі, бацюшка хадзіў, людзі ўсе сабіраліся с дзярэўні, хадзілі, свяцілі» (запісана ў в. Баршчоўка ад Цікаевай Пелагеі Ігнатаўны, 1923 г.н.), выганялі жывёлу «ў стада» і «вызначалі ведзьмаў» («Пастухі на Юр'еў дзень выганяюць рана кароў на расу і караўляць стада, каб ведзьма не прыйшла. Гэта калі прыйдзе ўжэ ведзьма, ані ўжэ знают тую маладзіцу, і тада ўжэ кругом стада ходзют, кнутамі атхлуствуют» (запісана ў в. Баршчоўка ад ад Рыжковай Любові Іванаўны, 1941 г.н.), назіралі за надвор'ем і прагназавалі ўраджай («Счыталася, што калі яснае ўтра на Юр'я (6 мая) – будзе ранні сеў, ясны вечар – позні сеў» (запісана ў п. Ясенкі Добрушскага р-на ад Сматрэнка Марфы Пятроўны, 1922 г.н.).

Асэнсаванне фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў па народным календары Добрушчыны дае падставы гаварыць пра багацце рэгіянальна-лакальнай спецыфікі каляндарных абрадаў, звычаяў і песеннай творчасці.

У артыкуле выкарыстаны матэрыялы архіва навукова-вучэбнай фальклорнай лабараторыі кафедры беларускай культуры і фалькларыстыкі УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 07.06.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК821.161.3-1

Жанравая спецыфіка сучаснай беларускай жаночай паэзіі

М.І. Кірушкіна

Разглядаюцца лірычныя жанры на прыкладзе сучаснай беларускай жаночай паэзіі. Лірычныя тэксты маюць не толькі своеасаблівую прадметную тэматыку, але і характарызуюцца адметнымі мастацкімі асаблівасцямі паэтычнай формы. У сучаснай беларускай жаночай паэзіі тыпалогія лірычных жанраў прадстаўлена «вершанятамі» Галіны Каржанеўскай, «марскімі шпількамі» Ганны Ціханавай, «вершалініямі» Насты Кудасавай, «рысасловами» Людкі Сільновай. Устойлівыя суадносіны зместу, інтуіцыі аўтара, рэфлексіі чытача складаюць жанравую структуру тэкстаў. Творчасць сучасных паэтак мала вывучана, што абумоўлівае навізну працы.
Ключавыя словы: жаночая паэзія, творчая самаідэнтыфікацыя, архітэктоніка літаратурнага твора, мастацкія асаблівасці паэтычнай формы, тыпалогія лірычных жанраў, «жаночая прырода» тэксту.

Lyrical genres on the example of modern Belarusian women's poetry are considered. The lyrical texts have the subject matter, and they are also characterized by distinctive artistic features of poetic form. In modern Belarusian women's poetry the typology of lyrical genres is presented by «short rhymes» of Galina Korzhanevskaya, by «sea steeples» of Anna Tikhonova, by «poetic lines» of Anastasia Kudasova, by «line-words» of Lyudmila Silnova. The stable correlation of the content, the author's intuition and the reader's reflection constitute the genre structure of texts. Creativity of contemporary poetesses is little studied, resulting in the novelty of this work.
Keywords: feminine poetry, creative self-identification, architecture of a literary work, artistic features of poetic form, typology of lyrical genres, «feminine nature» of the text.

У сучаснай беларускай паэзіі папулярнай з'яўляецца тэндэнцыя адносна лірычнага выказвання аўтарскага «я» ў паэтычнай мініяцюрнай форме. Міні-вершы характарызуюцца найбольшай ступенню рэалізацыі суб'ектыўнага пачатку і магчымасцю паэтычнага эксперыменту. Сінкрэтызм розных стылістычных прыёмаў з улікам аўтарскіх эмацыйных кампанентаў, якія рэалізуюцца ў мініяцюрнай паэтычнай форме, фармальна можна вызначыць як жанр. Напрыклад, некаторая «лагічная рэакцыя» на сацыяльна-творчы кантэкст у мастацтве, а таксама глыбокі аўтарскі падтэкст прадстаўлены ў чатырохрадкоўі Р. Баравіковай «Нюансы»:

І дзякуй Богу, што не ўсе!
Але той-сёй мастак вялізны.
Так спраўна піша, бы трасе
ў падтэксце брудную бялізну [1, с. 33].

У даволі невялікай паэтычнай форме паэтка выказвае асабістыя эмацыйныя адчуванні. Паэтычная прастора тэксту ў такой мастацкай форме толькі спрыяе з'яўленню множнасці асацыяцый рэцыпіента.

Адкрыты пошук новых ідэйна-эстэтычных узроўняў, злучэнне розных асацыяцый, слоў як графічных носьбітаў эмоцый і паэтычных вобразаў у кантэксце адной мастацкай формы акцэнтуюць увагу на пераацэнцы традыцыйных прынцыпаў і пашырэнні тэндэнцыі жанравых навацый у паэзіі.

У тэорыі літаратуры жанр як тып мастацкага твора мае адметнасці, якія аб'ядноўваюць усе творы па адпаведных крытэрыях:

– вызначаная тэма;
– адносіны аўтара;
– эстэтычныя ўласцівасці жыццёвага матэрыялу, што знаходзяцца ў аснове тэмы твора;
– патрабаванні ўстойлівай традыцыі развіцця і прытрымліваннем яе [2].

«Паэтычная гульня» з лаканічнай формай мастацкага тэксту спрыяе выяўленню глыбокага сэнсу, які адлюстроўвае спецыфіку сучасных лірычных жанраў.

Увага нашага даследавання канцэнтруецца на вершаваных формах лірыкі, а менавіта, на сучасных лірычных тэкстах, аўтарам якіх з'яўляецца жанчына.

У сучаснай беларускай жаночай паэзіі тыпалогія лірычных жанраў прадстаўлена вершанятамі Г. Каржанеўскай, «марскімі шпількамі» Г. Ціханавай, «вершалініямі» Н. Кудасавай, «рысасловамі» Л. Сільновай і інш. Устойлівыя суадносіны зместу, аўтарскай інтуіцыі і рэфлексіі чытача характарызуюць жанравую структуру гэтых вершатэкстаў. Пры гэтым неабходна ўлічваць мастацкі стыль лірычнага тэксту, які складаюць розныя элементы – аўтарская ідэя, вобразная эстэтыка і верагодная эмацыянальная рэакцыя чытача.

Згодна з А. Есіным [3], мастацкая форма ўяўляе сабой не набор або кангламерат асобных прыёмаў, а змястоўна абумоўленую цэласнасць; яе адлюстраваннем і з'яўляецца катэгорыя стылю. Спасылаючыся на стыль, усе элементы формы падпарадкоўваюцца адзінай мастацкай заканамернасці, выяўляюць наяўнасць дамінантнага прынцыпу. Ён як бы праймае структуру формы, вызначаючы характар і функцыі любога яе элемента.

Стылістычныя прынцыпы, якія ўплываюць на жанравыя формы ў сучаснай беларускай жаночай паэзіі, наступныя:

– адлюстраванне асабістай светапогляднай сістэмы аўтара ў жанравай структуры паэтычнага тэксту;

– мастацкая рэалізацыя паняцця маргінальнасці, якое спрыяе з'яўленню «новага жанру» і такім чынам актуалізуе аўтарскі эксперымент. У сучаснай жаночай паэзіі маргінальныя паэтычныя формы – гэта арыгінальныя мініяцюрныя тэксты, у якіх паэткі з мэтай стварэння адпаведнага паэтычнага зместу выкарыстоўваюць прынцып мастацкай мадыфікацыі. Такім чынам, аўтаркі ўдзельнічаюць у працэсе абнаўлення не толькі паэтыкі, але і сістэмы лірычных жанраў.

Н. Кудасава, рэалізуючы свой асабісты творчы вопыт, акцэнтуе ўвагу на жанравай спецыфіцы лірычных тэкстаў ужо ў адным з вершаў: «вершалінаў вершалініі – // соснаў роспачнае sos – // я самотаю птушынаю // чую рытмаў вашых рост. // Як жукамі-караедамі // словы пад карай свярбяць <...>» [4, с. 3]. Творчы пошук і эксперымент спрыяюць таму, што вершы паэткі ўяўляюць сабой «лірычнае злучэнне» пэўных сэнсавых і сінтаксічных перыядаў, у якіх думкі аўтара рэалізуюцца лінейна, а ў апошніх паэтычных радках верша змяшчаецца філасофскі вывад. Філасофскія развагі Н. Кудасавай паэтапна прадстаўлены ў наступным лірычным тэксце:

ілбом
выпіваю сцяну
нагбом
мокражылле цягну
з нутра
беспрытульны калос [4, с. 14].

Формай адлюстравання філасофска-эстэтычнага погляду з'яўляюцца словы: «пара // распранацца да слёз» [4, с. 14]. Своеасаблівы «паэтычны рэцэпт» у арганізацыі лагічных сувязяў паміж вершаванымі радкамі адносна жанравай характарыстыкі тэксту можна назваць «вершалініямі».

Такім чынам, «вершалініі» Н. Кудасавай – гэта лірычныя нерыфмаваныя тэксты з паслядоўным паэтычным выкладаннем думак аўтара, дзе кожны радок у вершы з'яўляецца лагічным працягам наступнага.

У сучаснай беларускай жаночай паэзіі папулярнымі з'яўляюцца маргінальныя лірычныя жанры. У слоўніку І. Ільіна [5] паняцце маргінальнасці мае наступнае значэнне: перыферыйнасць якой-небудзь з'явы сацыяльнай жыццядзейнасці чалавека ў адносінах да дамінуючай тэндэнцыі свайго часу або агульнапрынятай філасофскай, этычнай традыцыі. У адносінах да жанравых асаблівасцей літаратурнага тэксту гэта паэтычныя формы, якія ўзнікаюць на мяжы розных эстэтычных сістэм і займаюць перыферыйную пазіцыю адносна традыцыйных жанраў.

Маргінальным жанрам з'яўляюцца паэтычныя мініяцюры «рысасловы» Л. Сільновай з аднайменнага зборніка [6]. «Тэксты» паэткі ўяўляюць сабой сінтэтычныя аднаслоўныя «кампаненты» выяўлення мастацкай думкі. У «рысасловах» злучаюцца паэзія і мастацкае мастацтва (графіка): у паэтычным слове для выражэння пэўнага сэнсу некаторыя з літар замяняюцца графічным малюнкам. Ключом для «расшыфроўкі» значэння таго ці іншага «тэксту» служаць асацыяцыі чытача. Напрыклад, у «рысаслове» «Космас» [6, с. 14] для стварэння мастацкага вобраза тэксту замест літары «о» паэткай прадстаўлены сімвалічны

малюнак у выглядзе каметы з зоркамі. Візуальная паэзія Л. Сільновай, якая ўключае аднаслоўныя паэтычныя тэксты, – гэта свайго роду эксперыментальныя жанравыя формы, у якіх галоўная роля адносна сэнсавай нагрузкі мастацкага твора адводзіцца сімволіцы літар.

У сучаснай жаночай паэзіі ў якасці маргінальнага жанру можна разгледзець «марскія шпількі» Г. Ціханавай. Двухрадковыя, максімальна лаканічныя вершы паэткі – гэта жанравыя формы, якія ствараюцца пасродкам сінтэзу паэзіі і лінгвістыкі (лексікалогіі). Сэнс вершаваных радкоў выяўляецца аўтарам пры выкарыстанні ў паэтычных тэкстах фанетычных амонімаў:

Я апынулася Ў бездані.

Я акунулася Ў БЭЗ ... Здані ... [7, с. 27].

У вышэйпрыведзенай паэтычнай мініяцюры амафоны «бездані / БЭЗ ... Здані» ствараюць эфект рытмічна арганізаванага і рыфмаванага тэксту.

Выкарыстанне паэткай падобных лексічных адзінак дазваляе чытачу па-рознаму інтэрпрэтаваць сэнс паэтычных мініяцюр. У наступным лірычным тэксце, які прадугледжвае адказ на пытанне, таксама можа захоўвацца пэўнае суб’ектыўнае значэнне:

Скончыўся вечар цікава ...

Скончыўся вечар ... ці кава? [7, с. 27].

«Марскія шпількі» Г. Ціханавай – гэта лаканічныя вершы з дакладна строгай камбінацыяй як слоў, так і гукаў у словах.

Сыходзячы з прынятага пастулата, што «жаночая літаратура» – гэта тэксты, напісаныя аўтарам-жанчынам, катэгорыя гендару пры аналізе тых або іншых мастацкіх асаблівасцей можа рэалізавацца і ў структуры літаратурных жанраў.

У шырокім вымярэнні паняцце «гендар» закранае сацыяльныя, культурныя, псіхалагічныя асаблівасці асобы, якія адпаведна рэалізуюцца ва ўсіх канцэптуальных вымярэннях. «Метафара культуры» мае свае адметнасці і ў літаратурных тэкстах. Сучасным літаратуразнаўствам даследуецца гендарная ідэнтычнасць як усведамленне суб’ектам (аўтарам, героем, лірычным суб’ектам / героям) сваёй прыналежнасці да культурных азначэнняў «мужчынскага» і «жаночага». Зафіксаваныя ў культурна-сацыяльным асяроддзі адпаведныя стэрэатыпы вызначаюцца паводле літаратуразнаўчага аналізу мастацкіх тэкстаў: падлягаюць даследаванню парадыгма мастацкіх вобразаў і матываў, мастацка-філасофская сімволіка сюжэта адносна гендарнага дыскурса. Разглядаецца цэласная карціна ўсяго твора адносна мастацкіх асаблівасцей літаратурнага рода. Паводле В. Цюпы, маецца на ўвазе «быццё» тэксту: «сэнс, які набывае сваю актуальнасць толькі пры сустрэчы з іншым сэнсам (у свядомасці іншай асобы) – тэкст, які ажыццяўляе знакавую (рэчыўную) маніфестацыю гэтага сэнсу для свядомасці, што валодае ўспрыманнем» [8, с. 24]. Таму сэнсавая архітэктоніка літаратурнага твора як аб’екта эстэтычнага ўспрыняцця ў спалучэнні з іншай рэальнасцю (дыскурсіўнай прэзентацыяй зместу) можа набываць адценні іншай эмацыянальнай рэакцыі чытача на змест тэксту.

У рэчышчы разумення жанру як своеасаблівай дамоўленасці паміж аўтарам і рэцыпіентам, можна казаць пра тое, што ў яго структуры знаходзяцца паняцці феміннасці (жаночага) або маскуліннасці (мужчынскага). В. Цюпа адзначае, што «дыскурс жанру – гэта сістэма камунікатыўных кампетэнцый: крэатыўнай (суб’ектна-аўтарскай), рэферэнтнай (аб’ектна-геройнай) і рэцэптыўнай (адрасна-чытацкай)» [9, с. 34]. Галоўным значэннем для гендарнага дыскурсу жанру з’яўляецца як яго адрасацыя, так і лексіка-семантычная афарбоўка, што і вызначае аўтарскую стратэгію і прадметна-зместавае напаўненне.

Вызначаючы асаблівасці дадзеных лірычных твораў як любога мастацкага тэксту, трэба ўлічваць азначэнне (у слоўніку постмадэрнісцкіх тэрмінаў), што пад тэкстам маецца на ўвазе семантычны і фармальны аспект любога твора мастацтва, які павінен быць успрыняты і «прачытаны» рэцыпіентам. З мэтай такога «прачытання» Р. Барт, тэарэтык постструктуралізму, вылучыў паняцце «код» – гэта акрэсленыя тыпы ўжо бачанага, ужо прачытанага, ужо таго, што зроблена. Натуральна, вельмі важным азначэннем валодае жанравы код Д. Фоккема. Гэта код, які актывізуе ў рэцыпіента вызначыныя ўжо «чаканні», звязаныя з выбраным жанрам аўтара для тэксту [5].

Паспрабуем прааналізаваць жанравыя адметнасці вершанят Г. Каржанеўскай. Вершаваныя мініяцюры паэткі – гэта кароткія рыфмаваныя паводле лірычнай формы тэксты з глыбокім сэнсавым адценнем. Жанравая азначэнне «вершаняты» з пазіцыі рэцыпіента арыентуе на ўспрыняццё пяшчотна-эмацыянальнага зместу твора. Да прыкладу:

Не ўсё ў жыцці
і радасна, і гладка
Спакусы,
перашкоды,
міражы...
Але гарыць нябесная лампадка
Ў жывой неабыякавай душы [10, с. 10].

Падобная лаканічная форма з'яўляецца адным са спосабаў перадачы сэнсу тэксту, які фарміруецца на ўзроўні аўтарскіх інтэнцый. Суб'ектыўнасць аўтара-жанчыны вызначаецца праз рэфлексію-да сябе, якая набывае адзнакі рэфлексіі для ўсіх. У наступнай мініяцюры аўтар выражае свае ўласныя адчуванні:

Надакучыла быць слабою,
Надакучыла быць
з табою.
І колькі б нясмеласць ні мучала,
Саступаць усім
надакучыла! [10, с. 22].

Г. Каржанеўская адлюстроўвае жаночае ўспрыманне быцця, якое складаецца з асабістых пачуццяў і аўтаматычна «пераносіцца» на жанр «вершаняты». Гэта паэтычныя «жаночныя» тэксты, што складаюцца з пэўных сугестыўных знакаў жаночай суб'ектыўнасці. Жанравы код мініяцюр паэткі вызначаецца наступным чынам: верш (лірычная форма) + пачуццёва-ласкальны аналіз рэчаіснасці (паэтычны змест) = вершаняты.

У выніку, фемінны характар жаночых тэкстаў можа ўплываць не толькі на змест і вобразна-сімвалічную сістэму, але і падкрэсліваць жанравыя адметнасці твора.

Такім чынам, на жанравае вызначэнне лірычных формаў, прадстаўленых у паэзіі аўтарамі-жанчынамі, уплываюць як асабісты творчы патэнцыял аўтара, так і тэндэнцыя да перыферыйнасці адносна архітэктонікі і вобразнасці міні-тэкстаў.

Літаратура

1. Баравікова, Р. Люстэрка для самотнай : Вершы, пераклады і драматычная паэма / Р. Баравікова. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – 206 с.

2. Борев, Ю. Теория литературы : в 4-х т. / Ю. Борев, Н. Гей, С. Бочаров, А. Михайлов. – Москва : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – 592 с.

3. Есин, А. Стиль / А. Есин // Введение в литературоведение: Учеб. Пособие ; под ред. Л. Чернец. – Мінск : Высш. шк., 2004. – С. 488–498.

4. Кудасава, Н. Маё невымаўля : вершы / Н. Кудасава. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 116 с.

5. Ильин, И. Постмодернизм : словарь терминов / И. Ильин. – Мінск : ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.

6. Сільнова, Л. Рысасловы / Л. Сільнова. – Полацк : Полац. ляда, 1994. – 35 с.

7. Ціханава, Г. Марскія шпількі / Г. Ціханава // Другое полушарие / Another hemisphere. – 2013. – № 21. – С. 27.

8. Тюпа, В. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ) / В. Тюпа. – Москва : Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.

9. Тюпа, В. Жанр и дискурс / В. Тюпа // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 31–42.

10. Каржанеўская, Г. Вершаняты. Паэтычныя мініяцюры / Г. Каржанеўская / Мінск : «Беллітфонд», 2005. – 120 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.03.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 81'42

Языковые маркёры высказываний мнения в медиатекстах на английском и белорусском языках

В.В. Козлова

Рассматриваются языковые единицы, а также сопутствующие им экстралингвистические факторы, которые необходимо принимать во внимание в процессе интерпретации медиатекста. В фокусе исследования находятся разноуровневые языковые средства, маркирующие высказывания мнения, предлагается их классификация. В статье рассмотрены маркёры мнения в медийном дискурсе на английском и белорусском языках, установлены их сходства и различия, что обусловило научную новизну работы.
Ключевые слова: мнение, медийный дискурс, медиатекст, высказывание, языковые маркёры

Linguistic means as well as extralinguistic factors that are important in the process of interpretation of a media text are considered. The focus of the study is split-level language tools, marking statements of opinion, their classification is offered. The article is novel from a scientific point of view due to the markers of opinion lexicon of media discourse in English and Belarusian. The differences and similarities of these markers are considered in the paper.
Keywords: opinion, media discourse, media text, opinion lexicon.

Медиа обладают способностью контролировать и управлять в некоторой степени умами людей, формируя общественные взгляды, влияя на процесс принятия решений и создавая шаблоны поведения. Современные СМИ не только и не столько отражают окружающую действительность, сколько комментируют и интерпретируют её, исходя из определенных социальных и культурных ценностей, политической идеологии, позиции издания или же видения самого журналиста. Интерпретация предполагает представление мнений и оценок, которые выражаются набором лингвостилистических средств, экстралингвистических средств (визуальная информация, звуковой ряд и т. п.) и даже на уровне отбора освещаемых фактов [1], [2]. Как отмечает Т. ван Дейк, «однажды получив набор (тщательно отобранных) фактов, хотя и представленных, на первый взгляд, в объективном виде, читатели будут сами продуцировать предпочтительные модели воззрений и будут поступать соответствующим образом» [2, с. 16]. Из этого следует, что при обращении к медиа необходимо обращать внимание на дискурс, т. е. не только на формальные языковые показатели текста, но и на различные экстралингвистические факторы, которые задействованы в процессах производства и интерпретации текста.

Как следствие, представление мнений коммуникантов, равно как и выражение авторской точки зрения, стало характерной чертой газетных материалов. Мнения можно обнаружить в текстах различных жанров: в передовых статьях, авторских колонках, аналитических статьях, рецензиях, репортажах, новостных статьях и других типах медиатекстов. Нередко возникают трудности при разграничении фактов и мнений, надежной верифицируемой информации и чьей-либо частной точкой зрения. Учитывая воздействие СМИ на адресата, потенциал медиа как инструмента познания, а также возможность поиска и анализа полезной информации, которая может содержаться в субъективных высказываниях, актуальность приобретает изучение мнений, освещаемых в медиадискурсе.

Цель данной статьи заключается в выявлении языковых средств, которые маркируют высказывания мнения, функционирующие в текстах информационных и аналитических жанров медийного дискурса на английском и белорусском языках. Научная новизна работы заключается в выявлении языковых средств выражения мнения на английском и белорусском языках в рамках медийного дискурса, установлении их сходств и различий в двух языках.

Материалом анализа послужили 200 текстов различных информационных и аналитических жанров на английском и белорусском языках (мнения и комментарии, аналитическая статья, новостная заметка, репортаж и т. д.). Источниками практического материала послу-

жили как национальные, так и региональные британские и белорусские газеты («The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Independent», «The Scotsman», «Evening Standard», «Звязда», «Культура», «Новы час», «Гомельская праўда» и др.).

Согласно Г.Ф. Гибатовой, мнение является сложной диалектической категорией и служит «предпосылкой процесса познания, инструментом для создания определенного «образа мира», результатом мыслительного процесса, когнитивной деятельности субъекта познания» [3, с. 7]. Мнение как состояние сознания связано с результатами работы мысли, с опытом человека.

В научной литературе отмечается ряд различий между знанием и мнением. Если знание единственно и неизменно, то мнение предполагает множественность оценок и наличие выбора, мнение может со временем меняться [4, с. 10], [5, с. 61]. Если знание получается из внешнего источника, то мнение формируется актом воли человека. Знание является общественным достоянием, в то время как мнение – собственность индивида [6, с. 9]. Знание фактуально и, как следствие, более ретроспективно, мнение же субъективно, модально, оценочно, оно соотносится со взглядами, мировоззрением, внутренним духовным миром человека [7, с. 244]. Понятие знания исключает человеческий фактор (сфера знания исключает неуверенность, возможность ошибки, наличие альтернатив), мнение же предполагает обязательное наличие человеческого фактора [8, с. 10]. Знание считается прошедшей верификацию пропозицией [9, с. 185]. И соответственно, знание относится к классу фактивных предикатов, а мнение – путативных, хотя в выражении мнения могут участвовать и предикаты других классов [10, с. 25].

Как познавательная форма в шкале объективности-субъективности мнение занимает промежуточное место между верой и фактом [3, с. 8]. Как заметила Н.Д. Арутюнова, «во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знания и веру» [6, с. 7]. Поэтому необходимо понимать, что знания и мнения взаимодополняют и взаимоопределяют друг друга, истинные знания могут оказаться ложными, а предположения и гипотезы могут перейти в разряд новых знаний [7, с. 274].

Мнения также находятся в фокусе исследований нового направления в лингвистике – разработки алгоритмов и компьютерных программ распознавания определённого типа информации. Bing Liu полагает, что существует два вида текстовой информации: факты и мнения [11, с. 460]. При этом под мнениями он понимает два типа информации: собственно мнения (т. е. выражение чувств и эмоций относительно продуктов, событий, людей, какой-либо темы в целом) и сравнения (т. е. высказывания, в которых представлены сходства или различия двух и более единиц) [11, с. 460–466]. Истинные знания имеют форму фактов, но не мнений, т.е. субъективной информации [12]. С другой стороны, разнообразие мнений после прохождения анализа может выявить новую информацию и способствовать развитию знания.

Мнения, особенно функционирующие в СМИ, могут оказывать влияние на факты. При этом факты не всегда объективны и неприкосновенны, даже если представлены в качестве фактов. Адресат выбирает факты для представления аудитории, тем самым он высказывает суждение относительно того, что считает важным [13, с. 239]. По сути, мы сталкиваемся с мнением, в котором отражаются убеждения и ценности адресата.

Традиционно факт понимается как нечто, что может быть подтверждено доказательствами. Например, «Нарочь – самое крупное по площади озеро в Беларуси». А.К. Симонов и М.В. Горбаневский отмечают трудоёмкость процесса определения факта. Так, «человек вычленяет в реальности какой-либо фрагмент» и «рассматривает его под определенным углом зрения», далее знание об этом фрагменте вербализируется в форме высказываний, каждое из которых проходит «верификацию, т. е. соотносится с действительностью, чтобы убедиться в его истинности или ложности» (если высказывание истинно, оно считается фактом) [14, с. 45]. Мнения же основываются на убеждениях и точках зрения. Мнения являются личными интерпретациями и не могут быть проверены с помощью доказательств. Например, «Нарочь – самое красивое озеро в Беларуси». При этом представление фактов в СМИ также можно рассматривать как выражение мнения, поскольку «одно и то же событие выступает в форме различных фактов – в зависимости от того, что мы считаем главным, что трактуем как суть события, а что считаем частностью», тем самым выражается позиция адресата [14, с. 46].

Обсуждая проблему определения высказываний-мнений в текстах, необходимо также затронуть вопрос о разграничении мнений и оценок. Как мнения, так и оценки, отражают представления, воззрения, «чувствования» общности людей, психологический уклад общества [15, с. 28]. Мнения и оценки связаны с внешним миром, т. к. хранят и передают информацию об объекте, и с внутренним миром человека, т. к. адресат высказывает точку зрения согласно хранящейся в его сознании картине мира [3, с. 7]. Оценки относят не к сфере знаний, а к сфере мнений, считая оценку мнением о важности, весомости, ценности и т. п. объекта для говорящего, что оформляется в высказывании с помощью языковых средств выражения оценки [10, с. 26], [3, с. 8]. М.А. Дмитровская выделяет два типа мнений: мнения-предположения (т. е. верифицируемая пропозиция, которая противопоставлена знанию) и мнения-оценки (т. е. неверифицируемые пропозиции, субъективная истина с точки зрения говорящего) [8, с. 51]. При этом отмечается, что хотя области мнений и оценки схожи, они не совпадают полностью. Так, существуют «экзистенциальные мнения», которые не выражают оценки, и «оценки-ощущения», эмоциональные оценки, которые не являются мнениями [3, с. 8].

В данной статье внимание уделяется языковым средствам, которые маркируют высказывания-мнения; в дальнейшем они будут обозначаться как маркёры. Так, в отобранных медийных текстах были обнаружены разноуровневые языковые маркёры. Единицы морфологического уровня представлены глаголами (с одной стороны, глаголы, являющиеся маркёрами ввода мнения, с другой – глаголы, входящие в структуру собственно мнения), существительными, служебными маркёрами, формами будущего времени и сослагательного наклонения. Среди средств лексического уровня отмечены лексические единицы с модальным значением. На синтаксическом уровне маркёрами высказываний-мнений являются вопросительные предложения, комментарии, императив.

Наиболее частыми маркёрами по употреблению и наиболее разнообразными в плане обнаруженных единиц являются глаголы (таблица 1). В сформированном корпусе текстов как на английском, так и на белорусском языке часть глаголов служит маркёрами, которые вводят пропозицию мнения в высказывание (в таком случае само мнение, как правило, приводится в цитате), другая часть функционирует в высказываниях, которые представляют собственно мнения.

Так, нами выявлено 88 глаголов-ввода высказываний мнений в текстах на английском языке и 71 единиц на белорусском. При этом частотность данных маркёров в британской периодике составила 26 % от общего числа выявленных маркёров, а в белорусской – 15 %. Учитывая, что рассматриваемые языковые единицы, как правило, вводят мнения в виде цитат, часть маркёров является глаголами говорения: *to ask, to answer, to cite, to reply, to say; дадаць, запытацца (задаць пытанне), гаварыць, казаць (с- , вы-, рас-)* и др. Например, «*I think it's about authenticity,»* ***said*** *the British writer Linda Grant* […] («The Guardian»). Употребление данных языковых единиц позволяет создать нейтральный, объективный тон повествования, при этом авторское отношение к приведённому мнению остаётся неизвестным.

Таблица 1 – Статистические данные по разноуровневым маркёрам мнения на английском и белорусском языках

	Данные для английского языка	Данные для белорусского языка
ЕДИНИЦЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Глаголы ввода мнения в высказывания	26 %	15 %
Глаголы, входящие в структуру высказывания мнения	15 %	9 %
Существительные	11 %	12 %
Служебные маркёры	15 %	17 %
Формы будущего времени	4 %	6 %
Формы сослагательного наклонения	4 %	2 %
ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Единицы с модальным значением	12 %	17 %
ЕДИНИЦЫ СИНТАКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ		
Вопросительные предложения	7 %	8 %
Комментарии	4 %	12 %
Императив	2 %	2 %

Другая часть глаголов связана с описанием речевого или экстралингвистического поведения говорящего. В текстах на английском языке мы выделили только три единицы: *to blame, to nod, to call out*. В текстах на белорусском языке эта группа гораздо шире и представлена шестнадцатью единицами, часть из них констатирует поведение говорящего (*адгукацца, голас прагучаў, уздыхаць, усміхацца* и т. п.). Так, описывая высказывания собеседника, автор замечает: «*Усё трэба рабіць своечасова», – ужо* ***не сказаў, а праспяваў*** *доктар* («Звязда»). В других высказываниях прослеживается авторский комментарий об эмоциональном состоянии говорящего (*абнадзейваць, абурацца, буркатаць, скардзіцца* и т. д.). Например, в тексте о «хаус-мастерах», т. е. профессионалах, которые предлагают выполнение широкого набора услуг по ремонту в доме, автор приводит высказывание одного из них: *«Маё меркаванне такое: мужык – ён і ёсць мужык», –* ***перасякае мае сумненні*** *Мікалай Пінчук* («Звязда»). В данном случае для автора важно не только ввести мнение собеседника в текст материала, но и отметить его решительность.

Часть глаголов ввода указывает на значимость информации, содержащейся во вводимом высказывании с точки зрения автора материала, а также его оценку того, убедительно ли сообщение коммуниканта. В подгруппу входят глаголы *to admit, to point out, to posit, to suppose; акцэнтаваць, звярнуць (увагу), падкрэсліць, сцвярджаць* и др. Например, *Але Уладзімір Барысавіч* ***запэўніў****, што каларыт і традыцыйнасць гучання спрадвечна беларускіх слоў будуць максімальна захаваны пры перакладзе – усё адпаведна са спецыяльнымі правіламі* («Вечерний Брест»).

Глаголы следующей подгруппы фиксируют внимание на осознанных логических операциях автора, его рассуждениях. К таким глаголам относятся *to conclude, to compare, to explain, to reveal; аказацца, падсумаваць, разабрацца, тлумачыць* и др. Так, автор материала о том, насколько нужны добрые поступки, цитирует рассуждения своего коллеги из газеты 1935 г. «The Nambour Chronicle». Поначалу автор задаётся вопросом, почему люди, входящие в организации скаутов, всегда счастливые и весёлые. И затем приводит цитату-ответ следующим образом: [он задаётся вопросом] *before concluding: «They do it by making other people happy»* («The Telegraph»). Как видим, автору важно не столько предложить мнение, сколько показать цепь логических рассуждений, при этом направить читателя к необходимому выводу, поскольку, благодаря глаголу *to conclude*, адресат воспринимает фразу «*They do it by making other people happy»* именно как вывод, а не простой пример или объяснение.

Следующая группа маркёров – это глаголы, которые функционируют собственно в выражении мнения, глаголы, на которых лежит смыслообразующая нагрузка. В текстах на английском языке данная группа представлена 93 единицами (с частотностью 15 %), на белорусском – 67 единиц (частотность – 9 %). Часть глаголов, как и в предыдущей группе, задействована для представления логических рассуждений автора. К таковым единицам относятся *to cause, to lead (to smth), to link (to smth), to result in; абумовіць, залежыць (ад чего-небудзь), сведчыць (пра што-небудзь), спрыяць (чаму-небудзь)* и т. д. Отличие глаголов данной группы от аналогичных по функции глаголов ввода в том, что в первом случае семантика глагола оказывает существенное влияние на смысл всего высказывания-мнения, а не служит дополнительным фактором для трактовки высказывания. Так, в тексте о плохом знании иностранных языков шотландскими школьниками автор отмечает: *Much of the problem* ***is rooted in*** *the shifting political landscape of the past 15 years* («The Scotsman»). При этом без глагольного выражения *to be rooted in smth* смысл всего высказывания-мнения будет потерян.

В медиатекстах на английском и белорусском языках были обнаружены языковые единицы, указывающие на представление идей, стремлений, советов, необходимых шагов, которые, по мнению автора, следует предпринять, чтобы решить проблемную ситуацию. К рассматриваемой подгруппе принадлежат глаголы *to aspire, to desire, to want, to wish; жадаць, марыць, прапанаваць, хацець* и др. Так, в тексте о создании научно-технического парка «БелБіяград» мы отмечаем высказывание-мнение, в котором представлен необходимый шаг для развития проекта: *Мы разлічваем атрымаць пэўныя прэферэнцыі,* ***хацелася б, каб*** *яны былі супастаўныя з тымі, якія створаны для Парка высокіх тэхналогій* («Звязда»). В конечном итоге, высказывание можно перефразировать: *для развития парка необходимо/следует предоставить преференции, аналогичные тем, которыми пользуется Парк высоких технологий*.

Часть глаголов позволяет автору обозначить эмоциональное отношение к обсуждаемому предмету. Если в текстах на английском языке большая часть маркёров этой подгруппы выражает некоторое действие, реакцию одобрения или порицания (глаголы *to accuse, to blame, to criticize, to object, to welcome* и др.), то в текстах на белорусском языке наравне с обозначением реакции речь идёт об описании эмоций и чувств (*выклікаць здзіўленне, выказваць шкадаванне, пакідаць жадаць лепшага, папракаць* и т. п.). Например, *Age of Ultron director Joss Whedon* ***has come under fire*** *this week* [со стороны пользователей Twitter] или *Некаторыя палажэнні яго [проекта о транслитерации географических названий]* ***выклікаюць бурныя эмоцыі*** («The Telegraph»), («Вечерний Брест»). В первом примере для автора важнее отметить ряд критических замечаний, которым пользователи Twitter подвергли Джосса Уидона, во втором – негативную эмоциональную реакцию общественности.

В англоязычных медиатекстах нами отмечен ряд языковых единиц, в которых автор представляет важные, на его взгляд, характеристики объектов, даёт им подобие определения: *to become, to define, to mean, to (re)present (as), to refer to* и др. В текстах на белорусском языке аналогичную функцию выполняют глаголы *з'яўляцца, лічыцца, называцца*, для которых, однако, характерна меньшая частотность употребления. Например, *The pursuit [of happiness]* ***has become*** *an addiction* («The Independent»), что можно перефразировать как *(в современном мире) погоня за счастьем – это зависимость*.

Как в англоязычных, так и в белорусскоязычных медиатекстах текстах фигурирует значительное количество служебных единиц (15 % и 17 % употреблений от общего количества маркёров соответственно), которые позволяют устанавливать причинно-следственные связи явлений и участвуют в оформлении рассуждений автора. Однако, если в текстах на английском языке маркирование отношения автора реализуется, в первую очередь, благодаря глаголу (41 % употреблений), то в текстах на белорусском языке большое значение имеют другие средства, в том числе служебные слова. Речь идёт о сложноподчиненных предложениях с придаточными частями причины, следствия, условия и т. д., которые в языке оформляются при помощи союзов *as, because, if, in case, unless; адсюль, бо, калі… то (дык), праз гэта, таму (што)* и многих других (в изучаемых текстах на английском языке выявлено 32 единицы, на белорусском – 35). Например, *Асаблівую ўвагу надаў кафедры скульптуры,* ***бо****, пры ўсёй пашане да іншых відаў творчасці, мяркую: менавіта ў пластыцы (найперш — манументальна-дэкаратыўнай) яскрава выявіліся і модныя тэндэнцыі, і нязломныя стэрэатыпы апошніх дзесяцігоддзяў* («Культура»). Более того, в данном примере установление причинно-следственных связей в структуре мнения усиливается употреблением путативного глагола «*меркаваць*».

Модальные слова и выражения – ещё один источник маркёров высказываний-мнений (частотность употребления маркёров в текстах на английском языке – 12 %, на белорусском – 17 %). В обоих языках чаще всего используются модальные слова, выражающие способность и возможность (в первую очередь, *can, could, may, можа, можна*). Например, *Young people who have the highest rate of unplanned pregnancy and teenage parenthood* ***can*** *be at risk of a range of poor outcomes* […] («The Guardian»). Тем не менее на этом сходства в использовании модальных слов в изучаемых жанрах на английском и белорусском языках заканчиваются. В англоязычных текстах наиболее частотными являются модальные глаголы со значением необходимости в широком смысле (*need*) и необходимости с оттенком совета (*should*), при этом последние более частотны. Так, рассуждая о влиянии политической карикатуры на общественное сознание, Хаяо Миядзаки отмечает: *Instead of doing something like that, you* ***should*** *make more caricatures of your own country's politicians* («The Telegraph»). В то же время, в медиатекстах на белорусском языке лишь незначительное число высказываний имеет подобную модальность. Наиболее распространённые средства в медиатекстах на белорусском языке (как в высказываниях собственно авторов материалов, так и в приводимых цитатах) и наименее распространённое в англоязычных материалах с помощью которых представляются идеи, способы решения проблем или советы – это модальные слова с оттенком обязанности (*трэба, павінна*). Например, в материале о задержке выплаты пенсий автор высказывает мнение следующим образом: *Напэўна, прадстаўнікі Міністэрства аховы здароўя і Міністэрства працы і сацыяльнай абароны* ***павінны*** *знайсці варыянт, які задаволіў бы ўсіх* («Гомельская праўда»).

В медиатекстах был выявлен ряд языковых единиц, маркирующих авторский комментарий (64 единицы на английском языке и 98 – на белорусском), которые представляют побочные наблюдения автора, какие-либо сообщения, которые косвенно связаны с обсуждаемым материалом или же, наоборот, позволяют автору ввести эмоциональную ремарку по теме. Частотность употребления маркёров комментария в английском языке составляет 4 %, в то время как в белорусском языке этот показатель достигает 12 %. Авторский комментарий в медиадискурсе реализуется с помощью таких средств, как вводные слова и конструкции, разговорные выражения с целью установления контакта с аудиторией: *actually, come on, however, of course, well; да слова, маўляў, на жаль, так бы мовіць, як бачыце* и др. Так, автор материала о снижении уровня образования в британских школах поначалу приводит мнение главы Национальной лиги учителей о том, что, будто бы, проблема заключается в некомпетентности кадров. Однако, затем автор отмечает: ***Only joking****, folks!* («The Telegraph»). И после этого приводит мнение, которое на самом деле высказал собеседник. В данном случае ремарка позволяет автору, с одной стороны, представить собственную трактовку ситуации, и с другой, установить эмоциональный контакт с аудиторией.

Таким образом, в медиадискурсе мнения представляются широким набором языковых средств, при этом выделение высказывания-мнения из текста становится возможным благодаря определению маркёров. Особенность языковых единиц, с помощью которых представляется мнение в англоязычных текстах, заключается в значительной смысловой нагрузке на глагол (собственно ввод мнения, выражение имплицитных смыслов, ремарки автора). В тестах на белорусском языке глаголы также выражают аналогичные значения, однако бóльшую роль в сравнении с соответствующими единицами на английском языке приобретают служебные слова, благодаря которым представляются мыслительные операции адресантов. Также различается роль авторского комментария (который в целом более характерен для медиатекстов на белорусском языке): в текстах на английском языке комментарий выполняет функции установления контакта с аудиторией, представление дополнительных интерпретаций, в текстах на белорусском языке – введение сопутствующей информации. Что касается модальных слов и выражений, то в текстах на английском языке наиболее частотны языковые средства со значением способности, необходимости и совета, в текстах на белорусском – со значением способности и обязанности. Учитывая количество выявленных единиц, их частотность употребления и качественные особенности, можно сделать вывод о том, что в представлении мнения для англоязычных авторов бóльшее значение имеет фактуальность, выражение логических связей между объектами, создание впечатления объективности, в то время как для белорусскоязычных авторов первостепенное значение имеют личные интерпретации и эмоциональная составляющая сообщения.

Литература

1. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – М. : Флинта; Наука, 2008. – 203 с.

2. Dijk, van T. Power and the news media / T. van Dijk // Discourse in society [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : http://www.discourses.org/OldArticles/Power%20and%20the%20news%20media.pdf. – Date of access : 11.08.2016.

3. Гибатова, Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: знание и мнение : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г.Ф. Гибатова ; ГОУВПО «Башк. гос. унив.». – Уфа, 2011. – 43 с.

4. Апресян, Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке / Ю.Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 5–26.

5. Шатуновский, И.Б. Думать и считать: еще раз о видах мнения / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 56–71.

6. Арутюнова, Н.Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Проблема интенсиональных и прагматических контекстов: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1989. – С. 7–30.

7. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

8. Дмитровская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение: сб. научн. трудов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 6–17.

9. Карагодин, А.А. Оппозиция знания и мнения в лингвистике и лингвистической экспертологии / А.А. Карагодин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 184–190.

10. Иванова, Г.Ф. О мнениях и оценках / Г.Ф. Иванова // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. – № 8. – С. 25–31.

11. Bing, Liu. Web Data Mining / Liu Bing. – Luxembourg : Springer Science+Business Media, 2011. – 622 p.

12. Tsytsarau, M. Survey on Mining Subjective Data on the Web / M. Tsytsarau // Living [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : http://livingknowledge.europarchive.org/images/publications/dami11.pdf. – Date of access : 12.08.2016.

13. Edwards, D. Newspeak in the 21st Century / D. Edwards, D. Cromwell. – London : Pluto Press, 2009. – 304 p.

14. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Медея, 2004. – 328 с.

15. Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – Харьков : ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 28.10.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 80:811.161.3

Дэрывацыйныя асаблівасці назваў драўлянага посуду ў беларускіх гаворках

В.В. Курловіч

Разглядаюцца асаблівасці словаўтварэння найменняў драўлянага посуду ў народна-дыялектнай мове. Вызначаецца спецыфіка дыялектнага словаўтварэння пры вывучэнні народнага слова. У артыкуле характарызуюцца лексіка-семантычныя групы найменняў драўлянага посуду, якія фарміруюцца на аснове анамасіялагічнага падыходу да вывучэння дыялектнай лексікі. Аналізуюцца суфіксы, іх значэнне, прадуктыўнасць у літаратурнай і народна-дыялектнай мовах.
Ключавыя словы: драўляны посуд, словаўтварэнне, дыялектная лексіка, семантыка.

The features of word formation of names of house wares made of wood in the national language dialect are analyzed. Specifics of dialect word formation in the study of people's words is determined. The author characterizes lexical-semantic groups of names of house wares made of woode, which are formed on the basis of onomasiological approach in the study of dialect vocabulary. Suffixes, their meanings, productivity in the literary and folk dialect languages are analyzed.
Keywords: wooden utensils, word formation, dialect vocabulary, semantics.

Разнавіднасцю нацыянальнай лексікі з'яўляецца народна-дыялектная мова, таму яе вывучэнне і даследаванне – важнейшая задача лінгвістаў. А.М. Пяшкоўскі адзначаў, што «народныя дыялекты і гаворкі для лінгвіста складаюць галоўны аб'ект даследавання, які найбольш захапляе і найбольш раскрывае таямніцы моўнага жыцця» [1, с. 51–52]. Відавочна, што «лексічныя рэсурсы народнай мовы з'яўляюцца адной з пастаянных і невычэрпных крыніц узбагачэння слоўнікавага запасу сучаснай беларускай літаратурнай мовы» [2, с. 93], вынікі даследавання народнай лексікі, яе словаўтварэння будуць мець важнейшае значэнне пры складанні слоўнікаў літаратурнай мовы.

Выявіць спецыфіку дыялектнай дэрывацыі можна пры вывучэнні народнага словаўтварэння, гэта паспрыяе больш дасканаламу даследаванню словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы. Вытворнае слова з’яўляецца галоўным аб’ектам аналізу ў словаўтварэнні, «устанаўленне характару і сутнасці матывацыйных адносін у другаснай адзінцы мовы ўяўляе сабой важную частку словаўтваральнага аналізу, бо забяспечвае пранікненне ў семантыку вытворнага слова» [3, с. 86–87].

Бандарная лексіка ўключае даволі вялікую колькасць лексічных адзінак, бо бандарнае рамяство – самае старажытнае ў Беларусі. Пра гэта сведчаць не толькі сярэдневяковыя актавыя дакументы, але і рэшткі драўлянага посуду, знойдзеныя ў розны час у старажытных слаях пры раскопках замчышчаў у Полацку, Віцебску, Бярэсці і інш.

Бандарны посуд карыстаўся шырокім попытам у насельніцтва з прычыны сваёй універсальнасці і разнастайнасці. Ён вызначаўся прыкметнай разнастанайнасцю функцый, непадобных адна да адной, часам гэта адлюстроўвалася ў назве адным і тым жа словам посуду рознага па функцыянальным прызначэнні.

Значную колькасць словаўтваральных адзінак, што адносяцца да бандарнай лексікі, у нашых матэрыялах змяшчае субстантыўная падсістэма, бо назоўнікі складаюць палову слоўнікавага складу беларускай мовы. Сярод афіксальных марфем пры ўтварэнні новых мадэлей слоў-назваў найбольш прадуктыўнымі і рэгулярнымі з’яўляюцца суфіксы, якія не толькі канкрэтызуюць і дыферэнцыруюць сэнс кораня, але і «надаюць слову дадатковае дэрывацыйнае значэнне» [4, с. 311]. З пункту гледжання сучаснай лексікалагічнай тэорыі можна вызначыць лексіка-семантычныя групы слоў-назваў драўлянага посуду, якія «фарміруюцца на падставе анамасіялагічнага падыходу да вывучэння лексікі» [5, с. 299].

Сярод назваў драўлянага посуду значнае месца належыць назоўнікам са значэннем **‘носьбіт прадметнай адзінкі’.** Тут выдзяляюць наступныя групы субстантываў:

Назвы прадметаў, падобных знешнім выглядам ці па функцыях да тых, што названы ўтваральным словам. Дэрывацыя адбываецца з дапамогай наступных суфіксаў:

1. -к-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на аснове: **баклашка**, **боклажка** ‘драўляная пасудзіна, бачурка’: Баклашку з дзерава рабілі, літраў шэсць-дзесяць, на сенакос ідуць з баклашкай (СПЗБ, 1, 165); Боклажка – то бочалочка на ободва дна, колісь горэлку бралі (ТС, 1, 68); **біклашка** ‘драўляная пасудзіна, бачурка’: Біклашка, у ёй два дзянцы [дны], ваду бралі на поля (СПЗБ, 1, 186); **барылка, барэлка** ‘драўляная пасудзіна (для вадкасці)’: Ваду бралі ў барылкі, як ішлі ў поля жаць, касіць (СПЗБ, 1, 172); Барэлка – пасуда з дзерава, здзелана с клёпачак, як бочачка ляжачая, зверху дзірачка, воду льюць, вотку (СПЗБ, 1, 173); **дзежка** ‘пасудзіна, у якой месяць хлеб; бочка’: Муку трымалі ў дзежках такіх круглых, драўляных (БМ-3, 247); Дзежку новую купіла бліны печ (КСУМ, 150); **кадка** ‘вялікая бочка’: Выробляе шкуру ў кадцы (ТС, 2, 176); **мазырка** ‘вялікая бочка’: Раней у мазыркі дабро хавалі, зерне, жыта (БМ-5, 125); **ражка** ‘цэбар; драўляная нізкая пасудзіна, у якой замешваюць есці свінням’: Свынём наклалы повну ражку кукурузы (ДСБ, 193); **рашка** ‘цэбар; драўляная нізкая пасудзіна, у якой замешваюць есці свінням’: У рашку сабіралі малако (СПЗБ, 4, 244); **ступка** ‘невялікая драўляная пасудзіна, дзе таўкуць якую-небудзь прыправу’(СПЗБ); **цыбарка** ‘драўляная ёмістасць, што змяшчае адно вядро вадкасці’**; цэбарка** ‘драўлянае вядро цыліндрычнай формы’: О это цэбарка колішня, а это барыло (ТС, 5, 281). Такі тып утварэння з’яўляецца прадуктыўным у літаратурнай мове, што пацвярджаецца наяўнасцю даволі вялікай колькасці назоўнікаў з мадыфікацыйным значэннем падабенства, калі значэнне мае адценне адзінакавасці, то тып набывае прадуктыўнасць у гутарковай мове.

2. -ок, (не пад націскам **-ак**). Утвараюцца назоўнікі мужчынскага роду з націскам на суфіксе: **кадлубок** ‘бочачка для захоўвання сала; выдаўбаная бочка’: Еслі выпалена і выдаўбана з круглае калоды, то – кадлубок(СПЗБ, 2, 357); **кубялок** ‘бочка; вялікая пасудзіна з клёпак для захоўвання палатна і адзення; пасудзіна для захоўвання сала; вялікая дзежка для захоўвання збожжа’: У кладовацца ў кубялку сала ляжыць (СПЗБ, 2, 553); **кубёлак** ‘вялікая пасудзіна з клёпак для захоўвання сала; вялікая дзежка для захоўвання збожжа’: Наклаў поўны кубёлак сала (СПЗБ, 2, 553). Тып непрадуктыўны ў гаворках і ў літаратурнай мове.

3. -ушк-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на суфіксе: **кадушка** ‘пасудзіна з драўляных клёпак, звязаных абручамі’: Кадушка на гурке і на капусту (СПЗБ, 2, 357); Кадушка наліта вадою (КСУМ, 217). Тып малапрадуктыўны ў літаратурнай мове, калі ў якасці ўтваральнага слова выступае прыметнік ці назоўнік, то гэты тып набывае прадуктыўнасць у гутарковай мове.

4. -ачк-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на перадсуфіксальным складзе: **дзежачка** ‘невялікая дзяжа’: Дзежачкі шчытныя, дубовыя на мёд бралі (СПЗБ, 2, 41); ; **калдубяначка** ‘невялікая дзежачка’: Была калдубяначка, днішком накрывалі (СПЗБ, 2, 371); **квасачка** ‘невялікая кадушка’: Квасачкі дзеравяныя былі, затаўку складалі ў квасачкі (СПЗБ, 2, 451); **ражачка** ‘невялікая дзежачка’: Ражачка была з ручкай (СПЗБ, 4, 243); **селядовачка** ‘бочка, у якой засольваюць агуркі’: Трэба паехаць на базар, купіць селядовачку для засолкі агуркоў (СРГЛ, 104). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове, але набывае прадуктыўнасць у гутарковай мове пры ўтварэнні адсубстантыўных назоўнікаў з мадыфікацыйным значэннем.

5. -ік, -ык. Утвараюцца назоўнікі мужчынскага роду з націскам на аснове або суфіксе: **ведравік** ‘драўляная ёмістасць, якая змяшчае адно вядро вадкасці’: Ведравік – само меншэ барылка (СПЗБ, 1, 293); **кублік** ‘бочка; памянш. да кубел’: Налі ў кублік вады, бо рассохся (ДСБ, 114); Мамачка мыя кублік адзежы ныклала длі мяне, а другей – пылытна(КСУМ, 236); **цэбрык** ‘драўляная бочачка, якая змяшчае адно вядро вадкасці’: Буў цэбрык на трох ножках (ТС, 5, 281). Тып прадуктыўны ў гаворках, у літаратурнай мове непрадуктыўны.

6. -ец, -іц. Утвараюцца назоўнікі мужчынскага і жаночага роду з націскам на аснове або суфіксе: **кадабец** ‘дзежка; бочка без дна, якая ставіцца ў крыніцах’: Кадабец быў поўны цеста (ДСБ, 84); **кадоўбец** ‘дзежка; бочка без дна, якая ставіцца ў крыніцах’: Трэба вставыты

в крыныцу кадоўбца (ДСБ, 84); **кубелец** ‘памянш. да кубел; кадушка’: У кубелец складалі сало (СПЗБ, 2, 552); **кубэлец** ‘памянш. да кубел; кадушка’; **кубліца** ‘памянш. да кубел; кадушка’: Пыд полым стаіць кубліца сала (КСУМ, 236). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове, прадуктыўны ў гаворках.

Відавочна, што пры ўтварэнні новых мадэлей слоў гэтыя суфіксы надаюць значэнне памяншальнасці.

7. -ня-. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на канчатку: **шафарня** ‘вялікая скрыня для зерня’: У каго не было шафарні, ссыпалі ў каць (СПЗБ, 5, 470). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове і ў гаворках.

Назвы прадметаў паводле іх прызначэння. Утварэнне адбываецца з дапамогай суфіксаў:

-оўк-а, -ёўк-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на суфіксе: **блінцоўка** ‘дзежка для бліноў’: Дай мне сваю блінцоўку, хачу ўчыніць блінца (БМ-3, 193); Блінцоўка – дежка, де блінцы рашчыняюць (ДСЛ, 53); **селядзёўка** ‘бочка з-пад селядцоў для салення’; **сілядоўка, сілядцоўка** ‘бочка з-пад селядцоў для салення’: Сілядоўка – на агуркі, капусту, кваска — на сала (СПЗБ, 4, 410). Часткова з іншым гукавым афармленнем **селядзёўка** ‘бочка для селядцоў’ сустракаем гэта найменне ў нарматыўных лексікаграфічных выданнях (ТСБМ, 5, 112). Тып малапрадуктыўны ў літаратурнай мове, прадуктыўны ў гаворках.

Адзін з падкласаў назоўнікаў – адзінкі, утвораныя ад дзеяслоўных асноў. Словаўтваральны фармант звычайна далучаецца да асновы інфінітыва. Сярод разрадаў аддзеяслоўных назоўнікаў самы разнастайны – утварэнні з агульным значэннем **‘носьбіт працэсуальнай адзнакі’**. Можна вылучыць наступныя групы назоўнікаў:

Словы са значэннем ‘прадмет – аб’ект ці вынік дзеяння’. Дэрывацыя адбываецца з дапамогай суфіксаў:

1. -ніц-а (-ныц-а). Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на суфіксе ці аснове: **мазныца** ‘драўляны посуд для мазуту’: Дядько в далёку дорогу брав с собою усігда мазныцу (ДСБ, 129); **пекальніца** ‘дзежка для цеста’: Замесі ў пекальніцы цеста (БМ-4, 177); **півніца** ‘драўляная бочачка з двума донцамі на квас’: Прынесі півніцу, то прыставлю квас (ДСБ, 166); **сальніца** ‘драўляная кадушка для сала’(СРЛГ). Нарматыўнымі лексікаграфічнымі выданнямі зафіксавана назва **сальніца** ‘невялікая пасудзіна для трымання солі’ (ТСБЛМ, 5, 30); **стаўніца** ‘вялікая бочка для захавання збожжа’: У стаўніцу сыпалі жыто, ячмень, авёс – усё зярно (СПЗБ, 4, 581). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове і малапрадуктыўны ў гаворках.

2. -ец-. Утвараюцца назоўнікі мужчынскага роду з націскам на суфіксе: **паставец** ‘драўляны посуд для алею’: У пост налівалі алею поўны паставец (ДСЛ, 254). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове і ў гаворках.

3. -эньк-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на аснове: **ставэнька** ‘бочачка для мёду’ : Ставэнька была на мьёд (СПЗБ, 4, 560, 561). Тып малапрадуктыўны ў літаратурнай мове і ў гаворках.

4. -ёнк-а (-янк-а). Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на суфіксе: **даўбёнка**‘посуд, выдзеўбаны з суцэльнага кавалка дрэва’: Даўбёнка – выдаўбаная з дрэва (СПЗБ, 2, 27); **даўбянка** ‘посуд, выдзеўбаны з суцэльнага кавалка дрэва’: Даўбянка ёсць у мяне, з дрэва выдаўбляна (СПЗБ, 2, 27). Тып уласцівы гутарковай мове, малапрадуктыўны ў літаратурнай мове.

5. -ак-, -ок-. Утвараюцца назоўнікі мужчынскага роду з націскам на аснове: **урэзак** ‘невысокая пасудзіна з клёпак’: Урэзак – бочка невысокая, у ёй сякуць траву (СПЗБ, 5, 226); **урэзок** ‘невялікая бочка’: Трэбо насекці капусты во ўрэзок (ТС, 210). Тып малапрадуктыўны ў літаратурнай мове і ў гаворках.

Словы – назвы прадметаў паводле іх прызначэння. Выкарыстоўваецца суфікс:

-ня. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на аснове: **варыўня** ‘бочка для засолу’: Варыўня стаіць у каморы (БМ-3, 120). Тып прадуктыўны ў размоўным стылі і непрадуктыўны ў літаратурнай мове.

Адпрыметнікавыя назоўнікі – адзін з падкласаў суфіксальных назоўнікаў дыялектнай мовы. Асобае месца займаюць словы з агульным значэннем ***‘прадмет – носьбіт прыметы’***.

Утварэнні складаюць наступныя групы:

Назвы прадметаў, для якіх характэрна прымета, названая ўтваральным словам. Пры словаўтварэнні выкарыстоўваюцца суфіксы:

1. -к-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на аснове. Націск дэрывата супадае з націскам прыметніка: **асінаўка** ‘вялікая бочка з асінавай клёпкі’: Намалацілі цэлую асінаўку жыта (ДСЛ, 37); **вадзянка** ‘дзежка для вады’: Лі ваду ў выдзянку (КСУМ, 117); **вушатка** ‘бочка драўляная (з ручкамі)’: У вушатцы ў нас заўседы ёсць квас (БМ-3, 220); **дашчанка** ‘бочка драўляная’(БМ-3, 280); **кваска** ‘драўляная бочка’: Даўней была кваска на жыто. Кваска драўляная з клёпак з двума вушкамі, знізу вужайша, зверху шырайша, троха меньшая цэбра (СПЗБ, 2, 451); **ліпаўка (ліпоўка)** ‘бочка, выдзеўбаная з ліпы’: Ліпаўка звалі, дабро ссыпалі. У ліпаўцы мука стаіць, з ліпы выдоўблівалі (СПЗБ, 2, 658); **лубянка** ‘вялікая бочка, у якую ссыпалі зерне’: Зразу прывязлі зерно і высыпалі ў чатыры лубянкі (ДСЛ, 181); **насатка** ‘драўляная пасудзіна, бочачка з носікам для напіткаў, алею’: Яшчэ багато ёсць алею ў насатцы (БМ-5, 163); **шчанка** ‘бочка’: Я на базары шчанку купіў (БМ–10, 149). Утворана ад шчань. Тып прадуктыўны ў дыялектнай і літаратурнай мове, прычым пэўная частка назоўнікаў утварылася ад азначальнага кампанента словазлучэння прыметніка і назоўніка.

2. –ік-. Утвараюцца назоўнікі мужчынскага роду з націскам на аснове: **дашчанік** ‘драўляная бочка для салення’: Дашчанікі скрозь былі вялікія (БМ-3, 275); **дошнік** ‘вялікая бочка для салення’: Дошнік круглый, як дзешка бальшая (СПЗБ, 2, 83); **шчанік** ‘бочка’: Наложым на зіму адзін шчанік капусты (БМ–10, 149). Гэта лексема ўтварылася ў выніку выпадзення рэдукаванага і далейшай асіміляцыі ст.–рус. дъсчанъ ‘дашчаны’. Тып прадуктыўны ў літаратурнай мове.

3. -ніц-а. Утвараюцца назоўнікі жаночага роду з націскам на аснове: **мядоўніца** ‘посуд для мёду’: Старыя казалі калісь мядоўніца для мёду спецыянальна была (БМ-5, 77). Тып непрадуктыўны ў літаратурнай мове і малапрадуктыўны ў гаворках.

Параўнальна рэдка ў дыялектнай мове для ўтварэння назоўнікаў выкарыстоўваюцца лічэбнікавыя асновы. Часцей за ўсё ўтваральнымі з’яўляюцца парадкавыя, зборныя і колькасныя лічэбнікі ў межах першага дзесятка.

Сярод назваў вядомы ўтварэнні са значэннем колькаснай прыметы.

Словаўтварэнне адбываецца пры дапамозе суфіксаў:

-к-а, -ык-. Шаснастка ‘пасудзіна, зробленая з драўляных клёпак з адной ручкай для вымярэння збожжа, бульбы і г. д. (змяшчала або тры, або паўтара пуда)’: Была шаснастка драўляна з одной ручкаю – тры пудэ важыла (СПЗБ, 5, 468); **чацвярык** ‘бочка (ёмістасцю 16 кг)’: Намалаціў сягоння дзевяць чацвярыкоў, дубовых такіх, з ручкамі, што б за што брацца ямчэй (БМ-10, 124) . Тып малапрадуктыўны.

Усе разгледжаныя найменні ўтвораны шляхам суфіксацыі. Тут можна сустрэць наступныя мадэлі: ***S + -к- :*** баклашка, біклашка, боклажка, барылка, барэлка, дзежка, кадка,мазырка, ражка, рашка, ступка, цыбарка, цэбарка; ***S + -ак-, -ок- :*** кадлубок, кубялок, кубёлак; ***S + -ачк- :*** дзежачка, калдубяначка, квасачка, ражачка, селядовачка; ***S + -ушк- :*** кадушка; ***S + -ік-, -ык- :*** ведравік, кублік, цэбрык***; S + -ец-, -іц- :*** кадабец, кадоўбец, кубелец, кубэлец, кубліца; ***S + -ня- :*** шафарня***; S + -оўк-, -ёўк- :*** блінцоўка, селядзёўка, сілядоўка, сілядцоўка; ***V + -ніц-, -ныц- :*** мазныца, пекальніца, півніца, сальніца, стаўніца; ***V + -ёнк-, -янк- :*** даўбёнка, даўбянка; ***V + -ец- :*** паставец; ***V + -эньк- :*** ставэнька; ***V + -ачк- :*** ставеначка***, V + -ак-, -ок- :*** урэзак, урэзок***; V + -ня- :*** варыўня; ***A + -к- :*** асінаўка, вадзянка, вушатка, дашчанка, кваска, , ліпаўка (ліпоўка), лубянка, насатка, шчанка; ***A + -ік- :*** дашчанік, дошнік, шчанік; ***A + -ніц- :*** мядоўніца; ***A + -іц- :*** сырніца; ***N + -ык-, -к- :*** чацвярык, шаснастка.

Адваротнае словаўтварэнне таксама знайшло месца ў дэрывацыйнай сістэме аналізуемых лексем. У асноўным гэта назоўнікі мужчынскага роду, утвораныя ад прыставачных дзеясловаў, прычым націск знаходзіцца на першым складзе асновы: **засек** ‘бочка для збожжа’ : У нас рабілі раней такі посуд, мяшкоў сем лезла туды, ну і сыпалі збожжа – ета засек (БМ – 4, 169).

Прааналізаваны матэрыял указвае на тое, што найбольш прадуктыўным з'яўляецца суфікс **-к-** з дапамогай якога ўтвараюцца назоўнікі ж. р. з націскам на аснове (38%). Наступнымі па прадуктыўнасці з'яўляюцца суфіксы **-ік-, -ык-** утвараюцца назоўнікі м. р. з націскам на аснове або суфіксе (11 %); суфікс **-ачк-** утвараюцца назоўнікі ж. р. з націскам на перадсуфіксальным складзе (9 %); суфіксы **-ец-, -іц-** утвараюцца назоўнікі м. р. і ж. р. з націскам на аснове або суфіксе (9 %); суфіксы **-ніц-, -ныц-** утвараюцца назоўнікі ж. р. з націскам на аснове (9 %); суфіксы **-ак-, -ок-** утвараюцца назоўнікі м. р. з націскам на аснове або суфіксе (8 %); суфіксы **-оўк-, -ёўк-** утвараюцца назоўнікі ж. р. з націскам на суфіксе (6 %). Невялікая колькасць дэрыватаў (10%) утварылася з дапамогай суфіксаў **-ушк-; -н-; эньк-; -ёнк-, -янк-.**

Назіранні над дэрывацыйнымі асаблівасцямі назваў драўлянага посуду дазваляць зрабіць вывад, што суфіксальны спосаб утварэння даволі прадуктыўны не толькі ў літаратурнай мове, але і ў дыялектнай, што гаворыць аб непарыўнай сувязі і ўзаемаўплыве адной мовы на другую.

Крыніцы даследаванняў і іх скарачэнні

БМ – Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны / Беларуская мова. – Мн., 1975–1982.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мн.: Навука і тэхніка,1983. – Т.1–18. – 1999.

ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны – Мн., 1989.

ДСЛ – Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Т. Янкова. – Мн., 1982.

КСУМ – Бялькевіч, І. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І. Бялькевіч. – Мн., 1970.

СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча:у 5 т. – Мн., 1979–1986.

СРЛГ – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны. – Гродна, 1999.

ТС – Тураўскі слоўнік: у 5 т. – Мн., 1982–1987.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы:у 5 т. – Мн., 1977–1984.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мн., 1996.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1986–1987.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мн., 1978–1993. – Т. 1–8.

Літаратура

1. Пешковский, М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. Избранные труды / М. Пешковский. – М., 1959. – С. 51–52.

2. Анічэнка, У.В. Узбагачэнне беларускай літаратурнай мовы народнай лексікай / У.В. Анічэнка // Вопросы общественных и гуманитарных наук. – Гомель, 1973. – С. 93.

3. Медведева, Л.М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова / Л.М. Медведева // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 86–87.

4. Плотнікаў, Б.А. Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум / Б.А. Плотнікаў, Л.А. Антанюк. – Мн., 2003. – С. 311.

5. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / Пад. рэд. А.Я. Баханькова. – Мн. : Навука і тэхніка, 1994. – С. 299.

Белорусский государственный
университет транспорта

Поступила в редакцию 11.05.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 81'23

Уплотнение и сепарация информационных потоков как базовая стратегия понимания устной научной речи

С.И. Лебединский

Анализируется одна из базовых стратегий понимания устной научной речи – стратегия уплотнения и сепарации информационных потоков, которая инициирует, направляет и специфицирует процесс переработки научной информации. Эта стратегия базирует свою работу на дифференцированном подходе слушателей к выделению и обработке в речевом потоке известной или новой научной информации, отбору значимой и отсеву избыточной информации.
Ключевые слова: восприятие речи, понимание речи, стратегии восприятия и понимания речи, стратегия уплотнения и сепарации информационных потоков, тактика широких ментальных шагов, тактика узких ментальных шагов.

Speech flow condensation/separation is discussed as a basic strategy for understanding oral scientific discourse – one that initiates, directs and focuses the process of understanding. It draws on the speech flow recipient's ability to make distinctions between the known and the unknown, and to separate relevant information from that which is superfluous.
Keywords: speech perception and understanding, perception and understanding strategies, condensation and isolation, mental stages – macro and micro perspectives.

Введение. Переработка научной информации – сложный многоэтапный, многоуровневый, многовекторный конструктивный процесс, направленный на реконструкцию смыслового содержания рецептируемого научного текста. Результативность этого процесса во многом зависит от эффективности стратегий, которыми пользуются слушатели в ходе его реализации. Цель стратегий понимания – переработка воспринимаемого материала путем его структурно-смыслового упрощения с последующим включением в индивидуальную концептуально-понятийную систему слушателя, а поэтому базовой стратегией, инициирующей и направляющей процесс переработки речевой информации, является стратегия уплотнения и сепарации информационных потоков. Цель данной статьи – установить процедурные особенности этой стратегии в эксперименте.

Основная часть. Действие стратегии уплотнения и сепарации информационных потоков основано на дифференцированном подходе слушателей к выделению и переработке в речевом потоке известной или новой информации, отбору значимой и отсеву избыточной информации. Она ориентирована на уплотнение воспринимаемой информации до такого уровня, чтобы минимальными средствами можно было достичь максимума информативности. На каждом этапе восприятия речи происходит преобразование информации, поступающей с предыдущего этапа. При этом в опознавательной системе слушателя объем информационного потока сокращается, а информативность возрастает. Применительно к восприятию устной научной речи специфика этой стратегии проявляется в том, что по ходу восприятия научной речи слушатель фиксирует внимание только на наиболее значимых информационных единицах, что способствует эффективному поиску ключевых слов. С помощью перекодирования и сепарации воспринимаемой информации слушателю удается оперативно ориентироваться в звучащей речи, осуществлять переработку информации по критическим информативным точкам, производить необходимые перекодировки, оперировать крупными смысловыми блоками, удерживать в памяти необходимую информацию [1, с. 22–23].

Уплотнение информационных потоков становится возможным благодаря универсальной способности любого речевого продукта к избыточности. Избыточность проявляется на всех уровнях языка и затрагивает не только синтаксис, но и семантику. Именно благодаря избыточности любую модель высказывания можно уплотнить и преобразовать в упрощен-

ную, а любой смысл – подвергнуть компрессии, отсеяв в нем все ненужное и оставив только самое ценное. Для актуализации стратегии уплотнения и сепарации информационных потоков при восприятии научной речи необходимы несколько условий: во-первых, наличие в речевой цепи знакомых информативно значимых терминологических единиц, на основе которых слушатели установят предметно-тематическую соотнесенность воспринимаемого текста и произведут лимитацию его понятийно-смысловых границ; во-вторых, осуществление процедуры уплотнения информационных потоков должно осуществляться избирательно под углом зрения, сформированным на основе опознанных понятийных единиц, которые для исходного текста являются ключевыми; в-третьих, по мере накопления информации в уплотненной смысловой структуре избыточные или повторяющиеся ментальные структуры должны редуцироваться, а сама смысловая репрезентация преобразовываться в новую, еще более конденсированную смысловую структуру. Причем по ходу восприятия текста таких преобразований и уплотнений может быть много, а поэтому формирование смыслового концепта воспринимаемого текста можно представить как процесс многократных смысловых преобразований, направленных на уплотнение, редукцию и конденсацию формируемых ментальных репрезентаций.

К сожалению, ни в психологии, ни в психолингвистике не существует объективных экспериментальных методик, с помощью которых можно было бы установить, как протекает уплотнение информационных потоков. Об этом процессе можно судить только по внешним фактам, например, по продолжительности пересказа содержания «первичного» текста, которая всегда меньше продолжительности звучания текста-оригинала, или по объему и смысловой насыщенности «первичного» текста, который почти всегда объемнее и богаче любого «вторичного» текста из-за его смысловой избыточности и различного рода авторский инклюзий, характерных для устной научной речи. Об уплотнении информационных потоков можно также судить по объему и терминологической насыщенности читаемых лекционных курсов, которые всегда больше и богаче конспектов этих лекций. Отчасти приблизиться к пониманию сути и способов уплотнения информационных потоков можно, если, к примеру, соотнести эти процессы с процессом беглого конспектирования лекций, когда в условиях временных ограничений слушателям приходится использовать собственные системы кодирования, позволяющие им схематизировать услышанное и доводить их до уровня редуцированных репрезентационных схем, восстановить которые зачастую могут только сами слушатели. Исследовать особенности индивидуальных процессов уплотнения информационных потоков можно также и на материале анализа «вторичных» текстов, если сопоставить их между собой с целью выявления сходств и различий в сравнении с текстами-оригиналами. И хотя по этим экспериментальным методам судить о процессах уплотнения и сепарации информационных потоков можно лишь косвенно, мы считаем, что в отсутствии других более объективных экспериментальных методик они вполне пригодны для изучения стратегий уплотнения информации, особенно если оба метода использовать в комплексе в одном эксперименте. С помощью первого метода – метода анализа конспектов испытуемых – можно выявить индивидуальные способы фиксации, формализации и уплотнения информации и проанализировать речевые единицы, которые заинтересовали испытуемых в экспериментальном тексте, а с помощью второго метода – метода сравнения «вторичных» текстов между собой и с «первичным» текстом – можно установить степень компрессии смыслового содержания экспериментального текста разными испытуемыми в зависимости от точности и глубины его понимания.

Эксперимент с использованием данных методик проводился несколько раз с участием испытуемых разных специальностей (экономисты, геологи, химики). В каждом эксперименте принимали участие 30 студентов по десять человек в каждой группе. Первая группа была представлена студентами-иностранцами первого курса, которые владели русским языком на уровне пороговой коммуникативной достаточности, вторая – студентами-иностранцами третьего курса, владеющими русским языком на уровне коммуникативной насыщенности и профессиональной достаточности, третья – белорусскими студентами третьего курса. В данной статье проанализируем результаты эксперимента, в котором участвовали студенты-экономисты. Выводы, касающиеся стратегий уплотнения и сепарации информационных по-

токов, строились не только на результатах переработки испытуемыми экспериментальных аудитекстов, отобранных специально для данного эксперимента, но и на материале других экспериментов, которые выполнялись автором на протяжении многих лет в рамках исследования стратегий понимания устной научной речи иностранцами и носителями языка [2]–[4].

При проведении эксперимента в качестве текстового материала была использована аудиозапись фрагмента лекции по экономике, в котором раскрывалось содержания понятия «рынок». Ниже дана письменная расшифровка этого аудиотекста, который предварительно был очищен от хезетационных элементов.

Однозначного понятия рынка / в экономической науке не существует // В самом общем виде / рынок / это система экономических отношений // Эти отношения / формируются в процессе производства / обращения / и распределения товаров / а также движения денежных средств // Рынок развивается вместе с развитием товарного производства // Он вовлекает в обмен не только произведенные товары / но и товары / которые не являются результатом труда // В условиях господства рыночной экономики / вся деятельность людей в обществе охвачена отношениями купли-продажи // Объектами рынка являются товары / и деньги // В качестве товаров выступает не только произведенная продукция / но и факторы производства / земля / труд / капитал / а также услуги и информация. Современный рынок характеризуется тремя важнейшими признаками / свободой экономического поведения / мобильностью материальных / трудовых / и финансовых ресурсов / наличием у каждого субъекта рынка информации о предложении / спросе / и ценах // Однако в реальной действительности / далеко не всегда присутствуют все эти признаки // Поэтому в реальной жизни принято говорить о конкурентном рынке.

Испытуемым было предложено по ходу прослушивания экспериментального аудиотекста фиксировать услышанное в письменной форме, а затем на основе этих записей восстановить и устно воспроизвести содержание экспериментального текста. Из-за временных ограничений, обусловленных темпом предъявления научной информации на слух, испытуемые конспектировали услышанное избирательно и редуцированно, фокусируя внимание преимущественно на ключевых словах текста. «Вторичные» тексты испытуемых записывались на диктофон, а затем сопоставлялись между собой и с экспериментальным аудиотекстом. По окончании эксперимента мы получили материал, на основе которого были сделаны выводы, касающиеся особенностей и индивидуальных стратегий уплотнения и сепарации информации. Этим материалом стали редуцированные семантические записи и конспекты испытуемых, выполненные в ходе прослушивания экспериментального аудиотекста, а также «вторичные» тексты-репрезентации, построенные ими на основе этих записей и конспектов.

Результаты эксперимента показали, что большинство иностранцев из первой экспериментальной группы старались фиксировать текст лекции максимально подробно. При таком подходе к конспектированию испытуемым удавалось «выхватывать» из контекста лишь некоторые фрагменты текста, а большая часть содержащейся в нем информации терялась. По этой причине некоторые иностранцы из первой группы не смогли завершить процесс фиксации опорных слов текста. Соответственно у этих испытуемых возникли трудности при передаче основного содержания экспериментального текста: созданные ими «вторичные» тексты оказались незавершенными, используемая в них информация – прерывистой и неполной, а смысл – поверхностным и неточным. Ср.: *В науке не существует понятия «рынок»* (вместо *В науке не существует однозначного понятия рынка*). *Рынок – это экономические отношения* (в данном высказывании отсутствует важная определяющая часть: *которые формируются в процессе производства, обращения и распределения товаров и движения денежных средств*). *На рынке продают товары за деньги. На рынке всегда есть конкуренция.* Другие испытуемые из первой группы старались фиксировать воспринимаемую информацию редуцированно в виде опорных слов, причем многие из этих слов не являлись в тексте-оригинале определяющими. Наличие этих информационно избыточных слов в конспектах испытуемых помешало им корректно восстановить содержание текста-оригинала. Так, например, конспект одного из испытуемых содержал следующие слова и словосочетания: *понятие* «*рынок*» –

система экономических отношений – производство и распределение товаров – произведенные товары – купля-продажа – товары и деньги – земля, труд, капитал – современный рынок – свобода поведения – трудовые ресурсы – спрос и цены – конкурентный рынок, а в построенном этим испытуемым тексте-репрезентации многие из этих слов и словосочетаний отсутствовали. Ср.: *Рынок – это система экономических отношений. Эти отношения формируются в процессе производства и продажи товаров. Объекты рынка – товары и деньги. На рынке можно продавать также землю, труд и капитал. Современный рынок – это конкурентный рынок*.

Более осмысленно и избирательно фиксировали опорные слова экспериментального аудиотекста иностранцы из второй экспериментальной группы. Записи большинства из них включали индивидуальные сокращения. У одних испытуемых конспекты оказались более развернутыми, у других – более уплотненными. Примером уплотненного конспекта может служить следующая запись: *рынок – сист*[*ема*] *эконом*[*ических*] *отнош*[*ений*]. *Формир*[*уются*] *в производ*[*сте*] *и распред*[*елении*]. *Объекты р*[*ынка*] *– товар, деньги. Товары – это продукция, земля, труд, услуги, информ*[*ация*]. Р[*ынок*] *– три признака – эконом*[*ическая*] *свобода, движ*[*ение*] *ресурс*[*ов*], *информ*[*ация*] *о товарах. Р*[*ынок*] *– конкуренция*. При построении «вторичного» текста-репрезентации эта запись была преобразована в следующий текст: *Рынок – система экономических отношений, которые формируются в производстве и распределении товаров. Объект рынка – товары и деньги. Товары – это продукция, земля, труд, капитал, услуги и информация. Рынок характеризуется тремя признаками. Первый признак – экономическая свобода. Второй – движение ресурсов. Третий – информация о товарах. Рынок – это конкуренция*.

Наиболее уплотненные и редуцированные записи были выявлены у носителей языка, для которых информация, изложенная в аудиотексте, оказалась полностью известной. Так, например, конспект одного из носителей языка содержал всего несколько слов и словосочетаний, ср.: *Рынок – объекты рынка – виды рынков – признаки рынка – конкуренция*. Однако при репродукции смыслового содержания экспериментального аудиотекста этот испытуемый восстановил его в полном объеме и во всех деталях. Этот пример наглядно показывает, что переработка знакомой информации осуществляется посредством использования тактики *широких ментальных шагов*, в то время как при «контакте» с новой информацией происходит сужение ментальных шагов. К такому выводу можно прийти, проанализировав конспекты испытуемых, в которых знакомая информация зафиксирована слушателями редуцированно, прерывисто и фрагментарно, а новая – развернуто и детализировано. Таким образом, эффективность (неэффективность) стратегии уплотнения, сепарации и дифференциации информационных потоков во многом зависит от структурно-содержательной простоты (сложности) рецептируемых текстов.

Оценка результатов эксперимента позволяет выделить несколько типов стратегий уплотнения информационных потоков, используемых слушателями в процессе понимания устной научной речи. Первый тип – максимальная степень уплотнения информационных потоков, которая характерна для опытных слушателей, профессионально владеющих понятийным аппаратом той научной области, которая представлена в рецептируемом научном тексте. При переработке научной информации такие слушатели используют тактику широких ментальных шагов, которая позволяет им уплотнять внутреннюю репрезентационную структуру до уровня нескольких опорных слов. При необходимости воспроизведения такой структуры она может быть развернута до уровня полноценного текста за счет использования в ней понятийных единиц, содержащихся в индивидуальном тезаурусе слушателя. Причем эти единицы могут быть не только точными копиями тех, которые были использованы в тексте-оригинале, но и их понятийными коррелятами.

Второй тип – попеременное использование тактик широких и узких ментальных шагов, которое характерно для любых категорий слушателей в случае их контакта с содержательно осложненными речевыми продуктами. Ясно, что к тактике широких ментальных шагов слушатели прибегают при освоении упрощенных фрагментов содержания научного текста, а к тактике узких ментальных шагов – при освоении терминологически осложненной научной

информации. По данным экспериментов, их вторичная речевая продукция, воспроизводящая содержание первичных текстов, отличается развернутым описанием отдельных фрагментов научного текста и игнорированием или поверхностным описанием других научных фактов, которые оказались либо неосвоенными, либо несущественными для слушателей. Впрочем, несущественность той или иной научной информации для слушателей, если она действительно важна в первичном тексте, в данном случае можно объяснить ее неосвоенностью.

Третий тип – минимальная степень уплотнения информационных потоков, которая характерна для слушателей, профессионально не владеющих понятийным аппаратом той научной области, которая представлена в рецептируемом научном тексте. При переработке научной информации такие слушатели используют тактику узких ментальных шагов, которая не позволяет им существенно уплотнять внутреннюю репрезентационную структуру. Максимальная развернутость процедуры уплотнения информационных потоков требует дополнительного времени для обработки речевой информации и происходит это не только за счет увеличения количества ментальных шагов, но и за счет укрупнения самой внутренней репрезентационной структуры, которую, как показывают эксперименты, данной категории слушателей восстановить корректно и в полном объеме достаточно сложно. Их вторичная речевая продукция, воспроизводящая содержание первичных текстов, имеет множество недостатков, начиная от нарушений в логике и композиции изложения научных фактов и завершая неточностями в использовании понятийной лексики.

Заключение. Среди огромного арсенала стратегий, которыми пользуются слушатели в процессе понимания устной научной речи, ведущая роль принадлежит стратегии уплотнения и сепарации информационных потоков. Цель этой стратегий – переработка воспринимаемого материала путем его структурно-смыслового упрощения с последующим включением в индивидуальную концептуально-понятийную систему слушателя. С помощью стратегии уплотнения и сепарации информационных потоков осуществляется отбор значимой и отсев избыточной информации, что способствует оперативному ориентированию в звучащей речи, эффективному поиску опорных и ключевых слов, устранению информационного балласта, оперированию крупными смысловыми блоками. Уплотнение информационного потока без потери его содержательности осуществляется на основе операции перекодирования, которое направлено на перекомпоновку информационного потока и выражение его в форме, более удобной для последующей обработки. Процесс уплотнения информационного потока в каждом конкретном случае протекает по-разному. Это зависит не только от сложности воспринимаемого материала, но и от качества используемых слушателями стратегий.

Литература

1.Бехтель, Э. Контекстуальное опознание / Э. Бехтель, А. Бехтель. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.

2.Лебединский, С.И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации звучащей речи и идентификации терминов / С.И. Лебединский. – Минск : Изд.-во БГУ, 2008. – 543 с.

3.Лебединский, С.И. Восприятие устной научной речи: стратегии понимания смысловой информации на уровне микро- и макротекстов / С.И. Лебединский. – Минск : Изд.-во БГУ, 2009. – 332 с.

4.Лебединский, С.И. Стратегии смыслового восприятия и интерпретации устной иноязычной научной речи / С.И. Лебединский. – Минск : БГУ, 2014. – 296 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.05.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК: 821:161.1:82-2:82.091 «17/18»

Мотив «симуляции чудесного» и образы псевдоинферналов в украинской и русской комедийной драматургии к. XVIII – I п. XIX ст.

А.А. Николова

Рассматривается вопрос об общих тенденциях творческого использования мотива «симуляции чудесного» и образов персонажей, которые имитируют причастность к сфере потустороннего (изображают духов, демонов, колдунов, магов, провидцев), в украинской и русской комедийной драматургии к. XVIII – I п. XIX ст. Отсутствие системного освещения данной темы в компаративном аспекте определяет ее научную новизну. Проблема связана с характером, спецификой и основными детерминантами популяризации соответствующего феномена. Среди факторов, обусловливающих подобия, выделяются генетические связи с западноевропейской литературой, а также – типологические схождения (общечеловеческие представления о природе комического, критика популярных в обществе того времени форм мошенничества).
Ключевые слова: мотив, псевдоморфные персонажи, псевдоинферналы, генетические связи, типологические схождения.

The question about the general trends of the creative use of the motive «simulation of miraculous» and pseudoinfernals in the Russian-Ukrainian comedy drama in the end of the 18th – first half of the 19th centuries is considered. Pseudoinfernals imitate the participation in the sphere of other world (spirits, demons, witches, magicians, seers). The lack of systematic analysis of the subject in the comparative aspect determines its scientific novelty. Problem is connected with character, specificity and main determinants of the popularization of the relevant phenomenon. We consider factors that determine similarity. There are genetic links with Western European literature and typological similarity (the universal idea of the comic, criticism of popular social forms of fraud).
Keywords: motif, pseudomorphic personages, pseudoinfernals, genetic links, typological similarity.

Несоответствие истинного и демонстративно-рецептивного является не только типичным феноменом действительности, но и вечной темой в творчестве различных народов. Одна из художественных форм ее репрезентации – мотив «симуляции чудесного» [1], связанный с созданием ситуации, в которой персонаж выдает себя за причастного к потустороннему миру, наделенного сверхчеловеческими возможностями. Данный нарратив может быть связан с «обманом Нектанеба» [2] (мужчина представляется высшим существом, чтобы добиться взаимности от женщины), пседомессианством, псевдопророчествами, имитацией «чудесной деятельности» (мошенничество псевдоколдунов, псевдомагов) и т. д.

Для комической драматургии исследуемого нами национально-исторического контекста характерно активное обращение к образам псевдоинферналов (от лат. *inferna* – подземный, демонический), симулирующих полную принадлежность сфере «низшей мифологии» или частичную сопричастность с ней. В первом случае они изображают демонов, духов, во втором – людей, обладающих фантастическими способностями (чародеев, ведьм, шаманов, провидцев и др.).

Подобный феномен может быть объяснен, во-первых, с учетом самой сущности комического, которая, как известно, основывается на противоречиях и диссонансах. «Мы смеемся, когда думаем, что что-то есть, а на самом деле за этим ничего нет. «Что-то» – это человек, которого принимают за нечто важное, значительное, положительное. «Ничто» – это то, во что он оборачивается на самом деле» [3, с. 145]. Комическое связанно «с видимостью и ее проявлениями: иллюзиями, обманам, самообманом, ложью. Виртуальностью, симулякрами, то есть лжеподобиями и т. д.» [4, с. 3].

Во-вторых, тенденции творческого использования рассматриваемых нами мотива и образов демонстрируют социально обусловленный интерес к актуальной в обществе того времени проблеме шарлатанства, установку на обличение предрассудков, веры в «магию» с позиций Просвещения (в том числе, посредством обращения к «бродячим» сюжетам).

В-третьих, целесообразно предположить, что популяризация подобного материала в русской и украинской драматурги осуществляется под влияниям французских опер и водевилей («Деревенский колдун» Ж.-Ж. Руссо, «Солдат-волшебник» Л. Ансома, «Солдат-волшебник» Ф.-А. Филидора, «Любовь Бастьена и Бастьенны» Ш.С. Фавра и т. д.), рецепция образцов которых способствует утверждению соответствующих жанров [5, с. 298], [6, с. 8–11], [7, с. 411]. При этом речь идет как об обращении к готовым сюжетам, так и о разработке комического потенциала определенных мотивов и композиционных приемов.

Одновременно с этим не может быть проигнорирована роль национальных народнопоэтических/-театральних источников, а также –специфика трансформации мотива «симуляции чудесного», образов псевдоинферналов в русской и украинской комедийной драматургии, обусловленная необходимостью их адаптации к потребностям национальных культур.

Так, например, уже в первых украинских водевилях появляется образ солдата-москаля, который изображает колдуна, чтоб посмеяться над не в меру доверчивыми хозяевами («Москаль-чародей» И. Котляревского, «Простак» В. Гоголя, «Муж старый, жена молодая» С. Петрушевича). Различные подходы к решению вопроса об источнике этого сюжета в украинской литературе системно обобщает Г. Александрова [8]: исследователи указывают на возможность его заимствования из «Письмовника» Курганова, фольклорних сказок и рассказов, оперы Ансома, национальных интермедий и т. д. [8].

Кроме того, что солдат сам имитирует колдовские действия, у Гоголя и Петрушевича он также изгоняет из избы «нечисть» (хозяйкиного поклонника, котрого он выдает за черта). Также бесом притворяется Василий, чтоб убежать от мужа своей любовницы («Куммельник, или сатана в бочке» В. Дмитренка), а персонажи «Купалы на Ивана» Стецька Шерепери (С. Писаревского) разыгрывают целое представление с участием псевдоинферналов. «А тепер, як я розшолопав, так воно вийшло от що: бродяга Іван Коваленко, давно знюхавшись з Любкою, підкупив цигана Гаврила Шмагайла, так той і зробив сю нарядку; Івана зробив Феською-відьмою, сам нарядився вовкулакою, а своє прокляте циганське братерство намуштрував бути чортами, і се так знезнімки скомпонували, що моя Любка з тим бродягою Іваном сьогодні вже повінчалась і вже там у них тепер і весілля» [9, с. 358].

Общим для украинской и русской комедийной драматурги к. XVIII – I п. XIX ст. является использование ситуационного клише «псевдоинфернал помогает влюбленным»: Скорик «снимает порчу» с Дарьи, чтоб она согласилась на брак дочки с Алексеем («Сватанье на Гончаровке» Г. Квитки-Основьяненко); желая предотвратить свадьбу Юрка и Любки, цыган придумывает целое представление с участием «темних сил» («Купала на Ивана» С. Писаревского); псевдоколдун мирит родителей, которые мешают счастью своих детей (анонимная опера «Изобличенный колдун, или За безделку ссора»); Миловидов избавляется от притязаний старой тетки и женится на Лизоньке, изображает волшебника («Любовник-колдун» В. Майкова); помогают влюбленным также плут-мельник («Мельник – колдун, обманщик и сват» А. Аблесимова), «гадалка» из анонимного «Добронрава», «чародей» Кузьмич («Колдун, ворожея и сваха» И. Юкина) и т. д.

Если во всех выше перечисленных произведениях псевдоинферналы, которые имитируют владение сверхчеловеческими способностями, изображены с юмором и вызывают симпатию, то другая тенденция трансформации мотива «симуляции чудесного» связана с сатирическим обличением в духе Просвещения подобного шарлатанства как современного писателям феномена.

Особенно показательным в этом плане является творчество российской императрицы Екатерины II (комедии «Шаман сибирский», «Обманщик», «Обольщенный»), активно выступающей против таких мошенников (самого Калиостро, масонов) [10, с. 120]. «14 января 1786 была поставлена ее комедия «Обманщик», где в лице Калифалкжерстона (искаженная анаграмма сочетания «граф Калиостро») она создала узнаваемую карикатуру на конкретное лицо и сатирический образ масона, алхимика, оккультиста вообще» [10, с. 120].

Калифалкжерстон, выдавая себя за мага и волшебника, присваивает деньги Самблина. Амбань-Лай ради своих корыстных целей представляется шаманом. «Прокофій. Еще сказываютъ, будто онъ у какой-то купеческой вдовы выманилъ денегъ и обѣщалъ ей показать мужа наяву, и для того приводилъ къ ней, два дни сряду, какихъ-то нарочно наряженныхъ бородачей, коихъ

она, испугавшись, приняла за мертваго сожителя…» [11, с. 449]. Протолк и Бебин морочат голову членам семьи Радотова, обещая «просветление». В «Обольщенном» Екатерина II «ополчается против масонства, которое она ставит в один ряд с парижской модой. Принадлежность к ордену помогает его членам казаться мудрыми и добродетельными, тогда как на самом деле масоны нисколько не превосходят добродетелью всех остальных. Пример Радотова демонстрирует суетность и безнравственность масонских ритуалов. Масонская ложа – это место, где братья, прикрываясь вывеской благочестия, предаются самым низменным порокам. Объединяет масонов не любовь к добру и не стремление укрепить распадающиеся связи человечества, как утверждают сами вольные каменщики, а тщеславие, жадность, глупость и обжорство» [12, с. 87].

Под влиянием «Обманщика» пишет своего «Мнимого мудреца» Ф. Эмин, в котором «масон» Хитроум, обещая Легковеровым научить их общению с духами, планирует обогатиться за чужой счет.

Желанием «выставить все мошенничества», которые творятся под прикрытием магнетизма [13, с. 489], руководствуется Г. Квитка-Основьяненко, создавая образ псевдопровидицы Евгении («Ясновидящая»), которая паразитирует на вере в месмеризм (разработанной Месмером практике исцеления гипнозом). А ее помощник, псевдолекарь Пузыречкин, организовывая уже не первую такую аферу, прямо заявляет: «Легковерие людей есть неисчерпаемый источник для ищущих, подобно нам, приобретений» [14, с. 345].

Таким образом, жертвами таких симулянтов становятся все те, кто верит в возможность быстрого решения всех проблем при помощи волшебства и пророчеств. Обличение плутовства способствует их прозрению и часто исправлению.

Отдельное внимание следует уделить псевдоинфреналам русской комедийной драматургии, созданным в результате непосредственной рецепции произведений западноевропейской литературы. В первую очередь, речь идет о восприятии творчества В. Шекспира.

Так, например, желая разыграть чрезмерно поглощенного верой в духов поэта-идеалиста, его окружение предстает перед ним в образах Пека, Ариеля, Калибана и других фантастических героев великого барда («драматическая шутка» В. Кюхельбекера «Шекспировы духи»). «*Итак, я их дождусь и здесь все приготовлю: / Все роли розданы; в воздушную свирель / Разжалую свои, запрятав, фортопьяны: / Фрол Карпыч, дядюшка! готовьтесь в Калибаны. / Шалунья Катя – Пук, Аннюша – Ариель; / Венец из мишуры, из красной шали риза, / Взгляд гордый – Оберон преважный будет Лиза! / Мне ж быть Титанией повелевает рок*» [15, с. 152].

«К Шекспиру обратилась и Екатерина II; ею было создано «Вольное, но слабое переложение из Шакеспира, комедия Вот каково иметь корзину и белье» (СПб., 1786) – классическое переложение на русские нравы «Виндзорских проказниц» («Merry wives of Windsor», 1598), сразу же поставленное на сцене» [10, с. 246]. Как и в оригинале, где ряженые в эльфов, фей, сатиров, издеваются над Фальстафом, в русском варианте комедии Кьела, Ванов и Акулина в костюмах «нечести» пугают Полкадова, чтоб отучить от привычки волочиться за замужними женщинами. «Акулина Папина. Онъ суевѣренъ до крайности.... онъ боится лѣшихъ; говоритъ, будто такъ водится въ чужихъ краяхъ....

Папинъ. *Вотъ это всего лучше!*

Фордова. *Мы велимъ ему нарядиться въ епанчу.*

Фордовъ. *А намъ что дѣлать прикажете?*

Акулина Папина. *Аннушку и еще нѣсколько человѣкъ нарядимъ вѣдьмами, пугалищами, колдуньями и колдунами, и, окружа его, будемъ стращать и станемъ ему говорить, для чего онъ по ночамъ ходитъ по чужимъ садамъ и волочится за честными женами*» [16, с. 425].

К творчеству другого – французского – писателя обращается Н. Львов: по сюжету новеллы Ж.-Ф. Мармонтеля «Le mari sylphe» он создает комическую оперу «Сильф, или мечта молодой женщины» [17, с. 18]. В обоих случаях муж вынужден представляться духом воздуха, сильфом, чтоб привлечь внимание своей жены. Такая ж ситуация изображена в повести «Сильф, или Сновидение госпожи де Р***» К.П.Ж. Кребийона-сына, генетически связанной с произведением Мармонтеля. Однако, несмотря на обращение Львова к французскому источнику, «увлекательная интрига (молодой дворянин Нелест покоряет сердце своей жены

Миры, являясь ей по ночам в облике сильфа), мастерски очерченные характеры позволяют говорить об оригинальности «Сильфа» по отношению к западноевропейским предшественникам, а также о превосходстве по отношению к русским предшественникам» [17, с. 18].

У Львова, как и у Кюхельбекера, мотив «симуляции чудесного» используется для осмеяния чрезмерной мечтательности, увлеченности фантазиями, следствием которых является неадекватное восприятие действительности.

Таким образом, можно утверждать, что выше рассмотренные русские и украинские произведения демонстрируют схожие тенденции в использовании традиционного мотива «симуляция чудесного» и образов псевдоинферналов. Соответствующий материал является действенным средством создания смехового (сатирического, юмористического) эффекта, служит задаче обличения суеверий, популярного в обществе того времени шарлатанства, связанного с имитацией разного рода «волшебства», чрезмерной доверчивости, мечтательности и идеализма.

Литература

1. Сентив, П. Симуляция чудесного / П. Сентив ; Пер. с фр. Е.В. Святловского. – Санкт-Петербург : Издательство Н.И. Романов, 1914, – 312 с.

2. Гуревич, А.Е. Мифологический и литературный контекст «Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» [Электронный ресурс] / А.Е. Гуревич. – Режим доступа : http://norse.ulver.com/src/isl/ogmund/gurevich.html. – Дата доступа : 15.05.2016.

3. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1999. – 288 с.

4. Рюмина, М. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность / М. Рюмина. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.

5. Брянцева, В.Н. Французская комическая опера XVIII века. Пути ставновления и развития жанра: Исследование / В.Н. Брянцева. – М. : Музыка, 1985. – 311 с., нот.

6. Успенский, В.В. Русский классический водевиль / В.В. Успенский // Русский водевиль ; Сост., вступ. ст-я и примечния В.В. Успенского. – Л.-М. : Искусство, 1959. – С. 3–50.

7. История всемирной литературы: в 9 т. / гл. ред. П. Бердников ; Академия наук СССР, ИМЛИ им. А.М.Горького. – М. : Наука, 1989. – Т. 6. – 880 с.

8. Александрова, Г. Порівняльні дослідження сюжету в межах національної літератури / Г. Александрова // Літературознавчі студії. – 2010. – Вип. 26. – С. 3–7.

9. Шереперя, Стецько. Купала на Ивана / Шереперя Стецько // Українська драматургія першої половини XIX ст. : Маловідомі п’єси. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1958. – С. 329–379.

10. Русско-европейские литературные связи. XVIII век : энциклопедический словарь, статьи / ред. Т.В. Вольская ; отв. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб. : Изд. Филол. фак. СПбГУ, 2008. – 430 с.

11. Екатерина II. Шаман сибирский / Екатерина II // Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения императрицы Екатерины II. – С.-Петербургъ : Издание Александра Смирдина В типографи Императорской Академии Наук, 1849. – Т II. – С. 435–515.

12. Смит, Д. У истоков русской масонофобии / Д. Смит // Образ врага: Сборник ; Сост. Л. Гудков // Нации и культура: Новые исследования. Россия / Russia – М. : ОГИ, 2005. – С. 80–101.

13. Примітки / Г.Ф. Квітка-Основ'яненко // Зібрання творів: у 7 т. – Київ : Наукова думка, 1978. – Т. 1. – С. 479–492.

14. Квітка-Основ'яненко, Г.Ф. Ясновидящая / Г.Ф. Квітка-Основ'яненко // Зібрання творів: у 7 т. – Київ : Наукова думка, 1978. Т. 1. – С. 302–281.

15. Кюхельбекер, В.К. Шекспировы духи / В.К. Кюхельбекер // Избранные произведения: в 2-х т. – 2-е изд. – М.-Л. : Советский писатель, 1961. – Т. 2. – С. 141–175. – (Библиотека поэта).

16. Екатерина II. Вольное, но слабое переложение из Шакеспира, комедія «Вот казково кметь корзину и белье» / Екатерина II // Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения императрицы Екатерины II. – С.-Петербургъ : издание Александра Смирдина В типографи Императорской Академии Наук, 1849. – Т II. – С. 367–434.

17. Лаппо-Данилевский, К.Ю. О литературном наследии Н.А. Львова / К Ю. Лаппо-Данилевский // Н.А. Львов. Избранные произведения. – СПб. : «Акрополь», 1994. – С. 7–23. – (Пушкин. дом.).

Запорожский национальный университет Поступила в редакцию 07.07.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 323.31 (476) (091)

Грамадзянская супольнасць: гісторыка-тэарэтычныя асновы

М.В. Прахарэня

Даследуецца праблема эвалюцыі ўяўленняў аб грамадзянскай супольнасці ў гісторыі сусветнай сацыяльна-філасофскай думкі. Выяўляюцца асаблівасці станаўлення і генезісу канцэпцыі грамадзянскай супольнасці. Пералічваюцца дасягненні ў тэорыі грамадзянскай супольнасці. Адлюстроўваюцца асноўныя пункты гледжання буйнейшых прадстаўнікоў сусветнай грамадскай думкі на працэс узаемадзення грамадзянскай супольнасці і дзяржавы. Вызначаецца роля грамадзянскай супольнасці ў забеспячэнні сацыяльнай стабільнасці і ўстойлівага развіцця грамадства.
Ключавыя словы: грамадзянская супольнасць; тэорыя грамадзянскай супольнасці; дзяржава; дэмакратыя; тэорыя грамадскай дамовы; грамадства.

The evolution of public perceptions of civil society in the world history of socio-philosophical thought is considered. Peculiarities of formation and genesis of the civil society concept are revealed. Achievements in the civil society theory are specified. The world major public opinions on the interaction process between civil society and state are identified. The role of the civil society in ensuring stability and sustainable development of society is defined.
Keywords: civil society; theory of civil society; state; democracy; theory of the social contract; society.

Грамадзянская супольнасць – неабходны сегмент дэмакратычнай прававой дзяржавы, а яе фарміраванне – прыярытэтная задача развіцця многіх краін свету. Будаўніцтва грамадзянскай супольнасці – неад'емны накірунак палітыкі Рэспублікі Беларусь – замацаваны ў нарматыўна-прававых актах нашай дзяржавы. Так, згодна з Канцэпцыяй нацыянальнай бяспекі, будаўніцтва грамадзянскай супольнасці з'яўляецца адной са стратэгічных задач палітычнай сферы разам з устойлівым развіццём дэмакратычнай, прававой, сацыяльна-адказнай дзяржавы [1]. Сталая грамадзянская супольнасць, улічваючы нацыянальныя асаблівасці, будзе садзейнічаць развіццю эканомікі, фарміраванню моцнай дзяржавы і дэмакратычных інстытутаў, забеспячэнню нацыянальнай згоды і сацыяльнай стабільнасці, што, у сваю чаргу, дапаможа выпрацаваць унікальную і дзейсную беларускую мадэль устойлівага развіцця. Зварот да генезісу канцэпцыі грамадзянскай супольнасці спрыяе паглыбленню ўяўленняў пра гэты феномен, асэнсаванню сацыяльных і палітычных задач, якія ў сучасны момант стаяць перад нашай дзяржавай.

Першыя тэарэтычныя распрацоўкі канцэпцыі грамадзянскай супольнасці з'явіліся яшчэ ў антычнай філасофіі, калі мысліцелі толькі асэнсоўвалі праблемы арганізацыі жыцця грамадства ў сістэме дзяржавы. Менавіта ў гэту эпоху і адбывалася зараджэнне асноў грамадзянскай супольнасці. Ужо ў VII–VI стст. да н.э. у выніку дэмакратычных пераўтварэнняў у Старажытнай Грэцыі чалавек заканадаўча надзяляўся правамі, атрымліваў статус грамадзяніна і мог удзельнічаць у палітычным жыцці дзяржавы-поліса.

У філасофіі антычнасці паняцці «грамадства», «грамадзянская супольнасць» і «дзяржава» атаясамліваліся. Так, Платон у дыялогу «Дзяржава» прадставіў мадэль ідэальнай дзяржавы і прынцыпы гарманічнага ўладкавання грамадства. На яго думку, соцыум будуецца на аснове патрэб чалавека ў ежы, жыллі, адзенні і г. д. Галоўнай умовай узнікнення ідэальнай дзяржавы, паводле Платона, з'яўляецца справядлівасць. Яна ў тым, каб кожны грамадзянін ці саслоўе мелі асаблівае становішча і занятак. Платон прапанаваў падзяліць соцыум на тры катэгорыі: кіраўнікі-філосафы, вартаўнікі-воіны і вытворцы, да якіх належылі рамеснікі і земляробы. Менавіта ў падзеле працы і заключаўся асноўны прынцып пабудовы грамадства. Платон выступаў за роўнасць паміж людзьмі: кожны займаецца тым, што адпавядае яго разумовым якасцям [2]. Такім чынам, з пункту гледжання развіцця тэорыі грамадзянскай супольнасці, заслугай Платона з'яўляецца распрацоўка канцэпцыі аб месце і ролі грамадзян і іх саслоўяў у грамадстве і дзяржаве.

Ідэі аб сутнасці грамадзянскай супольнасці займалі адно з цэнтральных месцаў у дзейнасці Арыстоцеля, які вызначыў палітычныя, эканамічныя і сацыяльныя перадумовы для яе з'яўлення. Так узнікла паняцце «politiki koinonia» – палітычная супольнасць з ліку незалежных і роўных мужоў грэчаскага поліса. Пазней гэты тэрмін пераклалі на лацінскую мову – «societas civitas», што азначае «грамадзянская супольнасць». Арыстоцель вызначыў сутнасць самога паняццця «грамадзянін» – той, хто прымае ўдзел у заканадаўчай і судовай уладзе. Асаблівая ўвага надавалася сярэдняму класу, які павінен служыць апорай дзяржавы. Вылучаліся тры катэгорыі грамадства (вельмі багатых, бедных і тых, хто знаходзіцца пасярэдзіне). Сярэдні клас, поводле Арыстоцеля, не імкнецца да чужога дабра, а найлепшае для дзяржавы – каб яе грамадзяне валодалі сярэдняй уласнасцю. Дарэчы, філосаф быў прыхільнікам прыватнай уласнасці. Ён пісаў: «Уласнасць павінна быць агульнай толькі ў адносным сэнсе, а наогул – прыватнай ... лепш, каб ўласнасць была прыватнай, а карыстанне ёю – агульным» [1] [3, с. 410]. Многія з гэтых ідэй з'яўляюцца актуальнымі і сёння. Менавіта сярэдні клас і прыватную ўласнасць сучасныя даследчыкі вылучаюць як аснову для фарміравання грамадзянскай супольнасці. Устойлівая пазіцыя гэтай катэгорыі насельніцтва выступае фундаментам грамадства, спрыяе ўмацаванню даверу і сацыяльнай салідарнасці.

Наступным крокам у асэнсаванні сутнасці феномену грамадзянскай супольнасці сталі меркаванні Цыцэрона – вядомага палітыка і мысліцеля Старажытнага Рыму. Як і папярэднікі, ён не праводзіў мяжы паміж паняццямі «грамадства» і «дзяржава». Вялікім дасягненнем старажытнай філасофіі стала абгрунтаванне неабходнасці роўнасці ў грамадстве. Так, паводле Цыцэрона, людзей павінен злучаць закон, а права, якое ўстаноўлена законам, павінна быць аднолькавым для ўсіх. Пазіцыя філосафа па пытанні роўнасці паміж людзьмі адлюстроўвалася ў поглядах на праблему справядлівасці і аптымальнага ўладкавання грамадства: да ўсіх грамадзян патрэбна адносіцца аднолькава справядліва – не адымаць маёмасць у адных і аддаваць іншым ці дараваць запазычанасці. Так, паводле Цыцэрона, роўныя правы для ўсіх грамадзян – гарантыя стабільнасці [4].

Першыя паўнавартасныя суб'екты грамадзянскай супольнасці – органы самакіравання, гільдыі купцоў, аб'яднанні рамеснікаў – заявілі аб сабе ў эпоху Сярэднявечча. Аднак у гэты перыяд, які характарызуецца дамінаваннем дзяржаўнай улады над грамадствам, паняцце «грамадзянская супольнасць» не ўжывалася. Тым не менш, народжаныя ў антычнасці ідэі атрымалі далейшае развіццё ў працах сярэднявечных мысліцелей.

Так, італьянскі філосаф і палітык М. Макіявелі выказаў думку аб імкненні дзяржавы абяссіліць і падарваць ўсялякую дзейнасць грамадства для таго, каб узвысіцца самой. Дзяржаву ён разглядаў як вышэйшую праяву чалавечага духу, а сэнс існаванння чалавека бачыў у служэнні ёй. Так, грамадзяне павінны бесперашкодна займацца гандлем, земляробствам і рамёствамі, каб забяспечыць свой дабрабыт, не баяцца высокіх падаткаў і канфіскацыі маёнткаў. Тым не менш, правы дзяржавы ў адносінах да грамадства абмяжоўваліся. Макіявелі сцвярджаў, што дзяржава не павінна « …замахвацца на маёмасныя правы падданых» [5, с. 82].

Наступным этапам у распрацоўцы канцэпцыі тэорыі грамадзянскай супольнасці сталі працы XVII ст. У гэты перыяд у Еўропе пачынаецца крызіс феадальных адносін, утвараецца новы клас грамадства – буржуазія, які імкнуўся змяніць грамадскі лад. Адбыліся буржуазныя рэвалюцыі, мэтай якіх стала абмежаванне абсалютнай улады манарха. Першымі такімі дзяржавамі сталі Англія і Галандыя. Там і з'явілася тэорыя аб грамадскай дамове і грамадзянскай супольнасці. У пазначаны перыяд канцэпцыя грамадзянскай супольнасці фарміравалася ў форме вучэнняў аб грамадскім жыцці, а яе змест быў звязаны з пераходам соцыуму і чалавека ад непалітычнага дадзяржаўнага стану да палітычнага і дзяржаўнага, ад хаосу і ўзаемнай барацьбы – да парадку і грамадзянскіх адносін.

Пачынаючы з XVII ст. тэрмін «грамадзянская супольнасць» пачаў актыўна выкарыстоўвацца. Прадстаўнікі грамадскай думкі ўжо не атаясамлівалі яго з паняццем дзяржавы ці дзяржаўным кіраваннем, як гэта рабілі філосафы Антычнасці і Сярэднявечча, але і не праводзілі прынцыповага адрознення.

[1] Тут і далей пераклад наш. – *М.П.*

Вядомы прадстаўнік тэорыі натуральнага права і дамоўнага паходжання дзяржавы Т. Гобс сцвярджаў, што, дзякуючы грамадскай дамове, людзі змаглі стварыць спецыяльны інстытут – дзяржаву – для таго, каб абмежаваць «натуральныя правы» законамі і спыніць «вайну ўсіх супраць усіх», хаос і насілле. Прычына аб'яднання – «страх перад злом, якое яны могуць зрабіць адзін аднаму» [6, с. 282]. Паводле Гобса, пад патранажам дзяржаўнай улады чалавек змяняецца і становіцца паўнавартасным членам грамадзянскай супольнасці [6].

Думку Т. Гобса адносна ўтварэння дзяржавы працягнуў галандскі філосаф Б. Спіноза, які адзначаў, што дзяржаўная ўлада падпарадкоўвае чалавека аднолькавым законам і рэгулюе грамадскае жыццё. Гісторыю чалавецтва ён падзяліў на два этапы: натуральны і дзяржаўны, ці грамадзянскі. Апошні і ёсць грамадзянская супольнасць, якая «ўсталёўваецца натуральна для ліквідацыі агульнага страху і для таго, каб пазбегнуць агульных бед» [7, с. 553].

Заснавальнік лібералізму Дж. Лок тлумачыў «натуральны стан» людзей не як «вайну ўсіх супраць усіх», а як стан свабоды і роўнасці. Калі Гобс супрацьпастаўляў яго грамадзянскаму, то Лок лічыў, што грамадзянская супольнасць вырастае менавіта з натуральнага стану і з'яўляецца яго лагічным працягам: «…калі якая-небудзь колькасць людзей так аб'яднана ў адно грамадства, што кожны адмаўляецца ад сваёй выканаўчай улады, уласцівай яму па закону прыроды, і перадае яе грамадству, то тады, і толькі тады, існуе палітычная ці грамадзянская супольнасць» [8, с. 312].

Мысліцелі і філосафы XVIII ст. працягвалі развіваць тэорыю грамадзянскай супольнасці ў напрамку даследавання яе сутнасці і ролі ў функцыянаванні дзяржавы як інстытута, які забяспечвае сацыяльную роўнасць і грамадзянскія свабоды, становіцца асноўным пры распрацоўцы ідэй будучага ўладкавання грамадства.

Французскі філосаф Ш.Л. Мантэск'е не праводзіў прынцыповых адрозненняў паміж грамадзянскай супольнасцю і дзяржавай. На яго думку, гэтыя катэгорыі ўзаемаабумоўлены. Мантэск'е трактаваў грамадзянскую супольнасць як больш высокую ступень развіцця чалавецтва: гэта грамадства барацьбы, якое ператвараецца ў дзяржаву, каб нейтралізаваць гэтае супрацьстаянне. Як і Макіявелі, Мантэск'е вылучаў сферы, якія не могуць быць падкантрольнымі дзяржаве. Адносіны ў грамадстве павінны рэгулявацца палітычнымі і грамадзянскімі законамі. Першыя рэгламентуюць адносіны паміж правіцелямі і народам, другія працуюць для грамадства і вызначаюць адносіны ўсіх грамадзян паміж сабой (правілы заключэння шлюбу, размеркавання маёмасці і прыватнай ўласнасці) [9].

Прыхільнік поглядаў Мантэск'е, шатландскі філосаф А. Фергюсон, стаў аўтарам першага спецыяльнага даследавання па тэорыі грамадзянскай супольнасці. Дадзенае паняцце разглядалася ім як спецыфічны і незалежны ад дзяржавы інстытут. У трактаце «Вопыт гісторыі грамадзянскай супольнасці» быў зроблены акцэнт на сацыяльным характары прыроды чалавека: «людзей трэба разглядаць у супольнасцях – так, як яны заўсёды жылі» [10, с. 34].

Французскі філосаф Ж.Ж. Русо ўмовай існавання грамадзянскай супольнасці лічыў грамадскую дамову, асноўнай задачай якой было «знайсці такую форму асацыяцыі, якая бараніла і ахоўвала б усёй агульнай сілай асобу і маёмасць кожнага члена і дзякуючы якой кожны разам з усімі падпарадкаваўся б толькі самому сабе і заставаўся такім жа вольным, як і раней». Грамадзянская супольнасць, якую Русо называў асацыяцыяй, магла існаваць толькі тады, калі кожны чалавек аддаваў «сваю асобу і ўсю сваю моц пад вярхоўнае кіраўніцтва агульнай волі, пры гэтым выступаючы часткай цэлага» [11, с. 207].

Уяўленні аб грамадзянскай супольнасці пазней пашырыў І. Кант, які сцвярджаў, што гэты працэс заканамерны ў сваім гістарычным развіцці. На яго думку, яе фарміраванне адбываецца шляхам злучэння і ўзгаднення натуральнай свабоды людзей: найвялікшая праблема для чалавечага рода, вырашыць якую прымушае прырода, – дасягненне ўсеагульнай прававой грамадзянскай супольнасці» [12, с. 12].

Да XIX ст. практычна ніводны прадстаўнік філасофскай думкі не размяжоўваў паняцці «дзяржава» і «грамадзянская супольнасць». Было агульнапрынята меркаванне, што існаванне першай катэгорыі – дзяржавы – прадугледжвае існаванне другой – грамадзянскай супольнасці. Адным з першых, хто паспрабаваў дыферэнцыяваць гэтыя катэгорыі, быў нямецкі вучоны

В. фон Гумбальдт. Размежаваннямі катэгорый «дзяржава» і «грамадзянская супольнасць» выступілі адрозненні паміж: сістэмай нацыянальных устаноў (арганізацый, саюзаў, якія фарміруюцца «знізу» самімі індывідамі) і сістэмай дзяржаўных інстытутаў; «натуральнам і агульным праве», якое дае дзяржава; «чалавекам» і «грамадзянінам». Гэтыя адрозненні, на думку вучонага, не дазваляюць атаясамліваць «дзяржаву» і «грамадзянскую супольнасць». Ён пісаў: «…дзяржаўны лад не самамэта, а толькі сродак для развіцця чалавека, … катэгорыя «грамадзянская супольнасць» больш значная, чым катэгорыя «дзяржавы», дзейнасць якой павінна быць падначалена задавальненню патрэб і інтарэсаў чалавека» [13, с. 189].

Ф. Гегель выступіў з прынцыпова новымі палажэннямі. Многія даследчыкі называюць яго «ўзорным тэарэтыкам грамадзянскай супольнасці». У трактаце «Філасофія права» ён дакладна размежаваў паняцці «дзяржава» і «грамадзянская супольнасць». Апошнюю, на думку філосафа, неабходна разглядаць як стадыю ці этап ў дыялектычным развіцці ад сям'і да дзяржавы. Аднак мысліцель адзначаў, што грамадзянская супольнасць абавязкова прадугледжвае існаванне дзяржавы. Ён сцвярджаў, што фундаментам грамадзянскай супольнасці з'яўляецца прыватная ўласнасць, агульнасць інтарэсаў і роўнасць грамадзян, якая гарантавана законам [14]. Менавіта Гегелю належыць выключная роля ў распрацоўцы дадзенай канцэпцыі. Пазнейшыя даследаванні грунтаваліся на гегелеўскай характарыстыцы самастойнасці грамадзянскай супольнасці ў адносінах да дзяржавы.

У рамках сваіх канцэптуальных падыходаў феномен грамадзянскай супольнасці вывучалі ідэолагі марксізму – К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Грамшы. Яны разглядалі фарміраванне грамадзянскай супольнасці ў якасці неабходнай умовы для паспяховага будаўніцтва новага грамадскага ладу. Так, К. Маркс вызначаў грамадзянскую супольнасць як вынік і пэўную ступень у гістарычным развіцці. На адрозненне ад Ф. Гегеля ён сцвярджаў, што дадзеная катэгорыя выступае перадумовай узнікнення дзяржавы. Акрамя таго, ім было адзначана, што, дзяржава – гэта палітычная ўстанова, форма, якая арганізуе грамадзянскую супольнасць. У сваю чаргу, Ф. Энгельс у артыкуле «Карл Маркс» адзначаў: «…грамадзянская супольнасць з'яўляецца той сферай, у якой трэба шукаць ключ да разумення працэсу гістарычнага развіцця чалавецтва» [15, с. 379].

Больш глыбока праблемы дэмакратызацыі грамадства сталі асэнсоўваць у XX ст. Канцэпцыя грамадзянскай супольнасці змянялася і ўдакладнялася, распрацоўваліся новыя падыходы. Калі раней увага даследчыкаў была засяроджана на патрабаваннях эканамічнай і палітычнай свабоды для асобы, то ў XX ст. – на пашырэнні свабод у духоўнай сферы і культуры, у ладзе жыцця і інш. У гэты перыяд актуалізаваліся не толькі праблемы ўзаемаадносін дзяржавы і грамадства, але і пытанні найлепшага сацыяльнага ўладкавання.

Так, англійскі палітолаг Дж. Кін звярнуў увагу на пытанне суадносін ступені свабоды і падначалення чалавека грамадству [16]. Аўстрыйскі і брытанскі сацыёлаг К. Попер выступіў з канцэпцыяй сацыяльнай інжынерыі і адкрытага грамадства, асноўнымі каштоўнасцямі якога з'яўляюцца індывідуалізм, свабода кожнай асобы, дэмакратыя і рацыянальнае кіраўніцтва дзяржавай. Паўнавартаснае функцыянаванне гэтых катэгорый павінна забяспечыць грамадзянская супольнасць. Умяшальніцтва дзяржавы ў гэты працэс «павінна быць абмежавана ў той ступені, якая па-сапраўднаму неабходна для абароны свабоды» [17, с. 153]. Вядомы сацыёлаг А. Сейлс адзначаў, што грамадзянская супольнасць развіваецца толькі ў сістэме, дзе прызнаецца свабода меркаванняў і асацыяцый. Яна выступае крыніцай легітымнасці ўлады, якая заключаецца ў плюралізме думак і спаборніцтве палітычных партый. Дзяржава, выкарыстоўваючы сілавыя ці заканадаўчыя структуры, не павінна перашкаджаць гэтаму працэсу [18].

Паступова грамадзянская супольнасць стала разглядацца як складаная сацыяльная з'ява. На думку даследчыкаў XX ст., яна стане тым звяном, якое павінна злучыць асобу і дзяржаву, прыватную і публічную сферы. Сучасная тэорыя грамадзянскай супольнасці як складанай і незалежнай ад грамадства сістэмы прадстаўлена ў сацыяльна-палітычных і філасофскіх працах Ю. Хабермаса, П. Бергера, Т. Парсанса, Дж. Ролза, Э. Фрома, Г. Маркузе, М. Аўкшота, М. Фуко, Э. Арато, В. Гавела і інш. Такім чынам, працэс даследавання станаўлення і асаблівасцей

развіцця грамадзянскай супольнасці працягваецца. Гэты феномен апісваюць у сваіх працах гісторыкі, сацыёлагі, палітолагі, журналісты. Сёння не існуе адзінага меркавання адносна сутнасці гэтага паняцця. Вялікая колькасць падыходаў да яго разумення не дазваляе знайсці агульнага азначэння. У цэлым сутнасць гэтых падыходаў заключаецца ў тым, што грамадзянская супольнасць прадстаўляе сабой сістэму самастойных і незалежных ад дзяржавы інтытутаў, якія знаходзяцца з ёй у раўнапраўных і канструктыўных узаемаадносінах для таго, каб забяспечыць умовы для рэалізацыі і абароны інтарэсаў грамадзян.

Генезіс ідэі грамадзянскай супольнасці паказвае, што яе асноўныя канцэптуальныя палажэнні заўсёды былі і будуць накіраваны ў бок агульначалавечых каштоўнасцей – адстойвання натуральнага права чалавека на жыццё і свабодную дзейнасць, прызнання роўнасці грамадзян перад законам, абгрунтавання прынцыпу падзелу ўлады ў межах фарміравання прававой дзяржавы і г. д. Гэтыя палажэнні, у сваю чаргу, спрыяюць дэмакратычнаму ладу, ствараюць спрыяльныя ўмовы для жыцця і працы, забяспечваюць сацыяльную стабільнасць і нацыянальную згоду ў грамадстве.

Літаратура

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Республики Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь. – Режим доступа : http://kgb.by/ru/ukaz575. – Дата доступа : 14.03.2016.
2. Платон. Сочинения : в 3-х т. / Платон. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3., ч. 1. – 687 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4-х т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Цицерон, М.Т. Диалоги / М.Т. Цицерон. – М. : Наука, 1996. – 224 с.
5. Маккиавелли, Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: сборник / Н. Маккиавелли. – Мн. : ООО «Попурри», 1998. – 672 с.
6. Гоббс, Т. Сочинения : в 2-х т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 622 с.
7. Спиноза, Б. Избранные произведения : в 2 т. / Б. Спиноза – М. : Политиздат, 1957. – Т. 1. – 627 с.
8. Локк, Дж. Сочинения : в 3-х т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – Т. 3. – 1988. – 668 с.
9. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
10. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – М. : РОССПЭН, 2000. – 392 с.
11. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре: Трактаты / Ж.Ж. Руссо. – М. : Терра – Книжный клуб, 2000. – 544 с.
12. Кант, И. Сочинения : в 6-ти т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 6. – 799 с.
13. История политических и правовых учений XVII–XVIII вв. / Н.М. Азаркин [и др.]. – М. : Наука, 1989. – 446 с.
14. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
15. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – изд. 2-е. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. – 839 с.
16. Кин, Дж. Демократия в гражданском обществе: О трудностях европейского социализма, перспективах демократии и проблеме контроля над социально-политической властью / Дж. Кин ; пер с англ. Л. Макеева, И. Мюрберг. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
17. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги : в 2-х т. / К.Р. Поппер. – М. : Феникс, 1992. – Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
18. Sales, A. The Private, the Public and Civil Society: Social Realms and Power Structures / A. Sales // International Political Science Review. – 1991. – Vol. 12, № 4. – P. 295–312.

Белорусский государственный университет
Поступила в редакцию 04.06.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 398(476.2):7.046

Вобразны паралелізм у фальклоры Гомельшчыны

К.Л. Хазанава

Даследуюцца асаблівасці вобразнага паралелізму як стылістычнага стрыжня мастацкага выяўлення ў паэтычных жанрах фальклору Гомельскай вобласці. У народнай паэзіі рэгіёна спалучыліся абрадава-рытуальныя адметнасці духоўнай культуры ўсходніх славян. Паралелізм з частымі арнітаморфнымі і раслінаморфнымі вобразамі у сваёй структуры захоўваецца з даўніх часоў і мае вытокамі старажытную славянскую міфалогію.
Ключавыя словы: вобразны паралелізм, фальклор, абрад, рытуал, птушкі, расліны, эпітэты, міф, міфалогія, усходнія славяне.

In the article the features of figurative parallelism as stylistic base of the artistic representation in the poetic genres of the folklore of Gomel region are investigated. In the folk poetry of the region ceremonial and ritual lines of spiritual culture of eastern Slavs are combined. Parallelism with frequent images of plants and birds in the structure remains for a long time and has a source from ancient Slavic mythology.
Keywords: figurative parallelism, folklore, ceremony, ritual, birds, plants, epithets, myth, mythology, eastern Slavs.

Гомельская вобласць адметная ў геаграфічных адносінах сваёй лакалізацыяй на перакрыжаванні тэрытарыяльнай пашыранасці культур і моў трох усходнеславянскіх народаў. З гэтай прычыны ашчадна захаваная ў рэгіёне народная творчасць у разнастайных жанрава-стылістычных праяўленнях з'яўляецца цікавым і бясцэнным аб'ектам этналінгвістычнага даследавання.

Самы распаўсюджаны моўны сродак мастацкага выяўлення ў фальклорных творах, зафіксаваных на тэрыторыі Гомельшчыны – вобразны паралелізм.

Мэта артыкула – даследаванне стылістычных адметнасцей вобразнага паралелізму і выяўленне асаблівасцей яго функцыянавання ў мове паэтычных жанраў фальклору Гомельшчыны.

Стылістычны прыём надзялення чалавечымі якасцямі жывёл, раслін або птушак і ўжывання назваў жывёльнага свету ў супастаўленні з назвамі асоб або прадметаў, уласцівы абрадавай лірыцы, паходзіць ад моцных сувязей старажытных стваральнікаў фальклорных жанраў з прыродай:

Ой ты, ластаўка, ты касастая,..
Ой ты, дзевачка, ой ты, красная (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 65].

Вытокі гэтага віду слоўна-прадметнай іншасказальнасці крыюцца ў слабасці і неразвітасці старажытнага чалавека перад магутнасцю прыродных стыхій. Залежнасць ад сіл прыроды і адсутнасць ведаў пра яе заканамернасці нараджалі ў чалавечай свядомасці прыпадабненне прыродных з'яў і працэсаў да ўласных дзеянняў.

Праз вобразны зварот да прыроды і апісанне чалавечых адносін шляхам супастаўлення з жывёламі і птушкамі стваральнікі фальклорных твораў імкнуліся глыбей і падрабязней перадаць эмацыянальны фон закранутых у песні падзей:

Рыбка белая – маё целечка (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 70];
Ой ты, заюшка, гарнастаюшка,..
Ты куды бяжыш із поля ў лясы?..
Ох ты, міленькі, чарнабрывенькі,
Ты куды ляжыш к сцяне ачмі, к жане плячмі? (Гомельскі р-н) [2, с. 240].

Вобразны паралелізм дапамагае звычайна ў аповедзе пра нейкія складаныя, цяжкія і непрыемныя перажыванні, драматычныя абставіны:

Лугавая зязюленька, лугам ляціш,
Чаму не кукуеш?..
Ой ты, дзеўка-дзяўчыначка, ад бацькі йдзеш.
Чаму не заплачаш (в. Крапіўнае, Навазыбкаўскі р-н) [2, с. 180–181];

Хадзіла лісанька па бару,
Прасіла, маліла сабаля....
А хадзіла дзеванька па двару,
Прасіла, маліла сужаньку (Гомельскі павет) [2, с. 162].

Фальклорныя тэксты, пабудаваныя на вобразным паралелізме, маюць старажытнае паходжанне з часоў, калі людзі, не разумеючы ў дастатковай ступені (прынамсі, у параўнанні з зараз існуючымі ведамі аб прыродным свеце) жыцця акаляючага асяроддзя, праз супастаўленне з прыроднымі рэаліямі імкнуліся дакладней асэнсаваць сацыяльныя і псіхалагічныя заканамернасці ўласнага існавання, растлумачыць сабе і іншым некаторыя важныя для існавання дзеянні, паводзіны, а таксама іх эмацыянальны фон.

Вобразны паралелізм у песні можа быць схаваны, калі ў тэксце паўстае толькі птушыны ці жывёльны свет, а чалавечыя ўзаемаадносіны толькі маюцца на ўвазе:

Што па тым па возеры шэры гусі плавалі,...
Шэры гусі плавалі, шэрых гусей стала,...
Налятаў на гусачак, налятаў шызы арол,...
Ухапіў ён гусачку за галоўку,...
Гуску за галоўку, за белую шыйку,...
За белую шыйку, за правае крыльца,...
Крыкнулі-гакнулі гусачкі па гусі (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 91–92].

Надта часцей адзначаецца выяўлены вобразны паралелізм, калі спачатку прапануецца апісанне паводзін птушак ці жывёл, а потым узгадваюцца чалавечыя стасункі, і назвы жывых істот ужываюцца ў супастаўленні з назвамі асоб:

Вол бушуе – весну чуе,
Свіння рые – Корань чуе.
Воран грача – Сыра хоча,
Дзеўка плача – Замуж хоча (в. Любавічы, Жыткавіцкі р-н) [1, с. 39];
Пірапёлачка да й па жыцячку,
Весяленька лятала. У!
А там дзевачка да й па хлопчыку
Цяжоленька ўздыхала. У! (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 121].

Для абрадавай лірыкі Гомельшчыны найбольш характэрны вобразны паралелізм, калі некаторымі чалавечымі якасцямі ў песнях надзяляюцца птушкі. Папулярнымі з'яўляюцца такія вобразы, як ластаўка, зязюля, лебедзь:

***Зязюлечка** лугавая, Лугавая, лугавая* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 93];

Птушыныя вобразы амаль абавязкова маюць у тэкстах песень мастацкія азначэнні, якія характарызуюцца тымі самімі адметнасцямі, што і эпітэты, ужытыя па-за вобразным паралелізмам. Сустракаюцца, напрыклад, азначэнні, выражаныя кароткай формай прыметніка:

*Як па том жа па возеру **серы** гусі плавалі,...*
Як па нашай па вуліцы дзеўкі танкі водзяць (в. Беседзь, веткаўскі р-н) [1, с. 89–90].

Сталыя эпітэты ўказваюць традыцыйны для фальклору колер птушкі:

***Белы лебедзі** разляцеліся, ..*
Залато кружжа разаткалася (в. Неглюбка. Веткаўскі р-н) [1, с. 66];
***Шэры лебедзі** – пасярэдзіне,*
Ох, і вой, люлі, пасярэдзі... Йх! (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 69].

Радзей у стылістыцы паралелізму даследаваных твораў сустракаюцца вобразы галак і гусей:

*Не збівай-ка, **галачка**, ранняе расы* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 84];
*Як па том возяру серы **гусі** плавалі,..* (в. Стаўбун, Веткаўсік р-н) [1, с. 88].

Распаўсюджаным у фальклоры даследаванай мясцовасці з'яўляецца выкарыстанне парных вобразаў птушак. Пры гэтым за некаторымі птушкамі замацаваны адпаведныя народнаму ўяўленню «паводзіны». Лябёдачка або гусачка сімвалізуюць дзяўчыну і пакутуюць ад арла ці селезня, за якімі паўстае вобраз моцнага і жорсткага мужчыны:

*Адкулья й узяўся серы **селязенька**,..*
*Як узяў **гусачку** за сераю шыйку..* (в. Стаўбун, Веткаўсік р-н) [1, с. 88];

Як наперад, як наперад белая ***лябёдачка****,..*

Як наляцеў, наляцеў сіз ***арол*** *на крылушках* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 89].

Асабліва папулярны матыў у паэтычных жанрах фальклору Гомельска-Бранскага пагранічча – напад арла на лябёдачку (гусачку) у супастаўленні з прыездам хлопца да дзяўчыны. Пра надзвычайную трываласць гэтага вобразнага паралелізму можна меркаваць па супастаўленні радкоў, зафіксаваных у XIX ст., і сучасных фальклорна-этнаграфічных запісах:

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ	***Сучасныя фальклорныя запісы***
Икъ на томъ возири *Гусачки плавали,* *Икъ налетѣвъ сизой орелъ.* *Ухвативъ ёнъ гусачку* *Полъ самое крыльцо,...* *Икъ на нашей вулицы* *Дѣвки такнокъ водять,* *Икъ прискакавъ хлопчикъ* *На ворóномъ кóни,* *Да хопивъ красну дѣвку* (Гомельскі р-н) [3, с. 163].	*Як па том жа па возеру серы гусі плавалі,..* *Як паперад, як паперад белая лябёдачка,..* *Як наляцеў, як наляцеў сіз арол на крылушках,..* *Ухапіў ён, ухапіў ён белаю лябёдачку,..* *Як на нашай па вуліцы дзеўкі танкі водзяць,..* *Як наляцеў,як наляцеў хлопчычак на коніку,...* *Ухапіў ён, ухапіў ён дзевачку за ручачку...* [1, с. 89–90].

На думку сучасных фалькларыстаў, паказаныя тэксты ўяўляюць сабой прыклад паралелізму міфарытуальнага плану, які захаваўся ў нешматлікіх карагодных песнях з арнітаморфнымі персанажамі ў першай частцы [4, с. 96].

Удумлівы аналіз малюнка прыроды, створанага народнай паэзіяй, можа прывесці да многіх пытанняў і сумненняў у рэальнай магчымасці, з пункту погляду спецыяліста-арнітолага, такіх падзей у птушыным свеце. У той час усё сказанае пра чалавечыя рытуалы, наадварот, у поўнай меры магчыма і рэалістычна.

Калі зараз карагоды паўстаюць своеасаблівай даўняй формай выказаць на вачах усяго грамадства сваю замілаванасць пэўнай асобай іншага полу, такое своеасаблівае выяўленне гендарных стасункаў, то звесткі, адзначаныя ў старажытнарускіх летапісах, дазваляюць зрабіць дзіўныя, на першы погляд, адкрыцці. Так, уважлівае прачытанне «Аповесці мінулых гадоў» і навуковае супастаўленне летапісу Нестара з сучаснымі фальклорнымі дадзенымі, прывяло даследчыцу Р.М. Кавалёву да высновы, што язычніцкія веснавыя святы старажытных усходнеславянскіх плямён «былі ўзаконенай і асвечанай традыцыяй формай шлюбных адносін» [4, с. 100]. Гэтае разуменне народных песень дае падставы лічыць іх рэшткамі надта старажытнага славянскага міфалагічнага эпасу. Персанажы песні ў такім выпадку атаясамліваюцца з удзельнікамі «прэцэдэнтнай міфалагічнай падзеі» [4, с. 100], а паралелізм з’яўляецца «прамым вытворным ад міфалагічнага тэатра, які адыграе ў карагодзе матрыманіяльную містэрыю» [4, с. 101].

Вобразны паралелізм з арнітаморфным зачынам, захаваны на тэрыторыі Гомельшчыны, прадстае «міфалагемай свяшчэннага шлюбу» [4, с. 101], якая выяўляецца «вербальна – у першай частцы паралелізму і візуальна-вербальна – у суадносных паміж сабой карагодным дзеянні і яго песеннай рэпрэзентацыі ў другой частцы паралелізму» [4, с. 101].

Не выпадкова таму вобразы птушак уласцівы і для стылістыкі вобразнага паралелізму вясельных абрадавых песень. Дзеянні, пачуцці, перажыванні маладых або іх родных параўноўваюцца і супастаўляюцца з паводзінамі птушак, што ўзмацняе ступень праяўлення эмоцый і ўчынкаў персанажаў песні, надае ім сімвалічны характар. Праз апісанне птушыных паводзін аўтары песень імкнуліся глыбей выявіць і растлумачыць псіхалогію чалавечых узаемаадносін.

У вясельных песнях часта сустракаюцца вобразы *зязюлі, вуткі, сарокі, салаўя:*

Ці не заляцела Наша ***вутачка*** *к вам?*

Ой, заляцела Да на шасток села (в. Глыбоцкае, Гомельскі р-н) [5, с. 81];

Заручаеш мяне, мамка, маладую,

Ой, дай ***зязюлю*** *лугавую* (в. Вербавічы, Нараўлянскі р-н) [1, с. 129].

У абрадавых песнях традыцыйнага Гомельскага вяселля даволі частыя алегарычныя назвы маладых – галоўных персанажаў вясельнай цырымоніі: *сокал, саколка, голуб, галубка,*

лебедзь, лебядзінка. Такое найменаванне маладых стварае велічны, узнёслы характар вясельнай цырымоніі і адначасова выклікае своеасаблівыя шчымліва-сумныя пачуцці ад развітання з маладым бесклапотным і вольны жыццём:

Ляціць ***сокал з саколкаю****.*
А то не ***сокал****, то* ***Ванечка****,*
А ***соколочка*** *–* ***Ганночка*** (в. Барталамееўка, Веткаўскі р-н) [6, с. 108];
А лятаў ***салавейка*** *па лясу,*
А маркотненька ***салавеечку*** *аднаму,*
– Каб была са мной шэрая ***зязюля****,...*
Да хадзіў ***Ванечка*** *па двару,*
А яму маркотненька аднаму.
– А як бы са мной ***дзевачка*** (Гомельская вобласць) [1, с. 127].

Заснаванае на вобразным паралелізме супастаўленне чалавечых адносін у абрадавым фальклоры адзначаецца з раслінамі:

Высокае ў лесе дрэва ***яліна*** *была,..*
Усяму лугу зялёнаму загуду дала,..
Харошая ***дзяўчына*** *ў таткі была* (в. Старыя Дзятлавічы, Гомельскі р-н) [2, с. 147–148];
Вы расціце, ***чарнабрыўцы****, Да не буяйце,*
Як выйду ўвосень ***замуж****,*
Дак вы і завяньце (в. Старыя Дзятлавічы, Гомельскі р-н) [2, с. 148];
Зялёная ***ліпка*** *з сваім лісточкам Усю восень гаварыла...*
Красна ***Алёнка*** *з сваім татулькам Усю нядзельку гаварыла* (Гомельскі р-н) [2, с. 146].

У вясельных песнях вобразны паралелізм можа быць таксама і псіхалагічным, калі знешняя прыгажосць і маладосць нявесты, яе жыццё ў бацькоўскай пяшчоце ў родным доме, а таксама мужнасць і фізічная моц жаніха супастаўляюцца з пэўнымі рэаліямі расліннага свету, тыповымі для народна-паэтычнай сімволікі.

Значныя цяжкасці будучага сямейнага жыцця жанчыны ў параўнанні з мужчынам абумовілі пашыранасць у вясельных песнях Гомельшчыны вобразаў раслін, што перадаюць замілаванне дзяўчынай – будучай жонкай, маці, гаспадыняй:

Стаіць ***грушачка****, распусціўшыся, некаму падрэзаць,*
Стаіць ***Надзечка****, расплакаўшыся, некаму сунімаць* (в. Цярэнічы, Гомельскі р-н) [5, с. 87];
Ой, ***рута*** *мая, дробна зелена, Некаму падабраць* (в. Шарсцін, Веткаўскі р-н) [5, с. 75];
У полі ***канапелька*** *Зялёным зеляненька...*
Дзевачка *ў мамачкі Малада маладзенька* (в. Вялікія Стралкі, Рагачоўскі р-н) [1, с. 127];
Разгарэлася ***каліна*** *У цёмным лесе стоячы,...*
Расплакалася ***Леначка*** *У роднае мамкі за сталом* (в. Навасёлкі, Хойніцкі р-н) [1, с. 130].

Менш прадстаўлены мужчынскія вобразы – *дуб, явар*:

А ў барку, барку, На жоўтым пяску,
Там стаяў ***явар*** *тонкі, высокі,*
Ай, тудой ішоў мальчышак з руж'ём (в. Рудня Стаўбунская, Веткаўскі р-н) [5, с. 72].

Некаторыя чалавечыя паводзіны знаходзяць паралелі ў прыродных стыхіях:

Веснави́ вѣтри повивая,
Въ комо́ри двери очиняя,
Свекоръ нивѣхну пробуждая [3, с. 163].

У паэтычных жанрах Гомельска-Бранскага пагранічча сустракаюцца цікавыя вобразныя структуры, у якіх выяўляюцца асацыяцыі прыродных з'яў і затануўшай дзяўчыны:

Ой, не бяры, братка ж, да й у моры вады,...
Ой, а ў моры вада ж да от то кроў мая,...
Ой, не касі, братка ж. Да на лугу травы,...
Ой, на лугу трава да то каса мая,...
Ой, не рві, братка ж, да жоўтых красачак,...
Ой, жоўты красачкі да то краса мая (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 77–78].

Трагічная па сутнасці сітуацыя знайшла ў творы адметнае выяўленне. За кошт вобразнага паралелізму тэкст набыў экспрэсіўнасць і нават некаторую своеасаблівую жудаснасць. Аднак у тым і адметнасць паэтыкі фальклору, што песні з матывам смерці маюць жыццесцвярджальную метафарыстыку, а «смерць чалавека мае сваю логіку – не жыццёвую, а міфалагічную: яна неабходна для падтрымкі гармоніі, раўнавагі і жыццёвай сілы свету» [4, с. 175].

Указаны моўны матэрыял наглядна пацвярджае надзвычайную характэрнасць для паэтычнай народнай творчасці Гомельшчыны такога стылістычнага сродку мовы, як вобразны паралелізм. Разгляд мастацкай спецыфікі гэтага віду іншасказання паказвае, што часта вобразны паралелізм знаходзіцца ў галіне міфалогіі і выражае міфарытуальны тэкст. А псіхалагічны паралелізм, па меркаваннях сучасных фалькларыстаў, нарадзіўся з вясельнай паэзіі, дзе існаваў разам са сваім папярэднікам – міфарытуальным паралелізмам [4, с. 101].

У паэтычных жанрах фальклорных твораў, зафіксаваных ў Гомельскай вобласці, спалучыліся і знайшлі канцэнтраванае выяўленне абрадава-рытуальныя адметнасці духоўнай культуры ўсходніх славян. Пашыраны ў даследаваных песнях вобразны паралелізм трывала захоўваецца з надзвычай даўніх часоў і мае ў сваіх каранях старажытную славянскую міфалогію.

Літаратура

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры Гомельскай вобласці / уклад. В.А. Захарава [і інш.]. ; уклад. муз. часткі У.І. Раговіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

2. Восеньскія і талочныя песні / Склад і аўт. ўступ. артыкулаў А.С. Ліс ; уклад. і камент. талоч. песень С.Т. Асташэвіч ; муз частка В.І. Ялатаў; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1081. – 679 с.

3. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населения chверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П.В. Шейномъ: въ 3 т. – Санкт-Петербургъ : Типографія Императорской академіи наукъ, 1887. – Томъ I. Часть 1: Бытовая и семейная жизнь бhлорусса въ обрядахъ и пhсняхъ. – 580 с.

4. Кавалёва, Р М. Фалькларыстычны калейдаскоп: зб. арт. / Р.М. Кавалёва. – Мінск : Бестпрынт, 2009. – 266 с.

5. Вясельная традыцыя Гомельшчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік / укладанне В.С. Новак. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – 485 с.

6. Вяселле на Гомельшчыне: фальклорна-этнаграфічны зборнік / уклад. І.Ф. Штэйнер, В.С. Новак. – Мінск : ЛМФ «Нёман», 2003. – 472 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 21.02.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 8.11.161.1'42

Стилистическая модель языкового конструирования гендерного смысла в интернет-коммуникации

Т.Е. Храбан

Исследуется соотнесение групповых и индивидуальных языковых практик с существующими (стереотипными) представлениями о мужской и женской речи, а также изучены стилистические приемы конкретных личностей как способа конструирования гендерной идентичности. Установлено, что гендерно-релевантные манифестации стиля многообразны; они возникают в социальной практике и связаны с ней. При этом речь идет не о едином, обусловленном полом, варианте языка, а о соотнесении языковых форм с их социально обусловленным значением.
Ключевые слова: интернет-коммуникация, гендер, языковая личность, социальные сети, жанр, стилистический подход.

The article deals with the correlation between group / individual language practices and present (stereotypic) perceptions of male and female speech. The certain individuals' stylistic methods as a way of constructing gender identity are also studied. It has been found out that the relevant gender manifestations of style are various. They arise in social practice and are associated with it. It doesn't mean a common language version specified by gender but it means correlation between linguistic forms and their social-conditioned meaning.
Keywords: Internet communication, gender, language personality, social networks, genre, stylistic approach.

Социальная сеть занимает особое место в системе виртуальной коммуникации как сервис, ориентированный на интернет-опосредованное межличностное общение пользователей с целью формирования прочных социальных связей. Социальные сети предназначены для построения, отражения и организации социальных отношений и отличаются растущей популярностью, все большим охватом пользователей самого различного возраста и социального статуса. Они представляют собой «программный сервис, площадку для взаимодействия людей в группе или в группах. Социальная сеть – это интерактивный, многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Сайт представляет собой автоматизированную социальную среду, позволяющую общаться группе пользователей, объединенных общим интересом» [1, с. 279].

Социальные сети являются открытым креативным пространством, генерирующим новые языковые формы и речевые новации для коммуникации, опосредованной Интернетом, в рамках которого происходит модификация коммуникативных стратегий и тактик поведения языковой личности. Это определяет изменения в функционировании единиц языковой системы, соотношении устной и письменной форм речи, возникновение новых речевых жанров.

В отличие от специализированных и закрытых форумов или блогов социальные сети представляют обширный материал для исследования, который является репрезентативным срезом сферы современной коммуникации и дает уникальную возможность составить обобщенный речевой портрет женщины-пользователя Интернета. Социальные сети, один из ведущих видов общения в Интернете сегодня, лишены анонимности; напротив, общение в соцсетях – это общение с определенной личностью, часто близкими друзьями, родными и знакомыми. Поэтому материал общения в социальных сетях способен существенно дополнить сложившееся текстовое выражения и восприятие гендерной составляющей в отличие от блогов, где нет четких критериев определения пола автора того или иного универсального текста, и точное определение его гендерной роли невозможно.

Под «лингвистическим конструированием гендера» в статье вслед за Е. Гриценко понимается «когнитивная деятельность импликативно-инференционного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями (ассоциациями, стереотипами, идеалами и пр.), являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной

культуры. Язык играет в этом процессе двоякую роль: неосознаваемого фона, фиксирующего гендерные стереотипы, идеалы и ценности посредством структур языка, и инструмента, дающего возможность (вос)производства тендерных смыслов в социальной практике» [2, с. 12].

Цель статьи – изучение феномена индикатора текущего состояния (статуса) женщин в социальной сети. Статус – это краткое публичное виртуальное сообщение в социальной сети, которое выполняет функцию краткого «заголовочного» обозначения важной для пользователя информации и может быть рассмотрено и прокомментировано кем угодно, или узкой группой лиц, которых выбрал сам пользователь. Статусы отражают социокультурные ценности пользователя и в совокупности с комментариями к ним членов сообщества социальной сети формируют культурно-прагматический потенциал текстов социальной сети в целом.

Поскольку основными характеристиками социальных сетей являются возникновение новых речевых жанров, характерных только для взаимодействия пользователей, то особое значение для характеристики текстов социальных сетей имеет их жанровая составляющая. Российский ученый К.Ф. Седов предложил выделять речевой жанр, субжанр и гипержанр. Речевой жанр представляет собой достаточно длительную интеракцию, содержащую несколько микротекстовых единиц и порождающую диалогическое единство или монологическое высказывание. Целью речевого жанра является вербальное оформления взаимодействия партнеров. Субжанр ученый рассматривает как жанровую форму, представляющую собой одноактное высказывание, которое обычно равно одному речевому акту и может входить в жанр в качестве тактики. Гипержанр К.Ф. Седов представляет как «речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров (гипержанр – застолье, жанры – тост, застольная беседа, и т. п.)» [3, с. 86–87].

Индикатор текущего состояния (статус) представляет одноактное высказывание. Поэтому, исходя из классификации, предложенной К.Ф. Седовым, рассматривается в статье как субжанр информативно-оценочного жанра.

Важным с теоретической точки зрения является обоснование стилистического подхода к конструированию гендерной идентичности. «Описание языкового конструирования гендера в рамках стилистической модели предполагает соотнесение групповых и/или индивидуальных языковых практик с существующими (стереотипными) представлениями о мужской и женской речи и исследование стилистических перфомаций конкретных личностей и/или групп как способа конструирования гендерной идентичности» [4, с. 100]. Гендерно релевантные манифестации стиля многообразны; они возникают в социальной практике и связаны с ней. При этом речь идет не о едином, обусловленном полом, варианте языка, а о соотнесении языковых форм с их социально обусловленным значением.

Материалом для исследования послужили 617 статусов, размещенных в англо-, португало- и русскоязычных социальных сетях и извлеченных методом сплошной выборки. В ходе анализа стилистической модели языкового конструирования гендерного смысла «женщина» в дискурсе социальных сетей были выявлены следующие параметры:

1. Особенность тематики социальных статусов. Для всех исследуемых языков характерна частотность использования лексического состава языка, охватывающий «ближайший» круг жизни женщины (дом, семья, друзья, одиночество, предательство и т.д.). Конкретные примеры:

– англ.: *clothes, marriage, husband, wife, love, joined hearts, child, to give birth a child, to cherish, raise the child, career, together, to combine, full circle, to create, to nurture, to transform, jealous, girlfriend, faithful, attention, to deserve, crazy, wife, mother, highest calling, to hope, to be afraid to be alone, to revel, personal growth, unique type of man, sweet heart, happiness, to pray, to kiss, success, forever, to laugh, to be true to each other, patience, relation, false feeling, motivation;*

– порт.: *casais infelizes, anonimato, relacionamento sério no Facebook, velha serenata, flores na saída do trabalho, casamento espontâneo, prova de amor, felicidade, do início ao fim, dias falsos, casamento, empenho da palavra, problemas conjugais, acabar com relacionamento, casais verdadeiros, respeito, é melhor nao ter ninguem, machucar, enganar, ir-se embora, controlar, trazer paz, amor, problema, trair, escolher o mais rico, ser chifruda, promessas, expectativa, maquiagem, cuidar, cultivar amor, jogo, solteira, ignorar, apaixonar, concorrência, alegria da amizade, família, espelho, elogio;*

– рос.: *ухажер, жена, муж, любовница, изменять, любить, гости, ребенок, обязанности, борщ, порядок, убирать, девица, зарплата, кредитка, тратить, мириться, парень, кольцо, паспорт, свадьба, поболтать, лучший друг, парень, закрыть сердце, бесполезно спорить, жить в одиночестве, быть одинокой, разбить сердце, мальчики, портить настроение, квартира, шмотки, зарплата;*

2. Преобладание эмоционального и аксиологического компонента значения. Данный компонент присутствует во всех изучаемых языках. Он проявляется в следующих аспектах:

а) употребление лексики, описывающей чувства и психическое состояние автора статуса, ее сосредоточение на своем внутреннем мире. Конкретные примеры:

– англ.: *to be real, to be perfect, to forget, to remember, to deserve, value, worth, to be proud, sensitive, not touchy, kind, discernment, confident, arrogant, smart, to hope, strong, self confident, calm, compassion, charity, heart, love, prayer, flawless, gorgeous, pretty, honesty, truth, plain, good mind, good will, different, perfect imperfection, comfortable, weakness, happy, to laugh, to cry, to sigh, stress, heavy burdens, to smile, happiness, to sacrifice, without complain, graceful, intelligent, to be worth praise, honest, loyal, faithful, devoted to only one;*

– порт.: *psicológico, sentir falta, não ser em vão, felicidade, energia boa, tempestade, medo, vontade de ganhar, chorar, amor, perder, sorriso, gritar, ironia, sem grace, triste e solitária, ser feliz, iluminar o dia, pensamentos ruins, pessoas amargas, ser desnecessária, ser louca, teatro, pessoa triste, depressão;*

– рос.: *сказать матом, съездить по роже, не пристало, забухать, править миром, стерва, игривая, тихая и скромная девочка, сильная, слабая, счастливая, любимая, как мужчина, сука, свободная, маленькая глупая девочка, взрослая стерва, девушка-зажигалка, огонь-баба, ранимая, львица, агрессивная, ранимая, распускать 'нюни', 'зажигать' в клубе, плакать, невезучая, улыбка, рыдать, надежда;*

б) употребление диминутивов, единиц аффектированной лексики, метафор, сравнений, эпитетов. Конкретные примеры:

– англ.: *creature of God; marriage is a workshop; marriageis like a song; to think like a man, act like a lady, look like a young girl, and work like a horse; Girls got balls. They're just a little higher up, that's all; Women are like police, they can have all the evidence in the world but they still want a confession; A tribute to all women who are the strength of life, the rock of her family, the gentle heartbeat to her children, the tears to her parents, the joy to her soul mate, the inspiration at her work, the support and love of her friends, the mystique in society, the leader of love, life and the apple in Adams eye;*

– порт.: *Ela é doce como um limão, e tão calma quanto um furacão; Lua cheia, desliga o farol, namora comigo a espera do sol; Tá com saudade, me procura, diz que sou tua cura, sem frescura; Que chova felicidade, e que eu me afogue em cada gota. Que haja tempestade, somente de coisas boas; Queria voltar a ser criança porque os joelhos ralados curam mais rápidos que os corações partidos; Eu sou tão sexy q até a vida quer foder comigo;*

– рос.: *белая и пушистая, птичка-невеличка, жирный пингвин, серая мышка, драная кошка, мумия фараона, отращивать крылья, ангел земной, выпустить когти, как шампанское, отменное зелье, принц на белом коне, вешать на уши лапшу, закрыть сердце на капитальный ремонт, коврик для ног;*

в) использование экспрессивных синонимов прилагательного *хороший*. Конкретные варианты:

– англ.: *incredible, marvelous, amazing, extraordinary, magnificent, super, exceptional, excellent, effective, fine, flawless, great, awesome, impressive, stupendous, stunning, adorable, astonishing, brilliant, tremendous, wonderful;*

– порт.: *simpática, belo, justo, bonito, charmoso, atraente, graciosa, cativante, atrativo, elogio bom, impressionante, muito bom*

– рос.: *благоприятный, завидный, законный, замечательный, близкий, большой, добрый, превосходный, прекрасный, достойный, идеальный, знатный, значительный, изумительный, классный, красивый, неотразимый, безукоризненный, безупречный, неплохой, отличный, отменный, правильный;*

г) использование восклицательных и вопросительных конструкций. Они усиливают эффект воздействия, а также способствуют выражению мнения и оценки женщины-автора статуса. Конкретные варианты:

– англ.: *Thoughts when Im on my period: Ah, my vagina is falling off! I'm going to die! Wow this is dumb! Why wasn't I born a boy? I hate all of you!*; *Having multiple partners doesn't make you a man or woman! Being honest, loyal, faithful and devoted to ONLY ONE does!!!;*

– порт.: *Se cuida, ta? Porque agora eu vou cuidar de mim!; Deus da minha vida, fica comigo !; Échiley Shirley nunca vou esquecer , nunca porque vc é e sempre será minha amiguxa , embora a distância não ajude , amizade verdadeira dura para sempre com tantos obstáculos!!! nunca esqueça de me pois nunca vou esquecer vc !!!!!!!!;*

– рос.: *Сегодня встала на весы… Поняла, что надпись на конфетах «КОРОВКА» не название… А предупреждение!!!; Думай о тех, кто будет носить тебя на руках… не жри на ночь!; Только привыкнешь к хорошей жизни, как она тут же становится еще лучше! Я счастлива!!!!!; Сама не своя, куда там твоя?!; Зачем нужны эти звонки после которых настроение портится? Я буду жить для себя!*

д) использование жаргонизмов и сленга. Следует отметить, что в их семантике не содержится явно выраженной экспрессии грубости и цинизма, поэтому цель использования жаргонизмов и сленга можно отнести к выражению экспрессивности речи. Проявление данного аспекта в статусах социальных сетей характерно только для английского и русских языков.

Конкретные варианты:

– англ.: *Dear Men, If we have to have periods every month, you guys should be kicked in the balls once a month. Sincerely, Women*; *Thoughts when Im on my period: Ah, my vagina is falling off! I'm going to die! Wow this is dumb! Why wasn't I born a boy? I hate all of you!*; *Ladies, admit it. Sometimes you look down at your own boobs and think, 'Wow, this is Awesome!';*

– рос.: *Еще раз назовешь меня курицей – я снесу тебе яйца!;* использование лексем: *залететь, жрать, пофигизм; повыпендриваться, остервенеть, послать, забухать, съездить по роже.*

е) графические выделения, использование визуального кода. В текстах наблюдаются отклонения от традиционного употребления заглавных букв. Интенция пишущего в данном случае состоит в передаче с помощью прописных букв особой экспрессии речи, громкости ее звучания. Конкретные варианты:

– англ.: *I am a woman..I am smart. I have opinions. I have feelings. I care. I make a difference. I matter. I Am A WOMAN and I proud of who I am; I'm GLAD to be able to go to work everyday-it's the only thing helping me to keep my sanity these days!; I know it hurts. I know it stings. I know how you feel when they say these things. BUT, keep your head up. Dont look down because in the future. It'll be you, wearing the crown; If a man whistles at you, don't respond. You are a lady, NOT a dog!;*

– порт.: *SAUDADE : só isso ou tudo isso; CHORAR LITROS , SORRIR MARES; DEUS , Se for bom,aproxima, se não for, afasta; Nível de ciúmes: «EU NEM VOU FALAR NADA»; A Verdadeira Beleza Não Esta No Meu Rosto,Ou No Meu Corpo Onde Muitos Procuram .Mas Esta Em Meu Coração Onde Poucos Sabem Chegar; O Mundo Da Voltas, Hoje Você Brinca, Mas Amanhã Você pode ser O Brinquedo; «'Quando uma pessoa ri muito de coisas estupidas no fundo ela e uma pessoa triste». OMG EU TENHO DEPRESSÃO!;*

– рос.: *Я на тебе повисла бусами… пила дыхание твое вкусное… вкушала аромат божественный и ощущала себя ЖЕНЩИНОЙ; Нужно стараться всегда выглядеть превосходно. Не для кого-то, а для СЕБЯ любимой; Не хочу быть СИЛЬНОЙ… Хочу быть нежной, ласковой, доброй, любимой и СЧАСТЛИВОЙ!!!; Голову выше и дальше пошла… С улыбкой ВСЕГДА, как бы Жизнь не ломала… Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА!…. Кроме себя… Вот СЕБЕ – задолжала!!!; Какой бы Вас не создал Бог, сколь Вы собой не хороши – Не будьте КОВРИКОМ ДЛЯ НОГ… Уж лучше ПЛЕДОМ… ДЛЯ ДУШИ!!!*

Как видно из примеров, в исследуемых языках способы выражения эмоциональной установки говорящего в высказывании формально и функционально совпадают. Однако наблюдаются существенные различия в частотности их использования и в степени интенсивности эмоциональности речи. Для статусов англоговорящего сектора социальных сетей характерно употребление лексики, описывающей чувства и психическое состояние автора статуса, ее сосредоточение на своем внутреннем мире. Для статусов португалоговорящего сектора социальных сетей характерно использование графических средств, употребление метафор, сравнений эпитетов. Для статусов русскоговорящего сектора социальных сетей характерен

сдвиг в сторону использования графических средств речи, употребление диминутивов, единиц аффектированной лексики, метафор, сравнений эпитетов, жаргонизмов и сленга, использование восклицательных и вопросительных конструкций. Таким образом, можно сделать вывод, что статусы португалоязычного и русскоязычного сектора социальных сетей отличаются большей экспрессивностью, чем статусы англоговорящего сектора.

3. Тип самоподачи (прямая/косвенная, игра на повышение/на понижение, акцентирование собственного «Я», своей точки зрения). К подобным механизмам социального восприятия относятся: самоподача превосходства, привлекательности, отношения, актуального состояния и причин поведения. Конкретные варианты:

– англ.: *There is more to sex appeal than just measurements. I don't need a bedroom to prove my womanliness. I can convey just as much sex appeal, picking apples off a tree or standing in the rain; It's times like these I sit here and am grateful I have been through hardship, heartbreak and turmoil because I can stand here today and thank God for the person I have become. A strong, independent woman who if she has to can walk a life in her own shoes knowing I have the power, mind and strength to believe I am worth the life I have been given; As a girl I am weak, as a woman I am strong, and determined to never bow my head to wrong*;

– порт.: *Sinto falta, mas fico na minha; Abro meus olhos hoje percebo que nada foi em vão; Preciso começar a colocar em prática os meus próprios conselhos; Tenho um sério problema.... Guardo as coisas pra mim e mudo com a pessoa ao invés de expor pra ela o que ta me incomodando;*

– рос.: *Сколько бы сердце моё не болело, слез не увидите, я королева!; Моя цель – своя квартира, и я совью свое гнездо без всяких неоперившихся птенцов желторотых, не определившихся, что им нужно; Я отдам себя работе, эти вложения сил хотя бы приносят дивиденды, в отличие от неблагодарных мужиков!; Я устала страдать, я устала не спать, а во всём виноват какой-то там гад!*

Анализ выборки статусов показал, что для всех исследуемых языков в статусах для женщин характерна в большей мере самоподача своего эмоционального состояния, когда респондент надеется, что адресаты адекватно воспримут ее сообщение. В русскоязычных статусах также отмечается самоподача превосходства: *Я, наверное, старею, но глядя на поведение современных мальчиков, понимаю, что они еще щенки;* сексуальности*: Иногда я вызываю мальчиков по вызову, причем бесплатно, звоню 02, встречаю их в пеньюаре и говорю, что ночью ко мне залезли воры и мне страшно ночевать одной, как тут отказать и не остаться на ночь!;* причин поведения: *Я не вредная, просто для тебя не хочу быть хорошей.* Следует отметить также такую особенность в русскоязычных статусах, как широкое использование всех типов самоподачи. Например, прямой тип самоподачи: *Я баба гордая… мне слово, я два… мне «нет», я – «да»… если что не так – выпушу когти и в клочья разнесу*; косвенный: *Я не поправилась, это зимняя одежда как-то подсела*; игра на повышение: «*Скажи мне, зеркальце, мой свет… Да успокой хозяйке нервы… Я хороша?» «Базара нет! Ты выглядишь прекрасной СТЕРВОЙ!»*; игра на понижение: *Он низко оценивал мою внешность, что ж в школе я всегда была двоечницей;* акцентирование собственного «Я», своей точки зрения: *Женские пальцы должны быть усеяны кольцами, а не мозолями.*

Для англо- и португалоязычных статусов характерно акцентирование отношения респондента к проблеме, событию, личности и т. д. с использованием косвенного типа самоподачи, например:

– англ.: *Sometimes a woman just wants to feel adored. Even if it's for no reason in particular. Just for her being who she is; No. girls don't just want to have fun. We can laugh we can cry, we can come undone. We're so much more than a magazine can't you see? It's a fight with society;*

– порт.: *Chorar por quem te machucou é sofrer por quem não se importa com você. Não vale a pena.*

4. Частотность использования форм вежливости. В работе принимается определение вежливости как поведения, направленного на избежание конфликтов и обеспечение успешной коммуникации между собеседниками. Это определение исходит из понимания вежливости как набора способов, направленных на построение гармоничных отношений между людьми. Анализ исследуемого материала показал использование женщинами для составления статусов различных средств и приемов, служащие для реализации категории вежливости:

а) использование этикетной рамки, основными элементами которой является обращение:

– англ.: *Dear girls; Dear Men; Dear tampon commercial; Sincerely, Real Women;*

– рос.: *Девчонки, милые!*

б) косвенное оформление речевых актов комплимента:

– англ.: *You are pretty. You are gorgeous. You are beautiful. You are flawless. You simply slay and no one can tell you different unless you let them; You are a woman and you are beautiful, remember that you are worth loving. Not a girl and a doll to be played with; No matter how plain a woman may be, if truth and honesty are written across her face, she will be beautiful;*

– порт.: *Oque ela aguenta sorrindo, Voce n aguenta nem gritando; Se o sol não voltar amanhã, a gente usa teu sorriso pra iluminar o dia; Não foi pela sua Aparência, foi por esse seu Jeito Lindo;*

– рос.: *Мы слабые и нежные… Мы сильные и грешные… То слишком мы ранимые… То львицы агрессивные… Красивые, игривые, никем неповторимые! А можем быть и злыми… Зависит от мужчины;*

в) оформления вопросительного высказывания в виде общего вопроса с неинвертированным порядком слов, так называемый декларативного вопроса:

– англ.: *Why wasn't I born a boy?; Tomorrow is Friday tomorrow is Friday tomorrow is Friday; I keep clicking on «Home» but I'm still stuck at work. Is the button broken?*

– порт.: *Caiu, doeu,machucou? Agora levanta, sorria e mostre para o mundo o que você aprendeu; Sabe porque a decepção dói tanto? Porque ela nunca vem de um inimigo; Sabe porque a decepção dói tanto? Porque ela nunca vem de um inimigo; E o tempo? Ah o tempo. O tempo cria, o tempo mata, o tempo muda; Me perdoa, Deus? Pelas vezes que meu medo foi maior que minha fé;*

– рос.: *Вы называете нас и бревном и пилой одновременно, но разве так бывает?*

Анализ выборки статусов показал, что характерным средством, служащим для реализации категории вежливости, для англоязычных респондентов служит косвенное оформление речевых актов комплимента, для португалоязычных – оформления вопросительного высказывания в виде общего вопроса, для русскоязычных респондентов использование различных форм вежливости является фрагментарным.

Таким образом, описание языкового конструирования гендера «женщина» в рамках стилистической модели выявило следующие параметры:

– частотность использования лексического состава языка, охватывающий «ближайший» круг жизни женщины;

– преобладание эмоционального и аксиологического компонента значения;

– использование жаргонизмов и сленга;

– использование различных средств и приемов, служащие для реализации категории вежливости.

Результаты исследования также показали, что язык и культура каждого народа наряду с общими чертами гендерной специфики вносят в ее конструирование национальные особенности. Следовательно, изучение гендера возможно лишь с учетом этнокультурных традиций и национальной специфики языка.

Литература

1. Битков, Л.А. Практическое использование социальных сетей специалистами по PR / Л.А. Битков // СМИ и журналистика в новой реальности: материалы Междунар. науч.- практ. конф. «75 лет журналистскому образованию на Урале», фак. журналистики УрГУ. – Екатеринбург, 2011. – С. 279–283.

2. Гриценко, Е.С. Язык как средство конструирования тендера : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.С. Гриценко. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 48 с.

3. Седов, К.Ф. Речежанровая идентичность и социализация личности / К.Ф. Седов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – № 4. – С. 85–89.

4. Гриценко, Е.С. Язык. Гендер. Дискурс: монография / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 267 с.

Киевский военный
лицей им. И. Богуна

Поступила в редакцию 01.03.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 811.161.3'42:070

Ужыванне працяжніка ў публіцыстычным тэксце

Н.П. Цімашэнка

Аўтар даследуе пунктуацыйнае афармленне публіцыстычнага тэксту, на матэрыяле газет разглядае ўмовы ўжывання працяжніка ў простым сказе, звяртае ўвагу на выпадкі, калі выкарыстанне працяжніка не адпавядае правілам беларускай літаратурнай мовы.
Ключавыя словы: пунктуацыя, публіцыстычны тэкст, працяжнік.

The punctuation organization of a publicistic text on the newspaper material is analyzed. The conditions of the dash usage in a simple sentence are considered. Attention is payd to the cases when the usage of the dash doesn`t correspond with the rules of the Belarusian literary language.
Keywords: punctuation, publicistic text, dash.

Пунктуацыя з'яўляецца важным сродкам афармлення пісьмовай мовы. Падзяляючы тэкст на пэўныя часткі, «знакі прыпынку даюць магчымасць правільна разумець напісанае, лёгка і хутка чытаць, успрымаць тэкст; яны паказваюць і на сінтаксічную структуру сказа. Тэкст без знакаў прыпынку не толькі цяжка і марудна чытаць, яго можна па-рознаму разумець» [1, с. 257]. Таму знакі прыпынку адыгрываюць важную ролю ў пісьмовым тэксце. Пастаўленыя паміж словамі, словазлучэннямі і сказамі, яны дзеляць пэўны тэкст на самастойна арганізаваныя, але сэнсава звязаныя часткі.

Пры напісанні разнастайных артыкулаў у газеты і часопісы кожны журналіст-філолаг павінен выдатна валодаць не толькі нормамі сучаснай арфаграфіі, але і правіламі пастаноўкі знакаў прыпынку. Акрамя таго, яму неабходна засвоіць як знакі прыпынку, якія адпавядаюць нормам сучаснай беларускай мовы, так і аўтарскія знакі прыпынку, якія могуць выходзіць за межы нормы. Асабліва гэта датычыцца публіцыстычнага тэксту, дзе аўтарская пастаноўка знака прыпынку можа падкрэсліваць пэўную інфармацыю, на якой неабходна засяродзіць увагу чытача, а можа выдзяляць патрэбную для аўтара сінтаксічную канструкцыю з мэтай зацікавіць таго, хто, напрыклад, чытае газету або часопіс. Акрамя таго, даўно вядома, што ёсць сінтаксічныя канструкцыі, у якіх ад пастаноўкі знакаў прыпынку залежыць сэнс выказвання (класічным прыкладам такой канструкцыі з'яўляецца вядомы рускі выраз *Казнить нельзя помиловать*). Так, у сказе *Ведаеце, хацелася б, каб сабралі такіх людзей, якія трымаюць кароў, у адным месцы* («Зв.», 2.09.11) апошняя коска ўплывае на сэнс усяго выказвання.

У сувязі з гэтым актуальным можна прызнаць разгляд усіх правіл сучаснай беларускай пунктуацыі на матэрыяле перыядычных выданняў рознага характару. У даным артыкуле наша ўвага будзе скіравана на ўжыванне працяжніка ў простым сказе або ў прэдыкатыўных частках складанага сказа на матэрыяле газет «Звязда», «Гомельскі ўніверсітэт» і «Рэспубліка» («Зв.», «ГУ» і «Рэсп.»).

Часцей за ўсё выкарыстанне працяжніка ў газетных тэкстах адпавядае пунктуацыйным правілам сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Паміж дзейнікам і выказнікам пры адсутнасці дзеяслоўнай звязкі звычайна ставіцца працяжнік. Пры гэтым пад увагу бярэцца спосаб выражэння галоўных членаў сказа. Працяжнік ставіцца ў наступных выпадках:

1. Калі абодва галоўныя члены выражаны назоўнікамі або колькаснымі лічэбнікамі ў назоўным склоне без звязкі: *Паліграф – інструмент, які нічога не раскажа таму, хто не ўмее ім карыстацца* («Зв.», 3.11.09); *Брэст – адміністрацыйны цэнтр вобласці, які мае выгаднае геапалітычнае становішча* («Рэсп.», 17.01.13); *Патэнцыяльная плошча затаплення выпрацаваных тарфянікаў – каля 125 тыс. га* («Зв.», 21.04.11); *Яе рэкорд – 56 літраў* («Зв.», 2.09.11); *14 мільёнаў рублёў – цана волі* («Зв.», 12.11.11); *Аб'ём капіталаўкладанняў – 250 млн. еўра* («Рэсп.», 17.01.13).

2. Калі выказнік, выражаны назоўнікам, звязваецца з дзейнікам пры дапамозе слоў *гэта*, *вось*: *Рэжым на заходніх межах Беларусі – гэта недарэчны рэлікт і вынік няздольнасці дамовіцца і вырашыць пытанне ў інтарэсах свабоды людзей* («Зв.», 3.11.09); *Падрыхтоўка*

кадраў, навуковая дзейнасць – гэта інвестыцыі ў будучае, гэта святая справа («Зв.», 21.04.11); *Грамадзянская салідарнасць – вось дастойны адказ на любое праяўленне насілля, надзвычайныя здарэнні* («Зв.», 21.04.11). Калі слова *гэта* выступае ў ролі дзейніка, то пастаноўка працяжніка пасля яго залежыць выключна ад лагічнага выдзялення дзейніка (ад інтанацыі): *Гэта ўсё – урывачныя ўспаміны з найноўшай гісторыі Гомельскага кафедральнага сабора святых першавярхоўных апосталаў Пятра і Паўла* («Зв.», 3.11.09); *Гэта – наша «паляна»* («Зв.», 2.09.11); *Гэта стратэгія* («Зв.», 2.09.11).

3. Калі абодва галоўныя члены сказа або адзін з іх выражаны інфінітывам: *Наша задача – заўсёды ўзгадваць іх у сваіх малітвах* («Зв.», 3.11.09); *Задача журналістаў – не сеяць паніку і не множыць страхі, а інфармаваць грамадства* («Зв.», 21.04.11); *Задача кожнага чалавека – захоўваць, а не растрачваць сваю жыццёвую энергію* («Зв.», 21.04.11).

Выпадкі пастаноўкі працяжніка паміж дзейнікам і выказнікам, калі выказнік выражаны фразеалагізмам, калі дзейнік выражаны назоўнікам ці займеннікам, а выказнік – выклічнікам, калі выказнік выражаны ўсечанай (выклічнікавай) формай дзеяслова са значэннем імгненнасці ці нечаканасці дзеяння, не былі выяўлены ў газетных выпусках, якія мы аналізавалі.

Працяжнік не ставіцца ў наступных выпадках:

1. Калі адзін з галоўных членаў выражаны займеннікам, звычайна працяжнік не ставіцца, але калі яны лагічна выдзяляюцца, то працяжнік ставіцца: *Яна – аўтар 300 публікацый, 6 манаграфій, 16 навучальных дапаможнікаў для студэнтаў медыцынскіх ВНУ* («Зв.», 5.05.11); *Дзякуй вам вялікі, вы – дастойныя прадаўжальнікі справы тых людзей, якія пачыналі ў далёкія гады і выдавалі газету ў часы вайны* («Зв.», 7.05.11); *Яна – пасол беларускага мастацтва, які сёння жыве ў Амстэрдаме* («Зв.», 23.07.11). Выпадкі, калі ў сказе, згодна з пунктуацыйным правілам, не ўжываецца працяжнік паміж дзейнікам і выказнікам, у газетных тэкстах адсутнічаюць.

2. Калі пры выказніку, выражаным назоўнікам у форме назоўнага склону, ёсць адмоўе *не*. Аднак аўтары газетных тэкстаў не прытрымліваюцца гэтага правіла: *Дарослая фігура школьніка – не падстава для адмовы ў ільготным крэдыце* («Зв.», 3.09.11); *Галоўны інспектар – не навічок* («Рэсп.», 6.03.13).

3. Калі выказнік выражаны параўнальным зваротам са злучнікамі *што, як, быццам, як быццам, нібы* ў ролі часціц. Аднак калі робіцца паўза паміж галоўнымі членамі, то працяжнік ставіцца. У публіцыстычных тэкстах заўсёды сустракаем працяжнік у падобных сінтаксічных канструкцыях: *Кожны матч – як вайна* («Зв.», 2.09.11); *Словам, адпачынак – як Новы год: цэніш не столькі сам факт, колькі прадчуванні і прыгатаванні* («Зв.», 3.09.11); *Мы ўсе – як свае людзі, сваякі* («Зв.», 23.07.11). Нават ёсць выпадкі, калі ў сказе назіраюцца дзве ўмовы, каб не паставіць працяжнік, а ён усё роўна выкарыстоўваецца журналістамі: *Таму нездарма ўся пошта для Валянціны Фадзееўны – нібыта вялікая сям'я* («Зв.», 23.07.11). У прыведзеным сказе, па-першае, выказнік выражаны параўнальным зваротам і, па-другое, паміж дзейнікам і выказнікам ёсць даданы член сказа з саставу выказніка.

4. Пры інверсійным парадку галоўных членаў сказа (калі выказнік выносіцца на першае месца): *Найбольш важныя якасці асобы, на думку рэспандэнтаў, адказнасць, розум і прыстойнасць* («ГУ», 6.10.11). Акрамя таго, у прыведзеным сказе ёсць яшчэ адна ўмова, згодна з якой працяжнік павінен адсутнічаць, – наяўнасць паміж галоўнымі членамі пабочнай канструкцыі. Аднак неабходна адзначыць, што ў газетных тэкстах пры інверсійным парадку галоўных членаў, як правіла, ужываецца працяжнік: *Сакрэт поспеху – інавацыі, усё самае новае і перадавое* («Зв.», 23.07.11); *Фактар поспеху – усмешка* («Зв.», 23.07.11); *Добры сродак дэзынфекцыі – гарчыца* («Зв.», 23.07.11).

5. Калі дзейнік і выказнік цесна звязаны па сэнсе і могуць успрымацца як адзін член сказа: *Калі ж вы яшчэ і задыхаецеся пры гэтым, то* ***справа дрэнь****: у вас праблемы з сэрцам і варта неадкладна звярнуцца да ўрача* («Зв.», 2.09.11).

У газетных тэкстах працяжнік нярэдка ўжываецца замест двукроп'я: *Паводле слоў наваяўленага мільянера Міхаіла, ён ужо пусціў у справу выйграныя грошы – перавёў некаторую суму ў два дзіцячыя дамы, набыў кватэру ў Мінску і новы аўтамабіль* («Зв.», 3.11.09). Пастаноўку ў такім выпадку працяжніка (замест двукроп'я) нельга лічыць

правільнай, бо двукроп'е – знак не меншай выражальнай сілы, і падмяняць яго іншым знакам прыпынку не трэба. Як знак большай (чым коска) выражальнай сілы працяжнік можа быць ужыты для адасаблення азначэнняў: *Хадзілі па ўсіх інстанцыях – і па царкоўных, і па свецкіх, каб толькі вярнуць сабор* («Зв.», 3.11.09). У друку можна сустрэць у гэтым выпадку пастаноўку двукроп'я, але ўжыванне двукроп'я тут нічым не апраўданае, памылковае.

Працяжнік на месцы пропуску слоў у сказе ставіцца толькі пры наяўнасці адпаведнай паўзы. Таму ў сказах аналагічнай будовы назіраецца варыянтнасць.

У няпоўным сказе на месцы прапушчанага члена (звычайна выказніка) ставіцца працяжнік, калі на месцы пропуску існуе інтанацыйная паўза. Прапушчаны член сказа лёгка ўзнавіць з кантэксту (з папярэдняга сказа ці сказаў або з папярэдняй часткі складанага сказа): *На першым месцы апынулася ежа, на другім – асабістыя дасягненні, на трэцім – адпачынак* («Зв.», 3.11.09); *Увогуле на грып і вострыя рэспіраторныя інфекцыі ва Украіне хварэюць зараз 250 чалавек, з іх 15 тысяч знаходзяцца на стацыянарным лячэнні і 17 чалавек – у рэанімацыі* («Зв.», 3.11.09); *Газета адчувала чытача, а чытач – газету* («Зв.», 21.04.11); *Дызайнеры ходзяць у сваім. Мадэлі – у пашытым дызайнерамі* («Зв.», 21.04.11). Параўн.: *Для каго газета – проста праца, а для каго дом родны* («Зв.», 21.04.11). Адзначым, што сярод публіцыстычных тэкстаў сустракаюцца сказы, дзе прапушчаны абодва галоўныя члены: *Аднак пра гэта – у наступных нумарах* («Зв.», 3.11.09); *Былых і сённяшніх супрацоўнікаў, рэдактараў, няштатных аўтараў, герояў публікацый – са славутым юбілеем!* («Зв.», 21.04.11); *Усім вам – здароўя, поспехаў, творчых удач* («Зв.», 21.04.11).

Асобную групу ўтвараюць няпоўныя сказы, у якіх выказнікі толькі падразумяваюцца ў агульным значэнні існавання, наяўнасці, знаходжання, руху, дзеяння, стану і пад.; гэта эліптычныя сказы. Калі ў іх пропуск выказніка падкрэсліваецца (інтанацыяй), тады на месцы пропуску ставіцца працяжнік: *Перш-наперш – пілінг* («Зв.», 3.11.09); *А потым – званок ад Мітрапаліта Філарэта* («Зв.», 3.11.09); *Сярод пацярпелых паважанага ўзросту – два пешаходы, два веласіпедысты і адзін кіроўца* («Зв.», 3.11.09); *Таксама сёлета ўзвялі ўласнае вялікае сховішча, у планах – будаўніцтва навеса пад тэхніку* («Зв.», 3.11.09); *У ліку ўзнагароджаных – група кіраўнікоў і рабочых вядомых прамысловых прадпрыемстваў краіны* («Зв.», 21.04.11); *На першым плане – працоўныя будні, маральнае выхаванне...* («Зв.», 21.04.11). Пры звычайнай інтанацыі (адсутнасці адпаведнай паўзы) у эліптычных сказах працяжнік не ставіцца. Параўн.: *Сусветны дзень міру ў музеі Вялікай Айчыннай вайны* («Зв.», 3.09.11).

Пры наяўнасці адпаведнай паўзы замест коскі ставіцца працяжнік на месцы прапушчанага супраціўнага злучніка ***а*** паміж аднароднымі членамі для абазначэння кантраснасці, супрацьлегласці суседніх паняццяў: *Не проста салата – смаката* («Зв.», 23.07.11).

Інтанацыйны (аўтарскі) працяжнік ставіцца для лагічнага, сэнсавага выдзялення якога-небудзь слова (члена сказа), калі ніякімі іншымі сродкамі нельга выразіць сэнсавыя ўзаемаадносіны ў сказе: *З музыкай – на гаршчок* («Зв.», 3.11.09); *Як паведамілі «Звяздзе» ў Віцебскім абласным упраўленні Міністэрства па надзвычайных сітуацыях, у выніку гэтага пажару ў аднапакаёвай кватэры на пятым паверсе загінулі сужыцелі – 41-гадовая гаспадыня і яе 48-гадовы мужчына. Абодва – беспрацоўныя* («Зв.», 3.11.09); *Кожны матч – на вагу золата* («Зв.», 5.05.11); *Кожнае трэцяе ЭКА – бясплатна?* («Зв.», 2.09.11).

Інтанацыйны працяжнік можа ставіцца паміж слоўнымі групамі, у якіх выражаны адносіны неадпаведнасці або нечаканасці: *Таму паспрабуем заняцца вырошчваннем буйной рагатай жывёлы – на малако і на мяса* («Зв.», 3.11.09); *Ну і паехалі – праз Слуцк і Салігорск, спадзеючыся, што там што-небудзь патрэбнае ходзіць* («Зв.», 21.04.11).

У газетных тэкстах інтанацыйны працяжнік можа ставіцца паміж дзейнікам і выказнікам у выпадках, якія не адпавядаюць агульнапрынятым правілам: *Важная дата – дзесяцітысячны нумар газеты* («Зв.», 21.04.11); *І патрыятызм, як і братэрства, для іх – не пустыя словы* («Зв.», 21.04.11); *Маё хобі – матэрыяльная і духоўная культура Беларусі* («Зв.», 21.04.11); *Школа сёння – сапраўдная кузня пераможцаў рэспубліканскіх спаборніцтваў* («Зв.», 7.05.11); *Нават прыбіральня на вуліцы для іх – дзіва* («Зв.», 26.05.11).

Спалучальны (злучальны) працяжнік ужываецца паміж двума ці некалькімі словамі для абазначэння наступных адносін:

а) прасторавых: *Наступнаму кінулася ў вочы нічыйная сумка, якая стаяла ў некалькіх метрах ад дарогі Рэчыца – Гомель* («Зв.», 26.05.11);

б) часавых: *Часцей за ўсё азонавыя дзіркі ў краіне можна назіраць у канцы вясны – пачатку лета, а таксама напярэдадні зімы* («Зв.», 3.11.09); *Беларусы, якія нарадзіліся ў канцы васьмідзясятых – пачатку дзевяностых, знойдуць у гэтай кнізе многае, што дапаможа ім зразумець час маладосці іх бацькоў і сутнасць тагачаснага грамадства* («Зв.», 3.09.11); *У лістападзе – студзені ў Беларусі будуць дзейнічаць новыя бюджэты пражытковага мінімуму* («Зв.» 3.11.09);

в) колькасных: *Што тычыцца органаў папярэдняга расследавання, то яны дабіваюцца ў сярэднім 30–37 % кампенсацыі ўрону* («Зв.», 26.05.11); *Сёння зрабіць ЭКА ў Мінску можна прыкладна за 13–18 млн, у залежнасці ад цэнтра* («Зв.», 2.09.11).

Пасля аднародных членаў сказа перад абагульняльным словам ставіцца працяжнік: *А таксама Лынькоў, Мележ, Шамякін, Быкаў – **усе** самыя знакамітыя **пісьменнікі** былі сябрамі нашай камсамольскай газеты* («Зв.», 21.04.11). Калі аднародныя члены сказа маюць характар дадатковага тлумачэння, то пасля абагульняльнага слова ставіцца працяжнік: *Калі ж вы **ўсё** паспяваеце – і жывёлу гадаваць, і на працу хадзіць, і кветкі разводзіць?* («Зв.», 2.09.11); *Мы **нічога** цалкам не збіраем – ні макулатуру, ні ПЭТ-бутэлькі, ні батарэйкі* («Зв.», 3.09.11).

Калі адасобленае азначэнне стаіць у канцы сказа і нясе значную сэнсавую нагрузку, то перад ім можа ставіцца працяжнік: *Цяпер можна нанесці маску – спецыяльную для вуснаў або любую для сухой скуры твару* («Зв.», 3.11.09); *Хтосьці прыгадвае ўсякія розныя выпадкі – забаўныя ці не вельмі, але яркія і запамінальныя* («Зв.», 21.04.11).

Недапасаваныя азначэнні адасабляюцца, калі выражаны інфінітывам і, як правіла, пры ўмове, што перад азначаемым назоўнікам ёсць дапасаванае азначэнне, а перад азначэннем-інфінітывам можна ўставіць словы *а іменна*. Такое азначэнне на пісьме адасабляецца працяжнікам: «*Чырвоная змена» выконвае сваю асноўную функцыю – працаваць з моладдзю на традыцыйна вывераных пазіцыях, школе беларускай і савецкай журналістыкі* («Зв.», 21.04.11); *І толькі потым з'явілася прапанова з ваенкамата – пайсці ў полк грамадзянскай абароны* («Зв.», 21.04.11); *Таму напрыканцы 1990-х з'явілася задума – стаць фермерам і займацца дойным статкам* («Зв.», 21.04.11). Аднак недапасаваныя азначэнні, выражаныя інфінітывам, звычайна не адасабляюцца, калі яны ўтвараюць разам з паяснёным назоўнікам словазлучэнне: *жаданне вучыцца, загад выехаць, уменне працаваць.* Напрыклад: *Настаўнікі часта даюць дзецям заданне **запісваць** успаміны аднавяскоўцаў пра таленавітага земляка* («Зв.», 3.09.11).

Для выдзялення адасобленых прыдаткаў на пісьме коска і працяжнік з'яўляюцца амаль што раўнапраўнымі знакамі прыпынку. Важным з'яўляецца прынцып: адасоблены прыдатак у сярэдзіне сказа выдзяляецца з абодвух бакоў аднолькавымі знакамі прыпынку: *Першы дзень працы ў генконсульстве выпаў на 13 жніўня – гадавіну ўзвядзення берлінскай сцяны – і прайшоў у атмасферы дэманстрацый супраць палітыкі ГДР у галіне свабоды перамяшчэння людзей* («Зв.», 3.11.09); *Частку шляху мы праехалі на аўтобусе, да Сіматая – найбольш аўтэнтычнага ўчастка сцяны – заставалася кіламетраў 70* («Зв.», 3.11.09); *Ён – рэдактар ад Бога – вельмі ўважліва ставіўся да кожнага журналіста* («Зв.», 21.04.11). Другі працяжнік апускаецца перад коскай, якая раздзяляе аднародныя члены сказы або прэдыкатыўныя часткі складанага сказа: *9 лістапада 2009 года ў Германіі ды і ва ўсёй Еўропе будуць адзначаць 20-годдзе ліквідацыі берлінскай сцяны – штучнага і пачварнага збудавання часоў "халоднай вайны", якое ў 1961–1989 гг. дзяліла Берлін на дзве часткі: пасярэдзіне горада праходзіла мяжа з бетоннымі сценамі і калючым дротам* («Зв.», 3.11.09); *Каля дзвюх гадзін ночы ў вёсцы Гарадзяцічы Любанскага раёна ён збіў пешахода – старшакласніка 1992 г.н., які рухаўся ў спадарожным кірунку* («Зв.», 3.11.09).

У канцы сказа адасобленыя прыдаткі аддзяляюцца на пісьме працяжнікамі:

а) калі перад прыдаткам можна без змены сэнсу ўставіць словы *а іменна, гэта значыць*: *Вызначана папярэдняя прычына пажару – неасцярожнасць загінулых пры курэнні ў нецвярозым стане* («Зв.», 3.11.09); *У маім сэрцы вялікая ўдзячнасць людзям, якія пакінулі ўсім нам такую жамчужыну – сабор святых Пятра і Паўла* («Зв.», 3.11.09); *Мы доўга разважалі пра кітайскі феномен – нейкую нечалавечую для нашага веку добразычлівасць* («Зв.», 3.11.09);

б) калі прыдатак мае ўдакладняльнае, паясняльнае значэнне: *Васіль Уладзіміравіч падараваў мне дзве свае кнігі – аповесць «Знак бяды» і раман «Кар'ер» з аўтографамі ў знак сардэчнай дружбы і з пажаданнем шчасця ў сталіцы…* («Зв.», 3.11.09); *Да таго ж у Беларусі выпускаецца яго аналаг –«Арпетол»* («Зв.», 3.11.09).

У перыядычным друку і ў творах мастацкай літаратуры пры выдзяленні ўдакладняльных акалічнасцей з узмацняльным значэннем часам ужываецца працяжнік: *Усё адтуль – з эпохі развітога сацыялізму* («Зв.», 25.05.11).

Устаўныя канструкцыі (словы, словазлучэнні і сказы) служаць для дадатковага паведамлення, заўвагі, тлумачэння ўсяго асноўнага выказвання і на пісьме выдзяляюцца працяжнікамі або запісваюцца ў дужках: *Аднак першасныя звароты да стаматолагаў складаюць у нашай краіне толькі прыкладна 40 працэнтаў ад агульнай колькасці ўсіх наведванняў стаматалагічных клінік і кабінетаў (а павінна быць ад 70 да 100 працэнтаў)* («Зв.», 3.11.09); *Праз нейкі час пасля аперацыі – ад некалькіх месяцаў да некалькіх гадоў – можа ўзнікнуць так званая другасная катаракта – памутненне ззаду імплантанта ў хрусталіку* («Зв.», 3.11.09); *Аляксандр Адамавіч Грахоўскі – ён тады ўзначальваў аблвыканкам – нам вельмі дапамог* («Зв.», 3.11.09).

Неапраўданае выкарыстанне працяжніка можна назіраць у наступных сінтаксічных канструкцыях публіцыстычных тэкстаў: *Вызначалі якасць «усляпую» – бралі кавалачак хлеба, смакавалі і толькі потым даведваліся, хто яго вырабіў* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест двукроп'я; *Але хутка зразумелі – у прыватніка ўсё па-іншаму* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест двукроп'я; *А вось пачытаўшы рэцэптуру на цэтліку, знаходзіш бадай адзінае істотнае адрозненне – у баранавіцкім хлебе ёсць малако сухое без тлушчу* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест двукроп'я; *Спачатку нам шанцавала – то адзін спадарожны падвёз пару кіламетраў, то другі* («Зв.», 21.04.11) – ужыванне працяжніка замест двукроп'я; *Узабраўшыся туды, пачынаеш бачыць рацыянальнае зерне ў кітайскай прымаўцы – нельга стаць па-сапраўднаму вялікім, пакуль не пабываеш на Вялікай кітайскай сцяне* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест двукроп'я; *Тое, што закон аб узнаўляльных крыніцах энергіі існуе – ужо вялікі поспех* («Зв.», 21.04.11) – ужыванне працяжніка замест коскі; *Вырашылі па добрай традыцыі распытаць мінакоў – як лепш дабрацца, колькі гэта можа рэальна каштаваць* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест коскі; *Патрэбныя былі ўзмоцненая малітва да Бога і пастаянныя звароты да свецкіх уладаў – каб паказаць сваё імкненне адрадзіць гэтую народную праваслаўную святыню* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест коскі; *Украінская армія, каб абараніць свой асабовы склад ад павальнага захворвання на свіны грып, вырашыла спыніць восеньскі прызыў да 12 лістапада – пакуль эпідэмія не пойдзе на спад* («Зв.», 3.11.09) – ужыванне працяжніка замест коскі; *Усе малыя – вельмі пацешныя, але ж вашыя малечы – гэта штосьці асаблівае!..* («Зв.», 3.11.09) – першы працяжнік ужываць не трэба і інш. На жаль, на старонках беларускіх газет час ад часу сустракаюцца выпадкі няправільнага ўжывання працяжніка.

Такім чынам, працяжнік адыгрывае важную ролю ў арганізацыі публіцыстычнага тэксту, часам паказвае на значную сэнсавую нагрузку асобных сінтаксічных канструкцый. Аднак пры гэтым трэба валодаць сучаснымі правіламі пастаноўкі знакаў прыпынку і ўжываць працяжнік у адпаведнасці з літаратурнымі нормамі.

Літаратура

1. Яўневіч, М.С. Сінтаксіс сучаснай беларускай мовы: падруч. для студэнтаў філал. спецыяльнасцей устаноў, якія забяспечваюць атрыманне вышэйшай адукацыі / М.С. Яўневіч, П.У. Сцяцко. – Мінск : Аверсэв, 2006. – 286 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 09.06.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

*УДК 821.161.3-31*А. Казлоў*

Вобраз ведзьмака ў аповесці А. Казлова «Адкуль з'яўляюцца яны?..»

С.Б. Цыбакова

Аналізуецца вобраз ведзьмака ў аповесці А. Казлова «Адкуль з'яўляюцца яны?..». Разглядаюцца партрэтныя характарыстыкі персанажа, роля адлюстравання яго хаты як цэнтра ляснога чарадзейнага локусу, рэалій і атрыбутаў магічнай практыкі. Вызначаецца сувязь носьбіта чарнакніжных ведаў з язычніцкімі валхвамі. Асаблівая ўвага надаецца аналізу матыву ініцыяцыі, які звязаны з вобразам ведзьмака, а таксама разгляду адлюстраваных у творы народных дэманалагічных уяўленняў і магічных вераванняў.
Ключавыя словы: міфапаэтычныя ўяўленні, вядзьмак, вобраз, партрэт, магія, чорны колер, «чорная кніга», ініцыяцыя, дэманічны, нячыстая сіла.

The image of the magician in the story «Where do they come from?..» by A. Kozlov is analyzed. The work concentrates on the traits of the main character and on the role of the depiction of his hut which is the centre of the forest magical localization, as well as on the facts and attributes of the magic. The research establishes the connection between the black magician and pagan wizards. Special attention is paid to both the analysis of the motive of the initialization, associated with the image of the magician, and the consideration of people's demonological ideas and beliefs in the magic, those being presented in the article.
Keywords: mythological and epic ideas, magician, image, portrait, magic, black, Black book, initialization, demonological, evil spirit.

Мастацкі свет аповесці Анатоля Казлова «Адкуль з'яўляюцца яны?..», якая ўвайшла ў зборнік твораў пісьменніка «І тады я памёр ...» (1993), заснаваны на сукупнасці славянскіх міфапаэтычных уяўленняў, звязаных з верай ў магію, у існаванне незвычайных людзей, надзеленых магічнымі здольнасцямі, – ведзьмакоў. Па сцвярджэнні С.А. Токарава, у беларусаў найбольш звычайныя найменні вышэйзгаданай катэгорыі людзей – «чараўнік, вядзьмак» [1, с. 27]. У аповесці «Адкуль з'яўляюцца яны?..» А. Казлоў стварыў жудасны вобраз ведзьмака-чарнакніжніка, страшнага, у адпаведнасці з вераваннямі народа, чалавека, які прысвяціў сваё жыццё служэнню «Уладару цемры» [2]. Глыбокае веданне сучасным беларускім пісьменнікам народных магічных уяўленняў, вытокі якога караняцца ў яго вясковым маленстве (нарадзіўся ў вёсцы Асінаўка Магілёўскай вобласці), прыцягвае да сябе асаблівую ўвагу ў святле такой вылучанай даследчыцай В.С. Новак рысы спадчыны традыцыйнай культуры беларусаў, як «шырока распрацаваная народная міфалогія» [3, с. 4]. «Штогадовыя запісы фалькларыстаў ў палявых экспедыцыях з'яўляюцца яскравым пацвярджэннем устойлівасці захавання беларусамі рэшткаў старадаўняй міфалагічнай традыцыі (асабліва на тэрыторыі Палесся)», – адзначае В.С. Новак [3, с. 4]. Паводле сведчання аўтара аповесці, ён «вырас на легендах, фальклоры, на замовах і варажбе, на вераваннях, якія потым "вучоныя людзі" ахрысцілі "забабонамі"» [4, с. 33].

Яўхім-вядзьмак з'яўляецца цэнтральнай фігурай мастацкага свету аповесці, выконваючы ролю злучнага звяна паміж «я»-апавядальнікам (Максімам), з якім чытач знаёміцца ў пачатку твора, і яго ўяўным двайніком, своеасаблівым містычным намеснікам (Маркам), носьбітам новых ведаў, набытых пасля ініцыяцыі ў чарадзейным локусе. Сюжэтаўтваральныя ў аповесці матывы выкрадання персанажаў нячыстай сілай, якую ў дадзеным выпадку ўяўляюць пачварныя прывіды-здані, і пасвячэння ў служыцеляў «Уладара цемры» збліжаюць яе ў жанравых адносінах з фальклорнымі дэманалагічныя апавяданнямі, дзе знайшлі адлюстраванне народныя ўяўленні пра сутыкненне людзей з рознымі прадстаўнікамі іншасвету. Яўхім – індывідуалізаваны аўтарам пры дапамозе выяўленчых сродкаў мастацкай славеснасці вобраз персанажа славянскай народнай дэманалогіі, які прадстаўляе сабой «рэальнага чалавека з дэманічнымі ўласцівасцямі, атрыманымі ад нараджэння або ў выніку заключэння дамовы з д'яблам» [5, с. 528]. Партрэт Яўхіма ўключае ў сябе шэраг рысаў і дэталяў, уласцівых, згодна з народнымі павер'ямі, «людзям-паўдэманам» [6, с. 357]. Найбольш распаўсюджанымі асаблівасцямі, якія адрозніваюць

ведзьмакоў па вонкавым выглядзе ад звычайных людзей, з'яўляюцца розныя фізічныя анамаліі і недахопы: гарбата, крывізна, валасатасць і інш. Яўхім неаднаразова названы ў тэксце аповесці Гарбуном. Цялесная пачварнасць ведзьмака – самая характэрная рыса яго выгляду: «На парозе ўзніклі дзед Гардзей і другі, гарбаценькі і ўвесь у валасах, што той мядведзь, стары, відаць, сам гаспадар Яўхім» [2, с. 18]. У валасатасці, якая робіць Яўхіма падобным да мядведзя, таксама выяўляецца яго прыналежнасць да інфернальнай стыхіі. Даведаўшыся аб страшнай цане, запатрабаванай ведзьмаком за сваю магічную дапамогу, Ганна называе яго «нелюдзем», «звярынай» [2, с. 36].

Кульмінацыйны момант у стварэнні партрэта дэманічнай асобы – апісанне ведзьмака падчас аднаго з этапаў пасвячэння юнакоў ў служыцеляў «Уладара цемры», калі ў пакоі Яўхіма становіцца відавочным прысутнасць нячыстага духу: «Твар у ведзьмака раптам зрабіўся чырвоны, як засланка ад жаркай печы. Ніжняя сківіца адвісла, і з куткоў рота пацяклі жоўтыя сліны. Усё ягонае цела пачало рытмічна ўздрыгваць, выгінацца, як у вужакі, хадзіць хадуном. <…>. І адразу ж, у гэта імгненне, увесь пакой напоўніўся смярдзюча-здушальным пахам серы, які завісаў не толькі ў паветры, але і чапляўся за сцены, печ, за кожную драбязу з хатняга начыння» [2, с. 46].

У кнізе С.В. Максімава «Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия» прыводзіцца наступная падрабязнасць, якая характарызуе асабістае жыццё ведзьмакоў: «У большасці выпадкаў яны людзі бязродныя, заўсёды халастыя, якія заручыліся, аднак, палюбоўніцамі…» [7, с. 237]. Старая Макрыда, у маладыя гады палюбоўніца Яўхіма, раячы Ганне ў якасці платы ведзьмаку прынесці золата, наказвае ёй: «І самае галоўнае – згаджайся з кожным яго словам» [2, с. 29]. У адлюстраванні манеры зносін служыцеля нячыстай сілы, яго паводзін, жэстаў, позірку аўтар падкрэслівае ўладалюбства, пагардлівае стаўленне да звычайных людзей: «Ён стаяў уладна, як цельпушок, нейкае імгненне паядаў мяне халодным позіркам, але вось узняў руку і ленавата хіснуў, падзываючы да сябе» [2, с. 18].

Найважнейшай рысай, праз якую прасочваецца сувязь Гарбуна з іншасветам, з'яўляецца чорны колер яго хаты: «Яўхімава хата была быццам груган – бліскуча-чорная. Ці то дзёгцем выпацканая, мо нейкім тавотам. Ва ўсялякім разе плечуком да яе не прыхілішся. З коміна вырываўся сажны дым, густы і цягучы, як перапаленая смала. Ці не ад яго так брыдка пахла навокал» [2, с. 18]. У славянскай міфалогіі чорны колер «сімвалічна асацыіруецца з зямлёй, смерцю, небыццём, хаосам, разбурэннем, небяспекай, чужым, нечалавечым, неправедным, дэманічным і маркіруе пэўны аб'ект як прыналежны да таго свету, адлюстроўвае негатыўныя ўласцівасці міфалагічнага персанажа, сведчыць пра яго варожае стаўленне да людзей» [8, с. 518]. «Чорным колерам у хрысціянстве надзяляецца д'ябал і пекла» [9, с. 62]. Чарната хаты ведзьмака, сажны дым, ад якога распаўсюджваецца агідны пах, згадка пра смалу выклікаюць асацыяцыі з пеклам, з чарцямі і іх інфернальным побытам.

Змрочнае ўражанне, якое выклікае вонкавы выгляд хаты Яўхіма, узмацняецца за кошт апісання яе ўнутраных памяшканняў (сенцы, жылы пакой), акружэння ведзьмака і яго чарадзейнай кухні. Адлюстроўваючы птушак, чорнага пеўня і пугачоў, жыхароў ведзьмаковай хаты, аўтар прымяняе прыём параўнання, які спрыяе стварэнню сэнсаў, якія істотна дапаўняюць усходнеславянскую арніталагічную сімволіку. Канатацыі «пасланца д'ябла», «увасаблення нячыстай сілы» набывае параўнанне чорнага пеўня, які належыць ведзьмаку, з воем-абаронцам: «Дзед Гардзей знік за цяжкімі дзвярыма сенцаў. І адразу ж на ганак ускочыў чарнейшы за восеньскую ноч певень. Уважліва агледзеўся навокал і як вой-абаронца застыў на месцы, шырока растапырыўшы крылы» [2, с. 18]. Чорны певень ў славян «звязаны з хтанічнымі цёмнымі сіламі і светам смерці» [10, с. 335]. Таксама певень «з'яўляецца сімвалам задзірлівасці і пралітай крыві» [10, с. 333]. Чорны колер, агрэсіўная рэакцыя птушкі на ўсіх, хто пранікае ў прастору яго гаспадара, дазваляе бачыць у гэтай істоце прадстаўніка іншасвету.

Падобныя асноўныя і канататыўныя сэнсы выказаны і ў апісанні пугачоў, якіх юнак бачыць у жылым пакоі хаты. Начныя птушкі пугач, сава, сыч ва ўсходнеславянскай міфалогіі належаць да нячыстых, г. зн. да праклятых Богам. У іх «бачаць д'ябальскіх вырадкаў, увасабленне чорта, паўптушак-паўчарцей» [5, с. 112]. Дзякуючы параўнанню з ваўкалакамі злавесная сутнасць пугачоў становіцца яшчэ больш відавочнай, не выклікаючы сумнення ў іх

адзінстве з антысветам: «Шэсць пугачоў з гарачымі вачыма сядзела на покуце, пад самай столлю. Пры нашым з'яўленні птушкі заварушыліся, залопалі крыламі. Падалося, што зараз яны накінуцца на мяне, як раз'юшаныя ваўкалакі» [2, с. 20]. Сувязь Яўхіма з дэманамі падкрэсліваецца праз апісанне ўспрымання яго аблічча Ганнай. Жанчыне стары вядзьмак здаўся з першага погляду «ўчарнелым каршуном, які гатовы вось-вось узляцець і закрыць раскінутымі крыламі ўвесь прасцяг над галавой» [2, с. 30]. Згодна з усходнеславянскімі міфалагічнымі ўяўленнямі, драпежныя птушкі ястраб і каршун «валодаюць дэманічнымі ўласцівасцямі, і народная традыцыя нярэдка змешвае іх паміж сабой» [6, с. 109].

Спосабамі характарыстыкі ведзьмака з'яўляюцца розныя прадметы і атрыбуты, якія выконваюць ролю знакаў прыналежнасці гаспадара лясной чорнай хаты да дэманічнай сферы: «Паўсюль віднеліся ўбітыя ў сцяну драўляныя клямкі-вешальні, на якіх мясціліся невядомыя мне рэчы. Але адзін пучок я добра разгледзеў, гэта былі высушаныя і звязаныя за лапкі земляныя і вадзяныя жабы, побач вісела ці не каціная шкурка з бязвокім чэрапам» [2, с. 19]. Названыя рэаліі наводзяць на думку аб правядзенні ведзьмаком абрадаў і рытуалаў чорнай магіі, аб таемных замовах, вырабе чарадзейных зелляў, у склад якіх уваходзілі інгрэдыенты жывёльнага паходжання. У фрагментах тэксту аповесці, якія змяшчаюць апісанне ўнутранай прасторы хаты Яўхіма, згадваецца і посуд з вядзьмарскім варывам: «Паўз глухую сцяну стаяла з тузін вялізных бліскучых місак, цэбраў на пяць кожная. З некаторых ішла пара, ружовая, шэрая, крывавая, з адценнем зеляніны» [2, с. 19–20]. Галоўны атрыбут магічнай практыкі Яўхіма-ведзьмака, адлюстраваны ў аповесці, – «"чорная" кніга» [5, с. 46]. Народ верыў, што «чорную кнігу» (кнігу чорнай магіі) ведзьмакі атрымлівалі ад чарцей, заключаючы са злым духам ўмову на жыццё і душу [11]. Яўхім-вядзьмак – чарнакніжнік, ён «набыў звышведы і вядзьмарскае ўменне дзякуючы вывучэнню "чорнай магіі"» [12, с. 511]. Аўтар аповесці ў адпаведнасці з традыцыйнымі ўяўленнямі, не называе персанажа-ведзьмака, захавальніка д'ябальскіх ведаў, чарнакніжнікам. Паводле сведчання С.А. Токарава, такія словы, як «вядзьмак», «чарадзей», «чараўнік», «чарнакніжнік», «захаваліся галоўным чынам толькі ў кніжнай мове» [1, с. 28].

Яўхім – пасрэднік паміж дэманічнай стыхіяй і зямной штодзённай рэчаіснасцю, выканаўца тагасветнай злой волі. З яго вобразам у творы звязаны матыў ініцыяцыі, пасвячэння ў «дзяцей Уладара цемры» [2, с. 46]. Марк і Варка, абраннікі нячыстай сілы, пераймаюць ад ведзьмака-чарнакніжніка «асновы д'ябальскай навукі» [2, с. 46]. Яўхім імкнецца выкарчаваць з іх памяці ўспаміны пра матчыну пяшчоту, пра дабро. Даведаўшыся пра тое, што з памяці Варкі яшчэ не знік вобраз маці, чарадзей упэўнівае сваю вучаніцу ў тым, што ўсё, што ён пачуў ад яе, – дурны сон, які ён адправіць на «багністыя балоты і сухастойны лес» [2, с. 49]. Добрыя чалавечыя пачуцці выклікаюць у Гарбуна гнеў і агіду. У сваіх вучняў вядзьмак усяляе веру ў тое, што яны – бязродныя, сіроты, і іх лёс – збіраць душы для «Уладара цемры». Ініцыяцыя, адлюстраваная ў аповесці, уключае розныя выпрабаванні і магічныя дзеянні (збіранне неафітамі рэштак самазабойцаў на могілках, пасыпанне Яўхімам сваіх вучняў попелам, сушанай піжмай, чытанне Маркам і Варкай «чорнай кнігі», вымаўленне замоў, абмыванне ў «місах пазнання» [2, с. 50] і інш.). Яўхім называе юнакоў «перанароджанамі, новымі» [2, с. 23], сваімі «дзеткамі» [2, с. 50].

Пасвячэнне ў служыцеляў «Уладара цемры» завяршае перадача ведзьмаком Марку і Варцы дзвюх «чорных кніг». Матыў ініцыяцыі мае сваёй крыніцай народныя вераванні ў тое, што вядзьмак «не можа памерці, не перадаўшы сваіх ведаў і падуладнай яму нячыстай сілы іншаму чалавеку» [5, с. 532]. Вераванні, звязаныя з міжпакаленнай перадачай вядзьмарства, пісьменнік развіў праз адлюстраванне перадсмяротных злавесных дзеянняў і слоў старога Яўхіма на могілках: «Гарбун упэўніўся, што за ім ніхто не цікуе. Ён сагнуўся, быццам паправіць калашыну нагавіц, і, схапіўшы шчэпцік жаўцяку, сыпануў на спіну Марку і Варцы.

– Нясіце без спачыну тое, што вам я даў і палажыў на плечы. – Бязгучна, аднымі вуснамі прашаптаў вядзьмак. І толькі сказаў ён гэтыя словы, як неба над могілкамі праламала даўжэзная маланка і секанула ў тое месца, дзе стаяў гарбун…» [2, с. 53].

Перадаючы народныя дэманалагічныя ўяўленні і магічныя вераванні, А. Казлоў выказаў думку пра тое, што адной з крыніц жыццяздольнасці чорнай магіі на працягу вякоў з'яўляецца штодзённае зло, невыкараняльныя чалавечыя страсці, пачуццё зайздрасці, прагнасць, якія нараджаюць у адносінах паміж людзьмі, у тым ліку і кроўна блізкімі,

нянавісць, разлад і злачынствы. У «чорнай кнізе» Марк і Варка чытаюць: «Ты зможаш сапсаваць, скруціць у клубок, пабіць на горкі яблык нават таго, хто знаходзіцца за тысячы вёрстаў ад цябе. Але ты не злы. Няма ў цябе злобы ні на кога. Ты абавязаны выкарыстоўваць людскую злобу. Злобу тых, у каго яна смалою кіпіць на сваіх паплечнікаў, суродзічаў, суседзяў. Злобу сына на бацьку, нянавісць дачкі да маці. Ты ніколі сам па сабе нікога не псуеш. Усё робіш толькі па просьбе людзей варажуючых» [2, с. 43–44].

У аповесці адлюстраваны адзін са спосабаў шкаданоснай магіі – «”выманне следу”, які затым палілі на агні, альбо раскладвалі агонь на следзе» [1, с. 135]. Аўтар паказаў характэрную для народнага асяроддзя з’яву: ведзьмакоў і ведзьмаў баяліся, але разам з тым звярталіся да іх у розных крытычных жыццёвых абставінах з мэтай вырашэння сваіх праблем. «З вынятым следам маглі праробліваць і іншыя аперацыі. Усё гэта павінна было перайсці на ахвяру вядзьмарства» [1, с. 135]. «У селішчах чары на след ўжываюцца ў любоўных інтрыгах, у спрэчках суседзяў, у відавочнай, непрымірымай варожасці», – зазначаў І.П. Сахараў [11, с. 86]. Вядзьмак знішчае прынесены Ганнай след разлучніцы ў печным полымі, прамаўляючы пры гэтым словы, якія маюць негатыўнае магічнае ўздзеянне на адрасата: «След жа суперніцы няхай у вогнішчы гарыць, і цела яе з жыламі і паджылкамі без ушчуку баліць. – Вядзьмак кінуў Таццянін след у печ на жаркае полымя» [2, с. 41].

У паводзінах Ганны, якая звяртаецца да служыцеля «Уладара цемры», каб пры дапамозе магіі вырашыць сваю праблему, але затым робіць душавыратавальны з рэлігійна-хрысціянскага пункту гледжання выбар, аўтарам аповесці адлюстравана, напэўна, адно з праяўленняў уласцівага светапогляду славян двяверства. У.І. Коваль, разглядаючы гэты складаны феномен, адзначае, што «сярод вучоных існуе меркаванне, адпаведна якому варта казаць не пра суіснаванне, а пра фактычнае зліццё хрысціянскай і язычніцкай светапоглядных сістэм, г. зн. пра некаторую цэласную, нерасчляняльную сістэму» [13, с. 123–124]. Паводле меркавання Яўхіма, Ганна «напалову цёмная і светлая» [2, с. 34]. Вядзьмак адчувае ў жанчыне моцную залежнасць ад цялеснага пачатку, прагу зямнога кахання, без якога ёй немагчыма ўявіць сабе жаночае шчасце: «Ты хочаш зараз быць шчаслівай, бачыць вясёлыя вочы мужыка, адчуваць ягонае каханне і цеплыню моцных рук – ці не так? Ага!» [2, с. 34].

Яўхім валодае звышнатуральнымі якасцямі, набытымі, згодна з хрысціянскай рэлігіяй і залежнымі ад яе народнымі вераваннямі, ад дэманаў. Ганна знікае ў начным заснежаным лесе. Пасля доўгіх блуканняў у праклятай мясцовасці, дзе «раптам невядома адкуль» [2, с. 35], паднялася мяцеліца, жанчына, у якой амаль зусім не засталося сіл, але ўжо абнадзееная ўбачаным паміж дрэвамі прасветам, зноў аказваецца перад «логавам» «нелюдзя»: «Яна зноўку стаяла перад Яўхімавым селішчам.

… Ганна юлой крутнулася на месцы і зноў знікла ў гушчары… Дзе яна падзелася? Ніхто не ведаў і не ведае, акрамя Яўхіма-ведзьмака» [2, с. 36].

Гібель Ганны – адзін з кампанентаў містычнага зместу твора, які ўключае элементы магічнай карціны свету, заснаванай на веры ў ўзаемадзеянне ўсяго існага, у магчымасць звышнатуральным спосабам уздзейнічаць на прыродныя сілы і чалавека. «Да найбольш страшных чараўнікоў або ведзьмакоў адносілі, бяспрэчна, тых, якія маглі кіраваць прыроднай стыхіяй, “насылаць” яе на нейкую канкрэтную мясцовасць, вёску, мястэчка, паселішча», – заўважае А.М. Ненадавец [14, с. 218]. Смерць жанчыны паказана як вынік вядзьмарства, помсты «чорнага» чалавека, які быццам завабіў сваю ахвяру праз магічныя дзеянні і выкліканні ў мяцельнае кола: «Стоячы над вялізным гліняным жбанам, ён бязладна ўзмахваў рукамі і выганяў праз дзірку ў столі густыя белыя пасмы, якія нагадвалі тлусты сцюдзень.

– Ляціце, з дарогі збіце. Куды б ні ішла, куды б ні бегла, назад вярніце. І крык яе змучаны, голас прытомлены на вякі вялікія ў грудзях забіце!» [2, с. 37].

Звышнатуральная ўлада чарадзея над прыродай падкрэсліваецца таксама пісьменнікам праз шэраг дэталяў-іншасказанняў, суаднесеных з душэўным станам гераіні, яе пакутамі і гібеллю. Смертаносныя снежныя віхуры, якія перашкаджаюць руху жанчыны, упадабляюцца вужакам і гадаўкам: «Крыштальнае марознае паветра заснудзілася мільярдамі снежных віхур. Яны, як вужакі, як брыдкія гадаўкі, акручвалі жанчыну, апляталі ногі і рукі, згіналі да долу, падбіваліся пад адзежыны, высякалі вочы – не давалі дыхнуць. А яна бегла, бегла

далей ад Яўхіма, ад ягонага логава, ад жахлівай прапановы, якая больш за мароз студзіла кроў, сціскала, выкручвала сэрца» [2, с. 35]. Ва ўсходнеславянскай фальклорна-міфалагічнай традыцыі змеі належаць да хтанічных істот і цесна «звязаныя з нячыстай сілай» [5, с. 126]. Аб змеях «распавядаюць мноства легенд, і ва ўсіх змяя – д'ябальскае стварэнне» [5, с. 126].

У аснове адлюстравання магічнай сувязі Яўхіма з прыроднымі стыхіямі ляжаць старажытныя «народныя паданні», якія, на думку А.М. Афанасьева, «ставяць чараўніка і ведзьму ў вельмі блізкае і несумненнае падабенства з тымі міфічнымі істотамі, якімі фантазія спрадвеку насяляла паветраныя стыхіі» [15, с. 402]. Відавочна, што вобраз Яўхіма ўзыходзіць да валхвоў, паганскіх жрацоў, носьбітаў тайных звышведаў, дзейнасць якіх пасля прыняцця хрысціянства «разглядалася выключна як сувязь з дэманамі» [6, с. 381]. Змест «чорнай кнігі», якую чытаюць вучні ведзьмака, прасякнуты міфапаэтычным успрыманнем свету, прадстаўляючы сабой эзатэрычныя веды, заснаваныя на магіі: «Займееш у свае рукі людскія лёсы, станеш іх уладаром і гаспадаром. Зможаш звіць вяроўку з пяску і вады, пераганяць хмары з адной зямлі ў другую, разбураць горы, засыпаць моры і нават кпіць са сланоў, якія трымаюць на сабе зямлю» [2, с. 43]. Вера ў магчымасць магічнымі сродкамі ўздзейнічаць на прыроду і людзей, складае ў значнай ступені сутнасць язычніцтва (паганства), якое «можа разумецца не толькі як гістарычная стадыя светапогляду старажытных славян (праславян) у перыяд да прыняцця хрысціянства, але і як тыпалагічна адмысловая культурная мадэль, чые формы, механізмы і семантычныя катэгорыі працягвалі існаваць і пасля прыняцця хрысціянства» [16, с. 616].

Такім чынам, можам зрабіць наступныя высновы. Мадэль рэчаіснасці, створаная ў аповесці А. Казлова «Адкуль з'яўляюцца яны?..», адлюстроўвае пераважна міфапаэтычнае ўспрыманне свету, вытокі якога знаходзяцца ў язычніцкай даўніне. Яе аснову складаюць магічныя вераванні і ўяўленні са сферы народнай дэманалогіі, на фарміраванне якіх значны ўплыў аказала хрысціянская рэлігія. У распрацоўцы вобраза ведзьмака асаблівае значэнне маюць партрэтныя характарыстыкі, апісанне чарадзейнага локусу, цэнтрам якога паўстае чорная хата Яўхіма. Матыў ініцыяцыі ўвабраў у сябе шматвяковыя народныя ўяўленні аб захавальніках таемных ведаў – чарнакніжніках. Вобраз ведзьмака і матыў ініцыяцыі змяшчаюць элементы дахрысціянскіх уяўленняў аб выбранніках вышэйшых сіл, надзеленых адметнымі магічнымі здольнасцямі, – валхвах, якія ў хрысціянскую эпоху пераўтварыліся ў народнай свядомасці ў служыцеляў цёмнай сілы.

Літаратура

1. Токарев, С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С.А. Токарев / отв. ред. С.И. Ковалев. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
2. Казлоў, А. Адкуль з'яўляюцца яны?.. / А. Казлоў // І тады я памёр…: Аповесць, апавяданні. – Мінск : Маст. літ., 1993. – С. 3–53.
3. Новак, В.С. Прадмова / В.С. Новак // Беларуская міфалогія. Хрэстаматыя : вучэб. дапаможнік. – Мінск : РІВШ, 2013. – С. 3–12.
4. …Там, дзе пачынаецца боль, – пачынаецца літаратура (*Празаік Анатоль Казлоў*) / У.П. Саламаха // Сусвет дабрыні : эсэ, артыкулы, дыялогі. – Мінск : Маст. літ., 2005. – С. 28–36.
5. Левкиевская, Е.Е. Колдун / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1999. – Т. 2 : Д–К. – С. 528–534.
6. Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа / Е.Е. Левкиевская. – М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
7. Максимов, С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия / С.В. Максимов. – Кемеровское кн. изд-во, 1991. – 351 с.
8. Швед, І. Чорны колер / І. Швед // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валадзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 518–519.
9. Серов, Н.В. Символика цвета / Н.В. Серов. – СПб. : Страта, 2015. – 204 с.
10. Наговицын, А.Е. Тайны мифологии славян / А.Е. Наговицын. – М. : Академический Проект; Традиция, 2009. – 511 с.
11. Сахаров, И.П. Русское народное чернокнижие / И.П. Сахаров // Русское кудесничество и чародейство. – М. : Эксмо, 2008. – С. 11–153.

12. Белова, О.В. Чернокнижник / О.В. Белова, Л.Н. Виноградова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 2012. – Т. 5: С–Я. – С. 511–513.

13. Коваль, В.И. Двоеверие как мировоззренческий феномен / В.И. Коваль // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст. / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 123–127.

14. Ненадавец, А.М. Выявы міфалагічнага выраю / А.М. Ненадавец. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 263 с.

15. Афанасьев, А.Н. Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни / А.Н. Афанасьев // Мифы, поверья и суеверия славян : в 3 т. – М. : Изд-во Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2002. – Т. 3. – Глава XXVI. – С. 402–563.

16. Толстая, С.М. Язычество / С.М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 2012. – Т. 5 : С–Я. – С. 616–619.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 14.02.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 811.161'373 : 392.3(=161)

Названия хлеба в семейных обрядах восточных славян

Н.И. Шабулдаева

Статья посвящена изучению названий семейного обрядового хлеба, используемого на восточнославянской территории. Классификация названий осуществляется в соответствии с теми событиями, обрядами, которые происходят в жизни человека. Наибольшее количество и разнообразие названий хлеба представлено в свадебном обряде. Родины, крестины и похороны также имеют свой хлеб и его особыми названиями. Часть названий хлеба является общей для восточных славян. Большая территориальная разобщённость ведёт к дифференциации названий.
Ключевые слова: белорусские, русские, украинские названия хлеба, семантика, семейные обряды.

This article is devoted to studying the names of family ritual bread used in the East Slavic territory. Classification of names is given in accordance with those events, ceremonies, which take place in a person's life. The most and variety of the names of bread is presented in a wedding ceremony. Childbirth party, Christening party, funerals also have the bread with special names. Part of the names of bread is general for east Slavs. Large territorial disconnect conduces to differentiation of the names.
Keywords: Belarusian, Russian, Ukrainian name of bread, semantics, family ritual.

Институт семьи всегда был непреложным в славянской культуре. Семья охранялась всеми возможными способами. Создание семьи, пребывание в ней человека от рождения до кончины окутывалось всевозможными действиями, обрядами, помогающими человеку сохранить себя и своих родных и близких в суровом мире. У восточных славян почти ни один обряд не обходился без обрядовой, ритуальной пищи. Обрядовая пища, в частности, обрядовый хлеб занимали в прошлом славянских народов значительное место. Известный этнограф XIX в. Н.Ф. Сумцов, посвятивший несколько своих работ описанию обрядового хлеба, писал: «Во всех событиях народной жизни, сложных и простых, важных и неважных, крупных и мелких, обнаруживается присутствие обрядового хлеба. Можно смело утверждать, народная жизнь во всей своей полноте её исторического развития, со всем её прошлым и настоящим, наполнена обрядовым употреблением хлеба» [1, с. 18].

Обряды и их артефакты довольно консервативны, поэтому не удивительно, что названия обрядового хлеба, как части обряда, сохраняются на протяжении многих столетий. Древние славяне имели разветвлённую систему обрядов и ещё более сложную систему названий хлеба, участвующего в этих обрядах. Необходимо отметить, что одно и то же название в различных славянских языках и даже говорах одного языка может быть как обрядовым, так и названием повседневного хлеба.

Классифицировать названия обрядового хлеба можно с различных точек зрения. Нам представляется наиболее приемлемым нелингвистический тематический подход, т. е. классифицировать их в соответствии с теми обрядами и праздниками, к которым готовили данные хлебные изделия.

Данная статья посвящена изучению названий семейного обрядового хлеба. Классификация их осуществляется в соответствии с теми событиями, которые происходят в жизни человека.

Свадебный обряд представляется центральным в семейной обрядности, т. к. предполагает создание и рождение нового в человеческом сообществе, с него начинается семья и жизнь в ней. Хлеб используется на всех этапах создания семьи. Он может быть главным элементом, а может представлять собой маленькую шишечку на основном каравае.

У белорусов используются следующие названия свадебного хлеба: *хлеб* обычно в сочетании со словом *соль* [2, с. 30–36], *варапай* 'эпитет каравая в свадебной обрядности' (Насовіч 66) полесск. *верч, лапша, крыж, месяц, падручнік, пэрнік, шышкі* 'небольшие булочки, которые пекутся на свадьбу', 'шишки из каравайного теста, которыми украшается каравай' [3, с. 412].

Русских названий свадебного хлеба больше в связи с большей территориальной разобщённостью населения: новосиб. *невестины блины* ‘в свадебных обрядах’ (Новосиб. сл., 32), без места *дивень* ‘род свадебного калача’ [4 II, 1, 53], *за дарами* ‘обрядовое печево с функцией отдаривания наиболее близких родственников’ [5, с. 48], север. *за́лосно* собир. ‘пряники, орехи, подаваемые на свадьбе на десерт’ (СРНГ X, 221); смолен. *заедка* ‘пироги, которые на свадьбе даются песенникам и толпе ребят’ (Добровольский 261–262); калуж. *кружок* ‘печенье, выпеченное невестой для жениха’ (СРНГ XV, 313), забайк. *курим* ‘свадебный пирог’ (СРНГ XVI, 126); кемер. *кулик*, влад., яросл. *кули́чка* ‘свадебный пирог’ (СРНГ XVI, 68–69); яросл. *кули́чка* ‘угощение после венца’ (Мельниченко 99); арх. *ку́ккой*, *ку́ккуй* ‘мясной пирог при свадьбах’ (СРНГ XVI, 35); яросл. *лисица* ‘пряник, подносимый молодым родственниками на другой день после брака’, ср. ряз. *лисица* ‘деньги в свадебных обрядах’, смол. *лисица* ‘сваха’ (СРНГ XVII, 61); сарат. *люкшин-пряка* ‘большой, во всю печь, пирог, который пекут в доме жениха для подруг невесты’ [1, с. 60]; курск., тул., калуж.. рязан., костр. *лесенка* ‘украшение кулича или свадебного пирога в виде лестнички’ (СРНГ XVI, 369); нижегор. *лапша* ‘угощение гостей на сговоре’, влад. *лапша* ‘последнее кушанье на свадебном пиру’ (СРНГ XVI, 271); астрах., ворон. *лежень* ‘свадебный хлеб, калач, украшенный фигурками из теста’ (СРНГ XVI, 334); русск. без места *лежни* и *шишки* ‘небольшие булочки снизу круглой формы, а сверху с крестом из теста или с небольшими по краям пупышками, на подобие сосновых шишек (дополнение к караваю на свадьбах)’ [1, с. 61]; костр. *малину́шка* ‘печенье в форме малины, подаётся на свадьбе’ (СРНГ XVII, 329); новг. *мо́ленник* ‘хлеб, которым благословляли новобрачных’; твер. *мо́ленко* ‘пряник, который пекут в доме молодого на другой день после свадьбы’ (СРНГ XVIII, 216); арх. *мяку́ша, мяку́шка* ‘хлеб, приготовляемый к свадьбе, то же, что и *баенник*’ (Подвысоцкий 3), вост.-казах., дон. *орехи* ‘кушанье в виде шариков из кислого, пресного или сдобного теста «орехи или бурсаки …готовили на свадьбу»’ (СРНГ XXIII, 336); костр. *охво́стыши* ‘печенье из сдобного на меду теста, нарезанного в форме треугольников, ромбов и т. п. (приготовляли обычно на свадьбу или в большие праздники)’ (СРНГ XXV, 29); твер. *первуха* ‘хлеб, которым благословляют невесту перед венцом’ (Даль III, 31); перм. *плакальник* ‘сдобный пирог с говядиной, который присылают невесте после сговора для угощения гостей и подруг при пении плачей’ (СРНГ XXVII, 74); яросл. *свадебник* ‘свадебний пирог’ (Мельниченко 180); сев., волог., костр. *столови́к* ‘самый большой ржаной хлеб, который специально пекут к свадьбе’ (Даль IV, 329); влад. *роща* ‘свадебное печево, круглый хлебец, в который втыкали палочки в виде деревьев, рощ, украшенные разными цветными бумажками. «Между деревьев вставляли полещука с детьми и дом. Рощу раскупливали гости»’ [5, с. 49]; сиб. *шишки* ‘небольшая круглая булочка, которую обычно пекли на свадьбе’ (Новосиб. сл. 597); ниж.-ард. *ува́ч* ‘лепёшка или пряник, которые сваха раздаёт девушкам на свадьбе’ (Даль IV, 461); смол. *яловица* ‘свадебная булка хлеба, передаваемая жениху родителями невесты. «Узяли короўку, возьмитя и поводок». Между прочим жених берёт невесту (корову) лишь с *яловицей* ‘поводком’ (собственно яловица тоже корова)’ (Добровольский 1019); енис., олон., пенз., ср.-обск., яросл. *пряженцы* ‘обрядовые хлебные изделия на свадьбе’ (СРНГ XXXIII, 81). В архангельских говорах А. Подвысоцкий отмечал следующие значения у лексемы *байник (баенник)*: ‘хлеб из чистой муки, приготовленный к свадьбе, зашивают в скатерть вместе с солью, двумя ложками, мисками, столовой чашей, двумя калачами, когда невеста с подругами отдыхает после мытья в бане. Расшивают после венчания, когда молодые побывают в бане’, ‘хлеб, которым благословляют молодых перед венчанием, затем он стоит в клиросе во время венчания’, ‘каравай из пшеничной муки с солонкой сверху и двумя по сторонам рыбными пирогами, подают при большом рукобитье’ (Подвысоцкий 3). У Н.Ф. Сумцова находим следующее: «В некоторых местах северной России свадебный хлеб называют *банником,* это ржаной хлеб, завязанный вместе с солонкой и ложкой в скатерть» [1, с. 60]. Хлебные изделия под названием *блины* были традиционными на свадьбе [6, сс. 118, 146].

К украинским названиям этой группы относятся: галиц. *балец* ‘хлеб, который пекут перед свадьбой’ [1, с. 64], полесск. *бочка* ‘свадебный хлеб, который раздают всем гостям вместо каравая, который делят только для родни’ (Лысенко, 19), закарп. *ба́ник* ‘в свадебном обряде’ (Гринченко I, 26), без места *дивень* ‘свадебный хлеб, выпекаемый у молодой, имел вид

круглого калача, так, чтобы посередине было отверстие. «Через него молодая смотрела на жениха. С этим и связано название хлеба»' [5, с. 48], *даровизна, лежень* 'обрядовое печево с функцией отдаривания наиболее близких родственников' [5, с. 48] – ср. русск. смол. *лежень* 'убогий старик, которого посылают в дом невесты' (Добровольский 372).

В белорусском языке (полесские говоры) обнаружено название *скрушак*, используемое в родинном обряде (Жыв. нар. сл. 145; ЛАБНГ 4, карта № 322). В русских архангельских говорах *баенник* – это 'пирог от родильницы' (СРНГ II, 43).

Хлеб в обряде крестин в некоторых русских говорах также получил своё название: новосиб. *вокорок (вокрок, окрок*) 'праздничный пирог на крестины' (Новосиб. сл. 70), волог. *кстинчики* 'пирожки из овсяной муки без начинки, помазанные маслом (пекутся на *кстины* 'крестины')' (СРНГ XV, 373).

Именины не обошлись без своих специальных хлебов: русск. арх. *именины,* ворон., курск., дон., твер. *именинник,* твер., моск., новг. *именинщик* 'именинный пирог' (СРНГ XII, 191–192), новг. *мóленик* 'пирог на именины' (СРНГ XVIII, 216); волог. *мóляник* 'пирог к юбилею' (СРНГ XVIII, 250); перм. *мúлостыня* 'большой белый хлеб, испечённый в день именин умершего, предназначенный для раздачи бедным' (СРНГ XVIII, 163); волог. *барашек* 'маленький крендель из пресного теста, употребляемый в пищу новорождённому и для кутьи при поминании усопших' (СРНГ II, 110).

Как показывают последние названия, рождение и смерть всегда где-то рядом. В похоронном обряде у русских обнаружены такие названия: вят. *гробовик* 'хлеб, положенный на крышку гроба' (СРНГ VII, 147); без места *лапша* 'в похоронных обрядах' (СРНГ XVI, 271); у украинцев – закарп. *кокуцики* 'небольшие хлебцы, которые клали в гроб' [7, с. 91].

Поминки были и остаются необходимым элементом погребального обряда. Названия хлеба к этому обряду довольно разнообразны у белорусов и русских: бел. восточн.-полесск. *гарачыкі* 'обрядовое поминальное блюдо – испечённые из мучного теста катыши, которые едят с тёртым маком' [3, с. 375], полесск., червен. *канун* 'опресноки, порезанные на кусочки и обмоченные в сладкий растёртый мак, едят во время поминок' [3, с. 379], гомел. *трыціны* 'хлеб, который пекли для поминания умершего на третьей неделе' (Запись наша); *коржи* 'неотъемлемая часть поминального обряда и употреблялись в пищу во время поста и на поминки' [8, с. 269]; русск. волог. *барашек* 'маленький крендель из пресного теста, употребляемый в пищу новорождённому и для кутьи при поминании усопших' (СРНГ II, 110), нижегор. *жарёха* 'лепёшки, жаренные на сковороде, которые готовятся ко дню поминовения умерших вместо кутьи' (СРНГ IX, 77), брян. *именинник* 'пирог, который подают гостям на похороны' (СРНГ XII, 191–192), без места *канунник* 'поминальное блюдо' (СРНГ XIII, 45); вят. *панихидник* 'блины, которые приносят в церковь на панихиду', волог., костр., смол. *панафидник* 'маленький хлебец, над которым поют панихиду, поступает в пользу духовенства' (СРНГ XXV, 193, 196); пск. *пряжéны* 'поминальная лепёшка' (СРНГ XXXIII, 81); без места *сулéники* 'хлебцы, которые пекут к первой субботе после поминальной' (Даль IV, 359).

В Украине на сороковой день после смерти человека выпекали в золе хлебец под названием *кристате дерево*, он был высотою в три локтя, его ствол вставляли в дежу с пшеницей («*би родина більш сльзами не милася*»), а на ветки цепляли разную выпечку под названиями: *виноград, бублики, пташки* и обязательно *драбини* 'лестница', «якою душа піднімати меться до раю» [9, с. 65].

Имелось большое количество хлебов и их названий, не привязанных к определённому дню или событию, но используемому с конкретной целью: бел. гродн. и вит. *курачок* 'использовался в обрядах в качестве подарка' (СБГ II, 576); русск. волог. *канунник* 'пирог, испечённый накануне праздника' (СРНГ XIII, 45), костр. *омлю́шка* 'мелкое сдобное печенье, которое готовили по годовым праздникам' (СРНГ XXIII, 184), смол. *бабок* (деминутив *бабочек, бабошок*) 'обрядовое изделие из муки в виде шариков, крестов, восьмерок и т. п.' (ССГ 98), курск. *разгонщик* 'пирог, каравай, последнее блюдо на званых обедах' (Даль IV, 22).

Некоторый хлеб благословлялся в церкви и в дальнейшем использовался по-разному: русск. *антидор* (грамматический вариант *антидора*) 'благословенный хлеб, большая про-

сфора, раздаваемая частицами народу' (Даль I, 18), *панагия* 'просфора, возносимая в честь Св. Богородицы' (Даль III, 15); волог. *мóленик* 'ржаной хлебец, над котором читались молитвы во время молебна' (СРНГ XVIII, 216).

Хлеб в некоторых случаях отдавали скоту или бедным: бел. гродн. *кỳкачка* (СБГ II, 560); русск. *подéльники* 'яичные хлебцы, которые пекут для подаяния нищим' (Даль III, 220)

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

1. Названия хлеба наиболее конкретизированы в свадебном обряде восточных славян. Это объясняется наличием разных этапов в данном обряде. Однако название *каравай* свойственно каждому восточнославянскому языку: бел. норм. *каравай* 'свадебный обрядовый пирог круглой формы', 'большая булка, испеченная для какого-нибудь торжества, праздника' (ТСБМ II, 635), диал. *каравай, коровай, кырывай* 'круглый свадебный пирог, которым одаривают гостей на свадьбе' (Бялькевіч 243; Касьпяровіч 154; СБГ II, 412). В русском литературном языке *каравай* известно как большой круглый хлеб (ССРЛЯ V, 797). В говорах *каравай* (*коровай, киравай, карвай*) имеет огромный семантический объем, в том числе и 'свадебный пирог, булка со всевозможными украшениями' (Бурнашев I, 267; Даль II, 89; Расторгуев 13; Мельниченко 84, 93; Добровольский 312, 345; СРНГ XIII, 65–67). Укр. *коровай* – 'большой, пышный хлеб с украшениями из теста, который пекут на свадьбу, символ родства и плодородия' (Гринченко II, 285; СУМ IV, 295).

Название *короваи* унаследовано из древнерусского языка. В памятниках древне- и старорусской письменности зафиксированы следующие значения у *короваи*: 'обрядовый хлеб для свадеб', 'круглый белый хлеб', 'сдобный пирог из пшеничной муки, испеченный в круглой конусообразной посуде' (Срезневский I, 1289; СлРЯ XI–XVII VII, 333). В церковных поучениях XII–XIII вв., обличающих языческие пережитки, «*хлѣбьныи короваи*» упоминается в числе приношений языческим божествам «моление коровайное» и как ритуальный хлеб в культе предков, ставившийся для угощения их душ в великий четверг [10, с. 263].

2. Можно наблюдать междиалектные фонетические варианты: арх. *козули*, *козулька,* влад. *козурки, козюльки* 'печенье из пресного ржаного теста в виде овцы или барана, козы, коровы и т. д.' (СРНГ XIV, 73–75, 79).

3. В разных говорах одно значение может быть воплощено в словообразовательные варианты, образованные от одного слова: русск. арх. *именины,* ворон., курск., дон., твер. *именинник,* твер., моск., новг. *именинщик* – 'именинный пирог' (СРНГ XII, 191–192).

4. Одно и то же название в разных диалектах имеет разные значения: *лапша* – 'угощение гостей на сговоре' (нижегор.) и 'последнее кушанье на свадебном пиру' (влад.) (СРНГ XVI, 271); *именинник* – 'пирог, который подают гостям на похороны' (брян.) и 'именинный пирог' (ворон., курск., дон., твер.) (СРНГ XII, 191–192).

5. Одно и то же название хлеба используется в разных обрядах: курск., тул., калуж.. рязан., костр. *лесенка* 'украшение кулича или свадебного пирога в виде лестнички' (СРНГ XVI, 369); курск., тул., калуж. рязан., костр. *лесенка* 'печеное изделие из пресного теста в виде лестнички, используемое при совершении обрядов как символ лестницы для восхождения, подъёма кого-, чего-либо (в день вербного воскресенья, в праздник Вознесения)' (СРНГ XVI, 369), пск. *кулица* 'пасхальный кулич' (СРНГ XVI, 68) влад., яросл. *кулúчка* 'свадебный пирог' (СРНГ XVI, 69); часто с противоположным значением: русск. волог. *барашек* 'маленький крендель из пресного теста, употребляемый в пищу новорождённому и для кутьи при поминании усопших' (СРНГ II, 110), нижегор. *лапша* 'угощение гостей на сговоре', влад. *лапша* 'последнее кушанье на свадебном пиру' (СРНГ XVI, 271); – без места *лапша* 'в похоронных обрядах' (СРНГ XVI, 271). Н.Ф. Сумцов указывал: «Почти повсеместно масленичным кушаньем являются блины. По обычаю народному блинами поминают усопших; в Тамбовской губернии первый блин, испеченный на сырной неделе, кладут на слуховое окошко для родительских душ [1, с. 77]. Блины были традиционными на свадьбе [6, с. 146].

6. Использование хлебов с разными названиями для одной цели: *даровизна, лежень* 'обрядовое печево с функцией отдаривания наиболее близких родственников' [5, с. 48].

Можно видеть, что хлеб в различных своих формах и с разными названиями сопровождает человека всегда, неразрывно связан со всеми этапами жизни.

Условные сокращения

Бурнашев – Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности и быта народного / В. Бурнашев. – СПб, 1843–1844. – Т. 1–2.

Бялькевіч – Бялькевіч, І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І.К. Бялькевіч. – Мн. : Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.

Гринченко – Словарь украинского языка / Под ред. Б.Д. Гринченко. – Киев : Изд-во АН УССР, 1958–1959. – Т. I–IV.

Даль – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль: в 4 т. – М. : Русский язык, 1981–1982. – Т. I–II; 1990–1991. – Т. III–IV.

Добровольский – Добровольский, В.Н. Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск : Типография Силина, 1914. – 1022 с.

Жыв. нар. сл. – Жывое народнае слова: Дыялекталагічны зборнік. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 271 с.

Касьпяровіч – Касьпяровіч, М.І. Віцебскі краёвы слоўнік: Матэрыялы / Пад рэд. М.Я. Байкова, Б.І. Эпіхама-Шыпілы. – Віцебск, 1927. – 372 с.

Лысенко – Лысенко, П.С. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины / П.С. Лысенко // Славянская лексикография и лексикология. – М. : Наука, 1966. – С. 5–60.

Мельниченко – Мельниченко, Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей / Г.Г. Мельниченко // Межобластной диалектологический кабинет при Ярославском гос. пед. ин-те. – Ярославль : ЯГПИ, 1961. – 224 с.

Насовіч – Насовіч, І.І. Слоўнік беларускай мовы / І.І. Насовіч. – Мн. : БелСЭ, 1983. –792 с.

Новосиб. сл. – Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 605 с.

Подвысоцкий – Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. – СПб. : Изд-во типографии Императорской Академии наук, 1885. – 198 с.

Расторгуев – Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П.А. Расторгуев. – Мн. : Навука і тэхніка, 1973. – 296 с.

СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т./ Пад рэд. Ю.Ф. Мацкевіч.– Мн. : Навука і тэхніка, 1979–1986.–Т. I–V.

СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР. – М. : Наука, 1975–1992. – Вып. 1–18.

СРНГ – Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф.П. Филина. – М.-Л. :Наука,1965–1966. – Вып.1–2; Л. :Наука,Ленинград. отд-е, 1968–1992. – Вып. 3–27.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. В.И. Чернышева [и др.]. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1963. – Т. I–XV; Изд-во «Наука», 1964–1965. – Т. XVI–XVII.

СУМ – Словник української мови / Под ред. І.К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1970–1980. – Т. I–XI.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР. – Мн. : Гал. рэд. Бел.СЭ, 1977–1984. – Т. I–V.

Литература

1. Сумцов, Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях / Н.Ф. Сумцов. – Харьков, 1885. – 140 с.

2. Воробьёва, Т.С. Роль обрядовой выпечки в свадебной традиции (на примере Могилёвского района) / Т.С. Воробьёва // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований: сб. материалов международной научно-практической конференции, посвящённой 85-летию Брянского государственного университета им. Акад. И.Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове. Г. Новозыбков, 15–16 октября 2015 г.: в 2-х ч. / Ред. кол. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец. – Брянск: Изд. БГУ, 2015. – Ч. 1. – 366 с.

3. Вешторт, Г.Ф. Названия пищи в говорах Полесья / Г.Ф. Вештарт // Лексика Полесья. – М. : Наука, 1968. –512 с.

4. Будилович, А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян / А. Будилович. – Киев, 1878–1879. – Т. I–II.

5. Артюх, Л.Ф. Народне харчування українців та росіян північно-східних районів України / Л.Ф. Артюх. – Київ : Наукова думка, 1982. – 112 с.

6. Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 364 с.

7. Гонтарь, Т.А. Народная пища бойков конца XIX – начала XX в. / Т.А. Гонтарь // Карпатский сборник. – М. : Наука, 1976. – 151 с.

8. Вештарт, Г.Ф. Корж / Г.Ф. Вештарт // Этнаграфія Беларусі. – Мн. : Выд-ва БСЭ імя П. Броўкі, 1989. – С. 269.

9. Маковій, Г. Затоптаний цвіт / Г. Маковій. – Київ : Український письменник, 1993. – 195 с.

10. История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура / Под ред. Н.Н. Воронина, М.К. Каргера. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 500 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.02.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 821.161.3.0

Канцэптавая тапаграфія найноўшай беларускай літаратуры

І.Л. Шаўлякова-Барзенка

Канцэптавая тапаграфія беларускай літаратуры пачатку XXI ст. у спецыфічнай праекцыі аднаўляе контуры нацыянальнай культуры як культуры аўтэнтычнай *беларушчыны*. Канцэптасфера літаратуры разглядаецца як складанаарганізаваная сістэма; яе ўтварае рухомая іерархізаваная цэласнасць універсальных (агульнанацыянальных, гісторыка-культурных) і індывідуальна-аўтарскіх канцэптаў. Структураўтваральную ролю ў канцэптасферы найноўшай беларускай літаратуры выконваюць паняцці '*памежжа', 'мова', 'скрыжаванне', 'вяртанне', 'самота'* і некаторыя іншыя. Трансфармацыі канцэптасферы абумоўліваюць акрамя іншага вектар выхаду мастацкіх ідэй у сацыякультурны кантэкст.
Ключавыя словы: найноўшая беларуская літаратура, канцэпт, канцэптасфера, рэміфалагізацыя, беларушчына.

The conceptual topography of the Belarusian literature at the beginning 20th century restores the contours of the national culture in particular projection as a culture of authentic *belaruščyna*. It is suggested to consider the literature concepts-sphere as a difficult organized system. It is a hierarchical integrity of concepts such as universal (nationwide, historical-and-cultural) and individual (author's). '*Pamiežža*' (borderlands), '*mova*' (mother tongue), '*viartańńe'* (returning), '*samota*' (anguish) and some other concepts are structure-forming for the latest Belarusian literature. Transformations of the concept-sphere determine the implementation of art ideas in the cultural context.
Keywords: latest Belarusian literature, concept, concepts-sphere, remythologization, belaruščyna.

Уводзіны. Найноўшая літаратура (у беларускай культурнай прасторы храналагічна атаясамліваецца з мастацкай славеснасцю апошняга дзесяцігоддзя XX ст. – пачаткам XXI ст.) з'яўляецца складаным і разам з тым надзвычай актуальным аб'ектам тэарэтычнага асэнсавання.

З аднаго боку, найноўшая літаратура ёсць феноменам па вызначэнні рухомым, у чымсьці нават супярэчлівым. Для сучасніка яна ў любы момант назірання знаходзіцца ў своеасаблівай кропцы біфуркацыі, адкуль літаратурная гісторыя патэнцыяльна можа рушыць у самым непрадказальным кірунку. Усё гэта відавочна ўскладняе задачы, звязаныя з выяўленнем і апісаннем з'яў і працэсаў сутнасных, напрыклад, заканамернасцей і перспектыў развіцця нацыянальнай літаратуры ў новай інфармацыйнай рэальнасці).

З другога боку, парадыгмальны характар змен у сацыякультурнай прасторы памежжа XX–XXI стст. абумоўлівае важнасць аператыўнага, амаль «сінхроннага» тэарэтычнага асэнсавання з'яў і падзей найноўшай літаратуры. Для беларускага гуманітарнага дыскурсу канцэптуальны (з элементамі прагнастычнага мадэлявання) аналіз бягучага літаратурнага працэсу набывае асаблівую актуальнасць – у сувязі з адметнай роляй прыгожага пісьменства ў станаўленні і развіцці нацыянальнай культуры.

Адной з тэндэнцый развіцця беларускай літаратуры ў пачатку XXI ст. з'яўляецца актывізацыя працэсаў мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі [1]. Калі 1990-я гг. беларускае літаратуразнаўства сустрэла ў пэўнай метадалагічнай разгубленасці, то ў 2010-х гг. некаторыя айчынныя даследчыкі канстатуюць своеасаблівае метадалагічнае бяссілле сучаснай беларускай тэорыі літаратуры [2, с. 7].

Не падзяляючы катэгарычнасці такіх ацэнак, звернем увагу на абвостранасць адчування пэўнага камунікацыйнага разрыву паміж літаратурна-мастацкімі практыкамі і іх тэарэтычным асэнсаваннем. Інакш кажучы, размова ідзе пра неабходнасць выпрацоўкі такой метамовы, якая дазволіла б беларускім літаратуразнаўцам адэкватна апісаць сутнасць з'яў найноўшай мастацкай славеснасці. Выдатныя магчымасці для выпрацоўкі такой метамовы ўтрымлівае, на наш погляд, распрацоўка тэарэтычных асноў літаратурнай канцэпталогіі.

Асноўная частка. З часу ўвядзення ў другой палове 1920-х гг. паняцця *'канцэпт'* ва ўжытак айчынных даследчыкаў літаратуразнаўства выяўляла да яго відавочна меншы

інтарэс, чым, напрыклад, лінгвістыка. З 1990-х гг. (калі на постсавецкай прасторы заўважна актывізаваліся розныя школы лінгвістычнай канцэпталогіі) даследчыкі літаратуры аддавалі перавагу, як правіла, вывучэнню мастацкіх канцэптаў на матэрыяле асобных твораў альбо (радзей) апісанню паўтаральных (матыўных) літаратурна-мастацкіх з'яў, а таксама канцэптасфер творчасці асобных пісьменнікаў (згадаем, напрыклад, манаграфію расійскага даследчыка В. Маславай «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой», 2004). У беларускім гуманітарным дыскурсе 1900-х – 2000-х гг. увага скіроўвалася на тэарэтычнае асэнсаванне паняццяў *архетып* і *міфалагема*, а таксама аналіз іх увасаблення ў творах нацыянальнай літаратуры розных гісторыка-літаратурных эпох (артыкулы У. Конана, І. Чароты, В. Акудовіча, Т. Шамякінай і інш.). Пры гэтым у сярэдзіне 2010-х гг. у беларускім літаратуразнаўстве «тэарэтычныя асновы канцэптуальнага аналізу мастацкага тэксту застаюцца непрапрацаванымі» [3]. Асобныя арыгінальныя даследаванні беларускіх літаратуразнаўцаў (вывучэнне вытокаў нацыянальнай канцэпталогіі А. Рагулем, спроба Ю. Масарэнкі рэалізаваць канцэпталагічны падыход падчас ідэйна-эстэтычнага аналізу беларускай лірычнай прозы [4]) сітуацыю пакуль істотна не выпраўляюць.

Між тым, магчымасць прадстаўлення верагоднаснага мадэльнага бачання найноўшай літаратуры (з улікам яе параметраў як прынцыпова незавяршальнага праекта) мы звязваем з рознаўзроўневым апісаннем яе канцэптасферы. Зварот да метадалагічных ідэй сінергетыкі, семіётыкі, структурна-функцыянальнага аналізу і тэзаўруснага падыходу, на нашу думку, дазволіць акрэсліць ключавыя кампаненты канцэптасферы нацыянальнага мастацтва слова, што абумоўліваюць асаблівасці падсістэм літаратуры (аксіялагічнай, эстэтычнай, стылявой) як складанаарганізаванай цэласнасці.

Рэакцыяй на крызіс ідэнтычнасці сучаснай беларускай літаратуры ў апошняй чвэрці XX ст. сталі працэсы яе мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі. Наступствы гэтага на розных узроўнях мастацкай літаратуры як сістэмы выяўляюцца з рознай інтэнсіўнасцю. Так, структурныя і зместавыя трансфармацыі канцэптасферы нацыянальнай літаратуры праз тры дзесяцігоддзі (з другой паловы 1980-х да сярэдзіны 2010-х гг.) заўважныя ўжо зараз. *Канцэптасферу літаратуры* мы разглядаем як *складанаарганізаваную сістэму, здольную да самаразвіцця; яе ўтварае рухомая іерахічная цэласнасць універсальных і індывідуальна-аўтарскіх канцэптаў*. Сярод *універсальных літаратурна-мастацкіх канцэптаў* мы прапануем адрозніваць *агульнанацыянальныя і гісторыка-культурныя*. Згаданыя тыпы канцэптаў відавочна дыферэнцыруюцца паводле «межаў універсальнасці». Аднак варта браць пад увагу прынцыповую ўнутраную дынамічнасць канцэптасферы літаратуры, што ў ліку іншага абумоўлівае патэнцыяльную магчымасць руху індывідуальна-аўтарскага канцэпту па іерархічнай лесвіцы, то бок ператварэння яго ў гісторыка-культурны, а з цягам часу (гіпатэтычна) – у агульнанацыянальны.

З прычыны ўсведамлення складанасці (шматкампанентнасці і шматузроўневасці) канцэптасферы нацыянальнай літаратуры ў межах гэтага артыкула мы аддаем перавагу паняццю *канцэптавай тапаграфіі* (яно хутчэй аказіянальнае, чым строга-тэрміналагічнае). Яе прапануецца разглядаць як своеасаблівую матрыцу альбо контурную карту канцэптасферы. Паводле канцэптавай тапаграфіі можна скласці ўяўленні пра:

– умоўную наменклатуру канцэптаў, найбольш запатрабаваных (актуалізаваных) у літаратурна-мастацкай прасторы пэўнага перыяду;

– іерархічны статус таго ці іншага канцэпту (прыналежнасць да пэўнага тыпу і ўзроўню не толькі канцэптасферы літаратуры, але і – у шэрагу выпадкаў – нацыянальнай культуры ў цэлым);

– матыўную структуру літаратуры адпаведнага перыяду[1];

– трансфармацыйныя працэсы ўнутры канцэптасферы літаратуры пэўнага перыяду.

Канцэптавая тапаграфія беларускай літаратуры пачатку XXI ст. у спецыфічнай праекцыі аднаўляе своеасаблівую контурную карту нацыянальнай культуры як культуры

[1] Канцэпты аб'ектывуюцца ў сістэме матываў; інакш кажучы, «матыў часта не толькі выступае ў ролі асноўнага рэпрэзентанта мастацкага канцэпта, але і з'яўляецца "ачагом інтэртэкстуальнасці", у другой сваёй функцыі звязвае індывідуальна-аўтарскую канцэптасферу з канцэптасферай культуры» [3]).

аўтэнтычнай *беларушчыны*. (У дадзеным выпадку азначэнне «аўтэнтычная» ўказвае на адпрэчванне любой «эрзацавасці».) *Беларушчына* ў межах найноўшай літаратуры набывае статус гісторыка-культурнага канцэпту, які па меры руху ад другой паловы 1980-х да сярэдзіны 2010-х гадоў набывае статус ядровага паняцця.

Структураўтваральна-каркасную ролю ў канцэптавай тапаграфіі найноўшай беларускай літаратуры выконваюць паняцці *'памежжа', 'мова', 'скрыжаванне', 'вяртанне', 'тутэйшасць', 'чужынства', 'самота', 'псеўда'* і некаторыя іншыя. Тыпалагічна належачы да розных іерархічных узроўняў канцэптасферы літаратуры, яны знаходзяцца ў складаным узаемадзеянні, а таксама вызначаюцца ўнутранай рухомасцю. Урэчаўленне канцэптаў у мастацкіх творах адбываецца на розных узроўнях: моўна-выяўленчым, матыўна-вобразным, ідэйна-каштоўнасным. Адметнасцю найноўшай беларускай літаратуры з'яўляецца стылявая разнастайнасць увасабленняў аднаго і таго ж канцэпту.

Разглядаючы стасункі паняццяў «нацыянальны культурны свет» і «нацыянальная канцэптасфера», В. Зусман і З. Кірнозе падкрэсліваюць, што «канцэпт заўсёды мае патрэбу ў інтэрпрэтацыі, бо ў ім спалучаны паняцці і ўяўленні, стандартызаванасць і ўнікальнасць", пры гэтым "нацыянальныя канцэпты, як і нацыянальныя канцэптасферы не могуць быць дакладна атрыбутаваны (вызначаны), але могуць быць апісаны» [5].

На наш погляд, найбольш складанымі для інтэрпрэтацыі (у тым ліку – для своеасаблівага "перакладу" сімвалічнай сутнасці канцэпту на мовы іншых нацыянальных культур) у найноўшай беларускай літаратуры з'яўляюцца канцэпты гісторыка-культурныя, бо тут унікальнае пераважае стандартызаванае. Бадай, самы яскравы аргумент на карысць гэтага – канцэпт *'тутэйшасць'*. Вытокі гэтага канцэпта, які з другой паловы 1980-х стаўся прадметам літаратурнага і грамадскага абмеркавання, звязаны з п'есай Янкі Купалы «Тутэйшыя» (1922). У межах апошніх трыццаці год назіраецца ператварэнне індывідуальна-творчага канцэпту *'тутэйшы(я)'* ў гісторыка-культурны канцэпт *'тутэйшасць'*, які ў дыскурсе XXI ст. набывае вагу канцэпту гісторыка-культурнага. *'Тутэйшасць'* утрымлівае інварыянтныя прыкметы (ментальная прырода, моўнае выражэнне і сацыякультурная абумоўленасць), а таксама абавязковыя структурныя элементы (паняційны, вобразны і каштоўнасны, з дамінаваннем апошняга) канцэпту. А. Пяршай на аснове аналізу меркаванняў айчынных і замежных гісторыкаў, філосафаў, культуролагаў, палітолагаў, фармулюе погляд на *тутэйшасць* як на іншую форму нацыянальнай ідэнтычнасці, якая «ўказвае не на "дакладнасць" вызначэння і пазнавання нацыі, а на сувязь прадстаўнікоў гэтай нацыі з іх "геаграфіяй" – унікальным спалучэннем гістарычных, сацыякультурных і палітычных абставін, што вызначаюць лад рэчаў у канкрэтным рэгіёнё» [6, с. 267].

На адрозненне ад гісторыка-культурных канцэптаў індывідуальна-творчыя канцэпты ў найноўшай беларускай літаратуры выражаюцца ў сэнсаформах, дзе агульнае (глабальнае) пераважае адметнае (лакальнае), то бок мастацкі канцэпт лёгка "перакладаецца" з адной культурнай мовы на іншую як сацыякультурнае паняцце. Згадаем, напрыклад, пра вагу канцэпту «псеўды» ў прасторы «клінічнага пострэалізму» Ю. Станкевіча, альбо аўтарскую версію канцэпту ў «бязлітасна-рэалістычнай» прозе А. Брава: «…засноўваць што б там ні было на той псеўдарэальнасці, якая раілася навокал, я не жадала. Усе каштоўнасці гэтага свету былі мёртвыя, нібы праспіртаваныя вантробы ў слоіках, якія грувасціліся на стэлажах кафедры хірургіі, куды нас ганялі адпрацоўваць "ваенку". <…> Свет, у якім былі абавязаны стаць шчаслівымі, быў забруджаны крывадушнасцю, як радыяцыяй. І мне любой цаной хацелася здзерці абрыдлую маску, нават калі б дзеля гэтага спатрэбілася сарваць з сябе і самую скуру» [7, с. 13].

Адметным кампанентам канцэптавай тапаграфіі найноўшай беларускай літаратуры з'яўляюцца індывідуальна-аўтарскія інтэрпрэтацыі агульнанацыянальных канцэптаў. Так, вобраз-сімвал сфагнума з аднайменнага рамана В. Марціновіча («Сфагнум», 2013) генетычна звязаны з канцэптам *'балота'*; многія персанажы «Сфагнума» ўспрымаюцца як найноўшыя версіі канцэпту *'тутэйшы(я)'*. Аўтар у шэрагу інтэрв'ю рашуча адпрэчвае сувязь праблематыкі рамана з балотам як адным з ядровых паняццяў для нацыянальнай канцэптасферы: В. Марціновіч настойвае на тым, што «Сфагнум» – раман не пра балота, а

пра абсурд існавання. Аднак у рэцэпцыі беларускага чытача і рускамоўная, і беларускамоўная (перакладная) версіі твора цесна (генетычна) паяднаныя з, так бы мовіць, культуралогіяй *‘балота’*. Індывідуальна-аўтарскі характар мастацкім вобразам, праз якія “прамаўляецца” канцэпт у тэксце, надае татальная іронія аповеду, выкананага ў тэхніцы літаратурнага трэшу. Тыпалагічна падобная сітуацыя назіраецца яшчэ ў адным рамане В. Марціновіча “Мова” (2014). Агульнанацыянальны канцэпт *‘мова’* ў жанравай прасторы антыўтопіі скарыстоўваецца аўтарам як будаўнічы матэрыял новай міфалогіі. Адпаведна, матэрыялізуецца агульнанацыянальны канцэпт у матыве мовы як наркотыка, мовы як таямніцы, толькі таямніцы не сакральнай, а трэшавай. Менавіта вакол *‘мовы’* В. Марціновіч у згаданым творы выштукоўвае сваю індывідуальна-аўтарскую міфалогію, якую паводле сутнасных адзнак можна ўмоўна акрэсліць як “кібер-ганста-міфалогію”, замешаную на эрзац-уяўленнях пра *беларушчыну*.

Заключэнне. Назіранні за рухомымі контурамі канцэптавай тапаграфіі найноўшай літаратуры дазваляюць зрабіць шэраг прамежкавых высноў.

1) Канцэптасфера найноўшай беларускай літаратуры цэнтраваная на *беларушчыне (*у гэтым сэнсе яна перадусім *“беларушчына-цэнтрычная”)*, пры гэтым, напрыклад, *‘літаратура’* і *‘мова’* маюць статус роўнавялікіх універсальных (агульнанацыянальных) канцэптаў.

2) У літаратурнай прасторы канца XX – пачатку XXI стст. найбольш выразныя трансфармацыі адбываюцца з гісторыка-культурнымі канцэптамі. Гэта тлумачыцца як фактарамі пазалітаратурнымі (напрыклад, вектары развіцця інфармацыйнага грамадства, змены культурных парадыгм і г. д.), так і ўнутрылітаратурнымі (актуалізацыя працэсаў мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі як адзнака станаўлення новага тыпу творчасці і інш.).

3) Індывідуальна-аўтарскія канцэпты генетычна звязаны з універсальнымі (гісторыка-культурнымі і агульнанацыянальнымі) канцэптамі; даволі часта гэта сувязь носіць маніфестацыйны (падкрэслены) характар.

4) Выяўленне канцэптаў на ўзроўні матываў у цэлым адбываецца ў рэчышчы традыцыйным і па выніку складваецца ў метаматыў пошукаў ідэнтычнасці (асбаснай, культурнай, нацыянальнай). Пры гэтым вобразна-мастацкія ўвасабленні канцэптаў агулам пакідаюць уражанне стракатасці, калі на роўнай адлегласці ад цэнтру аказваюцца рэчы рознафарматныя, рознавартасныя ў эстэтычных і мастацкіх адносінах.

У мастацкім свеце найноўшай літаратуры цесна пераплятаюцца катастрафізм светаадчування і спецыфічна беларускі аптымізм, узнёслая героіка і трагічная самота, экзістэнцыйная бязлітаснасць і шчымліва-пранізлівы экзістэнцыяльны лірызм. Паводле канцэптавай тапаграфіі найноўшай беларускай літаратуры можна скласці даволі поўнае ўяўленне пра спецыфіку, тэндэнцыі і найбольш верагодныя вектары развіцця канцэптасферы літаратуры ў цэлым.

Калі вывучэнне канцэптасферы твора дазваляе сучасным літаратуразнаўцам «выявіць усю складанасць гісторыка-літаратурных і культурных сувязей, якія ўтвараюць інтэртэкстуальнае поле мастацкай прасторы» [3], то вывучэнне канцэптасферы нацыянальнай літаратуры ў так званай рэтраперспектыве (г. зн. у гісторыка-культурнай дынаміцы з магчымымі выхадамі ў прагнастычнае мадэляванне), на наш погляд, спрыяе выяўленню найбольш важных заканамернасцей агульналітаратурнага развіцця.

Трансфармацыі канцэптасферы абумоўліваюць не толькі змены на ўсіх узроўнях найноўшага прыгожага пісьменства як мастацкай сістэмы, але і вектар выхаду мастацкіх ідэй у сацыякультурны кантэкст.

Літаратура

1. Шаўлякова-Барзенка, І.Л. Мастацкая (сама)ідэнтыфікацыя: тэарэтычная легітымацыя паняцця ў кантэксце развіцця найноўшай беларускай літаратуры / І.Л. Шаўлякова-Барзенка // Труды БГТУ. Сер. История, философия, филология. – 2014. – № 5 (169). – С. 135–139.

2. Тычына, М.А. Уводзіны / М.А. Тычына // Міждысцыплінарныя даследаванні актуальных праблем тэорыі літаратуры / М.А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М.А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 3–9.

3. Волкова, В.Б. Концептосфера современной военной прозы : дис. … докт. филол. наук : 10.01.01 / В.Б. Волкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.dslib.net/russkaja-literatura/konceptosfera-sovremennoj-voennoj-prozy.html. – Дата доступа : 25.03.2016.

4. Масарэнка, Ю.А. Канцэпталогія ў даследаванні беларускай лірычнай прозы / Ю.А. Масарэнка // Міждысцыплінарныя даследаванні актуальных праблем тэорыі літаратуры / М.А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М.А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 323–374.

5. Зусман, В.Г. Национальная концептосфера и политическая нация / В.Г Зусман, З.И. Кирнозе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://publications.hse.ru/chapters/64467631. – Дата доступа : 10.02. 2016.

6. Першай, А. Тутэйшасць как тактика культурного сопротивления: о локальности, социальной мобильности и беларусской национальной идентичности / А. Першай // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. – 2012. – № 2. – С. 251–268.

7. Брава, А. Каменданцкі час для ластавак: Аповесці, апавяданні / А. Брава. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. – 183 с.

Научно-методическое учреждение
«Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь

Поступила в редакцию 20.03.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.319.8

Антропологическое измерение в философии

В.Н. Калмыков

Рассмотренные проблемы «нанизаны» на общий «стержень» – «человек». Философская антропология рассматривается в связке с онтологией, праксиологией, гносеологией, аксиологией, социологией. Антропологическое измерение в философии трактуется через предмет философии – отношения «человек – мир», «человек – человек».
Ключевые слова: философская антропология, человек, личность, общество, порядок, хаос, социальная материя, практический гуманизм, цель, средство.

The article deals with a range of issues which consider a man as the centre. Philosophical anthropology is considered together with the ontology, praxeology, epistemology, axiology, sociology. The anthropological measurement of philosophy is treated via the subject of philosophy – «man – the world», «man – man».
Keywords: philosophical anthropology, human, individual, society, order, chaos, social substance, practical humanism, target, means.

Аристотель первым ввел термин «антропология», выдвинул идею последовательного усложнения организации живых существ («лестницы существ»). Сформулированные И. Кантом вопросы «Что я могу знать?», «На что я могу надеяться?», «Что я должен делать?» объединены общей проблемой – «Что такое человек?». Немецкий философ к термину «антропология» добавил слово «философская». Это разумно, ибо человека изучают многие науки, но философия призвана исследовать человека в философском ракурсе. Исходя из дуалистического понимания человека как существа, принадлежащего двум мирам, – природной необходимости и нравственной свободы, Кант разграничивал «философскую антропологию в «физиологическом» и «прагматическом» отношениях: первая дает представление о том, что делает природа из человека, а вторая – что человек делает из себя сам» [1, с. 35]. В более позднем (с конца XIX в.) толковании понятие «философская антропология» означает учение о природе и сущности человека.

Динамика социума порождает изменяющееся проблемное поле философских размышлений, где выносятся на первый план те или иные конкретные проблемы. Например, для Ф. Шеллинга основной является проблема об отношении свободы и необходимости; А. Камю заявлял, что вопрос о смысле жизни является самым неотложным; П. Риккерт самой острой назвал проблему зла, насилия; экзистенциалисты – существование человека в «пограничных», порой трагических ситуациях. Для неопозитивизма основным стал вопрос о природе научного знания. Лингвистическая философия в центр своего внимания поставила проблему языка. Античные стоики (Зенон из Китиона, Хрисипп, Сенека и др.) утверждали, что жить надо сообразно природе, в согласии с принципом мирового порядка. Демокрит полагал, что деятельность человека должна соответствовать его силам и природе. Т. Гоббс, Б. Спиноза и П. Гольбах рассуждали об инстинкте самосохранения особи, о стремлении человек к выживанию. В названных позициях обозначено действие фундаментального закона человеческого существования – закона самосохранения.

У. Шекспир словами Гамлета сформулировал вопрос: «Быть или не быть?», который ныне стал особенно злободневным. В современном мире, когда существует угроза гибели всего человечества, одной из центральных как раз и является проблема обеспечения выживаемости человечества и достойного существования отдельных людей на основе укрепления жизнеспособности социума, преодоления опасности ядерных, экологических, техногенных, антропологических и иных катастроф, выбора приемлемой стратегии развития общества [2].

Многообразие философской проблематики обусловливает сложную структуру философии. Свои варианты по этому вопросу предлагали Зенон из Китиона, Ибн Сина (Авиценна), Ф. Бэкон, Т. Гоббс, И. Кант, Г. Гегель и другие философы. Например, И. Кант писал о трех частях философии, соотнося их с тремя «способностями души», познавательной, практической и эстетической. Соответственно Кант философию понимал как учение о единстве истины, добра и красоты. Изумление, сомнение и вопрошание – три источника, которые питают философию, утверждал М. Хайдеггер. Этот философ проявил свои человеческие черты в любовных письмах и стихах к Х. Арендт. Когда приходилось выбирать между семьей и страстью, Хайдеггер выбирал иное – мышление. Мысль и чувства в письмах этих двух немецких интеллектуалов составляли единство.

В современных представлениях философия теоретически осмысливает реальность и трансформируется в: а) учение о бытии – онтологию; б) учение о деятельности – праксиологию; в) теорию познания – гносеологию; г) теорию ценностей – аксиологию; д) учение о человеке – философскую антропологию; е) науку о развитии общества – социальную философию. Отдельные разделы философии существуют в системе целостной философии, а философия как целостное выражается через свои части. Предметом философии является отношение «человек – мир», а также «человек – человек». Философия доходит до осознания всеобщих оснований бытия человека и мира, вырабатывает общие ориентиры жизнедеятельности человека, поднимается до осознания целей и смысла жизни. Продемонстрируем «включенность» человеческого в ранее названные основные «срезы» философствования.

Древнеримский философ Лукреций Кар отмечал, что люди сначала использовали руки, палки, а затем орудия и оружие. Плутарх считал, что характер человека через концентрацию его воли реализуется в деятельности, которая есть воплощение желания – стремление к цели, направляемое разумом и чувствами. Для этого античного мыслителя поступок, деятельность – условие для успеха в жизненной борьбе с обстоятельствами и судьбой. В XVIII в. американец В. Франклин определил человека как «животное, делающее орудия». Марксизм связывал понимание сущности человека с общественными условиями его функционирования и развития, сознательной деятельностью, в ходе которой человек оказывается предпосылкой и продуктом истории. М. Хайдеггер выделил стадии деятельности: осознание (отражение) индивидом в данный момент конкретных условий существования; социокультурная оценка условий и проектирование возможностей деятельности; желание как стремление к преодолению нехватки; движение в форме деятельности [3]. А. Гелен дал интегративное описание человека как целостного и единого существа. Ключевыми при описании такого человека выступают понятия «действие», «сообщество», «культура». А. Печчеи в своей книге «Человеческие качества», анализируя тотальную технизацию жизни, отметил необходимость «человеческой революции» через развитие интеллектуальных, чувственных и телесных способностей человека. По мнению ряда философов, задача состоит в том, чтобы с помощью физиологии, медицины и психотехники сделать труд более здоровым, адаптировать машину к человеку. Для контроля над техническим прогрессом необходимы как «внешние меры» – изменение способа производства, так и «внутреннее усилие человека», при котором он исходит из своего разума, воли, любви и других движений души. Тем самым достигаются «целостность» человека и гармония мира.

Современная неклассическая философия обнаруживает, что между бытием и разумом есть посредник – это деятельность и язык (Ю. Хабермас). В истории человечества взаимосвязаны материально-духовные компоненты: 1) «изобретение языка» и создание с его помощью информационно-когнитивной базы человеческой деятельности; 2) создание технологии как коллективной целеориентированной деятельности. В целом, человек – автор (актор) истории и мира культуры, осмысливая и оценивая реальность, выступает как действующий игрок (актер), выполняющий различные функции (роли) на сцене мировой истории, является производительной, социальной, политической и духовной силой общества.

Человек воплощает единство противоположных начал: постоянной восприимчивости ко всем импульсам, идущим от мира, общества и придания этим импульсам человеческого смысла. Человеческое поведение определяется балансом внешних и внутренних сил, природно-социальными желаниями в пище, одежде, сексе, безопасности и т. п., уровнем сравне-

ния (часто в предпринимательском обществе деньги выступают общим инструментом сравнения), уровнем достоинства и т. д. Человек связан с миром и одновременно дистанцирован от него. Некоторые воздействия мира человек в целом воспринимает и отвечает на них, реализует, к другим приспосабливается, от третьих пытается отмежеваться. Часть людей не желает или не может адаптироваться к новым условиям и отказывается от каких-либо изменений. Итак, имеется соответствие и несоответствие между обстоятельствами реальности и итогами реагирования человека на эти обстоятельства, импульсы, поэтому человек есть продукт обстоятельств, среды и вместе с тем их оппонент.

Множество устремлений и воздействий человека на внешний мир порождает массовую статистику – ведущие тенденции развития. Есть одержимые (чрезмерно активные), пассивные, существуют своеобразные «зомби», лишенные возможности выбора. Возможности каждой личности ограничены. Эта ограниченность обусловлена как лавиной объективных процессов, катящихся из прошлого и настоящего и обладающих единством подвижности и инерции, так и конечностью существования каждого человека во времени и пространстве, пределами его способностей.

Человек – исходная «клеточка» социума. В продуктах труда в результате «скрещивания» усилий многих индивидуальных агентов следы индивидуального размываются и получается общественное. В социуме взаимодополняют друг друга хаос и порядок. На базе параметров порядка формируются нормы культуры, права, искусства, этики, языка. В то же время в динамической жизни возникают новые импульсы, новые аттракторы, разрушаются старые параметры порядка. Социальная реальность, своеобразная социальная материя – обособившаяся от естественной природы часть мира, представляющая собой совокупность всех социальных явлений и их связей в истории. В.И. Ленин признавал единственное свойство материи – быть объективной реальностью [4, с. 131]. Вместе с тем высказывался также субъективистский взгляд на материю. Например, А.Ф. Лосев, представитель «серебряного века» русской культуры и философии, призывал понять материю личностно, с точки зрения ее аксиологического значения. Академик РАН Т.И. Ойзерман полагает, что ленинское понятие материи «принципиально неприменимо к категории материалистического понимания истории» [5, с. 18], ибо общественные отношения носят субъект-объектный характер. Скажем мягче, осторожнее: ленинское определение понятия материи частично применимо к общественной жизни. Ведь в социуме стихийно-спонтанное начало, действие ряда общесоциологических законов переплетено с субъективными устремлениями людей. Итак, общество есть не чисто объективная, а и субъективная реальность, а также не только материальное, но и идеальное образование. В социокультурной модернизации мировоззренческие установки, жизненные смыслы выступают как программы обновления разнообразных видов деятельности, воспроизводства социальной жизни. Выработка новых теоретических смыслов задает многообразие возможных миров для науки и культуры [6, с. 195–200]. В сложном сплетении исторических событий возрастает роль социального субъекта, способного к оценке и проектированию, к умению выбрать целесообразную позицию и реализовать ее в практику. «Историей следует считать только те периоды, которые отмечены возникновением смыслов существования, то есть явным очеловечением (одухотворением) мира» [7, с. 5].

В экономической, социальной, политической и духовной жизни общества материальное и идеальное вплетены друг в друга. В экономике это вещественные средства производства, материальное благо и идеальные компоненты труда. В социальной сфере присутствуют материально-экономические истоки появления социальной структуры и различные духовные компоненты функционирования индивидов и социальных общностей, в политической жизни – материальная база управления и его духовные составляющие: политические решения, планирование, идеологические программы и т. п. Особую роль играет антропо-духовное измерение политических лидеров. Когда-то «шутили»: будь нос Клеопатры чуть короче, весь облик земли, общества был бы иным. Данное суждение перекликается с известным принципом «эффекта бабочки», иного, во многом непредсказуемого хода событий. Непредсказуемость, неопределенность событий в XIX в. А.И. Герцен выразил представлением о «растрепанной импровизации истории», что порождает, как пишут в XX–XXI вв. «факторы икс», разнообразные риски. По оценке участников XVII конгресса Международной социологической ассоциации (Иокогама, 2014), ныне все чело-

вечество предстает как мир нарастающих социокультурных неравенств и рисков во всех областях жизнедеятельности. Если в прошлом основным достоинством политика во многом считалась харизма, то в современной информационной цивилизации – компетентность, интеллект, часто – интуиция, «политическое чутье». Наконец, в духовной сфере имеются материальные элементы (продукты духовной культуры облечены в материальную форму).

Отмеченное единство материального и идеального в социуме подметили философы. Так, О. Конт полагал, что духовность скрепляет различные элементы общественного организма. К. Маркс трактовал сознание как «вплетенное» в бытие людей. Социальный психолог Г. Лебон полагал, что крупные исторические события являются видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей. Люди, как элемент общества, считал Г. Спенсер, обладают сознанием, которое разлито по всему социальному агрегату, а локализовано в некотором одном центре. В.С. Соловьев писал, что человек «с его разумным сознанием должен быть не только целью природного процесса, но и средством для обратного, более глубокого и полного воздействия на природу со стороны идеального начала» [8, с. 249]. Г.В. Плеханов отмечал, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. В.И. Ленин отметил, что все противоречия общества проходят через головы людей. Данное утверждение признает (в нашей интерпретации), что в социуме как разновидности материи присутствует помимо объективной и субъективно-духовная составляющая.

Духовность выражается в способности человека преодолевать себя «вчерашнего» в процессе обновления и совершенствования. В духовном мире человека сочетаются рациональность и иррациональность, новации и стереотипы, информация и дезинформация, познавательные побуждения и нравственные, а также эстетические императивы, целенаправленные устремления и инстинктивные, а также стихийные порывы, ситуативные настроения и твердые убеждения, сомнение и вера, идеологические установки и психологические архетипы и т. д. Антипод духовности – бездуховность. О ней, в широком понимании, можно говорить в тех случаях, когда человек неспособен к рефлексии, теряет свою автономность и уникальность, когда внутренний мир человека низводится до уровня животного состояния, например, в результате чрезмерного употребления наркотиков, алкоголя и т. п.

В философии широко распространено положение о том, что человек есть биосоциальное существо. Однако природное в человеке несводимо к биологическому, а вбирает в себя еще физическое и химическое. Л. Гальвани около 300 лет назад обнаружил у животных и человека электрическое поле, а Г. Бергер спустя два столетия доказал существование электрических потенциалов, генерируемых мозгом. В природном организме человека протекают не только биологические, но и физические процессы, химические реакции. Биологическая составляющая, конечно, выступает «ядром» природного. Человек подвластен генетическим и популяционно-видовым законам. Кроме того, человек еще выполняет функции механизма (движение рук, ног, других частей тела). Механическое в человеке подчинено биологическому и социальному. Механические движения – результат активности мышц, а мышечные усилия человека возникают благодаря биохимическим процессам, последние развертываются в зависимости от состояния человеческой психики.

На наш взгляд, возможны двухмерная и трехмерная модель природы человека. Двухмерная включает в себя природное и социальное в человеке, где духовное органически включено в социальное. В трехмерной модели человека духовное выступает как особая самостоятельная субстанция. Все фундаментальные структурные уровни человека в идеале и в значительной степени реально находятся в состоянии синхронности, совместного функционирования, взаимно подчинены друг другу. Как выражение индивидуально-природных задатков социального и духовного выступает личность [9, с. 107].

Предыдущие рассуждения касались трактовки «быть». У. Джемс и Э. Фромм сформулировали вопрос «Иметь или быть?» Ориентация «быть» означает достойно существовать, творить, реализовывать себя. Она воплощается не только на общесоциальном, но и на индивидуальном, личностном уровнях. Иметь – значит потреблять, пользоваться благами, жить в свое удовольствие, что порой выливается в экономоцентризм, психологию вещизма.

Отрыв высшей гуманистической цели «быть» от эффективных средств осуществления этой цели способен привести к абстрактному, иллюзорному гуманизму. Ведь чтобы «быть», надо жить комфортно, «иметь» и успешно реализовывать средства и себя. Итак, корректной является формулировка «Быть и иметь». Чтобы быть и иметь, надо проявлять свою дееспособность, то есть «уметь». А это во многом зависит от уровня знаний, напряжения энергии, интеллекта, полноты чувств и страстей. К связке «быть», «иметь», «уметь» добавляется еще и «знать» [10].

Рассмотренные в статье некоторые проблемы «нанизаны» на общий «стержень» – «человек». Сформулированные идеи носят открытый характер и в дальнейшем могут корректироваться, уточняться. В настоящее время усиливается ориентация на практический гуманизм – целенаправленную деятельность на создание условий возвышения человеческой жизни в соответствии с нормами гуманистического сознания. Современный гуманизм рассматривает человека не только как высшую цель, как это было у Канта, но и как средство для решения различных практических задач, предусматривает нравственный образ жизни на достойном для человека материальном базисе, благоприятном социально-политическом фоне, в согласовании с развитием естественной природы.

Литература

1. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Сочинения: в 6 т. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.

2. Калмыков, В. Закон сохранения человечества / В. Калмыков // Беларуская думка. – 2010. – № 10. – С. 94–99.

3. Хайдеггер, М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер. – М. : Академический проект, 2008. – 527 с.

4. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 18. – 526 с.

5. Ойзерман, Т. И. Опыт критического осмысления диалектического материализма / Т.И. Ойзерман // Вопросы философии. – 2000. – № 1. – С. 3–32.

6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. В.С. Стёпин. – М., 2001. – Т. 4. – 736 с.

7. Киселёв, Г.С. Как говорить о смысле истории? / Г.С. Киселёв // Вопросы философии. – 2016. – № 5. – С. 5–14.

8. Соловьёв, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьёв. – СПб. : Художественная литература, 1994. – 528 с.

9. Калмыков, В.Н. Материально-идеальная, объективно-субъективная динамика мира / В.Н. Калмыков. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – 128 с.

10. Калмыков, В.Н. «Быть, иметь, знать и уметь» / В.Н. Калмыков // Философия и ценности современной культуры: материалы Международной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. / А.И. Зеленков [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 414–417.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 10.09.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 316.4:316.612

Императив духовного партнерства в феноменологии мудрости

П.Н. Лисовский

Исследовано в императиве духовного партнерства состояние природных ресурсов как регулярной эфирной субстанции, что воздействует на мудрость человека. Рассмотрены социокультурные условия, влияющие на креативное поведение личности в структуре духовного партнерства. При этом акцентируется латентная структура сознания творческой личности как архетипно-волевой регуляции для социальной инновации. Отмечено, что для этого необходимо на практике избавляться от привычных стереотипов управленческого мышления путем организационной культуры обучения соответствующего персонала.
Ключевые слова: императив, духовное партнерство, феноменология, мудрость, ценностные интересы, гуманный залог.

The condition of natural resources as regular radio substance that influences wisdom of the person is investigated in an imperative of spiritual partnership. The sociocultural conditions influencing creative behavior of the personality in structure of spiritual partnership are considered. The latent structure of consciousness of the creative person as archetype and strong-willed regulation for a social innovation is thus accented. It is noted that for this purpose it is necessary to get rid in practice of habitual stereotypes of administrative thinking by organizational culture of training of the corresponding personnel.
Keywords: imperative, spiritual partnership, phenomenology, wisdom, valuable interests, humane pledge.

Одним из самых злободневных вопросов в современном мире является духовное партнерство, от которого зависит будущее жизни во всей Вселенной. Следовательно, императив духовных отношений между человеческой цивилизацией и живой природой становится ущербным, поскольку несет в себе реальную угрозу глобальной катастрофы. При этом конструктивное мышление и духовно ценностные константы человечества имеют значительную инерцию в силу современных нанотехнологий в информационном обществе.

Многие страны и народы ведут такой образ жизни, как будто бы экономический рост и расширенное потребление в силу неисчерпаемых природных ресурсов могут продолжаться бесконечно долго.

Цель статьи – переосмысление и самосохранение ценностно-нормативных констант в императиве духовного партнерства как гуманитарного залога для человеческой мудрости.

Подняты социально-философские вопросы парадигмального кода в мыслях среди ученых в отношении духовного партнерства. Проанализированы новейшие разработки исследователей в области социальной философии и философии истории по исследуемой теме. Работа выполнена на основе диалектических принципов развития общественной действительности, объективности определения и целенаправленности объекта исследования, единства исторического и структурно-функционального подходов и эмпирического освоения темы.

В императиве духовного партнерства на состояние природных ресурсов обратили внимание в 70-х годах XX в. Донелла Медоуз и Йорген Рандернс. Проведя изучение основных тенденций развития мировой экономики, они подготовили так называемый «Первый доклад Римскому клубу». В книге «Пределы роста» (1972 г.) был поставлен вопрос о том, к каким последствиям приведет форсированное развитие производства и потребления, требующие новых природных ресурсов. Авторы проанализировали, что рост в экономике не может продолжаться бесконечно долго, поскольку количество ресурсов на планете ограничено.

В 2002 г. увидела свет новая книга тех же авторов: «Пределы роста. Тридцать лет спустя». На наш взгляд, основная идея книги состоит в том, что предупреждения ученых не были услышаны. «Экономический рост большинства стран мира, направленный на удовлетворение растущего потребительского спроса продолжается. В потребительскую гонку включи-

лись новые участники, в частности такие мировые гиганты, как Индия и Китай, что сделало ситуацию еще более опасной. Следствием этих процессов является то, что, по-видимому, пройдена точка невозврата, и цивилизация неудержимо катится к бездне» [1].

В этом отношении смысл регулярной эфирной субстанции биоты как духа воздействия на человека состоит в синтезе органических веществ из неорганических. «Такое, сохраняющееся в течение десятков и сотен миллионов лет, равновесие между биотой и средой ее обитания получило название биотической регуляцией параметров земной природной среды» [2, с. 189]. Ведь историчен не только человек, но мир в целом, а потому, безусловно, и сама природа, ландшафт и пр., поскольку мир дан воедино с человеком как одно органическое целое. Изложим императив духовного партнерства в следующей последовательности:

1. Структурным содержанием духовного партнерства в феноменологии мудрости является *герменевтика*, которая обладает потенциалом толкования в подлинном смыслогенезе. Приложение герменевтики к исследованию феноменов является заслугой Хайдеггера. «Человек, – считал он, – заброшен в окружающий мир, но его присутствие в мире очеловечивает мир. Он присутствует в мире как такая сущность» [3, с. 291], которая обладает сознательным мышлением. Именно мудрый человек является процессом постоянного становления и самоопределения через череду мировоззренческих выборов. Такая личность достигает высшего уровня самосознания, что обеспечивает прогрессивное развитие демократического общества в духовном партнерстве.

К сожалению, сегодня речь идет о постепенной утрате человеком роли творца своей жизни, он становится несобранным, под «прессом» постоянно изменяющихся социальных требований. Считается, что социкультурные условия оказывают существенное влияние на креативное поведение личности в духовном партнерстве. Ведь в любом обществе есть таланты, которые не всегда в жизненной практике могут реализовать свой эмоционально-интеллектуальный потенциал в силу действия социальных коллизий. Однако в латентной структуре инновационной личности функционируют механизмы (содержательно-специфические уровни архетипно-волевой регуляции), которые не ведут к блокировке инновационной активности. Эти механизмы в духовном партнерстве создают социальную мотивацию как стремление к успеху, как детерминирующей силы в структуре современного творчества. В силу этого социальное пространство выступает фактором успешности раскрытия внекультурной универсальной природы и имманентных тенденций его развития. При этом постулируется представление об идеальной траектории «самодвижения» креативности на протяжении жизненного пути личности, поскольку в обществе, в котором значительный уровень стремления к успеху, много энергичных людей как субъектов духа предпринимательской деятельности. Именно тенденция достигать поставленной цели способствует формированию духовного партнерства в обществе. Мак-Клеланд говорил: «…посеешь мотивацию достижения, пожнешь урожай экономического роста». Разработанные для развития мотивации достижения тренинги, направленные на формирование «синдрома достижения», навыков самоанализа, выработки оптимальной тактики целеобразования, способности к межличностной поддержке, получили в мире широкое распространение» [4, с. 67].

В рамках непроблематизированного способа постижения межличностных отношений в духовном партнерстве организуется социальный мир, дифференцированный в соответствии с различными степенями близости и анонимности отношений. В основе этого лежит способность человека к амбивалентному совмещению градиента индивидуального и типизирующего как конструкта социальных отношений.

Так, на наш взгляд, за формальной стороной замкнутости духовного партнерства в урбанизированном обществе индивид получил доступ к личной свободе. В свою очередь оборотной стороной свободы человека является чувство одиночества и покинутости. «Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его духовной жизни ощущением благополучия» [5, с. 3]. Именно независимость индивида, являющаяся результатом «взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность» [5, с. 9].

В работе «Бегство от свободы» Э. Фромм актуализирует проблему стремления человека отказаться от бремени свободы, дабы суметь побороть сковавшее его невыносимое чувство одиночества и беспомощности. По мнению Фромма, главные исторические пути бегства от свободы заключаются: а) в подчинении вождю, что характерно для тоталитарных режимов; б) в вынужденной конформизации личности, что характерно для современных демократических режимов [6, с. 139]. Другими словами, отказавшись от бремени свободы, индивид перестает быть самим собой: «он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть… Отказавшись от собственного «Я» и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности» [6, с. 10]. Это превращает окружающий мир в однородное тело, внешние границы которого, с точки зрения находящихся внутри него субъектов, становятся латентными (невидимыми).

На основе представлений о разновидностях деятельности можно выявить основные социальные личностные типы. Для этого необходимо воспользоваться аналогией, предложенной К.Г. Юнгом, что характерно для духовного партнерства. На возрастание интереса к проблемам типологии личности перманентно повлиял «ренессанс» цивилизационных исследований, начавшийся с конца прошлого века, в центре внимания которых уровни макро-, мезо-, микроанализа, длительные исторические перспективы и повседневность.

Очевидно, что современное постнеклассическое знание переходит на уровень мультипарадигмальных, междисциплинарных исследований человека. Метатеоретическое изучение духовного партнерства ориентирует на решение задач стратегического характера, требующих соответствующего проектирования и программирования социальных практик.

В соответствии с теорией элит для каждой социальной группы духовного партнерства необходимо иметь высокообразованную сплоченную и активно действующую энергию элиты. Украина может сделать значительный прогрессивный шаг вперед, если примет новую систему, которая опирается на такой моральный компонент в императиве духовного партнерства как достоинство и должное (качественное, профессиональное, компетентное). Только в таком варианте народ сможет гордиться своей элитой, а она – приносить пользу народу. Иначе Украине угрожает отсталость и упадок, недостатки и развал в социально-экономическом развитии.

В настоящее время одним из самых опасных последствий духовного кризиса, охватывающего, в частности Украину, становится процесс явного и латентного разрушения интеллектуального потенциала, особенно в сфере науки, образования и воспитания. При этом, интеллектуальный потенциал – это совокупность способностей и творческих дарований людей, их образовательно-квалификационный уровень. На основе этого формируется способность народа осваивать новые знания и информацию, использовать их для развития науки, культуры, искусства, создания и внедрения новой техники, разработки системы оптимальных решений во всех сферах общественной жизни. Творческие способности, высокий профессионализм и квалификация остаются невостребованными на фоне инфляции, падения уровня жизни населения, спада производства, безработицы.

Безусловно, одним лишь профессиональным образованием, каким бы высоким и качественным оно не было, невозможно решить все проблемы на пути развития общественной действительности. Поэтому необходим системный анализ в решениях интеллектуальной элиты, состоящей не только из интеллигенции, но и представителей всех слоев населения, отличающихся высокими требованиями прежде всего по отношению к себе и способных быть альтруистами в своем коммуникативном поведении.

2. Одной из точек *механизма управления* в императиве духовного партнерства является координация и организация социальных отношений. По П.А. Сорокину, люди вступают в систему социальных взаимоотношений под влиянием комплекса факторов. Среди них особое место занимают социосознательные регуляторы поведения в обществе: нормы, ценности, представления, существующие в сознании его членов. Управление социальной системой может быть «адекватным в случае органичного учета присущей обществу совокупности норм и

ценностей» [7, с. 21]. Вместе с тем, исследователями установлено, что система ценностей, пропагандируемая как основа духовного возрождения современного украинского общества, не воспринимается общественным сознанием. Более того, «новая система ценностей, предлагаемая для Украины, в целом сформулирована как отражение духовных мерок только одного из ее регионов и не может служить основой создания общей системы ценностей» [8, с. 20].

Социокультурной матрицей духовного партнерства для формирования определенных целевых задач выступают потребности и интересы. Поэтому безусловное соблюдение на практике гармонии индивидуальных и социальных интересов, равенства функциональных возможностей, справедливого характера взаимодействия и обмена всеми компонентами данной системы должно быть непременным условием нового украинского пути. Следовательно, в будущей и поистине обновленной Украине человек-гражданин должен перестать быть только средством достижения целей, а превратиться в стратегическую самоцель практической деятельности общества. Это является залогом гуманного прогресса украинского общества.

На наш взгляд, именно духовное партнерство как носитель нового системного генератива готово к целесообразному реформированию и обновлению Украины. В данном случае необходимо отметить категорию субъектов, которым удается совместить несовместимое: объединить смысложизненные ценности, «побуждаемых извне, с утонченностью и чувствительностью тех, чей образ жизни базируется на внутреннем побуждении» [9, с. 28]. Эти люди представляют собой наиболее интеллектуально развитую в психологическом отношении часть общества. Они успешные аналитики, способные целостно охватить совокупность явлений и событий и превентивно оценить перспективы мирового общества, ради интересов дела и общей конечной цели могут сознательно оставаться на вторых ролях и заниматься повседневной работой, поскольку такое партнерство лишено эгоистических амбиций

Кроме того, отдельные личности, создавая духовное партнерство, с возрастом переходят из одной категории в другую, меняют свой жизненный стиль и уклад. Следовательно, в современном обществе потенциально существует основа для формирования, в частности, украинской мудрой нации (государственности, украинства). Здесь, однако, имеется проблема, связанная с общей деструктуризацией украинского общества, поскольку сегодня отсутствуют важнейшие системообразующие факторы в виде прогрессивных общественных целей, идеологии, управления. Для этого необходимо иррационально и рационально осознавать социальную ситуацию в современном обществе, корректно критиковать тактику конфликтующих сторон.

В этой связи речь идет о гуманистической ориентации личности, ее духовной мобильности, направленной на объединение всех здоровых партнерских сил для защиты ценностных интересов украинской нации. Именно положительный пример в духовном партнерстве создает эффективный социально-психологический климат в обществе. В духовном партнерстве есть все основания полагать, что славянский этнос является наиболее перспективным, поскольку не востребован главный ресурс в партнерстве – это человеческий.

3. Главные усилия в реформировании общественных форм сознания следует направить на организацию целесообразной трудовой деятельности в духовном партнерстве. Такой труд в духовном партнерстве должен рассматриваться в многоаспектном плане во всех сферах мудрой организации общества – культурной, политической, экономической, правовой на микро-, мезо- и макроуровнях.

Разумеется, предстоит определиться сначала на концептуальном, а затем и на методическом уровне, что такое в философии общественного рынка целесообразная трудовая деятельность. Оценить результаты целесообразной деятельности, как уровень достижения целей, возможно на базе полезности затрат рабочего времени. Действительно, любая работа не может осуществляться без затрат рабочего времени. Полезность и целесообразность этих затрат определяется рамками целей, в которых она осуществляется. Другими словами, степень целесообразности затрат рабочего времени будет определяться степенью отклонения от целей. Чем больше «дисперсионное» отклонение (в сторону недостижения), тем менее эффективно тратится рабочее время. Если таких отклонений нет, все рабочее время затрачено целесообразно.

Самоотклонение от целей в духовном партнерстве может быть зафиксировано при помощи квалиметрических модулей или факторно-критериальных моделей как оценка результатов социального труда. При этом несвоевременно или некачественно выполненная работа предыдущим субъектом деятельности в духовном партнерстве фиксируется последующим субъектом в силу ненормированного ожидания. Претензии в часах бесполезно затраченного времени становятся главным содержанием рычага обратной связи в процессе оценивания результирующей деятельности.

В духовном партнерстве сложилось научное понимание «этноса» как исторически возникшего вида устойчивой социальной группировки людей, представленной племенем, народностью, нацией. «Иногда как этнос обозначают несколько народов, исторически проживающих на определенной территории, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также самосознанием, т. е. сознанием своего единства и отличия от других общностей» [10, с. 59]. Другими словами, методологическим подходом является обеспечение и достижение духовной обоюдности в партнерских отношениях. Это выражается в законности решений и действий соответствующих управленческих структур на основе толерантной деятельности. Все это, как представляется, позволяет оценивать управленческую деятельность не только с позиции ее соответствия общим установкам и стандартам, нормам и принципам, но и с позиций овладения его конкретными объективными факторами с точки зрения реального использования в управленческой деятельности современных общественных институтов.

С развитием новой философии управления необходимо отметить, что искусство управлять – это мудрость стиля руководства в инновационном звучании. Поэтому необходимо экспериментировать, искать, творить в условиях определенного риска, налаживать духовные связи между партнерами, что является толерантно разнообразным и диалектически единым органическим управлением. Такой подход в методологической основе духовного партнерства как мудрая организация управления человеческими ресурсами повышает гибкость и целенаправленность, а также обеспечивает высокий уровень качества. Для этого необходимо сломать привычные стереотипы управленческого мышления, ориентирующие соответствующих субъектов на снижение производственных и других издержек. Эта проблема, прежде всего, должна решаться в экономической сфере путем обучения персонала, как целостной творческой личности, организационной культуре, которая в первую очередь соответствует их внутренним моральным качествам. При этом, в крупных корпорациях должны осуществляться: а) программы обучения, определяющие объем и характер знаний в области организации контроля и управления качеством; б) строго дифференцированный отбор по категориям субъектов управленческой деятельности, в частности кадровых работников.

Соблюдение новой философии управления является ценностной парадигмой для духовного капитала мудрости в партнерских отношениях, в которых осуществляется сложная композиция важных предположений и установок, бездоказательно принимаемых и разделяемых членами коллектива. В первую очередь культура экономическая должна выполнять роль социальной памяти общества, но не всей социальной памяти, а лишь того ее сегмента, который связан с историей экономических отношений. Разрешение противоречий, ослабляющих осуществление трансляционной, селекционной и инновационной функций культуры экономической во многом зависит от того, насколько системно будет задействован механизм функционирования духовного партнерства. Поэтому моральным стержнем организационной культуры управления является философия духа предпринимательской деятельности во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Литература

1. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя [Электронный ресурс] / Д.Медоуз, Й. Рандерс. – Режим доступа : http://ecorussia info/ru/ecopedia / donella-mrdouz-predely-rosta=paragraph-3503. – Дата доступа : 13.04.2016.

2. Горшков, В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни / В.Г. Горшков. – М. : ВИНИТИ, 1995. – 470 с.

3. Хайдеггер, М. Бытие и время / М.Хайдеггер. – СПб. : Наука, 2006. – 451 с.

4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

5. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–11.

6. Фромм, Э. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М. : Олимп; АСТ-ЛТД, 1998. – 414 с.

7. Самогонов, А.Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина / А.Ю. Самогонов // Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

8. Навка, И.П. Аномия или переоценка ценностей? Демократические трансформации украинского общества в зеркале общественного сознания / И.П. Навка, Н.П. Рагазин. – Донецк, 1998. – 73 с.

9. Радьяр, Д. Планеты и личности / Д. Радьяр. – Воронеж, 1992. – 96 с.

10. Народы мира: историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Брамлей. – М., 1998. – 234 с.

Межрегиональная Академия
управления персоналом, г. Киев

Поступила в редакцию 04.07.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 2-1:316.72

Трактовка религии в контексте проблемы соотношения материальной и духовной культуры

В.А. Одиноченко

Рассматривается трактовка религии в контексте проблемы соотношения материальной и духовной культуры. Культура понимается как специфический вид человеческой жизнедеятельности а также ее продукты. Материальная культура – создание условий для существования человека. Духовная культура – развитие самого человека. Религию обычно относят к сфере духовной культуры. Однако такая трактовка имеет внешний характер и не согласуется прежде всего с пониманием, выработанным в христианстве.
Ключевые слова: деятельность, материальная культура, духовная культура, религия.

The treatment of religion in the context of the relations of material and spiritual culture is considered. Culture is understood as a specific kind of human activity as well as its products. Material culture is considered to be the creation of the conditions for human existence. Spiritual culture is the development of man himself. Religion is usually referred to the sphere of spiritual culture. However, such an interpretation is external and is not consistent primarily with the understanding worked out in Christianity.
Keywords: activity, material culture, spiritual culture, religion.

В нашей литературе существует устоявшееся понимание материальной и духовной культуры. Как правило, они определяются следующим образом: «материальная культура есть совокупность материальных, физических объектов, созданных творчеством человека, таких, например, как книга, храм, орудие труда, жилой дом, самолет и т. д. … духовная культура есть совокупность нематериальных элементов, созданных творчеством людей: ценностей, норм, идей, правил, эталонов поведения, ритуалов, обычаев, традиций, символов. Именно духовная культура представляет собой главную часть целостной системы культуры. В ее состав входит художественная культура, философия, мораль, религия, мифология, наука, которые обычно называются сферами общественного сознания» [1, с. 458].

На наш взгляд, очень важно выявить, по каким критериям определяется соотношение материальной и духовной культуры. В большинстве случаев оно базируется на противопоставлении материального и идеального. Как правило, это противопоставление осуществляется на основе решения основного вопроса философии «об отношении… духовного к материальному вообще» [2, с. 468], сформулированного Ф. Энгельсом как «высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе» [3, с. 283]. Однако само это отношение в марксизме понималось как отношение «первичности-вторичности» Поэтому те мыслители, «которые утверждали, что дух существовал прежде природы, … составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [3, с. 283].

Для нашего анализа следует учитывать имеющиеся в философской литературе определения понятий *материальное* и *идеальное*. «Материальное (от лат. *materialis – вещественный*) – состоящее из материи… Материальным стали называть все, что существует вне и независимо от сознания субъекта» [4, с. 509]. В свою очередь, идеальное отождествляется с духовным и понимается как «категория для фиксации специфической субстанции – субстанции духа» [5, с. 381]. Идеальное (духовное) является либо характеристикой некой надмировой сущности, либо продуктом человеческого сознания.

Исходя из этого понимания, можно проанализировать тот философский контекст, в котором возможна постановка проблемы соотношения материальной и духовной культуры.

При этом первоначально мы будем исходить из тех определений культуры, которым в наибольшей степени соответствует ее деление на материальную и духовною, например, как «исторически определенный уровень развития творческих сил общества, человека, совокупность материальных и духовных ценностей» [6, с. 622].

Однако возникает вопрос, как возникли материальные и духовные ценности. Ответ ан него дает нам понимание сущности культуры. Поэтому, в качестве рабочего мы берем следующее определение: «Культура (от лат. *cultura – возделывание, воспитание, образование, разведение, почитание*), специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [7, с. 292].

Таким образом, культура рассматривается как продукт человеческой деятельности по преобразованию окружающего мира. Ее источник состоит в том, что человек не является по своей сущности биологическим существом и, в отличие от животных, не «вписан» в конкретное природное окружение: «Человек не живет в отношении органического приспособления к каким-либо определенным, выявляемым естественным «сферам», но его конституция делает необходимой и производит разумную, планирующую деятельность, которая позволяет ему при любом стечении естественных обстоятельств посредством их предусмотрительного изменения создавать себе средства и технику своего существования» [8, с. 152]. Это проявляется в двух аспектах: во-первых, человек не может непосредственно существовать в природной среде, но создает свою. На это направлены такие виды деятельности, как постройка жилищ, изготовление одежды, прокладка дорог, земледелие и скотоводство (развитие которых привело к созданию новых пород растений и животных), промышленность и т. д. И в этом смысле культура – это «вторая природа», «неорганическое тело цивилизации».

Второй аспект, показывающий отличие человека от природного существа – отсутствие у него врожденных форм поведения, какие есть у животных. Поэтому люди создают их сами. Сюда относятся не только нормы морали, но и эстетические идеалы, религиозные представления, научные идеи. И здесь культура понимается как характеристика развития человека, к нему могут быть применены такие определения как «культурный» либо «некультурный». Отметим, что данные характеристики имеют преимущественно этическую направленность, однако их следует понимать более широко. Всякий человек – продукт культуры. Он усваивает ее сначала в семье, затем в учреждениях образования, через самообразование и саморазвитие и т. д. Таким образом, когда говорят о «природе» человека, следует помнить, что она не дана ему «от природы», но создается самим человеком.

На этой основе мы выделяем материальную и духовную культуру. Первая направлена на создание условий для жизнедеятельности людей, среды их обитания, вторая – на формирование самого человека

Мы исходим из того, что дихотомия «материальное – идеальное» не выражает всей сложности реальности и существует в контексте проблемы «первичное – вторичное» («объективное – субъективное»), сама постановка которой имеет конкретный характер. Что касается культуры как способа человеческой жизнедеятельности, то она представляет собой систему, в которой материальные и духовные компоненты неразрывно связаны. Особенно наглядно эта связь проявляется в сфере искусства. Поэтому известный белорусский исследователь Н.И Крюковский предлагал трехчленную структуру культуры, включающую, наряду с духовной и материальной, также художественную культуру, которая «находится как бы в центре культуры в целом, включая материальный и духовный ее пласты» [9, с. 7].

А.И. Смолик и Я.Д. Григорович указывали, что «некоторые ученые вообще отрицают наличие материальной культуры, рассматривая ее как некоторое предметное воплощение идеального [10, с. 32]. В соответствии с этим подходом, культура определяется как «духовное содержание человеческой жизнедеятельности, социальной организации и познания, который проявляется в национально самобытных типах экономики, правосознания, религии, искусства, теоретических и практических знаний, освященных традицией, культом и моральным императивом» [11, с. 11].

Сведение культуры только к духовным компонентам является следствием ее узкой трактовки, но достаточно распространено для обозначения особой сферы деятельности. Так в третьем томе энциклопедического сборника «Современная Беларусь», посвященном культу-

ре и искусству, в качестве сфер культурной деятельности названы клубные учреждения, музеи, театры, киноустановки, концертные организации и т. д. Из такого понимания вытекает утверждение о том, что культура сегодня является «одним из действенных средств в духовном развитии общества и государства, средством создания благоприятных условий для полноценного творческого развития личности, основой содружества между людьми различных этнических принадлежностей, средством воспитания молодого поколения, усиления интеллектуальных и духовных сил народа, его морального здоровья» [12, с. 9].

В этой связи понятие «духовная культура» нуждается в уточнении. Оно введено в употребление немецким философом, лингвистом и общественным деятелем В. Гумбольдтом (1767–1835), который утверждал, что развитие человечества является результатом действия некой духовной силы, проявляющейся через творчество отдельных людей: «Вторжение духовной силы, исходящее из глубины и полноты, в ход мировых событий есть подлинное творящее начало в том скрытом и как бы таинственном поступательном развитии человечества, о котором я говорил выше, противопоставляя его развитию явному, скрепленному видимыми причинно-следственными связями» [13, с. 53].

Однако в рамках современной нерелигиозной философии нельзя исходить из таких допущений. Поэтому необходимо четко отличать духовность как характеристику человеческой личности от духа как реальности, имеющей онтологическую природу.

Понятие «духовность» употребляется в современной литературе для обозначения высших сущностных сил человека. Отметим, что само определение «высший» указывает на то, что духовность достигается через усилия. Поэтому, когда многие авторы пишут о бездуховности современного общества, то тут имеется в виду стремление жить в комфорте, руководствуясь только своими утилитарными потребностями, утрата таких качеств, как самопожертвование, гуманизм, ответственность и т. д.

Таким образом, исходя из данного выше определения культуры как способа человеческой жизнедеятельности, мы делаем акцент на том, что последняя, в отличии от поведения животных, имеет не адаптационный, но преобразовательный характер. Человек не приспосабливается к своему окружению, но создает свое, в соответствии со своими потребностями. Но очень важно подчеркнуть, что он также изменяет себя самого. Для нас это актуально, поскольку наше общество имеет переходный характер, и происходит существенное изменение схем восприятия и поведения как на уровне отдельного человека, так и общества в целом. Наиболее ярко это проявилось в изменении отношения к религии. Речь идет не только о том, что верующие люди и религиозные организации получили возможность открыто выражать свои взгляды и действовать в соответствии с ними. Но также изменилась трактовка места религии в обществе и культуре. Сейчас она преимущественно понимается как неотъемлемая часть национальной культуры и основа морального поведения человека.

Именно исходя из этого, мы рассматриваем трактовку религии в контексте изложенного выше понимания проблемы соотношения материальной и духовной культуры.

Прежде всего, подчеркнем, что термин *религия* в современной литературе имеет значение «системного единства множества составляющих» [14, с. 66] и охватывает качественно разнородные явления: идеи, переживания, действия, тексты, здания, предметы, организации и т. д.

Но также следует помнить, что сам этот термин имеет конкретно-исторический смысл и выработан в рамках определенной культуры. Исследователи обычно выводят его из латинского глагола *religare – связывать, объединять*. Од него пароисходит существительное *religio – святыня, набожность*. Понимание слова *религия*, которое в настоящее время является наиболее распространенным, дал известный богослов IV–V вв., один из Отцов Церкви, Аврелий Августин. Он рассматривал религию как «восстановление утраченной связи». Необходимо подчеркнуть сугубо христианский характер такой трактовки: считается, что когда-то существовала непосредственная связь человека с Богом, затем из-за грехов людей она была разорвана, и в религиозном акте человек стремится восстановить эту связь. В других верованиях таких представлений нет, и поэтому то, что мы называем *религией* в Китае называется *чиао – наука*, в Индии *дхарма – учение*, у арабов *дин – обязанность*.

Таким образом, само понимание того, что такое религия, для нас задается христианством. Для темы наших рассуждений важно, во-первых, то, что оно является мировой религией и не связывает себя с конкретной культурой, и, во-вторых, то, что оно, как религия откровения, в принципе не считает себя частью культуры.

Мы поясним это на примере белорусского язычества – знакомой нам религии, которая очень сильно отличается от христианства.

Следует отметить условность самого термин *язычество*. Он выработан в рамках христианства и обозначает верования, имеющие дохристианские корни и возникающие из повседневной жизни людей. Белорусы преимущественно занимались сельским хозяйством, и это отразилось на их верованиях. Например, такие праздники как Коляды, Великдень[1], Купалье, Жниво связаны с земледельческим циклом и наполнены магическими обрядами, призванными обеспечить благосостояние, которое связывалось в основном с хорошим урожаем. Также и разнообразные гадания девушек на Коляды обусловлены их жизненной ситуацией, а именно – ожиданием замужества. Они гадали на будущего жениха.

Таким образом, язычество – часть нашей традиционной культуры. То же самое мы можем сказать о языческих верованиях других народов, а также о национальных религиях: иудаизме, индуизме, синтоизме, конфуцианстве и др. В них религиозная принадлежность тесно связана с национальной, и их положения и обряды имеют жизненный смысл только в рамках определенной культуры. Это так называемые «естественные» религии, которые возникают из повседневной жизни человека и положения которых могут быть выведены из условий этой жизни.

Христианство же (а именно его имеют в виду, когда употребляют понятие *религия*) – более сложное в этом смысле явление, поскольку принадлежит к религиям откровения. Оно исходит из того, что его положения имеют сверхъестественное происхождение. Большинство из них нельзя непосредственно вывести из характеристик повседневной деятельности. Например, основные нормы поведения в христианстве имеют парадоксальный характер: «не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5,39).

В христианстве культура рассматривается как механизм и результат развития человека в этом мире. Для самого же христианства одним из ключевых является положение «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18,36).

Таким образом, когда мы рассматриваем религию как один из элементов культуры, следует рассуждать конкретно. Есть религии, которые соответствуют этому подходу, есть такие, для которых этот подход имеет внешний характер и не согласуется с их трактовкой самих себя.

Тем не менее, если исходить из определения религии как мировоззрения и поведения, основанного на вере в сверхъестественное, тогда ее внешние проявления можно рассматривать как элементы культуры.

Религия сама является системным образованием, в ее структуре, как правило, выделяют такие элементы как религиозная вера, религиозное сознание, религиозный культ, религиозная мораль и религиозная организация. Рассмотрим эти элементы с точки зрения их места в культуре.

Конституирующим признаком религии является вера в сверхъестественное. Это наименее внешний компонент религии. Как уже отмечалось, в одних религиях мы можем объяснить верования условиями повседневной жизни людей, в других это объяснение крайне проблематично. Наиболее известные попытки объяснения религиозной веры как таковой были осуществлены в рамках марксизма и фрейдизма.

Религиозное сознание можно рассматривать как внешнее выражение религиозных верований, являющееся частью духовной культуры. Сюда входят не только священные книги и богословские труды, но также произведения писателей, художников, музыкантов на религиозные темы. Безусловно, что произведения Кириллы Туровского, Франциска Скорины, Сымона Будного являются частью белорусской культуры. Как наиболее близкий нам пример литературы, посвященной религиозной тематике, можно привести сборник поэзии Рыгора Бородулина «Ксты» (2006).

---

[1] Великдень следует отличать от христианской Пасхи. Пасха – праздник в честь воскресения Иисуса Христа, Великдень – в честь начала «великих дней» весенних полевых работ.

Религиозный культ – это совокупность действий, целью которых является взаимодействие со сверхъестественным. Как элемент культуры воспринимаются прежде всего языческие обряды. Например, в Беларуси это колядование, волочебный обряд, «женитьба Терешки» и т. д. Но также следует учитывать, что, например, православная и католическая литургия – часть европейской культуры. В культ также включают материальные предметы, музыку, благовония, танцы и т. д., которые используются. Они относятся к культовому искусству, которое является одной из областей культуры. Оно использует различные стили и направления, характерные для той или иной культуры и эпохи. Для культового искусства Беларуси характерен стилистический синтез, отражающий наше положение между европейской и русской культурами.

Религиозная мораль является совокупностью правила поведения, основанной на вере в сверхъестественное. Религию относят к духовной культуре, преимущественно исходя из того, что она содействует формированию тех или иных качеств у человека. Однако эти внутренние качества влияют и на поведение человека в сфере материального производства. Например, в джайнизме, одной из национальных религий Индии, запрещено убивать любое живое существо. Поэтому его приверженцы не занимаются земледелием, так как обработка почвы неизбежно приводит к уничтожению тех мелких животных, которые в ней находятся. Также на характер деятельности верующих в области материальной культуры очень сильно влияет их понимание смысла и цели этой деятельности. Наиболее известное исследование связи религиозной морали и характера экономической деятельности было дано в знаменитой работе немецкого социолога, философа и историка М. Вебера (1864–1920) «Протестантская этика и дух капитализма» (1904–1905). В настоящее время такие же исследования проводятся и в отношении других религиозных направлений. Исследователи пишут о «трудовой этике конфуцианства», «трудовой этике старообрядчества» и т. д.

Религиозные организации, как и культ, также являются внешним проявлением религии, и в них наиболее отчетливо отражается характер той или иной культуры, а также современная им политическая ситуация. Например, различия между православной и католической церковью во многом объясняется социально-политическими и культурными условиями, в которых они сформировались. В восточной части Римской империи была сильная императорская власть, и император смог подчинить себе Константинопольского патриарха. И в дальнейшем для православной церкви характерно подчинение светским властям. В западной же части Римской империи после захвата в 476 г. гуннами Рима, папство становится центром, вокруг которого концентрируется общество, и власть пап начинает резко возрастать. Поэтому для католической церкви характерна независимость от светских властей, и она самостоятельно строила свою деятельность, в том числе и в области культуры. Также, если мы возьмем любую религиозную организацию, то можем показать, как на нее влияет та или иная культурная ситуация, так и то, в какой степени деятельность религиозной организации определяет культурную ситуацию.

Подводя итог, отметим, что мы рассматриваем деление культуры на материальную и духовную на основе различия в направленности человеческой жизнедеятельности. Условность этого деления отмечают многие исследователи. Это относится и к религии, если ее рассматривать как элемент культуры. Принято относить религию к духовной культуре, однако, необходимо помнить, что она оказывает целостное влияние на человека, в том числе и на его деятельность в области формирования своей жизненной среды, которая относится к материальной культуре.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Философия науки и культуры / Е.М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 581 с.

2. Ойзерман, Т.И. Основной вопрос философии / Т.И. Ойзерман // Философский энциклопедический словарь ; Гл. Ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 468.

3. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения. – М. : Государственное изд-во политической литературы, 1961. – Т. 21. – С. 269–317.

4. Левин, Г.Д. Материальное / Г.Д. Левин // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Научно-ред. совет: В.С. Степин [и др.]. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 509.

5. Лойко, А.И. Идеальное / А.И. Лойко // Всемирная энциклопедия: Философия ; Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, 2001. – С. 381.

6. Смолік, А.І. Культура / А.І. Смолік // Культура Беларусі: энцыклапедыя ; рэдкал. : У.Ю. Аляксандраў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн. – 2013. – Т. 4.. – С. 622–623.

7. Арнольдов, А.И. Культура / А.И. Арнольдов, М.А. Батунский, В.М. Межуев // Философский энциклопедический словарь ; Гл. ред. : Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 292–295.

8. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии ; Ред. кол. П.С. Гуревич (отв. ред) [и др.]. – М. : Прогресс, 1988. – С. 152–201.

9. Крукоўскі, М.І. Да праблемы матэматычнага мадэліравання асноўных катэгорый і паняццяў тэарэтычнай культуралогіі / М.І. Крукоўскі // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта культуры і мастацтваў. – 2012. – № 1 (17). – С. 5–16.

10. Грыгаровіч, Я.Д. Прыкладная культуралогія: вучэб. дапам. для студэнтаў спецыяльнасці «Культуралогія» ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне выш. адукацыі / Я.Д. Грыгаровіч, А.І. Смолік ; М-ва культуры Рэспублікі Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2005. – 216 с.

11. Конан, У.М. Культура / У.М. Конан // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. ; рэдкал. : Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн., 1999. – Т. 9. – С. 11–12.

12. Добрицкая, В.С. Культура Беларуси в 1991–2002 гг. / В.С. Добрицкая // Современная Беларусь: энциклопедический справочник: в 3 т. ; редкол. : М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2007. – Т. 3. Культура и искусство. – С. 9–33.

13. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию ; Ред. М.А. Оборина. – М. : Прогресс, 1984. – С. 34–298.

14. Шохин, В.К. Исторический генезис философии религии: проблема и ее наиболее вероятное решение / В.К. Шохин // Философия религии: альманах. – М. : Наука, 2007. – С. 15–88.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 14.11.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (100), 2017

УДК 1 : 93 / 94

Философия истории: основные проблемы и варианты их решения

В.В. Цацарин

Рассматриваются основные проблемы, решаемые в рамках философии истории XIX–XX вв.: осмысление хода исторического процесса и его исследования в работах историков. Показаны динамика философско-исторической проблематики, вариативность подходов к её решению. Более подробно показаны построения Г. Гегеля и Х. Уайта.
Ключевые слова: философия истории, исторический процесс, историческое сочинение, концептуализация исторического поля.

The article deals with the main problems that are solved within the philosophy of history of XIX–XX: comprehension of historical process motion and its studying in the works of historians. The author shows the dynamics of philosophical and historical perspective, the variety of approaches to its solution. Theories of G. Hegel and H. White are shown in detail.
Keywords: philosophy of history, historical process, historical works, conceptualization of the historical field.

Философские словари дают разные определения философии истории. Однако смысл всех дефиниций неизменен: это раздел философии, который изучает исторический процесс и способы его исследования. Соответственно, можно выделить две основные проблемы философии истории: изучение того, как именно развивается человеческая история и как этот процесс отображается в исторических исследованиях.

Нет единого мнения о том, когда философия истории зародилась, что можно считать её началом, а кого – основателем. Все сходятся на том, что сам термин ввёл Ф. Вольтер в XVIII в. Что касается основателя самого осмысления истории, то разные авторы называют и Дж. Вико, и Аврелия Августина, и Фукидида.

Что касается античных авторов, то необходимо отметить, что в данную эпоху историческое сознание, скорее всего, ещё не сформировалось. Даже так называемых «отцов» истории Геродота и Фукидида историками в истинном понимании данного слова признают не все. Геродот описывал различные территории и народы, давал сведения о минувших делах эллинов. Но является ли всё это историей – это большой вопрос. Ведь наряду с достоверными данными в его труде содержится масса неточностей, фантастических и мифологических моментов. Фукидид – это скорее биограф, даже автобиограф. Он описывал приключение, в которое попал сам и его ближайшие соратники, то, что в английском языке обозначается как story, а не history. Что же касается общего античного умонастроения, то оно не было направлено на прошлое. Даже общего летоисчисления не существовало, в отличие, например, от Египта с его династиями фараонов или Китая. К тому же, само отношение к описанию прошлого у авторитетных древнегреческих мыслителей было скептическим. Например, Аристотель, прямо указывал, что описание прошлого, как оно было на самом деле стоит в иерархии человеческих занятий не только ниже философии, но и поэзии, так как поэт хотя бы использует собственное воображение, то есть мыслит, в то время как историк просто описывает то, что произошло. Поэта интересует общее, а историка – частное [1, с. 1077].

Аврелий Августин писал о развитии человеческого прошлого. Но считать его основателем философии истории сложно, так как он не ставил себе цель проанализировать историю саму по себе. Для него важно было показать, что приобщение к христианству дает человечеству надежду на жизнь вечную.

Вико в духе философии эпохи Возрождения также констатирует приверженность христианскому провиденциальному взгляду на историю, однако его больше интересует механизм её хода, а не деятельность провидения. Указывает он и на проблемы, возникающие при описании и исследовании человеческого прошлого [2, с. 129–131]. То есть претендовать на роль основоположника философии истории Вико может с большими основаниями.

Тем не менее, начало расцвета философско-исторического знания пришлось на XIX в. Именно тогда были созданы грандиозные построения мыслителей, касающиеся исторических размышлений. Развивались оба направления размышлений. Такие философы, как, например, Г. Гегель и К. Маркс осмысливали общий ход исторического процесса, давали свою его оценку, строили схемы развития человечества, а последний – ещё и прогноз дальнейшего движения.

Взгляды Гегеля на проблемы истории известны нам благодаря тому, что его ученики систематизировали его высказывания и издали их в виде «Лекций по философии истории» уже после смерти учителя. Хотя в буквальном переводе «Philosophie der Weltgeschichte» – это философия мировой истории, тогда как термин «Geschichtsphilosophie» означает именно «философия истории».

Сам Гегель рассматривает мировой исторический процесс как движение идеи. Благодаря осознанию людьми понятия и сущности свободы, происходит развитие мировой истории. Знаменитая гегелевская формула: на Востоке свободен был одни (деспот), в античности – некоторые, а в германском христианском мире – все. Мировой дух черпает идею свободы из самого себя, он сам есть эта идея. Диалектически отрицая себя, дух переходит в свою противоположность, в природу, где господствует необходимость. Однако дух начинает реализовывать сам себя, движется, возвращается к самому себе в процессе человеческой истории. Движущей силой истории называются человеческие страсти, удовлетворение личных, чаще всего эгоистических интересов. Однако внутренним основанием развития истории выступает идея, дух, поэтому он «хитростью» подчиняет и человеческие страсти достижению своей цели – реализации принципа свободы. Таким образом, развитие истории у Гегеля имеет телеологический характер. Свою цель дух реализует не в конкретных индивидах, а в государстве.

К. Маркс также анализировал ход человеческой истории, выделял в ней этапы, которые, якобы, прошло человечество. Взяв за основу, материальное производство и формируемые на его основе отношения между людьми, он выделил первобытное общество, азиатский способ производства, рабовладельческий способ производства, феодальный строй и капиталистическое общество. При этом философ, скорее всего, имел целью не столько сам анализ хода истории, сколько проецирование в будущее. Ведь новой, неантагонистической будет коммунистическая формация, переход к которой возможен в результате пролетарской революции.

К подобного рода размышлениям можно отнести также различные «цивилизационные» теории, авторы которых (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.) выделяли различные цивилизации, смена которых и есть мировая история. Подход здесь прямо противоположный гегелевскому и марксовому: каждая цивилизация уникальна и неповторима, всеобщая история в реальности отсутствует. Кстати, дискуссия отечественных философов на тему совместимости цивилизационного и формационного подходов, ведшаяся на рубеже XX–XXI вв., также может быть отнесена к решению важной для философии истории проблемы хода человеческого прошлого.

Однако к XX в. больший интерес вызвало иное философско-историческое направление. С другой стороны, и веком ранее проблема написания истории активно обсуждалась. Например, Л. фон Ранке требовал писать о событиях так, как они происходили на самом деле («wie es eigentlich gewesen»). Высказывать собственного мнения или учить современников историк не должен. Гегель выделяет три вида исторического сознания: первоначальное, рефлективное и философское.

Первоначальное – это начало историографии. На этой стадии историки описывают события, которые произошли в их время, или в недалёком прошлом. Причём сами они были проникнуты духом той эпохи, которую описывали, и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне. Поэтому для них нет отличия между историей, которую они проживают и историей, которую они пишут. Первоначальная история является отражением самосознания народов. Однако в силу характера деятельности первоначальных историков, их произведения не могли быть обширными и глубокими по содержанию. Автор описывает то, в чём он в той или иной степени принимал участие, или то, что он переживал. Рефлексия в таких произведениях отсутствует. Автор пытается передать читателям свои собственные чувства и ощущения [3, с. 57–58].

Рефлективный тип исторического мышления предполагает уже осознание дистанции между историком и объектом его изучения. Здесь уже используются различные теоретические приёмы, чтобы сократить временной разрыв и постичь сущность либо содержание прошлого. Они и обусловливают различные типы рефлективной истории: всеобщую, прагматическую, критическую и концептуальную.

Всеобщая история – история какого-либо народа или всего мира. При этом главной задачей является обработка материала, дух эпохи которого отличен от духа эпохи историка, поэтому историк вынужден использовать рефлексию. Целью историка, пишущего всеобщую историю является описание всей истории выбранного им объекта, поэтому он вынужден прибегать к сокращениям не только в смысле опускания некоторых незначительных событий и явлений, но и в смысле схематизации описываемого. Цель прагматической истории, которая также фрагментарная и произвольная, что происходит вследствие необходимости редуцировать материал, прибегать к абстракциям и сокращениям, – как раз-таки поучение современников. Историк, благодаря рефлексии, как бы осовременивает события прошлого. Правда, цель эта нереализуемая, так как «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из неё» [3, с. 61]. Причина состоит в неповторимости каждой исторической ситуации, поэтому в каждый данный момент существуют особые обстоятельства, и действовать необходимо исходя из них, а не из сходных случаев из истории. Критическая история уже понимает устранение разрыва между прошлым и настоящим как самостоятельную проблему, которую необходимо решить на теоретическом уровне. Гегель характеризует её как «историю истории», так как излагается не сама история, а даётся оценка исторических повествований и исследуются их истинность и достоверность. Четвёртым подвидом рефлективной истории является, по Гегелю, понятийная или концептуальная история (Begriffsgeschichte). Она представляет собой высший этап рефлективной истории. В ней рефлективная история доходит до понимания и выделения общих точек зрения, которые являются выражением мирового духа, направляющего ход истории. Это история искусства, религии, права и т.п. Данный тип исторического сознания, по Гегелю, создаёт основу для перехода к третьему классу исторической рефлексии – философской истории.

Только философ истории может вывести универсальный принцип, которому подчинено прошлое. Поэтому философская история – это основа для науки история. Философы, отвлекаясь от деталей и подробностей, выводят то, что можно назвать законами истории.

Позитивисты пошли ещё дальше. Они вообще, отказали истории в статусе науки, как раз на том основании, что там общие законы не формулируются. О. Конт предложил заменить историю на социологию, то есть историю без дат и имён. М. Шлик для демаркации научных знаний от ненаучных ввёл принцип верификации – опытной поверки. Но эмпирически исторические знания проверить невозможно. Западные философы долго бились над данным принципом, пытаясь приспособить его к познанию прошлого. А. Данто, проанализировав эти попытки, пришёл в итоге к выводу, что все попытки опровергнуть возможность исторических научных исследований являются несостоятельными, так как их приверженцы предъявляют к ним завышенные требования, которых не ставят перед естествознанием [4].

Другая западная философско-историческая традиция также утверждает ненаучность истории. Но при этом не имеется в виду её ущербность или ненужность. Речь идёт о Х. Уайте и его так называемом лингвистическом повороте. Уайт утверждает, что на историка, пишущего о прошлом, значительное влияние оказывают: тип формального доказательства, тип идеологического подтекста и тип построения сюжета. Их выбор, якобы, полностью зависит от историка и не определяется научными факторами. Поэтому история сближается Уайтом с литературой. Собственно, из литературоведения американский мыслитель и заимствует выше названные уровни концептуализации.

По типу построения сюжета выделяется роман, комедия, трагедия и сатира. При этом значение данных терминов сохраняется классическое, а не то, к которому за последние десятилетия мы привыкли. Так, имеется в виду рыцарский роман, рассказывающий о победах и

свершениях главного героя. П. Рикёр даже «переименовал» данный тип в волшебную сказку. Комедия – повествование со счастливым окончанием, трагедия, соответственно, – с несчастливым. Сатира представляет героя невольником мира.

Уайт отметил, что трагедией и сатирой пользуются историки, которые видят в событиях «сохраняющее структуру отношений либо постоянное возвращение Того-Же-Самого в Различном» [5, с. 30]. Роман и комедия признают возхникновение новых сил или условий на основании процессов, которые казались неизменными. Таким образом, уже строя сюжет своей работы, историк производит объяснение того, «что именно произошло».

На уровне объяснения через доказательство уже происходит прояснение смысла прошлого. Уайт переносит на историю типологию С. Пеппера: формизм, органицизм, механицизм и контекстуализм.

Формизм ориентирован на выделение оригинальных характеристик элементов исторического поля. Объяснение связывается с определением характерного набора объектов, их класса и признаков. Историк должен показать разнообразие, красочность и живость истории, описать оригинальность действующих в ней лиц и сил.

Органицизм пытается сосредоточить внимание на деталях исторического поля, рассмотренных как компоненты целого процесса. При этом целое отличается от суммы своих частей, составляет нечто качественно новое Он ориентирован на парадигму «микрокосм – макрокосм». Однако само понятие закона исторического процесса здесь не применяется.

Ориентируется на общеисторические законы механицизм, рассматривая их как некую сверхсилу, руководящую и направляющую ход истории. Ищутся причины, выявляются последствия событий и процессов. Сами объекты исследования соотносятся друг с другом по принципу «часть – часть».

Наконец, контекстуализм, который Уайт назвал самым распространённым в историографии типом формального доказательства, определяет «нити», связывающие произошедшее с более ранними событиями и тянущиеся в будущее, а также в определённую современную социальную среду. Процесс завершается там, где «нити» исчезают в контексте иного события или обусловливают возникновение нового исторического явления [5, с. 33–40].

Объяснение через идеологический подтекст может опираться на идеологию консерватизма, либерализма, радикализма и анархизма. Связано всё это с отношением историков к происходящим изменениям. Уайт отмечает, что все согласны, что изменения в истории необходимы. Только консерваторы считают, что всё должно происходить постепенно, на протяжении длительного периода, в будущем, либералы приветствуют современные, но постепенные трансформации, радикалы ратуют за быстрые и качественные структурные изменения, направленные в будущее, а анархисты за такие же, но ориентированные на идеал в прошлом [5, с. 42–50].

Уайт писал о том, что прямой и однозначной связи между этими тремя типами концептуализации, используемыми конкретным историком или философом истории не существует. Некоторые типы сочетаются легко, некоторые хуже. Но однозначно проследить, что, например, построение сюжет по типу романа ведёт к контекстуализму и анархизму, нельзя. Автор сам выбирает типы концептуализации (эксплицитно или имплицитно). Это дало повод обвинить американского философа в культивировании субъективизма. На наш взгляд, ситуация здесь сложнее, чем кажется многим. Заявление, что история – это не наука или не совсем наука воспринимается профессионалами крайне негативно. Слишком долго данную отрасль человеческого знания третировали на этот счёт. Однако, если посмотреть классическое определение науки, то история явно под него не подходит. Иное дело, что дефиниция эта явно устарела. Даже отрасли естествознания, которые и брались за эталон науки, на современном этапе своего развития уже не так однозначно ложатся в него. Время чёткой детерминации, как представляется, безвозвратно ушло. Многие процессы, открытые в мире природы, не носят детерминистического характера. Тем более, это касается деятельности людей, или её изучения. Здесь возникают проблемы этического и даже политического характера. Как писал Данто, если бы понятие точки или прямой непосредственно затрагивали бы чьи-то интересы, то математикам так легко не удалось бы о них договориться.

Но дело и в ином. Субъективизм, который в любом случае проявляется в историческом исследовании, в некоторой степени определяется и самим объективным знанием о прошлом. Одно и то же событие, один и тот же исторический процесс, исследованный с разных позиций, нельзя описать при помощи одного и того же типа концептуализации (если допустить, что всё это не спекуляции Уайта).

Приведём пример. Бесспорен факт, что в определённый момент времени на карте Европы появилось новое государство – Великое княжество Литовское. Если видеть в нём начало (или продолжение) белорусской государственности и исследовать данный процесс с позиций современной Беларуси, то применимы два типа построения сюжета: роман или комедия. Их выбор определяют хронологические рамки исторического сочинения, которые, естественно, выбирает сам историк. Остановившись на закреплении ВКЛ в Европе, признании его серьёзной силой, получаешь роман. Главный герой (ВКЛ) побеждает реальность и изменяет её так, что она никогда больше не сможет стать прежней. Если же продолжить исследование дальше, то напрашивается комедия, трагедия и, возможно, сатира. Идёт примирение героя с внешним миром, которое со временем становится всё более мрачным и, наконец, выливается в неадекватность предпринимаемых попыток конечному результату. Но, повторимся, само возникновение Княжества можно описать только в оптимистичных типах. Но, если тот же процесс исследовать с точки зрения соперника Новогородка на земли Юго-Западной и Западной Беларуси (в современной их принадлежности) Галицко-Волынского княжества, то построить сюжет такой истории можно только по типу сатиры. Ведь всё, что бы ни предпринимали правители этого государства, вело к противоположным для них результатам, а все успехи носили временный и краткосрочный характер.

Таким образом, субъективный момент в историческом исследовании связан не только со стремлением автора «выпятить» одни факты и «спрятать» иные. Такие работы мы здесь не рассматриваем, так как это уже иные проблемы. Сами знания о прошлом не могут использоваться без их интерпретации. Призыв Ранке невыполним. И касается это не только нашей отечественной истории. Ту же Великую Французскую революцию можно изучать как начало великой буржуазной эпохи, а можно как начало заката не менее великой феодальной, как зачаток существующих многочисленных проблем современности.

Таким образом, на протяжении XIX–XX вв. основные проблемы философии истории (осмысление самого хода истории и способов его изучения) получали свои решения. И то, что решений этих было и есть множество, позволяет говорить об данном философском разделе как о живом и актуальном.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск : Литература, 1998. – С. 1064–1112.

2. Киссель, М.А. Джамбаттиста Вико / М.А. Киссель. – М. : Мысль, 1980. – 197 с.

3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 479 с.

4. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 289 с.

5. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт ; Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 13.11.2016

Технический редактор: *И.В. Близнец.* Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 06.02.2017. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 20,69. Уч.-изд. л. 18,02. Тираж 100 экз. Заказ № 114.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330/450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.